

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2022

ТОМ 8 | № 3

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

22031 >

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2022. Том 8, № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY

NEOPHILOLOGY

2022. Volume 8, No. 3

Неофилология. 2022. Т. 8, № 3

Сквозной номер выпуска – 31

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России с 12 февраля 2019 г., по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология). Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Тематика журнала:

Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (филологические науки)
Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
Межязыковая и межкультурная коммуникация (филологические науки, культурология)
Теория и история культуры (культурология)

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учёными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

А.С. Щербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор:

С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)

Ответственный секретарь:

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

В.Г. Андреева, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саратов, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Раибуурская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **Н.В. Розенберг**, д. филос. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **В.И. Супрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарадин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Воронеж, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования: Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. 264 с. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3

Материалы журнала доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
Тел.: +7(4752)72-34-34 доб. 0440

Эл. почта: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.А. Сенина, М.И. Филатова

Редактор английских текстов: В.В. Ключихин

Компьютерное макетирование: Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки: Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта: М.А. Сенина

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Территория распространения: РФ, зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Тираж 1000 экз. Заказ № 22460

Подписано в печать 19.09.2022

Дата выхода в свет 27.09.2022

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе. Печ. л. 33,0. Усл. печ. л. 32,01

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2022

© Журнал «Неофилология», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 412

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

- Денисов Ю.Н., Шарандин А.Л.** Взаимосвязь языка и речи как предмет педагогической лингвистики 416
- Крюкова И.В., Супрун В.И.** Номо агенс в зеркале региональной топонимии (по материалам словаря ойконимов Волгоградской области) 427
- Жарков И.В., Константинова В.В.** Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения 437
- Канакина Г.И., Кезина С.В.** Синергетический подход к изучению устойчивости и подвижности значения слова (на материале полисеманта *красный*) 459
- Сивова Т.В.** Цвет цикория в цветовой концептосфере языка: от *голубого* и *коричневого* к *цвету цикория* 471
- Анисимова Т.В., Чубай С.А.** Интертекстуальность как средство выразительности в дискурсе социальной рекламы 482
- Андреева О.Н.** Дожиночные обряды в системе традиционной культуры восточных славян: этнолингвистические компоненты в аспекте семиотического анализа 496
- Дзюба М.С.** Тамбовские эргонимы, восходящие к слову «*волк*» 507

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

- Дубовицкая М.А., Монастырецкая О.В., Филатова Н.П., Шаповалова О.Н.** Синестезия и персонификация в художественном тексте: лингвостилистический аспект 512
- Стихина И.А.** Сложные слова в рассказе швейцарского немецкоязычного писателя У. Видмера «*Hand und Fuß – ein Buch*» 520
- Кондратенко П.И.** «Основной недостаток книги проистекает из её главного достоинства»: оценочная стратегия полярной компенсации в рецензиях немецких и российских лингвистов 530
- Разумовская Ю.М.** Когнитивный подход к изучению прецедентных имён в медиадискурсе (на материале русского и французского языков) 540

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- Свиридов С.В.** «Ах, что за славная земля...»: о пародии В. Бахнова на фоне памфлета А. Первенцева 549
- Шэ Сяолин, Ли Мэнъя.** Об истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930 гг. 559
- Иванова В.Я.** Мотив возвращения родного дома в прозе Фёдора Абрамова и Валентина Распутина 571
- Куряев И.Р.** Литературный текст как место архивации прошлого в сборнике рассказов «Пальто с хлястиком» М. Шишкина 582

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

- Зуева Г.С.** Динамика тревел-контента журнала и интернет-портала «Вокруг света» в начале пандемии COVID-19 593
- Мальцев Н.Д.** Персональные данные в медиасфере: специфика работы 604
- Ромашкин В.А.** Современные тенденции событийного маркетинга в продвижении бренда университета 613
- Литовская А.С., Шестерина А.М.** Средства выражения подтекста в юмористических программах на российском телевидении 621

МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Субакожоева Ч.Т. Эпический фольклор на Великом шёлковом пути 634

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Никольская Т.М. Архитектоника как способ изучения живописи (на примере творчества М. Врубеля) 642

Ефремова А.Э. «Говорящая» одежда как новый способ коммуникации: манифестация английского языка в российской действительности в условиях постмодернизма 652

РЕЦЕНЗИЯ

Борода Е.В. Итоговая реплика о Замятине: точка или бесконечный диалог? О монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историсофские искания художника» 663

Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 3

Continuous issue number – 31

Scientific-theoretical Journal. Published since March 2015. Issued 4 times a year

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s: FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia since February 12, 2019, on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology). Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”

Basic headings of the journal:

Russian language. Languages of peoples of Russia (philological sciences)
Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages) (philological sciences)
Russian literature and literature of peoples of Russian Federation (philological sciences)
Media Communications and Journalism (philological sciences)
Crosslanguage and crosscultural communication (philological sciences, culturology)
Theory and history of culture (culturology)

All articles are checked in the “Antiplaga” program and double-blind peer-reviewed by leading scientists in accordance with the subject and specialization of the journal.

Editor-in-Chief:

A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor:

S.A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology (Moscow, Russian Federation)

Executive Editor:

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

V.G. Andreeva, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **R. Goldt**, Doctor of Philology, Professor (Mainz, Federal Republic of Germany); **M.V. Gorbanevskiy**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.I. Grigorieva**, Doctor of Culturology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.A. Zvereva**, Doctor of Philology, Associate Professor (Tambov, Russian Federation); **S.N. Ilchenko**, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **S.V. Kezina**, Doctor of Philology, Professor (Penza, Russian Federation); **I.V. Leonov**, Doctor of Culturology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **Y. Nakano**, Doctor of Philology, Assistant Professor (Kyoto, Japan); **O.N. Novikova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Ufa, Russian Federation); **O.Y. Osmukhina**, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russian Federation); **L.A. Pronina**, Doctor of Philosophy, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.V. Ratsiburskaya**, Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation); **N.V. Rozenberg**, Doctor of Philosophy, Professor (Penza, Russian Federation); **V.I. Suprun**, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russian Federation); **P.V. Sysoyev**, Doctor of Pedagogy, Professor (Tambov, Russian Federation); **Z.K. Temirgazina**, Doctor of Philology, Professor (Pavlodar, Republic of Kazakhstan); **G.N. Trofimova**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **L.A. Furs**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.E. Khvorova**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Zhang Jie**, Doctor of Philology, Professor (Nanjing, People’s Republic of China); **A.L. Sharandin**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Y.M. Shemchuk**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **A.M. Shesterina**, Doctor of Philology, Professor (Voronezh, Russian Federation); **N.N. Yaroshenko**, Doctor of Pedagogy, Professor (Moscow, Russian Federation)

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

For citation: Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 3. 264 p. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Editors: Y.A. Biryukova, M.A. Senina, M.I. Filatova

English texts editor V.V. Klochikhin

Computer layout T.Y. Molchanova

Cover design T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.A. Senina

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Subscription index in the catalogue LLC “Ural-Press” is 80303

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”. 190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Copies printed 1000. Order no. 22460

Signed for printing 19.09.2022

Release date 27.09.2022

Format A4 (60×84 1/8). Typeface “Times New Roman”

Printed on risograph. Pr. sheet 33,0. Conv. pr. sheet 32,01

Free price

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2022

© The journal “Neophilology”, 2022

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Yuri N. Denisov, Anatoly L. Sharandin , The relationship of language and speech as a subject of pedagogical linguistics	416
Irina V. Kryukova, Vasiliy I. Suprun , Homo agens in the mirror of regional toponymy (based on the oikonymic dictionary of the Volgograd Region)	427
Igor V. Zharkov, Veronika V. Konstantinova , Standard expert tasks in law cases with regard to articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and possible procedures of their solution	437
Galina I. Kanakina, Svetlana V. Kezina , Synergistic approach to the study of stability and mobility of the word meaning (on the material of polysemant <i>red</i>)	459
Tatyana V. Sivova , Chicory colour in the colour conceptsphere of language: from <i>blue</i> and <i>brown</i> to <i>chicory colour</i>	471
Tatyana V. Anisimova, Svetlana A. Chubay , Intertextuality as a means of expression in the discourse of social advertising	482
Olga N. Andreeva , Dozhin rituals in the system of traditional culture of the Eastern Slavs: ethnolinguistic components in semiotic analysis aspect	496
Maria S. Dzyuba , Tambov ergonyms dating back to the word “ <i>wolf</i> ”	507

LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

Maria A. Dubovitchkaya, Olga V. Monastyretckaya, Nelya P. Filatova, Olga N. Shapovalova , Synesthesia and personification in the literary text: linguostylistic aspect	512
Irina A. Stikhina , Compound words in the work of the Swiss German-speaking author Urs Widmer “Hand und Fuß – ein Buch”	520
Polina I. Kondratenko , “The main drawback of the book originates from its main advantage”: the evaluation strategy of polarity compensation in the reviews of German and Russian linguists	530
Yulia M. Razumovskaya , Cognitive approach to the study of precedent names in media discourse (based on the material of Russian and French)	540

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Stanislav V. Sviridov , “Ah, what a glorious land...”: about the parody of V. Bakhnov against the backdrop of the pamphlet by A. Perventsev	549
Xiaoling She, Mengya Li , On the history of the Russian translation of Chinese new literature in the 1920–1930s	559
Valentina Y. Ivanova , The motive of native home returning in the prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin	571
Ilgam R. Kuryaev , Literary text as a place of archiving the past in M. Shishkin’s short story collection “The Half-Belt Overcoat”	582

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Galina S. Zueva , Dynamics of magazine’s travel-content and the Internet portal “Vokrug Sveta” at the beginning of COVID-19 pandemic	593
Nikita D. Maltsev , Personal data in the media sphere: the specifics of work	604
Viktor A. Romashkin , Modern trends in event marketing in promoting the university brand	613
Anna S. Litovskaya, Alla M. Shesterina , Means of expressing subtext in humorous programs on Russian television	621

INTERLINGUAL AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Cholpon T. Subakozhoeva, The epics of the peoples on the Great Silk Road 634

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Tatiana M. Nikolskaia, Architectonics as a way of studying painting (on the example of M. Vrubel's work) 642

Alla E. Efremova, "Talking" clothing as a new way of communication: the manifestation of English language in Russian postmodernism reality 652

REVIEW

Elena V. Boroda, The final remark about Zamyatin: point or endless dialogue? About L.V. Polyakova's monograph "Y.I. Zamyatin's Prose: historiosophical searches of the artist" 663

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'1; 81'34; 81:37.016

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426

Взаимосвязь языка и речи как предмет педагогической лингвистики

Юрий Николаевич ДЕНИСОВ, Анатолий Леонидович ШАРАНДИН ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ sharandin@list.ru

Аннотация. Педагогическая лингвистика рассматривается как направление современной русистики, в котором реализуется особый аспект системного изучения языка, учитывающий специфику обучающей функции. Выделение данного аспекта обусловлено разными задачами учебного и научного описания языка. Предметом педагогической лингвистики является взаимодействие учителя и ученика в процессе усвоения теоретических и практических основ языка как объекта действительности. Представлено теоретическое обоснование противопоставления языка и речи, рассмотрены основные различия между ними. Проанализирован школьный материал русской фонетики с точки зрения реализации данного противопоставления. Его анализ показывает недостаточность и непоследовательность учёта соотношения языка и речи как взаимосвязанных, но не тождественных явлений в школьном изучении фонетики. Обосновывается концептуальная и практическая необходимость включения в школьный учебник понятия фонемы как языковой единицы в её соотношении с фоном (звуком) как речевой единицей. Языковой и речевой аспекты, будучи не тождественными, предполагают друг друга, обнаруживая единство: речевой аспект позволяет увидеть язык в его функциональном виде, который представлен в общении (речевой деятельности человека). Доказано, что последовательное и системное теоретическое изложение материала о соотношении языка и речи в отношении фонемы и звука позволяет осмыслить более полно и непротиворечиво практику транскрибирования и фонетического разбора слова.

Ключевые слова: педагогическая лингвистика, язык, речь, коммуникация, фонема, фон (звук), транскрипция

Для цитирования: Денисов Ю.Н., Шарандин А.Л. Взаимосвязь языка и речи как предмет педагогической лингвистики // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 416-426. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The relationship of language and speech as a subject of pedagogical linguistics

Yuri N. DENISOV, Anatoly L. SHARANDIN ✉

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ sharandin@list.ru

Abstract. Pedagogical linguistics is considered as a direction of modern Russian studies, in which a special aspect of systematic language learning is implemented, taking into account the specifics of the teaching function. The allocation of this aspect is due to the different tasks of the educational and scientific description of the language. The subject of pedagogical linguistics is the interaction of a teacher and a student in the process of mastering the theoretical and practical foundations of language as an object of reality. The theoretical justification of the opposition of language and speech is presented, the main differences between them are considered. The school material of Russian phonetics is analyzed from the point of view of the implementation of this opposition. His analysis shows the insufficiency and inconsistency of taking into account the relationship of language and speech as interrelated, but not identical phenomena in the school study of phonetics. The conceptual and practical necessity of including the concept of phoneme as a linguistic unit in its relation to the background (sound) in the school textbook is substantiated as a speech unit. The language and speech aspects, being not identical, assume each other, revealing unity: the speech aspect allows you to see the language in its functional form, which is represented in communication (human speech activity). It is proved that a consistent and systematic theoretical presentation of the material on the relationship of language and speech in relation to phoneme and sound allows us to comprehend more fully and consistently the practice of transcribing and phonetic parsing of a word.

Keywords: pedagogical linguistics, language, speech, communication, phoneme, background (sound), transcription

For citation: Denisov Y.N., Sharandin A.L. Vzaimosvyaz' yazyka i rechi kak predmet pedagogicheskoy lingvistiki [The relationship of language and speech as a subject of pedagogical linguistics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 416-426. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-416-426> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Педагогическая лингвистика как особый аспект описания языка. В настоящее время получает развитие **педагогическая лингвистика**, которая представляет собой *особый аспект системного изучения языка*, учитывающий специфику реализации педагогической (обучающей) функции в образовательных структурах. Выделение данного типа лингвистики с её основополагающей функцией обусловлено противопоставлением

разных задач, которые стоят перед наукой и образованием. Понимание этого уже сформировалось в XIX веке. Так, в частности, акад. Ф.И. Буслаев ещё в 1844 г. в работе «О преподавании отечественного языка» отмечал: «Надобно отличать учёную методу от учебной. Учёный, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймёт его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять спо-

способности учащихся: наука его тогда имеет цену, когда прилична тем лицам, коим преподаётся» [1, с. 27].

В центре внимания педагогической лингвистики оказывается не только сам обучающийся с его уровнем знаний, потребностями, интересами, отношением к изучению языка, но и учитель (преподаватель), который должен обладать компетенциями, учитывающими уровень знаний, умений и навыков учащегося в процессе обучения. Таким образом, педагогическая лингвистика сориентирована на неразрывную связь учителя (преподавателя) и ученика (студента). При этом, выделяя особый статус педагогической лингвистики в системе лингвистик, мы имеем в виду то, что она обуславливает особенности изучения и преподавания языка, в данном случае русского языка, в разных типах образовательных структур с учётом их специфики (ср. гимназии, колледжи, профильные классы, работа с одарёнными детьми, вузы и т. д.).

В основе педагогической лингвистики лежит подход «от учителя к ученику», который позволяет ученику получить различные языковые знания (знания о мире в языке, знания языка и знания о языке) непосредственно из опыта своего общения с учителем (преподавателем) в образовательном процессе. Поэтому знания и умения ученика оказываются в значительной степени зависимыми от знаний и умений учителя, от его способностей и компетенций по их передаче. При этом не происходит замены объекта изучения (т. е. языка), а наблюдается выделение особого предмета (аспекта) в его изучении. В результате предметом педагогической лингвистики является взаимодействие учителя и ученика в процессе усвоения теоретических и практических основ языка как объекта действительности. Механизм этого взаимодействия определяется принципом учёта учителем знаний учащегося в соответствии с тем или иным этапом обучения и его психологическими и ментальными особенностями. Поэтому естественно стремление исследователей описать взаимоотношения учителя и ученика с разных сторон в отношении к данному процессу.

Как и действительность во всем её разнообразии мы не можем познать полностью, так и язык, будучи естественной системой,

оказывается сложным объектом действительности, который также невозможно познать в полном объёме. Вот почему в языке не всё удаётся разложить по полочкам, всему найти объяснение, поскольку «язык сам мыслит своими формами» [2, с. 530]. Именно это и характеризует его как «исключительно сложное явление действительности, и хотя им практически овладевают ещё в раннем детстве, осознание этого явления в целом и в деталях... представляет весьма значительные трудности» [3, с. 4]. Степень и характер научных знаний в педагогической лингвистике определяется, прежде всего, объективными причинами, связанными с уровнем развития учащихся школ и студентов.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

О соотношении научного и учебного подходов к изучению языка. Выделение педагогической лингвистики в качестве самостоятельного аспектного научного направления закономерно предполагает постановку вопроса о соотношении учебного предмета русистики с результатами научных теорий, в той или иной степени отражённых, прежде всего, в вузовском преподавании русского языка в его противопоставлении школьному преподаванию. Именно данное соотношение часто истолковывается как соотношение научного и школьного подходов к изучению языка, поскольку считается, что вузовские знания в значительной степени приближены к научным знаниям. Однако вузовские знания также представляют собой уровень учебного осмысления и усвоения научных знаний и поэтому претерпевают определённые изменения по сравнению с собственно научными результатами в изучении языка. Другими словами, более корректно видеть в школьных и вузовских знаниях *разные уровни учебного осмысления* и тем самым противопоставлять их собственно научным знаниям. При этом и школьные, и вузовские знания должны быть сориентированы на научные знания. Другое дело, что степень их научности в школьном и вузовском изучении русского языка оказывается различной и определяется, прежде всего, уровнем развития учащихся школ и студентов как субъектов обучения.

Стремление педагогов *ориентироваться на результаты научных поисков* в своей образовательной деятельности является естественным. Но это стремление должно учитывать несколько обстоятельств. *Во-первых*, развитие русистики приводит к новым знаниям, которые могут находиться в определённом противоречии с устоявшимися традиционными взглядами в изложении теоретического материала и с практикой языкового анализа. В результате возникают *спорные вопросы*, решение которых предполагает определённую методику их решения. *Во-вторых*, методика как наука часто не успевает адаптировать приращение новых научных знаний, прежде всего, к школьному обучению в силу объективных причин, поскольку нет уверенности в однозначности научных результатов. В связи с этим возникает вопрос о *соотношении ранее полученных знаний и новых знаний*. *В-третьих*, как отмечалось выше в связи с высказыванием Ф.И. Буслаева, перед наукой и образованием стоят разные задачи.

В вопросе о соотношении учебного предмета с его научной теорией важно учитывать такой компонент, как *редукцию научных знаний* [4]. По мнению И.П. Распопова, «учебные теории, предназначенные для школы, разрабатываются на основе своеобразной редукции научных теорий. Такая редукция, осуществляемая с учётом психологических особенностей обучающихся и определённых (неизбежно ограниченных) задач школьного образования, предусматривает обычно необходимые купюры и сокращения в научной теории, касающиеся наиболее высоких уровней обобщения, но не затрагивающих сущности этой теории на низких уровнях» [3, с. 3-4].

Прежде всего, различного рода редукция научных теорий и соответствующие купюры *в минимальной степени* должны быть представлены на *методологическом уровне* изучения русского языка. Так, невозможно редуцировать до нуля в школьном изучении русистики *соотношение языка и речи*, поскольку осмысление его учащимися позволяет увидеть функциональную сторону языка, в частности, использование человеком потенциала разных языковых единиц для выражения одного и того же коммуникативного намерения. Именно функциональная сторона

языка, представленная в речи, свидетельствует о многообразии и разнообразии форм и их содержания в коммуникации. Именно осознание соотношения языка и речи позволяет учащимся понять, почему словарь русского языка не содержит в себе всех речевых образований.

Язык, речь и коммуникация как диалектологическое единство. Рассмотрение вопроса о связи языка и общения требует особого научного комментария, учитывая методологическое значение взаимосвязи между ними для понимания роли языка в жизнедеятельности человека, в его общении с другими людьми. И хотя взаимосвязь языка и общения очевидна, но, тем не менее, требуется комментарий самих понятий «язык» и «речь», их соотношение и связь с понятием «общение».

Язык в школьном учебнике [5] определяется в самом общем виде как «средство передачи мыслей, знаний, чувств и т. д.». При этом отмечается, что, «пользуясь языком, люди общаются между собой, то есть обмениваются информацией, мыслями, впечатлениями, чувствами; передают накопленный опыт в области науки, искусства, культуры и т. д.». Такие теоретические сведения передают самое общее понимание языка, присущего человеку и используемого им в процессе общения в качестве средства передачи информации и т. д. В вузовских учебниках часто представлено определение языка как важнейшего средства человеческого общения.

Однако школьное и вузовское **определение языка требует некоторых уточнений**. *Во-первых*, когда люди реально пользуются языком, то они используют не столько язык, сколько *речь* как практическое (реализованное в действительности) средство передачи информации. В лингвистике под *речью* понимают конкретное говорение (в том числе внутреннее проговаривание – внутренняя речь), протекающее во времени и облечённое в звуковую форму или письменную форму. К речи относят также продукты (результаты) говорения в виде полученных разного рода речевых произведений (текстов), которые фиксируются и сохраняются в человеческой памяти или находят отражение в письме. Поэтому важно различать понятия «язык» и «речь», поскольку это разграничение обу-

словливает определённое соотношение между языковыми и речевыми единицами, изучаемыми в школе и вузе. Их разграничение и взаимосвязь позволяют увидеть *функциональные возможности* языковых единиц.

В лингвистике *нет однозначного решения проблемы их разграничения*, но все лингвисты едины в том, язык и речь – понятия, тесно взаимосвязанные друг с другом, которые образуют сложное диалектическое единство. Язык становится средством общения, средством передачи информации только в процессе осуществления речевой деятельности (говорения). Как отмечал выдающийся психолог и лингвист Н.И. Жинкин, «язык создаётся в речи и постоянно в ней воспроизводится» [6, с. 32]. Поэтому только через речь язык реализует своё коммуникативное назначение. Но, с другой стороны, именно язык позволяет человеку использовать его в качестве средства, применённого (реализованного) в общении. В результате мы имеем тесную их взаимосвязь: *нет языка – нет речи; нет речи – нет языка*. Однако такая тесная взаимосвязь, их единство не означают тождественности между данными понятиями (сущностями).

В самом общем виде *различия между языком и речью* представляют в следующих противопоставлениях.

1. Язык – это средство общения, а речь – это деятельность человека, создающая определённые речевые продукты (тексты). В этом смысле речь и язык сравнивают с ручкой и текстом. Язык – ручка, а речь – текст, который записан этой ручкой, хотя более точным и корректным является включение в их противопоставление *речевой деятельности* как процесса использования ручки. В результате именно данной деятельности мы имеем определённое конкретное речевое произведение (текст). В этом случае понятие «речь» предстаёт и как процесс (деятельность), и как его результат (текст). Поэтому более точным представляются следующие отношения: ручка (язык) – процесс её использования (*речевая деятельность*) – речевое произведение (*текст*).

2. Признание языка средством (орудием) общения обуславливает в его характеристике отсутствие деятельностного характера, то есть язык, в этом смысле, не есть, строго говоря, деятельность человека. Но другое

дело, что язык как средство (орудие) оказывается результатом моделирующей деятельности человека. Язык и его единицы абстрагированы от конкретных речевых единиц. В этом случае язык оказывается некоей моделирующей системой, которая является результатом систематизации речевых процессов, происходящих в речевой деятельности человека. В определённом смысле можно сказать, что мы имеем своего рода *оязыковление речи*, т. е. язык выполняет, прежде всего, *моделирующую функцию по отношению к речи*. Он необходим для «упаковки» единиц речи в определённые модели: звуков – в фонемы, морфов – в морфемы, словоформ – в лексемы, высказываний – в предложения. Центральной языковой моделью, представляющей знаковую единицу в составе коммуникации человека, является лексемная (словесная в языковом смысле) модель, которая позволяет разнообразие грамматических форм слова объединить в рамках лексемы. По определению В.В. Виноградова, лексема – это «слово, рассматриваемое в контексте языка, то есть взятое во всей совокупности своих форм и значений» [7, с. 17].

Таким образом, *в понимании языка* мы имеем, скорее всего, *антиномию*, то есть рассуждение, которое включает два противоречащих друг другу высказывания, но при этом одинаково обоснованных и тем самым имеющих право на существование. С этой точки зрения, *с одной стороны*, можно утверждать, что язык *не коммуникативен*, поскольку он абстрагируется в моделировании от результатов речевой деятельности человека. Но, *с другой стороны*, язык *коммуникативен*, поскольку он актуализируется и реализуется в речи. Язык всегда предстаёт в той или иной речевой реализации.

Речь же всегда имеет процессуальный характер, позволяющий охарактеризовать её как деятельность, которая присуща человеку и, учитывая связь с мышлением человека, чаще всего определяется как *речемыслительная деятельность* человека.

3. Язык – это объект действительности, который имеет идеальную и материальную природу. Такая двойственная природа характеризует его как *специфический* объект действительности. Идеальный характер проявляется в том, что язык абстрактен, является

отвлечением от конкретной речи. Поэтому он и присущ, в принципе, любому человеку, отражает коллективные знания носителей языка. Но в то же время язык не есть логический конструкт, не есть абстракция, сформировавшаяся в умах людей, безотносительно к коммуникации. Язык материализован, прежде всего, посредством звуков и представлен в том или ином виде звучания в речи. Поэтому он оказывается материальной сущностью, реально существующей и имеющей онтологическую (не зависящую от конкретного индивидуального человека) природу. Речь же является объектом, которому присуща только материальная природа, в силу чего характеристики речи говорящего (пишущего) человека конкретны и наиболее заметны в общении. Поэтому его речь (устная и письменная) может быть оценена как правильная или неправильная.

4. Речь, с одной стороны, будучи реализацией языка в непосредственном общении, использует уже известные языковые средства и вследствие этого принципиально зависит от языка. В то же время ряд характеристик речи, например, темп, продолжительность, тембр, степень громкости, артикуляционная четкость, акцент не имеют к языку прямого отношения.

5. Язык, с точки зрения философии, – это сущность, тогда как речь – это явление. Поэтому отношения между ними как сущности и явления обуславливают системный характер языка и функциональный характер речи. Речь как явление в этом случае допускает в речевых действиях элементы случайного, а иногда и преднамеренного нарушения норм, отражает особенности говорящего, зависит от контекста и ситуации общения.

6. Системный характер языка обеспечивает восприятие, прежде всего самого типического в передаче информации, что позволяет на том или ином этапе систематизировать это типическое в словаре и грамматике языка. Функциональный же характер речи позволяет, наряду с типическим, реализовать большее разнообразие в её функционировании в общении, поскольку речь линейна в своей реализации, то есть в высказывании, как речевой единице, языковые единицы вступают в различные отношения, образуя бесчисленные множества комбинаций. В си-

лу этого язык в отдельно взятый период существования стабилен, а речь динамична, менее консервативна, подвижна.

7. Язык фиксирует языковую картину мира, сформированную в национальной лингвокультуре, и сориентирован, в принципе, на коллективного носителя языка. Речь же отражает индивидуальный опыт отдельного носителя языкового сознания, но при этом не порывающего полностью с языковым сознанием коллектива (нации).

Данные и другие различия не следует абсолютизировать, поскольку противопоставление языка и речи в известной степени носит *условный* характер. Например, отмечается, что язык социален, тогда как речь индивидуальна. Однако речь также социальна. Не случайно именно по речи говорящего можно определить его социальное положение, возрастные и профессиональные особенности и т. д. Поэтому противопоставление языка и речи рассматривается как единый феномен человеческой жизнедеятельности, как диалектическое единство, и оно важно в понимании, прежде всего, соотношения языковых и речевых единиц.

Что же касается отношений между языком и речью, с одной стороны, и коммуникацией (общением) – с другой, то коммуникация как сфера отношений между говорящим и слушающим оказывается интегративным пространством, которое включает в себя язык и речь в качестве основного средства общения, но не исчерпывается ими. Наряду с языковыми и речевыми средствами в коммуникации представлены и невербальные средства (мимика, жесты и т. д.), которые в коммуникативном плане порой оказываются не менее значимыми для осуществления коммуникативных задач и точного, адекватного осмысления передаваемой информации. Именно коммуникация в этом случае является базой для реализации функционального (речевого) разнообразия языковых единиц, обеспечивающих социально-культурное взаимодействие коммуникантов. Поэтому коммуникация имеет принципиально иную природу – когнитивно-дискурсивную, представленную в такой её единице, как текст [8].

О реализации соотношения языка и речи на фонетическом уровне в школьных учебниках. Данное соотношение, к сожалению,

нию, не всегда последовательно и системно реализуется в школьном изучении русского языка, хотя при этом соотношение и разграничение языка и речи представлено в качестве основополагающего в преподавании русского языка. Более или менее наглядно, но чаще всего недостаточно строго, оно представлено в школьном изучении в рамках грамматики. Так, в частности, в морфологии присутствует понимание слова как языковой единицы и формы слова как речевой единицы. В синтаксисе, соответственно, мы имеем противопоставление предложения и высказывания. К сожалению, в отношении других разделов школьных учебников этого мы не наблюдаем. Показательным в этом смысле является материал фонетики в школьном учебнике.

В этом плане обратимся, например, к материалам раздела «Фонетика» указанного выше учебника «Русский язык. 5 класс». В нём представлено по существу только понятие звука речи (фона), тогда как понятие звука языка (фонемы) отсутствует. В этом случае противопоставление языка и речи является лишённым содержания, которое свидетельствовало бы об их нетождественности. Звук оказывается недифференцированным в отношении его языкового и речевого статуса, хотя само понимание звука как физического явления с его акустическими признаками предполагает по существу его речевой статус. В результате материал о звонких и глухих согласных получает несколько искажённое представление в контексте противопоставления языка и речи.

Согласно *параграфу 56* в русском языке по признаку звонкости-глухости образуются пары, которые имеет большинство звонких и глухих согласных: [б] – [п], [в] – [ф], [г] – [к], [д] – [т], [ж] – [ш], [з] – [с] и, соответственно, мягкие звонкие и глухие согласные: [б'] – [п'], [з'] – [с'] и т. д. В качестве непарных звуков отмечены [х], [х'], [ц], [ч'], [ш'] – они глухие и не имеют звонкой пары. Среди звонких согласных, не имеющих глухой пары, выделены соноры [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [й'].

Комментарий необходим по отношению, прежде всего, к *сонорам*. Термин «соноры» (от лат. *sonorus* – «звучный») подчёркивает их акустическую специфичность: в них голос

преобладает над шумом. Отличаясь от гласных и согласных в акустико-артикуляционном аспекте, русские соноры обнаруживают в речи определённое фонетическое разнообразие. Это, по наблюдениям исследователей, обусловлено зависимостью соноров от их фонетического положения в слове. Так, в абсолютном конце слова, как после гласного (*сор, вол, ком, сон, мой*), так и после шумного согласного (*мокр, рыхл*), соноры воспринимаются несколько оглушёнными за счёт усиления шума. Наличие глухого произнесения сонора отмечается и в вузовской учебной литературе. В результате в фонетическом разборе сонора появляется обозначение «звонкий».

Действительно, в приведённых выше примерах наблюдается «погашение» тона (голоса) в сонорах, но всё же утверждать, что произошёл переход звонких соноров в глухие соноры, было бы неправомерно, поскольку в этих случаях перед «глухим» сонором происходило бы оглушение предшествующего звонкого согласного. Но этого не происходит (ср.: *казнь*, а не **каснь*); или же происходило озвончение глухого согласного перед «звонким» сонором (ср.: *мокр*, а не **могр*). Оглушение сонора в позиции абсолютного конца слова – это результат некоторых количественных изменений, но не качественных. Сонор остаётся в классе звуков, где голос, хотя и теряет свою звучность, но по-прежнему преобладает над шумом.

Это, в принципе, мы наблюдаем и в отношении гласных звуков, которые в абсолютном конце слова (в безударном положении) или после глухих согласных, особенно после *ж, ш, ч, с* и других также теряют свою звучность. Ср.: *собАка, кОсы, болОто, кАша, дАча* и т. д. Утрата звучности в конце слова – признак позиционный, причём проявляется он в слабой позиции, тогда как в сильной позиции «глухость» соноров по существу не представлена. И поэтому целесообразно не характеризовать соноры как «звонкие», поскольку тогда необходимо отмечать и «глухие» соноры. Соноры либо парные, либо вне признака звонкости – глухости. На наш взгляд, второе решение более обоснованное, ибо подтверждается лингвистическим материалом, в частности, тем, что признак звонкости – глухости не является для них суще-

ственным в плане выполнения смыслоразличительной функции. У шумных же согласных данный признак существенный и выполняет смыслоразличительную функцию. Ср.: *бар – пар, жар – шар, вол – фол, дом – том* и т. д. Поэтому, например, звуки [б] и [п] – это не только разные звуки речи, но и разные звуки языка, то есть фонемы, тогда как звонкие и глухие соноры оказываются только разными звуками речи, но представляют собой один и тот же звук языка (одну и ту же фонему).

Таким образом, характеризуя шумные согласные, необходимо уточнять, как они представлены с точки зрения звонкости-глухости: [б] – согласный шумный, звонкий; [п] – согласный шумный, глухой. Для характеристики соноров и гласных достаточно указывать их безотносительно к признаку звонкости-глухости: [л] – согласный сонорный; [а] – гласный.

Стремление включить понятие фонемы в качестве звука языка было представлено в экспериментальном учебнике М.В. Панова «Русский язык. 5 класс» [9]. В нём достаточно подробно описан речевой аппарат и функции тех или иных органов речи: действие дыхательного горла; действие языка и губ; действие нёбной занавески.

Характеризуя соноры, М.В. Панов отмечает, что даже в конце слова они не теряют звонкости. Так, в отношении звука [м] он пишет: «Изменилось ли произношение [м], когда он попал на конец слова? Стал ли он походить на другой звук? Вы слышите, что [м] не заменяется на конце слова другим звуком. А ведь он звонкий, в нём есть тон! Есть и другие согласные, которые на конце слова остаются звонкими: [н – л – р – ж]. Их называют «сонорные». Они похожи на звонкие шумные: они тоже состоят из тона и шума. И много в них тона! Даже на конце слова он не исчезает, а остаётся. Сильный! Всё ему ни почём. Звонкие согласные, которые не заменяются глухими на конце слова, называются сонорными» [9, с. 106]. При этом, однако, М.В. Панов характеризует их как звонкие, а точнее, «они похожи звонкие шумные». Введённое им в научный аппарат учебника понятие фонемы, а именно: «Фонема – это различительная единица языка, представленная рядом позиционно чередующихся звуков» [9,

с. 121], – позволяет по существу исключить звонкость – глухость из различительных признаков соноров и тем самым не видеть в сонорах фонологическую релевантность данного признака. Ср.: «Слабые позиции по глухости-звонкости Их три: на конце слова; перед шумными глухими; перед шумными звонкими (кроме [в], [в’]). Обратите внимание: в слабых позициях бывают только шумные согласные. Сонорные согласные <м – м’ – н – н’ – л – л’ – р – р’ – ж> не бывают в слабых позициях по глухости-звонкости» [9, с. 125].

Однако учебник «Русский язык. 5 класс» под редакцией М.В. Панова не был утверждён в качестве базового учебника. Причина, как нам кажется, заключается в не учёте некоторых принципов педагогической лингвистики, когда новаторский материал не оказался сориентированным на возможности и уровень знаний обучающихся.

Введение понятия фонемы, на наш взгляд, вполне могло быть оправданным, как это произошло с включением в базовые учебники 5 класса понятия морфемы, поскольку представленное ранее в них понятие значимой части слова не оказалось тождественным понятию морфемы. То же самое мы наблюдаем и в отношении понятия фонемы, поскольку понятие звука речи шире понятия фонемы как звука языка.

Показательным в этом плане для соотношения языка и речи является **противопоставление фонологической и фонетической транскрипций**. Данные типы транскрипций связаны с отражением двух основных аспектов фонетики: собственно фонетики (традиционной, акустико-артикуляционной) и фонологии (функциональной фонетики). Это разграничение в отечественном языкознании введено Л.В. Щербой. *Фонетическая транскрипция* передаёт всё многообразие живой звучащей речи. Её целью является точная графическая запись произношения. Кроме того, она важна при обучении иностранному языку, особенно по отношению к языку, который имеет значительные расхождения между орфографией и произношением. Например, в английском языке в словарях обязательно даётся транскрипция слова. Фонетическая транскрипция нужна для изучения языков, графическая система которых не предназначена для передачи отдельных звуков.

Например, для китайского языка, имеющего иероглифическое письмо. Несомненную значимость она имеет при изучении бесписьменных языков и диалектов.

Однако, несмотря на уже длительную традицию изучения и разработки фонетической транскрипции, исследователи отмечают, что навыки транскрипции не отличаются единообразием. Это позволило на страницах журнала «Русский язык в советской школе» (1930) иронично заметить: «...у каждого русского учёного своя транскрипция». Как замечают С.В. Князев и С.К. Пожарицкая, «на вопрос о том, какую транскрипцию следует считать правильной, существует только один ответ: ту, которая правильно отражает произношение; причём, любое – не только стандартное, но и диалектное, или с признаками иностранного акцента, или с логопедическими дефектами». Поэтому, по их мнению, нет и не может быть единого образца, эталона фонетической транскрипции текста, любое отклонение от которого следовало бы считать ошибкой» [10, с. 45].

Более древней является фонетическая транскрипция. Именно она обычно связывается с термином «транскрипция». Её элементы мы находим, в частности, в трудах М.В. Ломоносова. Но как предмет научного изучения фонетическая транскрипция была представлена лишь с середины XIX века. Особо надо отметить труды Л.В. Щербы, который на основе Международного фонетического алфавита (МФА) для русского языка разработал с использованием латиницы вариант МФА, наиболее употребляемый в отечественных работах по общему языкознанию. Русский фонетический алфавит (РФА), состоящий, в основном, из русских букв и некоторых специальных дополнительных знаков, называемых диакритическими знаками. Например, [ш́] содержит диакритические знаки долготы и мягкости. На наш взгляд, в учебных целях можно принять упрощённую фонетическую транскрипцию, которая позволяет отразить более или менее полно основные особенности русского произношения.

В отличие от фонетической транскрипции, *фонологическая* или *фонематическая* транскрипция отражает звучащую речь с позиции фонемного состава языка. Она в боль-

шей степени связана с теоретическим аспектом в описании устной речи (текстов). Пользоваться транскрипцией этого типа можно только тогда, когда установлен состав фонем данного языка, количество и характер которых в той или иной степени связаны с теоретическими позициями фонологов. Фонологическая транскрипция передаёт не все особенности звучащей речи, а только те, которые выполняют различительную функцию. Особенно это важно при изучении иностранного языка, поскольку только знание его фонемного состава позволяет увидеть звуковое многообразие. Кроме того, если литературная фонетическая транскрипция сориентирована на нормы произношения (орфоэпию), то фонологическая транскрипция в большей степени сориентирована на орфографические нормы (орфографию). Поэтому в основе русского письма преобладает морфонологический или морфологический принцип написаний. Согласно ему в слабой фонетической позиции обозначается звук, представленный в сильной позиции, что и отражает фонологическая запись. Например, ср. фонетическую [вадА] и фонологическую запись {вадА} слова *вода*, поскольку в сильной позиции под ударением имеем звук (фон) [о], что и нашло закрепление в орфографическом написании – *вода*.

Без осмысления школьниками соотношения фонемы как языковой единицы и фона (звука) как речевой единицы без ответа окажется такой вопрос, как: почему в фонетической транскрипции слова [вадА] на месте [о] мы имеем звук [а] или звук, близкий к [а], который принято обозначать особым знаком – так называемой крышечкой [ʌ]? Почему в транскрипции слова *шестА* на месте [э] присутствует обозначение звука среднего между [ы] и [э] или звука [ы] с призвуком [э], хотя такой фонемы в русском языке нет (как и фонемы [ʌ])? Почему в фонетической транскрипции обозначается звук [ь] в транскрипции, например, слова *садовод* [сѣдавОт], а в составе гласных звуков его нет, хотя он имеет акустико-артикуляционные признаки ряда, подъёма и огубленности-неогубленности – гласный среднего ряда, среднего подъёма, неогубленный и, по мнению М.В. Панова, представляет собой «особый акустический тип». И рекомендует: «в изолированном по-

ложении гласный [ъ] – артикулировать так: произнесите у... а... у... а... остановите свой язык на полпути от [у] к [а], произнесите гласный – это и будет [ъ]» [11, с. 33]. Л.В. Щерба «подтягивал» (по выражению М.В. Панова) этот звук под [а], а А.Н. Гвоздév – под [ы] (см.: [12, с. 44]).

Таким образом, последовательное и системное изложение материала о соотношении языка и речи в отношении фонемы и звука позволяет осмыслить данный материал более полно и непротиворечиво с ориентацией на практику транскрибирования и фонетического разбора слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный анализ фонетического материала со всей очевидностью показывает недостаточность и непоследовательность учёта соотношения языка и речи в школьном изучении русского языка, хотя их взаимосвязь является одним из основных постулатов системного описания различных уровней языка. По существу все разделы изучения русского языка сориентированы на данное соотношение, поскольку единицы, представ-

ляющие их в этих разделах русистики, обнаруживают и реализуют как языковой, так и речевой характер. Поэтому изучение этих единиц должно вестись как в направлении описания их языкового, так и речевого статуса с учётом выражения языковых и речевых особенностей в коммуникативном процессе. Данные особенности оказываются наблюдаемыми лишь в сопоставлении языкового и речевого подходов. Эти два направления, будучи не тождественными, предполагают друг друга, обнаруживая единство: речевой аспект позволяет увидеть язык в его функциональном виде, который представлен в общении (речевой деятельности человека). Именно речевой характер языковых единиц определяет многообразие их речевых воплощений (реализаций).

Не подменяя речь языком, мы тем самым нацеливаем учащихся на понимание общения как речевой деятельности человека, в которой он актуализирует и использует речевые единицы в соответствии с их соотношением с языком. Все это способствует выработке у обучающихся диалектического понимания системы в отношении языка и речи, их взаимосвязи и взаимодействия.

Список источников

1. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 312 с.
2. *Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова: в 3 т. Т. 2. Ч. 1. Сочинения филологические. М., 1875. 660 с.
3. *Распопов И.П.* О преемственности в преподавании русского языка в школе и вузе // Школьная и научная грамматика. Воронеж: ВГУ, 1977. С. 3-8.
4. *Шарандин А.Л.* Проблема редукции научных знаний в школьном изучении русского языка // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 239-244.
5. *Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А., Григорян Л.Т., Кулибаба И.И., Ладыженская Н.В.* Русский язык. 5 класс: в 2 ч. / науч. ред. Н.М. Шанский. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. 192 с.; Ч. 2. 176 с.
6. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
7. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 615 с.
8. *Шарандин А.Л.* Интегрирующий характер коммуникации и организующая роль категории лица в контексте антропоцентризма // Неофилология. 2018. Т. 4. № 15. С. 5-16. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-15-5-16>
9. Русский язык: учеб. для ср. шк. 5 класс / под ред. М.В. Панова. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1994. 268 с.
10. *Князев С.В., Пожарицкая С.К.* Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М.: Академ. проект, 2005. 320 с.
11. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 256 с.
12. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Наука, 1967. 528 с.

References

1. *Buslaev F.I.* *Prepodavaniye otechestvennogo yazyka* [Teaching of the Russian Language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1992, 312 p. (In Russian).

2. Aksakov K.S. *Polnoye sobraniye sochineniy Konstantina Sergeevichicha Aksakova: v 3 t. T. 2. Ch. 1. Sochineniya filologicheskoye* [Complete works of Konstantin Sergeevich Aksakov: in 3 vols. Vol. 2. Pt 1. Works of Philology]. Moscow, Printing House of P. Bakhmeteva, 1875, 660 p. (In Russian).
3. Raspopov I.P. O preymstvennosti v prepodavanii russkogo yazyka v shkole i vuze [On continuity in teaching the Russian language at school and university]. *Shkol'naya i nauchnaya grammatika* [School and Scientific Grammar]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1977, pp. 3-8. (In Russian).
4. Sharandin A.L. Problema reduksii nauchnykh znaniy v shkol'nom izuchenii russkogo yazyka [The problem of reduction of scientific knowledge in the school study of the Russian language] *Grammatika 3 tysyacheletiya v kontekste sovremennogo nauchnogo znaniya: 28 Raspopovskiyechteniya* [Grammar 3rd Millennium in the Context of Modern Scientific Knowledge: 28 Raspopov Readings]. Voronezh, 2010, pp. 239-244. (In Russian).
5. Ladyzhenskaya T.A., Baranov M.T., Trostentsova L.A., Grigoryan L.T., Kulibaba I.I., Ladyzhenskaya N.V. *Russkiy yazyk. 5 klass: v 2 ch.* [Russian Language. 5th Grade: in 2 pts]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., pt 1, 192 p., pt. 2, 176 p. (In Russian).
6. Zhinkin N. I. *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a Conductor of Information]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 159 p. (In Russian).
7. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language: Grammatical Teaching about the Word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972, 616 p. (In Russian).
8. Sharandin A.L. Integrirovuyushchiy kharakter kommunikatsii i organizuyushchaya rol' kategorii litsa v kontekste antropotsentrizma [The integrating nature of communication and the organizing role of the category of person in the context of anthropocentrism]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 15, pp. 5-16. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-15-5-16> (In Russian).
9. Panov M.V. (ed.) *Russkiy yazyk: uchebnik dlya sredney shkoly. 5 klass* [Russian Language: Textbook for Secondary School. 5th Grade]. Moscow, Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994, 268 p. (In Russian).
10. Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: fonetika, grafika, orfografiya, orfoepiya* [Modern Russian Literary Language: Phonetics, Graphics, Spelling, Orthoepy]. Moscow, Academic Project Publ., 2005, 320 p. (In Russian).
11. Panov M.V. *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika*. [Modern Russian Language. Phonetics.] Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979, 256 p. (In Russian).
12. Reformatskiy A.A. *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 528 p. (In Russian).

Информация об авторах

Денисов Юрий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры профильной довузовской подготовки, Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, yudenisov@tsutmb.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста статьи.

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-0296-0473](https://orcid.org/0000-0002-0296-0473), sharandin@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание части текста статьи, редактирование.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022
Одобрена после рецензирования 02.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Yuri N. Denisov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lecturer of Specialized Pre-University Training Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, yudenisov@tsutmb.ru

Contribution: literature analysis, part of manuscript text drafting.

Anatoly L. Sharandin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-0296-0473](https://orcid.org/0000-0002-0296-0473), sharandin@list.ru

Contribution: study conception, literature analysis, part of manuscript text drafting, editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 27.06.2022
Approved after reviewing 02.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'374.2 + 811.161.1 + 81'373.21

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436

Номо агенс в зеркале региональной топонимии (по материалам словаря ойконимов Волгоградской области)

Ирина Васильевна КРЮКОВА, Василий Иванович СУПРУН ✉

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

400005, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Ленина, 27

✉ suprun@vspu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу образа Номо агенс (человека-деятели), отражённого в названиях населённых пунктов (ойконимах) Волгоградской области. Исследование проведено на материале ойконимического словаря Волгоградской области, который в настоящее время подготовлен к изданию авторами данной статьи. Применение лексикографического метода в сочетании с этимологическим анализом позволяет систематизировать материалы ойконимического словаря в соответствии с целью исследования – выявление основных топонимических моделей, отражающих разнообразные стороны деятельности человека в рамках территории, которую занимает современная Волгоградская область. Проведённый анализ позволяет выделить две группы наименований, дающих представление о человеке-деятеле на рассматриваемой территории: 1) персонологические ойконимы, которые характеризуют человека как субъекта определённого вида деятельности, аксиологически значимой для конкретного региона (представляют человека с точки зрения его профессии/рода деятельности, отношения к воинской службе, религии, а также его социального статуса); 2) функционально-атрибутивные ойконимы, которые дают утилитарную характеристику объекту – конкретному населённому пункту – с точки зрения деятельности человека (свидетельствуют о приспособленности топообъекта к жизнедеятельности человека-земледельца, скотовода, рыболова и т. п.). Намечаются перспективы исследования образов Номо vigilantes/vigilabus – человека-наблюдателя, Номо ludens – человека играющего и других, способных дополнить представленную характеристику субъекта, который осваивает пространство конкретного региона и устраивает на нём свою жизнь.

Ключевые слова: Номо агенс, топонимия, этимология, ойконимический словарь, персонологические ойконимы, функционально-атрибутивные ойконимы

Для цитирования: Крюкова И.В., Супрун В.И. Номо агенс в зеркале региональной топонимии (по материалам словаря ойконимов Волгоградской области) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 427-436. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Homo agens in the mirror of regional toponymy (based on the oikonymic dictionary of the Volgograd Region)

Irina V. KRYUKOVA, Vasiliy I. SUPRUN ✉

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenina Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
✉ suprun@vspu.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the image of Homo agens (acting human), reflected in the names of settlements (oikonoms) of Volgograd Region. The study is conducted on the material of the oikonymic dictionary of the Volgograd Region, which is currently being prepared for publication by the authors of this work. The use of the lexicographic method in combination with etymological analysis makes it possible to systematize the materials of the oikonymic dictionary in accordance with the purpose of the study – to identify the main toponymic models that reflect the various aspects of human activity within the territory occupied by the modern Volgograd Region. The analysis allows us to distinguish two groups of names that give an idea of a person-actor in the territory under consideration: 1) personological oikonoms that characterize a person as a subject of a certain type of activity, axiologically significant for a particular region (represent a person in terms of his profession/type of activity, relations to military service, to religion, as well as his social status); 2) functional-attributive oikonoms that give a utilitarian description of an object – a specific settlement – from the point of view of human activity (indicate the adaptability of a topoobject to the life of a farmer, cattle breeder, fisherman, etc.). Prospects are outlined for the study of the images of Homo vigilantes/vigilabus – a human observer, Homo ludens – a human playing and others that can complement the presented characterization of a subject who develops the space of a particular region and arranges his life on it.

Keywords: Homo agens, toponymy, etymology, oikonymic dictionary, personological oikonoms, functional-attributive oikonoms

For citation: Kryukova I.V., Suprun V.I. Homo agens v zerkale regional'noy toponimii (po materialam slovarya oikonimov Volgogradskoy oblasti) [Homo agens in the mirror of regional toponymy (based on the oikonymic dictionary of the Volgograd Region)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 427-436. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-427-436> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

При сближении топонимических исследований с социолингвистикой, этнолингвистикой и лингвокогнитологией, характерном для современной ономастической науки, ощущается необходимость не только достоверного описания существующих точек зрения на этимологию того или иного топонима, но и выявления активной созидательной роли человека в формировании региональной то-

понимической системы в конкретный исторический период.

Ойконимия области, рассматриваемая как система взаимосвязанных номинаций, представляет собой актуальный и перспективный объект для исследования отражения в ней человека-деятеля. Волгоградская область является территорией относительно позднего заселения. После ухода тюркоязычных кочевников, оставивших заметный след в местной гидронимии (*Кумылга*, *Арчеда*, *Бузулук* и др.), на «пустопорожние земли»

стали прибывать выходцы из центральных и южных уездов и волостей России, составившие костяк донского казачества (первые городки появились в 1535–1545 гг. [1, с. 24]), позже вдоль берега Волги и в Заволжье поселились носители северно-, средне-, южно-русских и восточнорусских говоров [2; 3]. Таким образом, местные географические названия – это продукт ряда исторических эпох, включающий несколько культурно-исторических слоёв, сформировавшихся в разные периоды заселения территории, на которой расположена современная Волгоградская область. Данный материал, ещё не ставший объектом социономастического исследования, отражает неоднородные аксиологические параметры отношения человека к окружающему миру.

На стыке и пересечении ономастики с этнолингвистикой, социоллингвистикой, лингвокогнитологией, лингвокультурологией формируется и успешно развивается антропоцентрическое направление в топонимике. Наиболее показательны в этом отношении: монография Е.Л. Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек», в которой разработана методика извлечения этнокультурной информации из топонимической системы [4]; монографические лингвокогнитивные исследования топонимии, выполненные на региональном материале [5–7 и мн. др.], которые в сумме дают представление о существовании как общероссийских, так и местных топонимических моделей.

Становится очевидным, что в рамках антропоцентрического подхода региональная топонимия может быть исследована с точки зрения активной созидательной деятельности человека на определённой территории. Было замечено, что концептосфера онимов отражает в языке не все сведения о мире, которые имеются в распоряжении человека, а только те, которые наиболее востребованы в его жизнедеятельности [6, с. 71].

Для характеристики человека, занимающего активную позицию по отношению к окружающему миру, в классической философии и экономической теории используется термин *Homo agens* (человек деятельный). Выдающийся учёный XX века, основатель неонавстрийской школы экономической те-

рии Людвиг фон Мизес писал: «Человек суть существо, которое живёт в данных обстоятельствах. Он не только *homo sapiens*, но и в не меньшей степени *homo agens*» [8, с. 17]. Деятельность человека представляется как структура, основные элементы которой – *субъект* (отдельный человек или определённая социальная группа) с его/её мотивами, ценностями, навыками и *объект* как часть объективной реальности, на которую направлена деятельность субъекта (см.: [9]). Сказанное выше применимо к анализу ойконимов, в которых находят отражение представления о деятельности жителей того или иного населённого пункта в период его основания и развития.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель настоящей статьи – выявление основных ойконимических моделей, отражающих разнообразные стороны деятельности человека в рамках территории, которую занимает современная Волгоградская область.

Материалом исследования послужил подготовленный нами к изданию ойконимический словарь «Города и селения Волгоградской области».

Накопленный опыт лексикографирования топонимов показывает, что объединение сведений, содержащихся в ономастических словарях, предоставляет исследователю обширный фактический материал, открывает возможности для углубленной научной работы по теории славянской и мировой ономастики [10]. Лексикографический метод анализа и обработки топонимического материала в сочетании с этимологическим анализом, применяемый при подготовке данного словаря, не только даёт возможность систематизировать региональные ойконимы, но и предоставляет научно-обоснованные данные для новых теоретических обобщений и, возможно, новых словарей. По точному наблюдению О.И. Блиновой, таким образом работает модель перехода «теория – словарь – теория – словарь» [11].

Данные словаря позволяют, в частности, увидеть отражённые в ойконимах разные виды человеческой деятельности, место человека в микросоциуме, его отношение к ремеслам и сельскохозяйственным работам.

Приводимые далее сведения об этимологии ойконимов даются по лексикографическим источникам [12–17].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ното *agens* ‘человек деятельный’ активно осваивает окружающий мир, в этом отражается его жизненная предназначённость, смысл существования. Отражённая в региональной топонимии деятельность субъекта является специфической структурой, основные элементы которой – сам *субъект*, представленный как отдельный человек, так и как определённая социальная группа, обладающие своими мотивами, ценностями, жизненными навыками, и *объект* как часть объективной реальности, на которую направлена деятельность данного субъекта.

Обработанные и систематизированные материалы словаря позволяют выделить, прежде всего, две группы ойконимов, дающие представление о жизнедеятельности человека на рассматриваемой территории: *персонологические* (характеризуют человека как субъекта определённого вида деятельности, аксиологически значимой для конкретного региона и/или населённого пункта) и *функционально-атрибутивные* (дают утилитарную характеристику объекту, конкретному населённому пункту с точки зрения деятельности человека).

А. Персонологические ойконимы

Ойконимы этой группы содержат характеристику человека с точки зрения его профессии/рода деятельности, отношения к воинской службе, религии, а также его социального статуса, то есть места в социальной иерархии данного микросоциума.

Самая многочисленная группа волгоградских персонологических ойконимов – названия, в которых представлен человек-ремесленник. Топонимы этой группы номинируют некоторые исчезнувшие профессии, какие-то из них восходят к этнографизмам, обозначающим бытовые реалии донского казачества и других групп населения региона. Следует особо подчеркнуть, что между этнографизмом и топонимом, как правило, промежуточным звеном выступает антропо-

ним, обычно фамилия или прозвище. Например, по одному из преданий, своё название казачий городок *Бурацкий*, основанный ещё в XVII веке, получил от прозвища одного из основателей – *бурачника*, делавшего *бураки* – берестяные туеса (коробы) цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-либо [16, вып. 3, с. 280, 282].

Ойконим *Скабелинский* происходит от профессионального прозвища *Скобеля* с отражением *аканья* в корне. Прозвище образовано от нарицательного слова, обозначавшего в старину специальный инструмент для скобления. На Дону отмечено слово *скобёлка* ‘скребок, щётка с жёстким ворсом для чистки шкуры животного’ [16, вып. 38, с. 38]. В современном говоре встречается фразеологизм *после скобли топором* ‘о грубой, некачественной работе; о некрасивой, грубо сделанной вещи’ [13, с. 547]. В.И. Даль приводит более полный вариант поговорки: *После ужина горчица, что после скобеля топором* [12, т. 4, с. 200]. Поскольку ремесленниками в донских станицах и хуторах обычно были пришлые люди из великорусских губерний, слово *скобёл* приобрело пренебрежительное значение ‘мужик, мужлан’: *Воронежские скоблы* (1929) [16, вып. 38, с. 38].

Многие ойконимы этой группы образованы от названий профессий во множественном числе с подчёркнутым значением сплочённого коллектива людей одной профессии, проживающих в одном населённом пункте и, возможно, связанных родственными отношениями: *Гончары, Золотари, Калашники, Колесники, Мирошники, Чумаки*. Это широко распространённая общеславянская модель. Л. фон Мизес называет подобные формы *pluralis logicus* [8].

Обратим внимание на два последних ойконима, свидетельствующих не только о профессиональных занятиях жителей, но и о переселении их предков с Украины. Ойконимы *Чумаки, Чумаков, Чумаковский*, образованные от украинского *чумак* ‘перевозчик соли’, отражают важный для формирования поселений области этап переселенческого движения с Украины. В 40–60-е гг. XVIII века правительство Российской империи вербовало украинских крестьян для обслуживания солеработок на озере Эльтон. Чумаки перевозили на подводах соль от озе-

ра Эльтон в Покровскую слободу (ныне город Энгельс Саратовской области), а также в Камышин [18].

Ойконим *Мирошники*, образованный от украинского *мірошник* ‘мельник’ [15, с. 371], тоже связан с перевозкой соли с Эльтона, однако отражает этот вид деятельности жителей опосредованно. Название поселения возникло в местном украинском говоре, поскольку село было заселено в XVIII веке переселёнными с Украины крепостными крестьянами для работы соляными возчиками. Один из первопоселенцев был мельником или носил наследственную фамилию *Мирошник*. По нему и было названо село. Отметим, что слово *мірошник* пришло из украинского языка в донской говор, от него образован глагол *мірошничать* [13, с. 318], но на Дону от этой лексемы ойконимы не были образованы.

Определённая сфера деятельности, связанная с перевозкой соли, отражена и в ойкониме *Солдатско-Степное* (бывшее *Солдатско-Соляное*). На соляных трактах по пути следования чумацких обозов были выставлены пешие и конные патрули, которые получили название *соляные солдаты*. Отслужив 25 лет и демобилизовавшись, солдаты получали земельные наделы на избранных ими местах – обычно там, где служили. В этом ойкониме отражена также охранный деятельность субъекта.

Отношение основателя/владельца населённого пункта к воинской службе зафиксировано также в ойконимах *Генераловский*, *Майоровский*, *Поручиковский*. Однако в ряде случаев эти отношения бывают опосредованными. Например, достоверно известно, что хутор *Генераловский* был основан в 1795–1797 гг. казаком Генераловым из станицы Потёмкинской. Фамилия *Генералов* была распространённой в этой станице. В ней родился известный террорист, сподвижник Александра Ильича Ульянова, студент Санкт-Петербургского университета Василий Денисович Генералов (1867–1887), солист Государственного театра оперы и балета Белоруссии Анатолий Михайлович Генералов (1923–2007) и многие другие их однофамильцы [19, с. 144]. Первооснователь рода получил прозвище по чертам характера (*ве-*

дёт себя, как генерал) либо по каким-то контактам с реальным генералом.

Высокий социальный статус первопоселенца отражён в ойкониме украинского происхождения *Садчиков*, образованном от прозвища *Садчик*, которое возникло в результате аферизиса первоначальной формы *Осадчик*. Эта украинская фамилия, как и антропонимы с другими суффиксами *Осадець*, *Осадчий*, *Осадченко*, *Осадчук*, свидетельствовали о том, что их носители по приказу помещика или администрации собирали часть жителей села, переезжали с ними на свободное место и создавали новые населённые пункты [20, с. 38].

Несколько хуторов на территории проживания донских казаков с названиями *Атамановка*, *Атамановский*, образованные от слова *атаман* ‘выборный руководитель в казачьих войсках и селениях’ [13, с. 23], указывают на род занятий и социальный статус основателя хутора. Прозвище могло быть дано и по поведению человека, его волевым качествам (*он настоящий атаман*).

Довольно репрезентативна группа ойконимов, обозначающих низкий социальный статус жителей населённого пункта, характеризующих их как бедных, бездомных, ленивых, безродных. При этом в оппозиции «свой – чужой», значимой для народного коллектива, важным становится указание на социальный полюс «чужой».

Таково, например, название *Бобыли*, образованное от коллективного прозвища. В первоначальном значении *бобыль* – это ‘крестьянин, не владеющий землею <...> по бедности, калечеству, одиночеству, небрежению; <...> одинокий, бездомок, неприютный’ [12, т. 1, с. 101]. Это значение сохраняется в донских казачьих говорах: *бобыльный* ‘бедный, бездомный, одинокий’ [13, с. 46].

Название старинного казачьего городка *Сиротинский* образовано от прозвища *Сирота*. Первоначально в русских народных говорах *сиротой* называли не только человека, оставшегося без родителей, нарицательное *сирота* было синонимом словам *старый*, *нищий* [12, т. 4, с. 188]. Поэтому такое прозвище закрепилось и за беспомощным, одиноким, неприютным бедняком или стариком. Примечательно, что в донских казачьих говорах это слово в составе поговорки *Сирота – не пролезет в ворота* употребляется в

ироничном значении при характеристике человека, прикидывающегося бедным, несчастным, но на самом деле являющегося вполне благополучным [13, с. 545]. Ойконим *Ярыженский* образован от диалектного слова *ярыга/ярыжка* ‘работник, батрак, казак, живущий по чужим дворам’, глагол *ярыжничать* означает ‘бездельничать на все лады и пьянствовать’ [12, т. 4, с. 679].

Название села *Неткачево* происходит от прозвища или фамилии *Неткач*. Хутор был основан переселенцами из находящейся неподалёку украинской слободы *Красный Яр*, название получил по первому поселенцу [21, 1901, с. 669]. Отрицательная приставка в слове указывает, что основатель рода был либо неумелым ткачом, или не стал заниматься семейным ткацким делом. Сходное нарицательное существительное *неткаха* употребляется в народной речи в значении ‘женщина, не умеющая ткать’ [16, вып. 21, с. 175]. На Смоленщине бытует поговорка *Неткаха, непряха, а язык як плаха* [16, вып. 21, с. 175]. Обычно *неткахой* свекровь называла свою сноху [12, т. 2, с. 539].

К этой же группе можно отнести название казачьего хутора *Бесплемяновский*. По преданию, основал хутор в XVI веке беглый крепостной крестьянин. Чтобы его не вернули назад карательные отряды, он называл себя *Стёпка без племени*. Исторически это явление можно объяснить особенностями формирования языкового коллектива донских казаков, многие члены которого были беглыми крепостными и посадскими людьми и должны были в целях безопасности скрывать своё происхождение и наследственные имена.

Характеристика человека на основе оппозиции «свой – чужой» может формироваться даже в рамках одной этнической группы. Это отражено, к примеру, в ойконимах *Тумак* и *Чигари*. *Тума* – насмешливо-презрительное прозвище низовых казаков со стороны верховых [13, с. 599]. Самодеятельный казачий историк, писатель и журналист Евграф Петрович Савельев (1860–1930) утверждает, что слово это черкесское и означает «приблудный, метис»: «Кличка эта дана низовым казакам не без основания, так как у многих из них течёт немало крови черкесской, татарской, турецкой, греческой и даже

калмыцкой» [22, с. 7]. М. Фасмер осторожно замечает о происхождении слова: «Повидимому, иноязычное» [17, т. 4, с. 119].

Оппозицию к данному названию образует ойконим *Чигари*, образованный от диалектного слова *чига* – насмешливо-презрительного прозвища верховых казаков со стороны низовых казаков и иногородних, а также прозвища любого казака со стороны жителей соседних территорий; встречается также более экспрессивное словосочетание *чига востропузая* [13, с. 655]. М. Фасмер предполагает, что основой слова стала форма местоимения *чехó* [17, т. 4, с. 358], однако на Дону это местоимение употребляется в форме *чаво*, ставшей основой глагола *чавокать* ‘говорить, употребляя в своей речи слово «чаво» вместо «что», отражающее фонетическую и грамматическую особенности речи казаков’ [13, с. 644]. Е.П. Савельев высказывает фантастическую версию о происхождении прозвища от народа *чигов*, «упоминаемого римскими и греческими историками с I по XIII век и жившего по восточным берегам Азовского моря, от устьев Дона до Таманского полуострова» [22, с. 6]. Он отмечает: «Кличка эта чрезвычайно древняя и дошла до наших дней по преданию. Бранного в ней, как многие думают, ничего нет» [22, с. 6].

Следует также отметить ойконимы, в которых зафиксировано отношение основателей населённых пунктов к религии. Такое отношение, как правило, отличается от традиционного, выделяет основателя населённого пункта и ещё раз демонстрирует наличие оппозиции «свой – чужой» со смещением в социальный полюс «чужой». Например, название станицы *Распотинская* произошло от прозвища отшельника *Распота* ‘священник, лишённый сана’, а название хутора *Растринин* – от прозвища *Расстрига*, которое давалось бывшему священнослужителю, отказавшемуся от веры. Название хутора *Молокановского* свидетельствует о том, что здесь проживали *молокане* – представители религиозного течения, отколовшегося от православия.

Так складываются представления жителей региона о взаимоотношениях между разными членами социума, о разделении сообщества на своих и чужих, о характерах людей, их поступках, особенностях речи, поведения и т. п.

Б. Функционально-атрибутивные ойконимы

Названия этой группы характеризуют топообъект и при этом отражают отношение человека к нему с утилитарной точки зрения, то есть показывая приспособленность топообъекта к жизнедеятельности сельского человека: земледельца, скотовода, охотника, рыболова и т. п.

Здесь выделяется достаточно репрезентативная группа ойконимов, характеризующих сельскохозяйственную сезонную деятельность человека. Обращает на себя внимание отмеченная в ойконимии приспособленность населённого пункта к хозяйственной деятельности в суровых зимних условиях: *Зимовейский, Зимовой, Зимовской, Зимовская Паника*. Названия показывают, что в этих местах у казаков было *зимовье*, где они переживали холода. Возникавшие во множестве по течению Дона временные поселения именовались *зимовищами* или *зимовниками*. С жизнедеятельностью в суровых зимних условиях связаны и названия хуторов *Студеновский, Студёновка, Студёно-Яблоновка*. По словам жителей первого из них, поселение названо по обилию колодцев с исключительной по вкусу студёной водой. Однако более вероятно образование названия от слова *студёный* ‘очень холодный’ [14, т. 4, с. 294], указывающее на условия жизни в этих местах, которые отличаются от соседних более суровым климатом.

Название хутора *Зимняцкого* свидетельствует о том, что он был расположен на *зимняке* – зимней дороге, прокладываемой по снегу для езды зимой. В донском диалекте встречается в том же значении слово *зимнуха* [13, с. 209]. Местные жители считают, что название хутора *Окладненский* связано с тем, что раньше на его месте было непроходимое болото, чтобы пройти через него, путь обкладывали *кладнями*. В донском диалекте *кладка* – мостик из одного–двух брёвен или досок, переброшенный через ручей или ерик; *клады* – помостки, переходцы в одну–две доски [13, с. 246]. Во многих русских говорах используется плюральная форма *клады* – пешеходные мостки, перекинутые через ручей, овраг, болото и т. п., доски, брёвна, служащие мостками [16, вып. 21, с. 262]. К этой

же группе относятся ойконим *Стеженский*, народная форма *Стёжки*, название образовано от слова *стёжка* ‘тропинка, дорожка’ [14, т. 4, с. 258].

Достаточно ярко региональная специфика деятельности человека представлена в ойконимах, отражающих наиболее значимые особенности земледелия. Таковы, например, однокоренные названия, образованные, вероятно, от диалектного *клетка* ‘четырёхугольный участок земли, единица измерения обрабатываемой земли’; слово приобрело в народной речи второе значение: ‘участок, на котором располагаются дом с хозяйственными постройками, огород, сад; усадьба’ [13, с. 247]: станица *Клетская*, хутор *Клетский*, а также сложные названия, имеющие дополнительную мотивировку: *Клетско-Почтовый* (расположен на почтовом тракте), *Мелоклетский* (расположен на меловой почве).

Ойконим *Третья Карта* возник в советское время. Название указывает на возникновение посёлка на месте полевого стана. Картами в то время в официальном языке называли огороженные земляными валиками орошаемые участки земли, числительное обозначает порядковый номер такого участка.

Станица *Малодельская* была основана уже после передела земель, поэтому ей досталось мало полевых участков, отсюда и название. Хутор *Становский* возник на месте стана – места стоянки, временного жилья полевых, рыболовецких и т. п. бригад в период сезонной работы, промысла [14, т. 4, с. 247].

Большую роль в жизни сельского человека играет животноводство. Домашняя скотина обеспечивает жителя сёл, посёлков, станиц, хуторов мясом, молоком, шерстью. На роль скотоводства в сельскохозяйственной деятельности региона указывают ойконимы *Выпасной* (в тёплое время года стадо выгоняют на пастбище, расположенное рядом с топообъектом; *выпас* ‘пастбище, выгон’ [14, т. 1, с. 269]), *Отгонный* (название указывает, что сюда отгоняли скот летом), *Стойловский* (здесь имелись *стойла* – места для содержания животных [14, т. 4, с. 370]).

В этой группе встречаются ойконимы диалектного происхождения. Хутор *Тырлы* имеет народную плюральную форму от широко распространённого диалектного слова среднего рода *тырло* ‘огороженный участок

на пастбище, в поле, лесу, куда загоняют скот и лошадей для отдыха, водопоя, дойки и т. п.’ [16, вып. 45, с. 335]. Этот интердиалектизм связан украинским многозначным словом *тирло* ‘стойбище; логово; нерестилище’ [15, с. 835], его источником считают румынское *țirlă*, которое в свою очередь заимствовано у южных славян: болг. *търло*, серб. *трло* [17, т. 4, с. 132]. Хутора *Базки*, *Базной* указывают на донское казачье многозначное слово *баз* ‘1. Часть казачьей усадьбы, на которой находится скот; скотный двор. 2. Открытое огороженное место для скота. 3. Постройка для крупного рогатого скота. 4. Участок земли, двор при доме’. Уменьшительный дериват *базок* употреблялся в значении ‘огороженное место для скота и птицы’, а его плюральная форма *базки* приобрела самостоятельную семантику ‘огороженное место на ферме или в поле для содержания скота’. Этим же словом назывались также хутора, относящиеся к станице [13, с. 30].

На коневодство указывает ойконим *Конный*, значение рыбоводства в жизни жителей региона отражено в ойконимах *Рыбный*, *Рыбачий*, *Рыбинка*, *Рыбовод*, *Рыбоводский*, а также *Садковский*, *Садки*; последние восходят к диалектизму *садок* – приспособление в виде корзинки из прутьев для хранения в воде живой рыбы [13, с. 524]; часть ставного невода, где собирается улов; рыболовный сачок [16, вып. 36, с. 34].

Охранная деятельность на территории региона отражена в некоторых названиях. Основанная 10 августа 1767 г. на левом берегу Иловли ниже впадения в неё речки (балки) Караульный Буерак немецкая католическая колония *Кёлер* (Köhler) по указу от 26 февраля 1768 г. о наименованиях немецких колоний получила официальное название *Караульный Буерак*. Предшествующий гидроним указывал, что здесь ранее стоял караул для охраны проезжающих.

Косвенным образом свидетельствует об охранной деятельности название села *Дво-*

рянское. Оно было основано в 1731 г., когда камышинским казачьим сотникам Лупандину и Вязелеву были пожалованы сенокосные угодья и места для рыбной ловли на Иловле. Для их охраны были построены две избы, куда были поселены сторожа. При избах были *дворы*, по которым постепенно разрастающееся селение получило название *Дво-рянское*.

Таким образом, волгоградские ойконимы можно рассматривать как надёжный источник информации о человеке-деятеле, проживающем в данном регионе, об условиях его жизни, о разносторонней трудовой деятельности, об охране дорог и угодий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, *Homo agens* ‘человек деятельный’, по данным волгоградской ойконимии, занимает активную позицию по отношению к окружающему миру. Его деятельность представляет собой структуру, основные элементы которой – *субъект* (отдельный человек или определённая социальная группа) с его/её мотивами, ценностями, навыками и *объект* как часть объективной реальности, на которую направлена деятельность этого субъекта. Соответственно выделяются две взаимосвязанные группы ойконимов, одни из которых характеризуют субъектов деятельности (персоналогические), а другие – топообъекты как места жизнедеятельности человека (функционально-атрибутивные).

В заключение заметим, что образ *Homo agens* мы рассматриваем как важную, но не единственную часть образа человека, отражённого в ойконимии конкретного региона. Рассмотренный в данной статье материал в перспективе может быть дополнен исследованием ойконимов, в которых отражён образ *Homo vigilantes/vigilabus* – человека-наблюдателя/созерцателя, *Homo ludens* – человека играющего и другие характеристики субъекта, осваивающего пространство и устраивающего на нём свою жизнь.

Список источников

1. Гомулов В.И., Супрун В.И. Второй Донской округ: историко-географический справочник (XVIII – первая треть XX в.). Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. 169 с.
2. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1984. 96 с.

3. Супрун В.И. Украинские говоры. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М.А. Рыблова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 334-337.
4. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек. М.: Либриком, 2016. 320 с.
5. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. 254 с.
6. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 319 с.
7. Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 334 с.
8. Мизес Л., фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 875 с.
9. Климович А.В., Стефанович В.А. Философия. М.: НИЦ ИНФА-М, 2022. 162 с.
10. Крюкова И.В., Супрун В.И. Пути развития славянской ономастической лексикографии: аналитический обзор // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 238-269.
11. Бишова О.И. Теория → словарь → теория → словарь... // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6-26.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978.
13. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост.: Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1982-1984.
15. Українсько-російський словник / Відп. ред. Л.С. Паламарчук, Л.Г. Скрипник. Вид. 6-е. Київ: Наукова думка, 1976. 940 с.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-52. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965-2021.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987.
18. Коновалов В. Украинцы Правобережья и Заволжья // Одна Родина: информационно-аналитическое издание. URL: <https://odnarydina.org/content/ukraincy-iz-pravoberezhya-i-zavolzhyia> (дата обращения: 28.04.2022).
19. Белорусская ССР: Краткая энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. И.П. Шамякин. Т. 5. Биографический справочник. Минск: Белорус. сов. энцикл., 1982. 738 с.
20. Редько Ю.К. Сучасні українські прізвища. Київ: Наукова думка, 1966. 216 с.
21. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: в 5 т. Саратов: Тип. губерн. земства, 1898-1901. Т. 5. Аткарск: Аткар. тип., 1902.
22. Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск: Обл. Войска Дон. тип., 1908. 15 с.

References

1. Gomulov V.I., Suprun V.I. *Vtoroy Donskoy okrug: istoriko-geograficheskiy spravochnik (XVIII – pervaya tret' XX v.)* [The Second Don District: Historical and Geographical Reference Book (18 – the first third of the 20 century)]. Volgograd, Volgograd State Institute for Advanced Studies of General Education Workers Publ., 2007, 169 p. (In Russian).
2. Orlov L.M. *Russkiye govory Volgogradskoy oblasti* [Russian Patois of the Volgograd Region]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical Institute Publ., 1984, 96 p. (In Russian).
3. Suprun V.I. *Ukrainskiye govory. Ukraintsy Volgogradskoy oblasti* [Ukrainian patois. Ukrainians of the Volgograd Region]. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2017, pp. 334-337. (In Russian).
4. Berezovich E.L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Space and Human]. Moscow, Librikom Publ., 2016, 320 p. (In Russian).
5. Dmitriyeva L.M. *Ontologicheskoye i mental'noye bytiye toponimicheskoy sistemy (na materiale russkoy toponimii Altaya)* [Ontological and Mental Existence of the Toponymic System (Based on the Russian Toponymy of Altai)]. Barnaul, Altai State University Publ., 2002, 254 p. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. *Kognitivnyye osnovy regional'noy onomastiki* [Cognitive Foundations of Regional Onomastics]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2012, 319 p. (In Russian).
7. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboyedova E.A. *Toponimiya Voronezhskogo kraya* [Toponymy of the Voronezh Territory]. Voronezh, Center for Spiritual Revival of the Chernozem Territory Publ., 2018, 334 p. (In Russian).

8. Mizes L., fon. *Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human Action: A Treatise on Economic Theory]. Moscow, Economy Publ., 2000, 875 p. (In Russian).
9. Klimovich A.V., Stefanovich V.A. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Scientific Publishing Center INFA-M, 2022, 162 p. (In Russian).
10. Kryukova I.V., Suprun V.I. Puti razvitiya slavyanskoy onomasticheskoy leksikografii: analiticheskiy obzor [Ways of development of slavonic onomastic lexicography: an analytical overview]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 238-269. (In Russian).
11. Blinova O.I. Teoriya → slovar' → teoriya → slovar'... [Theory → dictionary → theory → dictionary]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*, 2012, no. 1, pp. 6-26. (In Russian).
12. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1978. (In Russian).
13. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. (auth.-compilers). *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Patois of the Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011, 704 p. (In Russian).
14. Evgenyeva A.P. (ed.-in-chief). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian Language Dictionary: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1982–1984. (In Russian).
15. Palamarchuk L.S., Skripnik L.G. (executive ed.). *Ukrains'ko-rosiys'kiy slovník. Vid. 6-e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1976, 940 p. (In Ukrainian).
16. *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1-52* [Dictionary of Russian Folk Patois. Issues 1-52]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1965–2021. (In Russian).
17. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. (In Russian).
18. Konovalov V. *Ukraintsy Pravoberezh'ya i Zavolzh'ya* [Ukrainians of the Right Bank and Trans-Volga]. *Oдна Rodina: informatsionno-analiticheskoye izdaniye* [One Motherland: Information and Analytical Publication]. Available at: <https://odnarodyna.org/content/ukraincy-iz-pravoberezhya-i-zavolzhya> (accessed 28.04.2022). (In Russian).
19. Shamyakin I.P. (ed.-in-chief). *Belorusskaya SSR: Kratkaya entsiklopediya: v 5 t. T. 5. Biograficheskii spravochnik* [Belorussian SSR: Brief Encyclopedia: in 5 vols. Vol. 5. Biographical Guide]. Minsk, Belarussian Soviet Encyclopedia Publ., 1982, 738 p. (In Russian).
20. Redko Y.K. *Suchasni ukrains'ki prizvishcha.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 216 p. (In Ukrainian).
21. Minkh A.N. *Istoriko-geograficheskii slovar' Saratovskoy gubernii: v 5 t.* [Historical and Geographical Dictionary of the Saratov Province: in 5 vols.]. Saratov, Provincial Zemstvo Typography, 1898–1901, vol. 5, Atkarsk, Atkarsk Typography, 1902. (In Russian).
22. Savelyev E.P. *Tipy donskikh kazakov i osobennosti ikh govora* [Types of Don Cossacks and Features of Their Patois]. Novocherkassk, Province of the Don Cossack Host Typography, 1908, 15 p. (In Russian).

Информация об авторах

Крюкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-9380-0693](https://orcid.org/0000-0002-9380-0693), kryukova-irina@yandex.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ словарей и научной литературы, написание части текста статьи.

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-2489-9199](https://orcid.org/0000-0003-2489-9199), kryukova-irina@yandex.ru

Вклад в статью: анализ словарей и научной литературы, написание части текста статьи, редактирование.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022
Одобрена после рецензирования 21.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Irina V. Kryukova, Doctor of Philology, Professor of Language Studies Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-9380-0693](https://orcid.org/0000-0002-9380-0693), kryukova-irina@yandex.ru

Contribution: study idea, dictionaries and scientific literature analysis, part manuscript text drafting.

Vasiliy I. Suprun, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language and Methods of its Teaching Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-2489-9199](https://orcid.org/0000-0003-2489-9199), kryukova-irina@yandex.ru

Contribution: dictionaries and scientific literature analysis, part manuscript text drafting, editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 02.06.2022
Approved after reviewing 21.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.148:81¹33+316.628.29

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458

Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения

Игорь Вениаминович ЖАРКОВ ✉, **Вероника Валерьевна КОНСТАНТИНОВА**

ООО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»

129164, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кибальчича, 11, корп. 1

✉ linguexpert@protonmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются типовые экспертные задачи, подлежащие решению при производстве лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по судебным делам в связи с обвинением лица в совершении речевого преступления или правонарушения, связанного с понятием использования Вооружённых Сил Российской Федерации. Актуальность анализа обусловлена тем обстоятельством, что соответствующие нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях являются новеллами, и практика как назначения, так и производства судебных экспертиз по указанным делам в настоящее время находится в стадии формирования. В ходе исследования обоснованно выявлены лежащие в сфере специальной компетенции лингвистов и психологов экспертные задачи, вытекающие из сущностных свойств и особенностей судебных дел данной категории, соответствующие общей задаче судебно-экспертной деятельности, определенной статьей 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и отражающие вновь формирующуюся практику правоприменения перечисленных норм законодательства, высказан и обоснован ряд суждений о возможных методах решения этих экспертных задач. По результатам описанного исследования предложен перечень типовых экспертных задач для дел указанной категории.

Ключевые слова: типовые экспертные задачи, лингвистическая экспертиза, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, заведомая ложность, дискредитация использования Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждение о фактах, коммуникативная направленность, когнитивный диссонанс, феномен лжи

Для цитирования: Жарков И.В., Константинова В.В. Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 437-458. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Standard expert tasks in law cases with regard to articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and possible procedures of their solution

Igor V. ZHARKOV ✉, Veronika V. KONSTANTINOVA

RPO “Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes”

11 bldg. 1 Kibalchicha St., Moscow 129164, Russian Federation

✉ linguexpert@protonmail.com

Abstract. The subject of the study is standard expert tasks subject to solving in linguistic and complex psychological and linguistic forensic enquiries with regard to cases on the charge of speech act of crimes or speech delicts related to the concept of use of Armed Forces of the Russian Federation. The relevance of the analysis resulted from the status of the corresponding criminal and administrative statutory regulations being innovations and from the fact that currently the practices of both commissioning of expert evidence and performance of expert examinations with regard to such cases are in course of development. In the course of the study, the expert tasks related to the sphere of the linguistic and psychological special conusance, stemming from the essential properties and characteristics of law cases pertaining to the denoted category, corresponding to the general task of forensic enquiries stated by article 2 of the “Act on state forensic activities in the Russian Federation” and reflecting developing administration of law were elicited, series of thoughts about possible procedures of solution of the expert tasks were expressed and proved. Based on the results of the study described in the article, the list of the standard expert tasks for the law cases pertaining to the denoted category is suggested.

Keywords: standard expert tasks, linguistic forensic enquiries, comprehensive psychological and linguistic forensic enquiries, deliberate falsity, discrediting use of Armed Forces of the Russian Federation, statement of facts, communicatory orientation, cognitive dissonance, phenomenon of lying

For citation: Zharkov I.V. Konstantinova V.V. Tipovyye ekspertnyye zadachi v sudebnykh delakh po stat'yam 207.3 UK RF, 280.3 UK RF, 20.3.3 KoAP RF i vozmozhnyye metody ikh resheniya [Standard expert tasks in law cases with regard to articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and possible procedures of their solution]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 437-458. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с появлением весной 2022 г. ряда новелл в российском законодательстве, связанным с актуализацией явления, обозначенного законодателем как «использование Вооружённых Сил Российской Федерации», в настоящее время активно формируется практика проведения лингвистических и

комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, расследуемым соответственно по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ. Решаемые в рамках этих судебно-экспертных исследований экспертные задачи, типовые вопросы, рекомендуемые к постановке на разрешение экспертов, методы их разрешения и обслу-

живающий их понятийный аппарат нуждаются в разработке, описании, обосновании, осмыслении.

Говоря о судебно-экспертной деятельности в любом её аспекте, всегда требуется соотносить любые идеи и концепции с общей задачей судебно-экспертной деятельности, закреплённой в статье 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В соответствии с введённой законодателем дефиницией, задача государственной судебно-экспертной деятельности (далее также СЭД) состоит в «содействии судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Во всех основных видах процесса судопроизводства, включая процесс уголовный и процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях, законодатель наделяет эксперта правом на экспертную инициативу: эксперт вправе «указывать в своём заключении имеющие значение для дела обстоятельства, которые установлены при проведении экспертизы и по поводу которых ему не были поставлены вопросы» (п. 3 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ), «давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования» (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Неотъемлемой частью права на экспертную инициативу является возможность для эксперта судить о том, какие обстоятельства могут иметь значение для разрешения дела, опираясь на общие системные свойства категории, к которой дело относится, и на конкретные обстоятельства того дела, в рамках которого производится экспертиза.

Поскольку, как сказано выше, в настоящей статье речь идёт о производстве судебно-экспертных исследований по делам, связанным с новеллами законодательства, понятие права на экспертную инициативу приобретает применительно к таким делам особо актуальное звучание. Экспертам следует учитывать, что практика назначения экспер-

тиз по этим делам также находится лишь в стадии формирования и в настоящее время очень далека от того состояния, в котором её можно было бы назвать устоявшейся. В результате правоприменитель (судья, следователь, дознаватель), формулируя вопросы, которые он ставит на разрешение экспертов, не всегда способен корректно определить пределы их специальной компетенции и далеко не всегда имеет корректное представление о возможностях лингвистической и комплексной психолого-лингвистической экспертизы по таким делам.

Актуальность выбранной темы обусловлена также тем, что новизна и практически полное отсутствие стабильной правоприменительной практики, по мнению правоприменителей, требует «особого внимания к некоторым аспектам в процессе доказывания по уголовным делам данной категории <...> в ходе процесса доказывания необходимо подтвердить, что лицо заранее знало о недостоверности информации и при этом приняло меры по доведению её до двух и более лиц, то есть имело прямой умысел на совершение действий, направленных на дискредитацию деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации. Во избежание интерпретации действий органов предварительного следствия в доказательном процессе как субъективных, необходимо прибегнуть к услугам специалистов, в рамках проведения экспертиз, в том числе психолингвистической» [1]. С психологической точки зрения, эта позиция представляется логичной и обоснованной, поскольку от субъективного отношения лица, создавшего или распространившего спорный текст (*знание* о недостоверности, ложности распространяемой информации или, напротив, *убеждённость* в её достоверности, то есть *вера в её достоверность*), зависит квалификация его действий.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Возможности и ограничения специальной компетенции экспертов-лингвистов и экспертов-психологов при производстве экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, расследуемым соответственно по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, должны по-

лучить объективное отражение в типовых экспертных задачах, подлежащих решению экспертами в рамках судебной лингвистической и судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы. В качестве производных от типовых экспертных задач следует рассматривать типовые вопросы, рекомендуемые к постановке на разрешение экспертов. В свою очередь сами типовые экспертные задачи являются производными от категории дела, определяемой исходя из состава преступления или правонарушения, описываемого диспозицией соответствующей правовой нормы в виде набора объективных и субъективных признаков. При введении в законодательство той или иной новеллы возникает новый набор таких признаков, и кратчайший путь определения соответствующего этим признакам набора экспертных задач с очевидностью пролегает через анализ диспозиций.

В настоящей статье описан анализ диспозиции статей 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, в ходе которого каждый признак определённых в этих статьях составов оценивался с точки зрения потенциала применения специальных лингвистических и психологических знаний для его установления, а обнаруженный потенциал рассматривался как основа особой типовой экспертной задачи, вытекающей из категории дела. Особое внимание уделялось связанным с этими задачами ограничениям специальной компетенции, вытекающим из природы СЭД; рассматривались возможные методы их решения. Выявленные задачи сопоставлялись с известной авторам из личного опыта СЭД практикой назначения и проведения экспертиз и экспертных исследований по делам, расследуемым по перечисленным статьям УК РФ и КоАП РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Общими для всех трёх диспозиций, описывающих преступления и правонарушения, ответственность за которые предусмотрена статьями 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, являются **(1) факт речевой деятельности законодателя, применившего в тексте каждой из трёх диспозиций словосочетание «использование Вооружённых**

Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности», и (2) признак публичности действий, ответственность за которые вводится указанными нормами законодательства.

В случаях, когда рассматриваемые предполагаемые преступления и правонарушения совершаются в речевой форме (а именно эти случаи являются существенными для сферы лингвистической и комплексной психолого-лингвистической экспертизы), тождественное обозначение законодателем предмета речи даёт достаточные основания для условного объединения трёх названных норм законодательства в **единую категорию (гиперкатеорию) судебных дел,** связанных с продуктами публичной речевой деятельности, предметом речи в которых является «использование Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности».

1.1. Оснований рассматривать словосочетание «использование Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности» как особый специальный термин юриспруденции не имеется. Текст УК РФ, в соответствии с п. 1 ст. 3 федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», относится к классу текстов, для которых обязательным является использование государственного языка, и подлежит буквальному толкованию (интерпретации) с учётом норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации. Следовательно, буквальный смысл процитированного словосочетания также подлежит установлению на основе норм и правил современного русского литературного языка.

Главное слово в составе этого словосочетания **использование** относится к лексико-грамматическому разряду отглагольных существительных, обозначающих действие, названное мотивирующим глаголом. В качестве мотивирующего глагола в данном случае выступает глагол *использовать*. Синсемичным для рассматриваемого словосочета-

ния значением, совместимым с личным (номинация *Вооружённые Силы Российской Федерации*, согласно ч. 1 ст. 10 федерального закона «Об обороне», является в современном русском языке обозначением определённой «организации» – структурированной совокупности лиц) объектом действия, обозначаемого данным глаголом, является значение ‘воспользоваться – пользоваться услугами кого-л. с какой-л. целью’. (Здесь и далее, если прямо не оговорено иное, словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря» под ред. С.А. Кузнецова¹. При этом авторы принимали во внимание данные всех известных толковых словарей современного русского языка, между которыми в ходе настоящего исследования не было выявлено несоответствий, потенциально существенных с точки зрения стоящей перед авторами задачи.)

Исходя из общих категориальных свойств отглагольных существительных, такое существительное является полисемичным, будучи способным в норме обозначать: (а) собственно действие, названное мотивирующим глаголом; (б) единичный акт этого действия. Неоднозначность существительного *использование* поддерживается также двувидовой принадлежностью мотивирующего глагола.

Словесная конструкция *в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности* в составе рассматриваемого словосочетания определяет следующие действия:

- защита интересов Российской Федерации;
- защита интересов граждан Российской Федерации;
- поддержание международного мира;
- поддержание безопасности –

в качестве действий, к осуществлению которых направлено то использование Вооружённых Сил Российской Федерации, о котором идёт речь.

Наличие в составе рассматриваемого словосочетания словесной конструкции *в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания междуна-*

родного мира и безопасности обеспечивает однозначную интерпретацию действия, описываемого рассматриваемым словосочетанием, как осознанного, целенаправленного, активного действия. Эффект применения Вооружённых Сил Российской Федерации, способствующий достижению перечисленных целей (защите интересов РФ и т. д.), не является для субъекта, совершающего это действие, побочным результатом не зависящих от воли этого субъекта событий или его действия, имеющего иную направленность.

Каких-либо сведений о способе *использования* Вооружённых Сил Российской Федерации, о котором идёт речь, диспозиции рассматриваемых статей не содержат. Следовательно, ограничений в отношении конкретного характера и содержания действий, посредством которых Вооружёнными Силами оказываются или были оказаны услуги, о которых идёт речь, законодатель не вводит. Сведений о конкретном субъекте, который использует или использовал Вооружённые Силы Российской Федерации – осознанно и целенаправленно воспользовался их услугами, преследуя то или иное подмножество четырёх перечисленных целей, диспозиции рассматриваемых статей также не содержат. Следовательно, ограничений в отношении субъекта, пользующегося или воспользовавшегося теми услугами Вооружённых Сил, о которых идёт речь, законодатель не вводит.

Таким образом, исходя из норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка РФ, словосочетание *использование Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности* в контексте рассматриваемых диспозиций **является неоднозначным, допускает две существенно различных интерпретации:**

(а) как таковая **абстрактная идея осознанного и целенаправленного получения любым лицом любых услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации** при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов Российской Федерации, и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации, и (или) к поддержанию международного мира, и (или)

¹ Использовалась электронная версия указанного словаря в авторской редакции 2014 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, **вне зависимости от каких бы то ни было фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе от совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооружённые Силы РФ, и от совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных;

(б) любой конкретный акт осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации, направленного к защите любых интересов Российской Федерации, и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации, и (или) к поддержанию международного мира, и (или) к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, подлежащий рассмотрению **в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооружённые Силы РФ, и в совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных.

Принимая во внимание синсемичное рассматриваемому контексту значение существительного *интересы* 'то, что составляет благо кого-, чего-л., служит на пользу кому-, чему-л.; нужды, потребности', в составе которого присутствует ярко выраженный компонент прямой субъективной позитивной оценки характеризуемого явления 'благо', следует констатировать, что такие словесные конструкции, как «интересы Российской Федерации» или «интересы граждан Российской Федерации», выражают скрытые аналитические и оценочные суждения о том, что нечто не названное является чем-то хорошим ('благом') для Российской Федерации как юридического лица или некоего подмножества физических лиц, состоящих с указанным юридическим лицом в отношениях гражданства.

Для описанного выше варианта интерпретации (б) полная оценка тех или иных конкретных предметов, явлений, обстоятельств реальной действительности и тому подобное как соответствующих понятиям «интересы Российской Федерации», «интересы граждан Российской Федерации» выходит

за пределы компетенции лингвистов и психологов. При этом общеизвестно, что в обществе существуют разные взгляды на то, что для государства и общества является благом, а что благом не является. Можно лишь предположить, что такая оценка в общем случае будет находиться в зависимости от применяемой системы ценностей и критериев, выбор которых будет определяться волей субъекта, эту оценку производящего, тем самым с неизбежностью будет носить субъективный, произвольный характер.

Известная нам из личного опыта судебно-экспертной деятельности **практика назначения и проведения экспертиз по делам рассматриваемой категории во всех случаях связана с интерпретацией (б)** – правоприменитель расследует обстоятельства, связанные с речевыми действиями, предметом речи в которых является одно и то же мероприятие, описываемое в процессуальных документах различным, но при этом существенно сходным образом, например (список не является исчерпывающим):

– «специальная военная операция, решение о проведении которой было принято 24.02.2022 Президентом Российской Федерации, в связи с обращением глав ДНР и ЛНР с просьбой об оказании помощи, в соответствии с ч. 7 ст. 51 Устава Организации Объединённых Наций от 26.06.1945, в соответствии с Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 № 35-СФ, во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием Российской Федерации 22.02.2022 Договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и ДНР и о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и ЛНР»;

– «использование Вооружённых Сил Российской Федерации на основании решения Верховным Главнокомандующим Вооружёнными Силами Российской Федерации – Президентом Российской Федерации с согласия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, утвержденного постановлением от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан,

поддержания международного мира и безопасности на территории Украины в соответствии со статьей 10 Федерального закона «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ».

Следует заметить, что подобные описательные конструкции, применяемые, как правило, органами следствия при назначении экспертизы для обозначения того мероприятия по использованию ВС РФ, распространение информации о котором следствие заинтересовало, характеризуются наличием предположения, согласно которой цели указанного мероприятия определенно известны и соответствие целей этого мероприятия понятиям, связанным с защитой интересов Российской Федерации, интересов граждан Российской Федерации и т. д., в какой-либо дополнительной проверке и доказывании уже не нуждается.

1.2. Квалификация тех или иных действий по распространению информации как действий *публичных* относится к компетенции специалистов в областях лингвистики и (или) психологии лишь в части определения характера коммуникации. (Ср. методическое положение, принятое в судебно-экспертной практике РФЦСЭ при Минюсте России: «Для квалификации деяния, наряду с установлением наличия призыва и его направленности, следствию (суду) необходимо установить умысел автора призыва и публичность его действий. **В рамках экспертизы могут быть решены только вопросы** о целенаправленности коммуникативных, речевых действий автора (например, целенаправленность передачи определённых характеристик объекта речи), а также **о характере коммуникации (межличностный, публичный, массовый)**» [2, с. 12]).

2. Диспозиция ч. 1 ст. **207.3 УК РФ** включает в себя в качестве описания признаков деяния, ответственность за которое предусмотрена этой статьей, указания на то, что **(1)** распространённая информация является **ложной**; **(2)** ложность распространённой информации в момент её распространения являлась **заведомой** для лица, распространившего эту информацию.

Оценка истинностного статуса той или иной информации, в том числе её квалификация как ложной, в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространён-

ная информация носит специальный лингвистический и (или) психологический характер) выходит за пределы ограниченной процессуальной компетенции лингвистов и психологов.

2.1. Лингвистический аспект, связанный с признаком заведомости ложного характера сведений, подробно рассмотрен в работе И.В. Жаркова и Е.А. Колтуновой «Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности» [3]. Установление заведомости ложного характера сведений как таковой тесно связано с правовой категорией умысла и в общем случае, безусловно, выходит за пределы ограниченной процессуальной компетенции лингвистов и психологов, однако существует ряд специальных лингвистических признаков, проявляющихся в тексте объективно, которые могут либо служить косвенным подтверждением гипотезы о заведомости ложного характера информации, либо, напротив (и чаще), позволяют со всей определённостью эту гипотезу опровергнуть, поскольку «возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных недостоверными, по параметру их именно **заведомой** недостоверности является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов» [3, с. 342]. Обязательным условием, обеспечивающим возможность квалификации каких-либо распространённых сведений как сведений заведомо ложных, является условие их выражения в спорном тексте в форме утверждений о фактах, традиционно противопоставляемой в судебной лингвистической экспертизе разнообразным формам выражения субъективного мнения. «Информация, имеющая лингвистические маркеры мнения или оценочного суждения, не может быть отнесена к заведомо ложной <...> Крайне важно для квалификации информации отделять языковую форму *утверждения* от *убеждения*, то есть убеждённого мнения» [3, с. 342].

Сказанное согласуется с известной нам из личного опыта судебно-экспертной деятельности **практикой назначения и проведения экспертиз** по делам рассматриваемой категории. Во всех известных нам случаях

следствием на разрешение экспертов ставились вопросы о наличии в спорном тексте информации, относящейся к интересующему следствие мероприятию в форме специальной военной операции, и о том, выражена ли такая информация в форме утверждений о фактах. Недопустимыми представляются наблюдаемые в некоторых случаях попытки отказа от решающего разграничения поля языковых форм с противопоставлением *утверждения о фактах vs субъективные оценки, предположения, выводы, etc.* в пользу сугубо грамматической оппозиции *утверждения vs не утверждения*, создающие предпосылки для введения суда в заблуждение относительно круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела по статье 207.3 УК РФ. Высказывание «Российские войска понесли значительные потери» включает в себя наряду с утверждением о факте неких потерь, понесённых ВС РФ, выраженную в грамматической форме скрытого утверждения субъективную оценку этих потерь как значительных, но проверена на соответствие действительности здесь может быть только информация, выраженная в форме утверждений о фактах. Субъективная оценка, по определению не допускающая проверки на соответствие действительности, тем самым ни при каких условиях не может быть признана заведомо ложной.

2.2. При выявлении **психологических признаков заведомости** ложного характера сообщаемых сведений необходимо понимать и учитывать, что повсеместно используемые в обыденной жизни слова *ложь, неправда, обман* с точки зрения психологии имеют различное значение и содержание. Разграничение описываемых этими понятиями психических феноменов проводится исходя из субъективного отношения лица, сообщающего недостоверные сведения своему собеседнику (слушателю, читателю), к этой информации, зависит от его намерений, его цели и совершаемых им действий в процессе реализации этой цели. Если *ложь* – сознательное искажение истины, осознанный продукт речевой деятельности субъекта с целью ввести собеседника в заблуждение, то *обман* – это полуправда, провоцирующая понимающего её человека на ошибочные выводы из достоверных фактов, а *неправда* – высказывание,

основанное на искреннем заблуждении говорящего или на его неполном знании о том, о чём он говорит [4; 5].

Основными и существенными признаками лжи являются осознание ложности, намерение ввести в заблуждение и желание наступления последствий, в которых говорящий заинтересован. **Ложь** как социально-психологический феномен – преднамеренное осознанно неверное утверждение, с помощью которого человек вводит других в заблуждение, она социальна по своей природе, вне зависимости от устной или письменной формы выражения всегда обращена к другим людям, принципиально отлична от заблуждений и ошибок, является продуктом когнитивных логических процессов, не является самоцелью, а представляет собой средство определённого воздействия на других людей, применяемое для того, чтобы сформировать у них желаемые для распространяющего ложную информацию лица оценки, суждения и побуждения к определённым действиям. **Проблема разграничения лжи и неправды**, а именно: отграничения намеренного введения кого-либо в заблуждение от бессознательного процесса трансляции говорящим собственного субъективного заблуждения или неполной, фрагментарной информации о чём-либо – актуальна при установлении истины для принятия решений правового характера и представляет собой традиционный предмет изучения юридической психологии [6; 7].

Н.В. Крогиус указывает, что «заметная часть информационных материалов» оценивается реципиентами «сквозь призму интересов государственных, национальных, классовых, сословных, профессиональных, возрастных, личных, а также многих других позиций, включая ситуативные. Естественно, что в связи с противоречивым характером человеческих отношений, столкновением интересов многие факты и суждения толковались по-разному. У одних что-то называлось правдой, у других – то же самое считалось ложью» [6; 8].

Человек может получить ложную информацию и поверить в неё (субъективно оценив её как истинную) под действием различных факторов:

– реципиент получил сведения из источника, которому он лично доверяет, так как привык доверять;

– люди, относящиеся к представителям референтной для реципиента группы, доверяют этому источнику и расценивают рассматриваемую информацию как достоверную;

– люди, не относящиеся к представителям референтной для реципиента группы, не доверяют этому источнику и расценивают рассматриваемую информацию как не являющуюся достоверной – здесь проявляется эффект группового фаворитизма, эффекта противостояния *ингруппы* и *аутгруппы* (МЫ/ОНИ): если наши оппоненты считают некую информацию ложной, это лишь подтверждает правдивость рассматриваемого информационного сообщения;

– информация непротиворечиво соотносится со сформированными у реципиента социальными (в том числе кросс-культурными) установками, с имеющимся у него субъективным жизненным опытом, с предшествующей получению информации осведомлённостью и т. д.

Закономерно, что на отношение к получаемой информации в высокой степени влияют связанные с этим событием обстоятельства, возбуждающие у данного реципиента сильный эмоциональный отклик. Срабатывает когнитивный эффект «фигура на фоне», где внимание и эмоциональные реакции распределяются в соответствии с эффектами фона. Так, при демонстрации сцен страданий людей и (или) животных негативный эмоциональный отклик настолько силён, что сопутствующая информация об обстоятельствах происходящего может оцениваться без должной критичности и анализа. Механизмы психологических защит срабатывают при этом автоматически, за счёт их включения снижается спонтанно возникшее сильное психоэмоциональное напряжение от столкновения с психотравмирующей информацией, искажающей картину мира, существующую у реципиента.

Человеку, получающему противоречивые сведения из разных источников информации, для того чтобы отбросить сформировавшееся предубеждение, требуется удостовериться, что то, во что он верит, ложно. Под влиянием неосознаваемых механизмов психологических защит, таких как *рационализация, интеллектуализация и компенсация*, человек, убеждённый в чём-либо, подсозна-

тельно будет допускать до осознания лишь те информационные фрагменты, которые подкрепляют существующее у него убеждение, и будет игнорировать информационные фрагменты, нарушающие целостность сложившегося ранее образа и противоречащие субъективному мнению, сформировавшемуся у этого человека. Критика к ситуации и, в особенности, к собственному отношению к ситуации в таких условиях снижена. Осуществление доступа к позиции, противоречащей убеждённости человека в своей правоте, если носителем этой позиции является не авторитетное для данного человека лицо, как правило, не влечёт за собой последствий в виде признания человеком своих убеждений ложными. Этот психологический эффект (вернее, отсутствие эффекта) наблюдается и в тех случаях, когда противоречащая убеждениям человека позиция исходит от властных структур, включая органы исполнительной власти, транслируется представителями министерств и ведомств Российской Федерации или иного государства, номинируется как официальная позиция органов власти, включая официальные позиции Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ. Статус информационного сообщения об официальной позиции Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ не способен автоматически изменить степень чьей-либо убеждённости в том, насколько эта официальная позиция состоит из утверждений о действительных фактах и насколько она является истинной в части обобщений, выводов и оценок.

На постсоветском пространстве сложилось иррациональное предубеждение, выражающееся в часто встречающихся сомнениях в истинности информации, поступающей из официальных источников, а также наблюдаемое у части населения России иррациональное недоверие к любой власти как таковой (вне зависимости от того, какая именно группа лиц находится у власти в тот или иной момент времени). В результате проведённых социологических исследований было выяснено, что «...эмпирический опыт взаимодействия населения с конкретными политиками или чиновниками оказывается отрицательным, вследствие этого власть имеет крайне низкий рейтинг доверия...», а также

что «...в России общество не доверяет власти и её действиям, и это является важнейшей проблемой...» [9]. В последнее время, если исходить из результатов опросов общественного мнения (согласно данным ВЦИОМ, полученным на основе опросов «ВЦИОМ-СПУТНИК» – ежедневного всероссийского телефонного опроса), доверие к власти неуклонно растёт. Так, доверие лицу, замещающему должность Президента РФ, возросло (с 65,5 % 26 декабря 2021 г. до 81 % 27 марта 2022 г.), однако при этом нетрудно увидеть, что это доверие всё же далеко не составляет 100 % мнения жителей России (27 марта 2022 г. зафиксировано, что 15,4 % населения лицу, замещающему должность Президента РФ, не доверяют)². Если человек имеет мнение, отличное от коллективного мнения лиц, составляющих в настоящее время множество представителей власти, и представления об истинности транслируемой ими информации о проводимой специальной военной операции, противоречащие официальной позиции Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ, то любая информация, не подкреплённая достоверными и легко проверяемыми доказательствами, не основанная на легко проверяемых и подтверждающихся фактах, не будет восприниматься таким человеком в качестве достоверной, поскольку мнение представителей власти не является в данном случае мнением референтной для него группы и не вызывает у него доверия в автоматическом режиме. Наблюдая феномен недоверия власти со стороны части населения России, нетрудно увидеть, что противоречия между имеющимися установками и убеждениями этой части населения, с одной стороны, и официальной позицией органов власти Российской Федерации, с другой стороны, не являются для таких граждан поводом, причиной или стимулом к тому, чтобы непременно разделить официальную позицию Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ и субъективно признать её истинной. Заявляемый статус «официальной позиции» Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ не содержит оснований для признания этой позиции единственно верной и не

придаёт противоречащим этой позиции сведениям характера заведомой для лица X ложности даже в ситуации, когда достоверно установлено, что эта официальная позиция лицу X известна.

К числу факторов, подлежащих обязательному учёту в ходе психологического исследования спорных текстов, прямо или косвенно связанных с вопросами использования Вооружённых Сил Российской Федерации для проведения специальной военной операции, инициированной 24 февраля 2022 г., относятся возможные состояния психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта, вызванные высокой степенью **когнитивного диссонанса** – несоответствия между двумя или более когнитивными элементами, взаимоисключающими друг друга. В основе функционирования когнитивного диссонанса лежит «стремление человеческого сознания к согласованности, непротиворечивости его когнитивных элементов» [10]. Противоречие между когнитивными элементами провоцирует проявляющийся на психологическом и физиологическом уровне «дискомфорт, который стимулирует поиск решений, уменьшающих когнитивный диссонанс» [10] или устраняющих его. Способы снижения (устранения) когнитивного диссонанса для удовлетворения потребности в снижении психоэмоционального напряжения реализуются автоматически и на не осознаваемом уровне, через когнитивные искажения и психические защиты, также приводящие к искажению реальности, изменению картины мира для снижения уровня дискомфорта. *Рационализация* позволяет человеку найти объяснение, позволяющее сохранить привычную картину мира, даже если это объяснение не основано на реальности, оно будет казаться реальным, если соответствует ранее имевшимся знаниям, представлениям, убеждениям человека. Если при оценивании информации она гипотетически соответствует категории «истинной», но для придания ей статуса *истинности/ложности* не хватает требуемых критериями характеристик, то сознание начинает поиск и создание логически обоснованных «переходов» к вызывающей эмоциональный дискомфорт своей противоречивостью информации, в результате чего информации приписывается

² ВЦИОМ: сайт. Доверие политикам. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam>

характеристика, которая логически у этой информации могла бы быть, после чего информация «успешно проходит через так называемый *фильтр веры*» [11].

Условия социальной и информационной среды, в которой создаются и распространяются тексты, являющиеся спорными в рамках рассматриваемой категории дел, **полностью отвечают ситуации когнитивного диссонанса**. Столкновение нескольких потоков информации, каждый из которых противоречит другим, и при этом каждый из элементов информации сам по себе может быть и истинным, и ложным, а достоверно определить, что есть истина, в этой ситуации на уровне обыденного восприятия и на базе житейского опыта не представляется возможным, подвергает психику человека мощному травмирующему воздействию, вызывает высокую степень психоэмоционального дискомфорта. Воздействие информации, содержащей противоречия, которые человек на уровне обыденного восприятия и на базе житейского опыта не способен разрешить без ущерба для своего состояния, на протяжении нескольких месяцев с момента принятия решения о проведении специальной военной операции постоянно усиливается за счёт поступления новых информационных блоков, в том числе содержащих сведения, травмирующие для субъекта их восприятия, – сообщения о страданиях, разрушениях, смерти неизбежно вызывают негативную эмоциональную реакцию у любого здорового человека. С высокой вероятностью сильное психотравмирующее воздействие могут оказать такие противоречивые сведения, в отношении которых человек, в чьей психике произошло столкновение этих информационных потоков, самостоятельно не способен дать ответ об истинности/ложности той или иной информации.

Минимальный уровень когнитивного диссонанса и высокая скорость уменьшения его степени (вплоть до устранения) и, соответственно, снижения психологического дискомфорта, должны присутствовать у той части населения России ($\geq 81\%$, по приведённым выше данным ВЦИОМ), которая доверяет Президенту Российской Федерации, и которая тем самым заранее склонна рассматривать любые его решения как правильные

по умолчанию, направленные на благо государства и его граждан. При наличии такой психологической установки описанный выше когнитивный диссонанс преодолевается легко, с помощью стратегии, включающей в себя *проекцию (опору на непререкаемый авторитет), идентификацию, смещение, отрицание, вытеснение и регрессию*. Указанные стратегии, реализуемые через подключение не осознаваемых индивидом механизмов психической защиты, способны достаточно быстро устранить дискомфорт, вызванный диссонантными отношениями, «перебор стратегий происходит до полной победы одного из аргументов» [11]. Опора на авторитет лица, в настоящее время в очередной раз замещающего должность Президента Российской Федерации, является в данном случае настолько мощной основой стратегии преодоления когнитивного диссонанса, что воздействия иных стратегий *совладания* с психологическим дискомфортом не требуется вовсе или они используются в минимальном объёме. Доверяя действующему Президенту Российской Федерации, доверяя органам государственной власти России, более 81 % граждан России вследствие этого априорно доверяют также официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации, изложенной в официальных брифингах, и информации Министерства иностранных дел Российской Федерации.

В свою очередь другой части населения России ($\leq 15,4\%$), а именно тем лицам, которым не посчастливилось войти в состояние безусловного доверия Президенту Российской Федерации, преодолеть когнитивный диссонанс существенно сложнее и тяжелее. В их случае состояние сильного психологического дискомфорта, вызванного высокой степенью когнитивного диссонанса, сопровождается проживанием чувства вины, самоидентификацией через гуманистические идеи «коллективной ответственности». Такие феномены, как «*проекция*» и «*фильтр веры*», представлены здесь в зеркальном эквиваленте, а именно: люди, не доверяющие власти, в результате преодоления ими когнитивного диссонанса оказываются склонными расценивать поступающую из официальных российских источников информацию как ложную, а любые сведения, противоречащие ей, –

как правдивые. Стремясь к избавлению от метафизической вины в процессе преодоления когнитивного диссонанса через изменение поведенческих когнитивных компонентов, эти люди осуществляют распространение информации, которую субъективно считают истинной. При этом в размещаемых ими спорных текстах в большинстве случаев не обнаруживается психологических признаков направленности на распространение заведомо ложной информации; подлинная направленность оказывается связанной с удовлетворением совершенно иных потребностей, связанных с поддержанием психологического равновесия и гомеостаза.

2.3. Исходя из известной нам из личного опыта судебно-экспертной деятельности **практики назначения и проведения экспертиз** по делам рассматриваемой категории, одна из характерных претензий к текстам, возникающих у органов следствия и иных правоприменителей, связана с употреблением существительного *война* для номинации специальной военной операции. В основе таких претензий лежит позиция, сформулированная представителем Генеральной прокуратуры РФ в одном из процессуальных документов следующим образом: «Недостовверное изложение сути проводимой военной операции с одновременным использованием термина «война» представляет повышенную общественную значимость, поскольку участие Российской Федерации в полномасштабных военных действиях будет затрагивать широкий круг общественных интересов как в социальной, так и в экономической сферах (мобилизация населения, введение комендантского часа и другие)»³.

Следует подчеркнуть, что базис такой позиции, как нетрудно видеть, составляет трактовка номинации *война* как **специального термина юриспруденции**. Прочитанное суждение может считаться корректным лишь применительно к терминологически строгим текстам научного и официально-делового стилей, для которых справедливым будет утверждение о том, что словесное обозначение *война* действительно является в их составе термином в строгом смысле этого последнего слова.

Однако, по данным «Большого толкового словаря», прямое, первое словарное значение существительного *война*, если рассматривать его не в качестве специального термина юриспруденции или военного дела, а как общеупотребительное слово, описывается дефиницией ‘Вооружённая борьба между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

По данным того же источника, первое словарное значение прилагательного *военный* определяет его как относительное по значению 1 существительного *война*. По общему правилу значение относительных прилагательных в подобных случаях может быть определено как ‘имеющий отношение к явлению, названному мотивирующим именем существительным’. Следовательно, прямое словарное значение 1 прилагательного *война* может быть представлено в виде ‘имеющий отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

Понятийное содержание термина *военная операция* определяется в военном деле как форма ведения военных (имеющих отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства) действий оперативными (оперативно-стратегическими) объединениями вооружённых сил, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, манёвров, боёв и сражений разнородных войск (сил) видов Вооружённых Сил, которые проводятся одновременно и последовательно в соответствии с единым замыслом и планом для решения задач на театре военных действий или театре войны, стратегическом или операционном направлении (в определённой зоне, районе) в установленный период времени [12, т. 6, с. 64-67].

Точное понятийное содержание как родового термина *военная операция*, так и видового по отношению к нему термина *специальная военная операция* в полном объёме не относится к компетенции специалистов в области лингвистики, однако можно вполне определённо утверждать, что:

³ РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/07/2022/62d952339a7947e78507a3ce>

– мероприятие, которое может быть обозначено в текстах на современном русском литературном языке термином *военная операция*, определённо представляет собой совокупность действий, имеющую отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства;

– мероприятие, которое может быть обозначено в текстах на современном русском литературном языке как государственном языке РФ термином *специальная военная операция*, представляет собой некий особый вид, частный случай военной операции.

В составе обоих указанных терминов прилагательное *военный* употребляется в словарном значении 1 ‘имеющий отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

В общем случае отнесённость чего-либо к войне может быть различной. Так, например, в словесном обозначении *военные действия* в составе словосочетания «военные действия против Квантунской армии в августе 1945 года» смысловое содержание этого прилагательного может быть конкретизировано в виде ‘являющийся частью войны как вооружённой борьбы между государствами’, а в составе словосочетаний *военная промышленность* или *военные поставки* – в виде ‘предназначенный для обеспечения потребностей ведения войны как вооружённой борьбы между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

То обстоятельство, что в ходе проведения специальной военной операции за пределами государственной границы РФ, начавшейся 24 февраля 2022 г., систематически происходят акты вооружённой борьбы между государствами, в том числе между Российской Федерацией и Республикой Украиной, в том числе между легально существующими в указанных государствах вооружёнными силами, является общеизвестным.

Таким образом, точное смысловое содержание имени прилагательного *военный* в составе словосочетания *специальная военная операция* при его применении для обозначения

указанного мероприятия конкретизируется в виде ‘представляющий собой совокупность актов войны как вооружённой борьбы между государствами’. Тем самым термин *специальная военная операция* при его применении для номинации указанного мероприятия обозначает частный случай явления, в норме обозначаемого в современном русском языке общеупотребительным словом *война* в его первом, прямом словарном значении.

С учётом изложенного, обозначение именем существительным *война* специальной военной операции, проводимой ВС РФ на основании решения Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации – Президента Российской Федерации с согласия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, утверждённого постановлением от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации», в текстах, которые не относятся к научному и официально-деловому стилям современного русского языка, исходя из описанных лингвистических свойств такой номинации, не может рассматриваться как заведомо ложная информация. **Называя указанную спецоперацию войной, носитель современного русского языка вполне добросовестно реализует свою языковую компетенцию.**

3. Диспозиция ч. 1 ст. 207.3 УК РФ включает в себя в качестве описания одного из признаков деяния, ответственность за которое предусмотрена этой статьей, указание на то, что распространённая информация имеет вид достоверных сообщений.

Результаты анализа указанного признака аналогичны описанным в уже цитированной выше статье И.В. Жаркова и Е.А. Колтуновой для ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. «Словесная конструкция *под видом достоверного сообщения* предполагает <...> необходимость изучения языковой формы выражения сведений и коммуникативных свойств продуктов речевой деятельности, эти сведения содержащих, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии» [3, с. 342]. Как показано в указанной работе, речь идёт о представлении

информации как несомненной, когда говорящий выдаёт сообщаемые им сведения (в данном случае являющиеся для него заведомо ложными) «за своё твёрдое знание, что полностью соответствует использованному [законодателем] предлогу *«под видом»* в его единственном значении *‘выдавая кого-, что-л. за нечто иное’*» [3, с. 340].

При этом формой выражения информации, соответствующей её представлению в виде твёрдого знания говорящего, является форма утверждения о фактах – единственная форма, отражающая реальный мир, а не те субъективные представления о мире, которые сложились в сознании говорящего. Следовательно, **с точки зрения типовых экспертных задач по данной категории дел признак вида достоверных сообщений является дублирующим по отношению к признаку заведомости** ложного характера распространяемых сведений, предполагая **необходимость выявления в спорном тексте информации, выраженной в форме утверждений о фактах**: именно эта форма выражения сведений является единственной, которая не исключает возможности их заведомой ложности, и эта же форма обеспечивает распространяемой информации вид достоверных сообщений.

4. Диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ и ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ включают в себя в качестве описания одного из признаков деяний, ответственность за которые предусмотрена этими статьями, указание на то, что эти деяния **направлены на дискредитацию** определённого (описанного выше) использования ВС РФ.

4.1. Лингвистические аспекты этого признака и лежащего в его основе понятия дискредитации как целенаправленного речевого действия подробно рассмотрены в работе Е.А. Колтуновой и И.В. Жаркова «О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации» [13]. Положение о значимости и релевантности для сферы СЭД понятия дискредитации, подлежащего трактовке именно в качестве речевой стратегии, реализующейся в виде совокупности преднамеренных, подчинённых единой цели подрыва доверия к кому-либо или чему-либо речевых действий, разделяется также другими исследователями,

в частности, Е.И. Галяшиной: **«Целенаправленный** выбор языковых средств, направленных на **дискредитацию** положительных качеств и действий лица, формирует его негативный имидж, служит для доказывания того, что распространённые об истце сведения носят порочащий характер» [14, с. 255]. В сфере судебной лингвистической экспертизы в последнее время активно применяются алгоритмы, предложенные О.С. Иссерс [15; 16] и Н.Б. Руженцевой [17], также базирующиеся на идее определённой коммуникативной направленности стратегии дискредитации, – так, в случаях, когда объектом дискредитации выступает лицо, речь идёт о речевом воздействии, планируемый результат которого состоит в том, что адресат, или объект дискредитации должен быть «обижен, причём несправедливо, оскорблён», должен «чувствовать себя объектом насмешки» [16].

В указанной работе Е.А. Колтуновой и И.В. Жаркова приведены результаты дефиниционного анализа понятия дискредитации [13, с. 220-221], указывающие на его понятийное содержание, которое в общем случае может быть определено следующим образом: **‘подрыв доверия (убеждённости в честности, добросовестности, искренности кого-либо, чего-либо, в правильности чего-либо и основанного на этой убеждённости отношения к кому-либо, чему-либо) к кому-, чему-л., умаление авторитета, достоинства, значения кого-, чего-л.’**. Поскольку как в диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, так и в диспозиции ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ в качестве объекта дискредитации указывается не какое-либо физическое и юридическое лицо или совокупность таких лиц, а абстрактное понятие использования Вооружённых Сил, можно констатировать, что в рамках дел данной категории общее **понятие дискредитации** не является применимым в части, связанной с семантическими компонентами **‘честность’, ‘искренность’, ‘авторитет’, ‘достоинство’** (перечисленные семантические компоненты называют свойства, релевантные исключительно для лиц, и не могут рассматриваться как свойства абстрактных понятий, в том числе понятия *использование*), и может быть конкретизировано для дел данной категории как **‘подрыв доверия к чему-либо (убеждённости в добросовестности чего-либо, в**

правильности чего-либо и основанного на этой убеждённости отношения к чему-либо), умаление значения чего-либо’.

Полностью аналогично описанному в указанной работе положению дел с применением понятийного аппарата речевой стратегии дискредитации в судебно-экспертных исследованиях по так называемым «диффамационным» делам, для дел рассматриваемой категории справедлив вывод о том, что «если не соответствующих действительности утверждений о фактах в тексте не имеется, вывод о реализации иных признаков речевой стратегии дискредитации не имеет и не может иметь значения для разрешения дела» [13, с. 225-226]. С практической точки зрения это означает, что, сообразуясь с общей задачей СЭД, состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение для разрешения конкретного дела, эксперту при отсутствии в спорном тексте потенциально дискредитирующих использование ВС РФ утверждений о фактах следует трактовать иные выявленные им специальные признаки дискредитации как признаки, не являющиеся значимыми, а при наличии таких утверждений о фактах – обратить внимание правоприменителя на то, что выявленные в ходе экспертизы признаки дискредитации могут рассматриваться как значимые лишь в том случае, если судом будет установлено, что эти утверждения о фактах не соответствуют действительности.

4.2. Психологические аспекты понятия направленности на дискредитацию предполагают необходимость обнаружения психологических признаков субъективной направленности текста на достижение соответствующей цели как искомого коммуникативного намерения.

При условии достаточности объёма спорного текста целесообразно применение количественно-качественных методов психологического исследования текста. Применение таких методов исследования, как интент-анализ и контент-анализ спорных текстов (сообщений, объектов исследования), позволяет избежать субъективности исследователя при изучении объекта, в частности, при интерпретации текста, поскольку получаемые в результате применения этих мето-

дов данные обладают свойством повторяемости, проверяемости и опровергаемости, что соответствует принципам научного исследования в ходе осуществления СЭД. Для рассматриваемой новой категории дел предпочтителен прежде всего **интент-анализ**, позволяющий выявить **коммуникативную направленность** спорного текста (сообщения), которая должна устанавливаться с учётом контекста его обнародования (в том числе посредством размещения на определённом информационном ресурсе) и той коммуникативной ситуации, в которой он использовался. Основная цель метода интент-анализа – «реконструирование интенций высказывающегося по его речи (тексту), то есть выявление направленных вовне внутренних импульсов, намерений говорящего» [18].

В случае если особенности представленного для исследования информационного материала не позволяют провести кодировку и количественную обработку массива данных и выявить статистику встречаемости различных тем и интенций, характеризующих дискурс лица, речь (тексты) которого подлежат исследованию (слишком короткий текст длиной два-три предложения; креализованный текст и тому подобное), при проведении психологического исследования критически важной является необходимость организовать применение интерпретационного (качественного) анализа таким образом, чтобы, во-первых, предотвратить субъективное влияние исследователя на интерпретацию материалов, а, во-вторых, исходя из специфики особенностей рассматриваемой коммуникативной ситуации, иметь возможность выявить или исключить определённые конкретные интенции, содержащиеся в спорном тексте. Впрочем, эти требования к организации интерпретационного анализа справедливы и в ситуации, когда этот вид анализа применяется как дополнение к уже проведённому интент-анализу на этапе интерпретации полученных количественных показателей. Целесообразно опираться при этом на принятые при психологическом анализе политических текстов такие подлежащие выявлению **интенциональные категории**, как *презентация, самопрезентация, самокритика, безличные обвинения, безличное разоблачение, дискредитация, критика, обвинение,*

противостояние, размежевание, разоблачение, угроза, кооперация, побуждение, предупреждение, успокоение аудитории, анализ нейтральный, анализ отрицательный, анализ положительный, положительное оценивание, оценивание отрицательное, информация (приведение точных данных и фактов) [18; 19].

Существенно заметить, что интенции *критика, разоблачение, размежевание, дискредитация* и иные им подобные, связанные с присутствием в тексте негативной информации, выделены как отдельные категории анализа и отграничиваются друг от друга, поскольку отражают различные, отличающиеся психологические потребности и мотивы, различный когнитивный и аффективный рисунок субъективных внутренних импульсов и намерений говорящего. При невнимательности или субъективном неосознаваемом предубеждении исследователя существует иллюзорный риск контаминации – вторжения системы субъективных ценностей исследователя в интерпретацию рассматриваемых материалов. Так, признаки интенции *критика* по отношению к описываемому в спорном тексте явлению, событию, лицу при поверхностном либо пристрастном интерпретационном исследовании текста могут быть ошибочно расценены как признаки интенции *дискредитация*, несмотря на существенную разницу дефиниций: под *дискредитацией* понимается «приведение фактов и аргументов, подрывающих доверие к кому-либо или чему-либо, умаляющих чей-нибудь авторитет», а интенция *критика* определяется как «отрицательное суждение о человеке, людях (и его или их действиях и поступках)». Далеко не каждое отрицательное суждение о ком-либо или о чём-либо может быть обоснованно интерпретировано как результат реализованного коммуникативного намерения, имеющего направленность на *дискредитацию*, и, учитывая это, необходимо прояснить мотивы (понимаемые сугобо в психологическом смысле) действий лица, осуществившего публикацию спорного текста, рассматривая эти мотивы как следствие той или иной имеющейся у этого лица неудовлетворенной потребности. Зачастую из психологического контекста ситуации следует, что спорный текст, содержащий высказывания стрессогенного и (или) конфликтного

характера, имеет лишь дополнительную, вторичную коммуникативную направленность на критику события или явления, привлекающего внимание говорящего, а выявляемая в результате анализа текста основная коммуникативная направленность связана с необходимостью отражения вовне внутренних импульсов лица, опубликовавшего спорный текст, снижения таким образом спонтанно возникшего психоэмоционального напряжения, удовлетворения потребности в сохранении и поддержании психоэмоционального равновесия и целостности (гомеостаза).

Во всех известных нам делах данной категории под «использованием Вооружённых Сил Российской Федерации» имеется в виду вполне определенное мероприятие – специальная военная операция за пределами государственной границы РФ, начавшаяся 24 февраля 2022 г. На коммуникативную направленность текста, предметом речи в которых является указанное мероприятие, в настоящее время неизбежно влияют **психотравмирующий эмоциональный фон** и проживаемый лицом, опубликовавшим спорный текст, **полимодалный внутренний конфликт** между мотивами, между ролями, между установками, понимаемыми в психологическом смысле как *предготовность* к действию.

К внутриличностному конфликту между ролями в данном случае относится противоречие между ролью, определяемой статусом гражданина Российской Федерации, с одной стороны, и ролью лица, сомневающегося в правильности действий своего государства, с другой стороны.

Внутриличностный конфликт между установками основан на противоречии между сложившейся в результате жизненного опыта, влияния среды и воспитания социально-психологической установкой негативного отношения к войне, негативного отношения к насилию и *предготовности* осуждать действия, имеющие явные и ощутимые признаки *войны* («вооружённой борьбы между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства», согласно общеупотребительному прямому словарному значению), и поддерживать противоположное состояние, но-

минируемое именем существительным *мир* ('отсутствие войны, вооружённых действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов'), гордиться своим государством как государством-мироотворцем и защитником безопасности, с одной стороны, и возникающей и формирующейся под влиянием среды новой установкой, связанной с тем, что находящемуся в состоянии этого конкретного внутриличностного конфликта человеку приходится переоценивать характер действий своей страны, видоизменять своё восприятие понятия *война*, испытывать стыд вместо гордости и т. д., с другой стороны.

Противоречие между мотивом оставаться пассивным и, безусловно, законопослушным гражданином, обеспечить таким образом свою потребность в безопасности, с одной стороны, и мотивом попробовать повлиять на ситуацию (например, путём размещения в социальных сетях публикаций), реализовав потребность в самоуважении, порождает **внутриличностный конфликт между мотивами**.

Определённая коммуникативная направленность на *дискредитацию* кого-либо или чего-либо имеет место в такой коммуникативной ситуации, когда лицо, высказывающееся в публичном пространстве, осознаёт, что его высказывания подорвут доверие к кому-либо или чему-либо, умалят чей-нибудь авторитет, при этом предвидит возможность или неизбежность наступления таких последствий и осознанно желает кого-либо или что-либо дискредитировать. О психологических признаках направленности на *дискредитацию* можно говорить лишь в том случае, когда наряду с описанным внутриличностным конфликтом наблюдается также конфликт межличностный (противоречия) с третьим лицом, которое высказывающийся намерен, желает и готов *дискредитировать*, подорвав к нему доверие. При отсутствии достоверных данных, свидетельствующих о том, что лицо действовало не *реактивно*, а *проактивно* и осознавало своё намерение и желание осуществить *дискредитацию*, коммуникативная направленность текста даже при наличии психологических признаков негативного отношения к описываемой в тексте ситуации должна определяться иным обра-

зом (в зависимости от содержания конкретного текста это могут быть, например, интенции *критика, размежевание, разоблачение, анализ негативный, оценивание негативное*), а следовательно, должен быть сделан вывод об отсутствии в спорном тексте психологических признаков направленности на *дискредитацию*.

5. Важно иметь в виду, что **объектом наказуемой с точки зрения закона дискредитации** выступают не Вооружённые Силы РФ как организация или совокупность военнослужащих и не их действия, а **использование Вооружённых Сил Российской Федерации** в определённых целях, то есть **действия субъекта такого использования – осознанного и целенаправленного получения этим лицом услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации** при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов РФ, интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д.

Как нам известно из личного опыта судебно-экспертной деятельности, в некоторых случаях следователями на разрешение экспертов ставятся вопросы вида «Имеются ли в публикациях ..., представленных на экспертизу, высказывания, содержащие утверждения о действиях Вооружённых Сил Российской Федерации (российских военных) на территории другого государства? Если да, то каких?», «Содержится ли в представленных материалах информация о действиях Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Р. Украины, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?».

Сталкиваясь с подобными вопросами, эксперт должен сообразовать свои действия с общей задачей СЭД, установленной статьёй 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу. Следует учитывать, что не всякая информация о действиях, совершаемых ВС РФ «на территории другого государства», является информацией об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, осуществляемом неким не названным законодателем лицом. Значимыми для разрешения дела могут быть только све-

дения о таких действиях Вооружённых Сил, которые являются частью процесса осознанного и целенаправленного получения этим не названным лицом услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации, а не побочным эффектом такого использования. Иными словами, речь идёт о тех действиях Вооружённых Сил Российской Федерации, которые соответствуют замыслу лица, получающему от них услуги, направленные к защите интересов РФ, защите интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д. Игнорирование экспертом общей задачи СЭД в данном случае с неизбежностью повлечёт за собой создание угрозы введения суда в заблуждение относительно круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.

6. Из личного опыта судебно-экспертной деятельности нам известно также, что в некоторых случаях следователи ставят на разрешение экспертов вопросы о соответствии содержащихся в спорных текстах сведений «содержанию официальной позиции Министерства обороны РФ», «содержанию официальной позиции Министерства иностранных дел РФ» и т. п. На экспертизу в этом случае могут представляться, например, материалы в виде «стенограмм брифингов руководителя Департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны РФ генерал-майора Конашенкова», «видеоматериалов, содержащих выступления министра иностранных дел Лаврова», статей СМИ с изложением содержания указанных позиций и т. п. **Разрешение экспертами подобных вопросов представляется недопустимым**, так как, исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, имя существительное *позиция* в составе словосочетаний *официальная позиция Министерства обороны РФ* и *официальная позиция Министерства иностранных дел РФ* выражает точное значение, которое может быть представлено следующим образом: ‘мнение и (или) убеждение, положенные в основу поведения названных организаций’. Как существительное *позиция*, так и приведённые словосочетания обозначают форму информации, абсолютно противопоставляемую в лингвистической и психолого-лингвистической экспертизе форме утверждения о фактах, прежде всего по

параметру верифицируемости информации, выраженной в данных формах. Истинность позиции (мнения, убеждения), как истинность вообще любого суждения, может быть подвергнута оценке на основе различных критериев, выбор которых в общем случае является субъективным и, следовательно, произвольным, но такая оценка ни в коем случае не является проверкой информации на соответствие действительности. Фактически налицо попытка следствия осуществить **подмену верификации фактических сведений их сопоставлением с мнением третьих лиц**. Принимая во внимание всё ту же законодательно установленную общую задачу СЭД, долг эксперта в данной ситуации состоит в том, чтобы обратить на описанные обстоятельства внимание правоприменителя и отказаться отвечать на поставленный перед экспертом вопрос, мотивируя свой отказ необходимостью предотвращения угрозы введения суда в заблуждение.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование выявило следующие **типовые экспертные задачи**, подлежащие решению при производстве лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, расследуемым соответственно по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, вытекающие из сущностных свойств и особенностей судебных дел данной категории, соответствующие общей задаче СЭД, определённой статьей 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и отражающие практику правоприменения перечисленных норм законодательства:

- выявление в спорном тексте информации о любом конкретном акте осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации, подлежащем рассмотрению в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооружённые Силы РФ, и в совокупности иных событий,

с оказанием этих услуг, связанных с фиксацией точного содержания такой информации;

– точное установление предмета речи. Важно иметь в виду, что объектом наказуемой с точки зрения закона дискредитации выступают не Вооружённые Силы РФ как организация или совокупность военнослужащих и не их действия, а использование Вооружённых Сил Российской Федерации в определённых целях, то есть действия субъекта такого использования – осознанного и целенаправленного получения этим лицом услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов РФ, интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д.;

– установление формы выражения указанной информации при решающем противоположении формы утверждения о фактах различным формам выражения мнения. Данная экспертная задача, во-первых, связана с проверкой гипотезы о предположительной заведомости ложного характера распространённых сведений, поскольку выражение тех или иных сведений в формах, отличных от формы утверждения о фактах, является специальным лингвистическим признаком, позволяющим исключить такую заведомость. Во-вторых, форма утверждения о фактах является единственной формой высказываний, отвечающей признаку наличия у распространённой информации вида достоверного сообщения. В-третьих, наличие в тексте ложных утверждений о фактах является критически важным условием установления лингвистических и психологических признаков его направленности на дискредитацию чего-либо;

– определение характера коммуникации (межличностный, публичный, массовый). Данная экспертная задача связана с установлением специальных признаков предположительной публичности действий по распространению информации;

– установление специальных психологических признаков заведомости ложного характера распространённых сведений, основанных на отграничении предполагаемой лжи от предполагаемых неправды и обмана. При решении данной экспертной задачи необходимо учитывать особенности коммуникативной ситуации, в которой произведено распространение информации, включая условия социальной и информационной среды в целом и, в частности, наблюдаемый в настоящее время конфликт информационных потоков, относящихся к инициированной 24 февраля 2022 г. специальной военной операции, проводимой с использованием Вооружённых Сил РФ, который с высокой вероятностью способен вызывать у отправителя спорного сообщения состояния когнитивного диссонанса и связанных с ним психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта. Указанные состояния являются существенным фактором, подлежащим учёту при разграничении лжи и неправды;

– установление стилистической принадлежности спорного текста. Данная экспертная задача является критической, в частности, для адекватной объективно проявляющимся свойствам спорного текста интерпретации словоупотреблений существительного *война*, использование которого для обозначения специальных военных операций недопустимо в текстах официально-делового и научного стиля, но полностью отвечает языковой норме в текстах иной стилистической принадлежности;

– установление коммуникативной направленности спорного текста. При решении данной экспертной задачи критически важным является отграничение интенции *дискредитация* от интенций *критика*, *размежевание*, *разоблачение*, *анализ негативный*, *оценивание негативное*. В случае достаточности объёма спорного текста при решении данной задачи целесообразно применение метода интент-анализа.

Список источников

1. Шамаев А.М., Болобан М.Л. Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний, подпадающих под ст. 280.3. УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации» // Образование и право. 2022. № 4. С. 187-190. <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-4-186-190>

2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
3. Жарков И.В., Колтунова Е.А. Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Первый класс, 2021. С. 334-345.
4. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9-16.
5. Чахойн А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 74-79.
6. Крогиус Н.В. Правда о лжи: проблема рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. № 3. С. 105-110.
7. Пономаренков В.А. Биология ложных показаний // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 72-82.
8. Литвинова Т.А., Шевченко И.С., Литвинова О.А., Рыжкова Е.С. Диагностирование истинности/ложности высказывания как одно из направлений моделирования личности автора письменного текста // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 24. С. 119-125.
9. Царёв А.В., Крупенков В.В., Миненко Т.К. Проблема доверия к власти в России // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 4. С. 118-121.
10. Савицкая Т.В. Становление теории когнитивного диссонанса // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 16. С. 107-111.
11. Савицкая Т.В. Роль веры в преодолении когнитивного диссонанса в обыденном сознании // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (22). С. 46-53.
12. Советская военная энциклопедия / пред. ред. комис. А.А. Гречко: в 8 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 6. 671 с.
13. Колтунова Е.А., Жарков И.В. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Нефилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 218-227. <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227>
14. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021. 424 с.
15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 284 с.
16. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
17. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 294 с.
18. Анисимова Т.В., Никифорова Л.Ю., Самуйлова И.А., Щербакова Н.В. Основные методы психологического анализа политических текстов: Практикум по курсу лекций «Психология политической коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 124 с.
19. Ушакова Т.Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.

References

1. Shamayev A.M., Boloban M.L. Voprosy pravoprinenitel'noy praktiki pri kvalifikatsii deyaniy, podpadayushchikh pod st. 280.3. UK RF «Publichnyye deystviya, napravlennyye na diskreditatsiyu ispol'zovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii» [Issues of law enforcement practice in the qualification of actions under art. 280.3. Criminal Code of the Russian Federation “Public actions aimed to discredit the use of the Armed Forces of the Russian Federation”]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*, 2022, no. 4, pp. 187-190. <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-4-186-190> (In Russian).
2. Kukushkina O.V., Safonova Y.A., Sekerazh T.N. *Metodika provedeniya sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu i terrorizmu* [Methodology of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Case Materials Dealing with Countering Extremism and Terrorism]. Moscow, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2014, 98 p. (In Russian).
3. Zharkov I.V., Koltunova E.A. Obyazatel'nyye lingvisticheskiye priznaki zavedomosti lozhnogo i (ili) nedostovernogo kharaktera svedeniy, soderzhashchikhsya v produktakh rechevoy deyatel'nosti [Mandatory linguistic features of deliberately misleading and/or unreliable information in speech]. *Mezhdunarodnaya*

- nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Voprosy russkogo yazyka v yuridicheskikh delakh i protsedurakh» [International Scientific and Practical Conference “Issues of the Russian Language in Legal Matters and Procedures”]. St. Petersburg, First class Publ., 2021, pp. 334-345.
4. Znakov V.V. Nepravda, lozh' i obman kak problemy psikhologii ponimaniya [Untruth, False and Deception as Problems of the Psychology of Understanding], *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1993, no. 2, pp. 9-16. (In Russian).
 5. Chakhoyan A.S. Ponyatiye lzhi: differentsial'naya diagnostika [The concept of lie: differential diagnosis]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Theoretical and experimental psychology*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 74-79. (In Russian).
 6. Krogius N.V. Pravda o lzhi: problema refleksii [The truth about lies: the problem of reflection]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, no. 3, pp. 105-110. (In Russian).
 7. Ponomarenkov V.A. Biologiya lozhnykh pokazaniy [Biology of false testimony]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal Policy and Legal Life*, 2020, no. 1, pp. 72-82. (In Russian).
 8. Litvinova T.A., Shevchenko I.S., Litvinova O.A., Ryzhkova E.S. Diagnostirovaniye istinnosti/lozhnosti vyskazyvaniya kak odno iz napravleniy modelirovaniya lichnosti avtora pis'mennogo teksta [Revealing the truthfulness/falseness of a statement as one of directions of modeling the personality of the author of written text]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii – In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art Science and Culturology*, 2013, no. 24, pp. 119-125. (In Russian).
 9. Tsaryov A.V., Krupenkov V.V., Minenko T.K. Problema doveriya k vlasti v Rossii [Problem of trust to power in Russia]. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik uchebno-metodicheskogo ob'yedineniya – Economy, Statistics and Computer Science. Bulletin of the Educational and Methodological Association*, 2014, no. 4, pp. 118-121. (In Russian).
 10. Savitskaya T.V. Stanovleniye teorii kognitivnogo dissonansa [Formation of the theory of cognitive dissonance]. *Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike – Priority Scientific Directions: from Theory to Practice*, 2015, no. 16, pp. 107-111. (In Russian).
 11. Savitskaya T.V. Rol' very v preodolenii kognitivnogo dissonansa v obydenom soznanii [Faith role in cognitive dissonance negotiation in ordinary consciousness]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki – Bulletin KRASEC. Humanitarian Sciences*, 2013, no. 2 (22), pp. 46-53. (In Russian).
 12. Grechko A.A. (ed.). *Sovetskaya voyennaya entsiklopediya: v 8 t.* [Soviet Military Encyclopedia: in 8 vols.]. Moscow, Military Publ., 1976, vol. 6, 671 p. (In Russian).
 13. Koltunova E.A., Zharkov I.V. O predelakh primeneniya v lingvoekspertnoy praktike ponyatiya rechevoy strategii diskreditatsii [The limits of application of discrediting speech strategy concept in lingvo-expert practice]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 218-227. <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227> (In Russian).
 14. Galyashina E.I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Forensic Linguistic Expertise]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 424 p. (In Russian).
 15. Issers O.S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 288 p. (In Russian).
 16. Issers O.S. *Rechevoye vozdeystviye* [Speech Influence]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 224 p. (In Russian).
 17. Ruzhentseva N.B. *Diskreditiruyushchiye taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in the Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2004, 294 p. (In Russian).
 18. Anisimova T.V., Nikiforova L.Y., Samuylova I.A., Shcherbakova N.V. *Osnovnyye metody psikhologicheskogo analiza politicheskikh tekstov: Praktikum po kursu lektsiy «Psikhologiya politicheskoy kommunikatsii»* [The Main Methods of Psychological Analysis of Political Texts: Workshop on the Course of Lectures “Psychology of Political Communication”]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2007, 124 p. (In Russian).
 19. Ushakova T.N. *Rozhdeniye slova. Problemy psikhologii rechi i psikholingvistiki* [The Birth of a Word. Problems of the Psychology of Speech and Psycholinguistics]. Moscow, Institute of Psychology Russian Academy of Science Publ., 2011, 524 p. (In Russian).

Информация об авторах

Жарков Игорь Вениаминович, кандидат филологических наук, начальник научно-методического отдела, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-4069-5938](https://orcid.org/0000-0003-4069-5938), linguexpert@protonmail.com

Вклад в статью: идея статьи, анализ словарей и научной литературы, сбор данных о практике правоприменения, написание лингвистической части текста статьи, редактирование.

Константинова Вероника Валерьевна, член научно-методического совета, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, эксперт сообщества «Гуманитарная экспертиза для справедливого правосудия», практикующий психолог, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6247-9908](https://orcid.org/0000-0001-6247-9908), konstvero@gmail.com

Вклад в статью: анализ научной литературы, написание психологической части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022
Одобрена после рецензирования 29.08.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the authors

Igor V. Zharkov, Candidate of Philology, Head of the Scientific and Methodological Department, Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes, Moscow, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-4069-5938](https://orcid.org/0000-0003-4069-5938), linguexpert@protonmail.com

Contribution: idea drafting, dictionaries and scientific literature analysis, collection of data on law enforcement practice, drafting the linguistic part of the text of the manuscript, editing.

Veronika V. Konstantinova, Member of the Scientific and Methodological Council, Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes, community expert "Humanitarian Expertise for Fair Justice", practicing psychologist, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6247-9908](https://orcid.org/0000-0001-6247-9908), konstvero@gmail.com

Contribution: scientific literature analysis, description of the psychological part of the text of the article.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 17.08.2022
Approved after reviewing 29.08.2022
Accepted for publication 16.09.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373; 001.4

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-459-470

Синергетический подход к изучению устойчивости и подвижности значения слова (на материале полисеманта *красный*)

Галина Ивановна КАНАКИНА, Светлана Владимировна КЕЗИНА ✉

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ svkezina@gmail.com

Аннотация. Проанализирована семантическая структура полисеманта *красный*. Цель исследования – синергетическое осмысление семантической устойчивости и подвижности многозначного слова. В качестве основных методов лингвистического исследования использованы сопоставительный, аддитивный, сравнительно-исторический, историко-сравнительный и метод компонентного анализа. Проблема устойчивости и подвижности значения слова связана, с одной стороны, со значительным накоплением фактического материала, требующего объяснения, с другой стороны, с недостаточной объяснительной силой традиционных подходов к изучению семантической асимметрии и объективными трудностями реконструкции дописменного состояния семантики слова. Новизна исследования определяется синергетическим подходом к изучению устойчивости и подвижности значения слова, предполагающим рассмотрение семантической асимметрии в синергетической системе. Выявлено, что единство устойчивости и подвижности семантической структуры полисеманта как иерархически организованной системы обеспечивает её динамическое равновесие. В процессе эволюции лексемы динамическое равновесие нарушается за счёт гипертрофированного роста означаемых при одном означающем, что ведёт к неустойчивости системы и кардинальным изменениям в ней. Обосновано, что семантическая устойчивость полисеманта *красный* проявляется в сохранении им семемы «красный» и обеспечивается гомеостатичностью и иерархичностью, а семантическая подвижность проявляется, в частности, в актуализации одних сем или семем и в погашении других и детерминруется незамкнутостью, неустойчивостью и нелинейностью многозначного слова как синергетической системы. Сделан вывод о возможности использования результатов исследования для динамического (синхронно-диахронического) описания полисемантических слов.

Ключевые слова: синергетический подход, полисемант *красный*, семантика цвета, семантика оценки, устойчивость и подвижность значения слова, динамическое равновесие

Для цитирования: Канакина Г.И., Кезина С.В. Синергетический подход к изучению устойчивости и подвижности значения слова (на материале полисеманта *красный*) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 459-470. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-459-470>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Synergistic approach to the study of stability and mobility of the word meaning (on the material of polysemant *red*)

Galina I. KANAKINA, Svetlana V. KEZINA ✉

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation
✉ svkezina@gmail.com

Abstract. We analyze the semantic structure of the polysemant *red*. The purpose of study is synergistic understanding of semantic stability and mobility of a polysemantic word. The main methods of the linguistic research are comparative, additive, comparative-historical, historical-comparative and method of component analysis. The problem of the stability and mobility of the word meaning is associated, on the one hand, with a significant accumulation of actual material, which requires explanation, on the other hand, with insufficient explanatory power of traditional approaches to study of semantic asymmetry and objective difficulties in reconstructing the preliterate state of a word semantics. The novelty of the study is determined by a synergistic approach to the study of the stability and mobility of the word meaning, which involves considering semantic asymmetry in a synergistic system. It is revealed that the unity of stability and mobility of polysemant semantic structure as a hierarchically organized system of sememes provides its dynamic equilibrium. In the process of lexeme evolution, dynamic equilibrium is disrupted due to hypertrophied growth of the meant with one meaning, that leads to the instability of the system and cardinal changes in it. It is justified that the semantic stability of a polysemant *red* is manifested in its preservation of the sememe “red” and is ensured by homeostaticity and hierachicity, and the semantical mobility is manifested, in particular, in the actualization of one sememe or some sememes, and in the redemption of others, and is determined by the incompleteness, instability and nonlinear style of a polysemantic word as a synergistic system. We conclude that it is possible to use the results of the study for a dynamic (synchronous-diachronic) description of polysemantic words.

Keywords: synergistic approach, polysemant *red*, colour semantics, evaluation semantics, word meaning stability and mobility, dynamic equilibrium

For citation: Kanakina G.I., Kezina S.V. Sinergeticheskiy podkhod k izucheniyu ustoychivosti i podvizhnosti znacheniya slova (na materiale polisemanta *krasnyy*) [Synergistic approach to the study of stability and mobility of the word meaning (on the material of polysemant *red*)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 459-470. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-459-470> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

«На рубеже XX и XXI веков стало очевидным, что человечество переходит от одной эпохи мышления и деятельности к другой: от «века анализа и синтеза» к «веку систем» [1, с. 151]. Междисциплинарность и трансдисциплинарность разных областей знания детерминировали появление системологии как общеметодологической и метана-

учной дисциплины [2]. Ядром системологии является общая теория систем [3], основные положения которой актуальны для исследователей различных областей человеческой деятельности и научного знания и предназначены «для интеграции, «сжатия» научных знаний, их фундаментализации и создания обобщающих моделей» [1, с. 152-153]. На современном этапе науки активно используется *синергетический тип систем*. Синерге-

тика изучает принципы коэволюции и саморегулирования сложноорганизованных систем разного рода, подчиняющихся единым законам развития. Самоорганизующейся считается система, которая «способна адекватно реагировать на внешние изменения и воздействия, изменяя самостоятельно свои параметры, структуру, функции и тем самым сохраняя себя» [4, с. 319].

Поскольку язык как естественная (ментально-биологическая) знаковая система относится к сложным системам, к нему применимы принципы и методы синергетики. К основным принципам синергетики относятся 1) принципы, обеспечивающие «порядок» системы, её стабильное функционирование: *гомеостатичность* и *иерархичность*; 2) принципы, детерминирующие эволюцию системы, её подвижность: *нелинейность*, *незамкнутость*, *неустойчивость*, *динамическая иерархичность* и *наблюдаемость* [1].

«Лингвосинергетика – не просто новый этап, а активно развиваемая самостоятельная парадигма системной лингвистики, в основе которой лежит подход к языку/речи/дискурсу как динамической саморегулируемой системе» [5, с. 14], «один из методологических подходов к описанию динамического пространства языка» [6, с. 22]. Категориальный аппарат и методы синергетики активно используются при изучении крупных лексических объединений [7–10], дискурса [4; 11], при исследовании новых масс-медиа образований и воспроизводимых единиц языка из прошлого [12], истории языка [6].

Одной из актуальных проблем исторической лексикологии русского языка является проблема устойчивости и подвижности значения слова. В научной традиции существуют различные способы экспликации этого явления, которые не всегда дают ответы на интересующие семасиологов вопросы. Объектом настоящего исследования является план содержания полисеманта – его семантическая структура как иерархически организованная система значений (семем). Предмет научного анализа – устойчивость и подвижность семантики многозначного слова. Цель исследования – синергетическое осмысление семантической устойчивости и подвижности многозначного слова. Для научного анализа использованы сопостави-

тельный, аддитивный, сравнительно-исторический, историко-сравнительный методы и метод компонентного анализа.

АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ

При изучении устойчивости и подвижности значения слова мы, следуя за Воронежской школой сопоставительных исследований, опираемся на положение о том, что «современная семасиология исходит из многозначности слова (наличия у него разных семем, образующих иерархию) и структурной организации каждого значения (семемы) в форме упорядоченной совокупности отдельных семантических компонентов (сем)» [13, с. 25]. Современная семасиология, как «вся «классическая» семасиология, обращена к рассмотрению изменения значений отдельных слов (или группы слов), смены семем, соотнесённых с одной и той же лексемой» [14, с. 341].

Полисемант неслучайно оказался в центре внимания семасиологов. Он является сложной, динамической, саморегулируемой системой, организованной по синергетическому принципу фрактальности: структура полисеманта повторяет (обнаруживает черты аналогии) структуру лексико-семантической системы языка [15], лексического класса [16]. Следовательно, как и глобальная лексико-семантическая система языка, полисемант обладает всеми свойствами синергетической системы (далее в тексте используем сокращение Л.С. Пихтовниковой – С-система) [4, с. 319]. Рассмотрим основные аспекты системного исследования семантической устойчивости и подвижности полисеманта: их экспликацию, проявления, функции и причины.

Устойчивое и подвижное в семантике многозначного слова в отечественной научной традиции рассматривается как ядерное (центральное, стержневое, стабильное) и периферийное (добавочное, дополнительное, изменчивое). Р.А. Будагов отмечает: «Во всяком многозначимом слове есть обычно *стержневое значение*, вокруг которого как бы группируются добавочные подзначения. Эти добавочные и подчас многочисленные подзначения, очень изменчивые и подвиж-

ные, были бы немислимы без центрального и устойчивого значения слова, от которого они, хотя и откалываются, но которому вместе с тем они обязаны своей жизнью» [17, с. 108]. В структуре полисеманта чётко обозначаются ядерные значения (основные, общеупотребительные, частотные), «в меньшей степени подверженные изменениям» [15, с. 255], и периферийные (дополнительные, технические, профессиональные), наиболее подвижные, отражающие непрерывные изменения в семантике многозначного слова, способного (как всякая открытая система) «откликаться» на любые изменения во внешней среде: в мышлении носителей языка, общей системе языка и предметном мире. При этом «устойчивое в языке не должно пониматься как совершенно неподвижное, а лишь как *более устойчивое* по сравнению с *подвижными* элементами языка, то есть как исторически устойчивое» [17, с. 106].

Выделение ядра и периферии в семантической структуре полисеманта свидетельствует о семантической асимметрии, репрезентирующей единство семантической устойчивости и подвижности. Единство семантической устойчивости и изменчивости «является фактом, необходимо присущим языку» [18, с. 76], «характерным для языка вообще, составляющим его важную специфику» [17, с. 106]. В единстве семантической устойчивости и изменчивости проявляется синергетический принцип гомеостатичности, предполагающий поддержание программы функционирования полисеманта как системы. Кроме того, ядро и периферия семантической структуры полисеманта находятся в чётко выстроенных иерархических отношениях. Гомеостатичность и иерархичность плана содержания полисеманта способствуют его стабильности и упорядоченности как С-системы.

Ядерная (более устойчивая) и периферийная (более подвижная) составляющие полисемантического слова выполняют определённые функции. Ядерное значение формирует структуру полисеманта: «разнообразные переносные смыслы слова... подвижные и изменчивые, развиваются на основе центрального и основного значения, устойчивого и как бы цементирующего все остальные подзначения слова» [17, с. 108]. «Семантиче-

ская устойчивость, чёткость семантических границ и соответствие речевой практики словарным описаниям» [15, с. 254] обеспечивают взаимопонимание носителей языка, а семантическая подвижность обеспечивает его гибкость, «способность наименовать что угодно, передать любую информацию» [18, с. 75]. В.Г. Гак пишет: «Таким образом, если устойчивость семантической стороны языковых единиц обеспечивает взаимопонимание лиц, пользующихся данным языком, то изменчивость их значения обеспечивает выполнение языком его коммуникативной функции» [18, с. 76].

Семантическая структура полисеманта постоянно обновляется. Перечислим основные изменения, происходящие в структуре многозначного слова: семантизация (включение новой семы), десемантизация (утрата семы) и транссемантизация (переход одной семемы в другую путём изменения признаков) [14, с. 357; 19, с. 146]. Языковые факты показывают, что утратой прежней семемы или её элементов (сем), прибавлением новой и переходом одной семемы в другую семантическая подвижность многозначного слова не исчерпывается. Кроме перечисленных изменений, исследователи отмечают «стремление некоторых значений к периферии, к стиранию или утрате мотивации» [15, с. 255] и специализацию значения [16; 17; 19]. Н.Ю. Шведова говорит также о «возрождении» некоторых значений. Анализируя теоретические результаты, полученные в ходе работы над «Русским семантическим словарём» (проанализировано около 300000 словозначений), исследователь так описывает изменения в полисеманте: «Слово постоянно развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя «спящие», но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие» [16, с. 7]. Из сказанного следует, что устойчивость и изменчивость семантики слова не могут эксплицироваться только как актуализация (доминантность) одних и погашение (рецессивность) других семем или сем [18; 20]. Процессы семантических преобразований гораздо сложнее.

Причины семантической устойчивости и подвижности полисеманта как С-системы связаны с его самоорганизацией. С-система телеологична, то есть имеет цель существо-

вания, поэтому она, непрерывно взаимодействуя с внешней средой, корректирует всякое влияние извне. «Эта корректировка осуществляется за счёт отрицательных обратных связей, подавляющих любое отклонение в программе поведения, возникшее под действием внешних воздействий среды» [1, с. 163]. Вот почему неотъемлемым свойством плана содержания многозначного слова является семантическая асимметрия, поддерживающая динамическое равновесие полисеманта как С-системы.

Вслед за Н.Ю. Шведовой, мы считаем, что полисемант – «живая, движущаяся и развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращённым вовне – к реалиям, требующим именованья, к другим словам и к связям между ними» [16, с. 7].

УСТОЙЧИВЫЕ И ПОДВИЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМАНТА *КРАСНЫЙ* В СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рассмотрим семантическую устойчивость и изменчивость на примере лексемы *красный*. Материалом для настоящего исследования послужили данные Словаря древнерусского языка XI–XIV веков¹, Словаря русского языка XI–XVII веков², Словаря русского языка XVIII века³, Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Императорской Академией наук (1847 г.)⁴ и Словаря современного русского литературного языка (БАС)⁵, составленных на основе письменных источников. Учитывая, что «письменность – важный, но относительно поздний этап, за порогом которого лежит дальнейшее начало многих явлений» [21, с. 5], и

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 559 с.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 352 с.

³ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. Л.: Наука, 1998. 256 с.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Императорской Академией наук: в 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. 471 с.

⁵ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. Т. V. Москва; Ленинград: АН СССР, 1956. 1920 с.

что история лексемы *красный* началась задолго до письменного периода, мы будем исследовать полисемант *красный* в составе диахронического поля (ДП) с использованием результатов внешней и внутренней реконструкции [22]. Как и И.В. Садыкова [23], мы относим слово *красный* к ДП с и.-е. корнем *kēg: kōg и признаём его родство с лексемой *чёрный* [24].

Семантика цвета формировалась за счёт включения в семантическую структуру базисного слова (предполагают, что оно называло огонь, выступающий древнейшим эталоном красного цвета) цветовых семем. Научкой установлено, что хроматические семемы включались в семантическую структуру слова в строго определённой последовательности. Эта последовательность отражена, в частности, в схеме Берлина и Кея, составленной на основе данных разносистемных языков и эксплицированной той или иной стадией развития языка: *белый и чёрный – красный – зелёный и жёлтый – синий – коричневый – розовый, голубой, серый, оранжевый и фиолетовый* [22, с. 229].

Семемы *белый и чёрный, красный, зелёный и жёлтый*, как видим, дополнили семантику базисного слова раньше других, так как были закреплены за важнейшими для жизни человека предметами и явлениями: ранние семемы *белый и чёрный* через звено *светлый – тёмный* восходят к смыслам *свет* и *тьма*; *красный* связана с огнём; *зелёный и жёлтый*, как свидетельствуют языковые факты, одновременно включены в семантическую структуру слова и закреплены научной мыслью за развитием земледелия. Все перечисленные семемы в разное время включались в семантику слова-этимона, способствуя её расширению. В результате была образована синкрета, отличающаяся сложностью, гетерогенностью (одно слово обозначало разные цвета) и невыводимостью одного значения из другого. Всё сказанное подтверждает реконструкция исторической семантики индоевропейского корня *kēg: kōg, к которому восходят лексемы *красный* и *чёрный*: др.-инд. *karat̥as* «тёмно-красный» – др.-инд. *hári* «светлый» – полаб. *cárne* «чёрный» – др.-исл. *harr* «серый, седой» – др.-инд. *hári(s)* «жёлтый, золотистый, зеленоватый» – лит. *kėršas* «чёрно-белый», «пятнистый» –

др.-прусс. *kirsnan* «чёрный» – польск. *czernony* «красный, золотой», *czarny* «чёрный» – болг. *zacherвя се* «покраснеть» – укр. *червоный* «красный», «алый», «багровый» – чеш. морав. *červený* «русый» – болг. *червѣн* «красный», *червенокос* «рыжий» – русск. диал. *жаркой* «огненный, красно-жёлтый» (уральск.), *черемный* «рыжеволосый» (вятск., пермск., сиб.), *черёмый* «гнедой или бурой масти (о корове)» (забайкальск.), русск. диал. *красный* «рудой, алый, чермный, червлёной, кирпичный, малиновый, огневой и прочих разных оттенков и густоты», польск. *kraśnięc* «пылать, сиять» и т. д. [22, с. 116-123]. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что семантика цвета развивается уже в индоевропейский период и все накопленные временем семемы закономерно наследуются языками после распада индоевропейского языка-основы. Заметим, что схема Б. Берлина и П. Кея не отражает семему «пёстрый/пятнистый/многоцветный», последовательно сохранившуюся во всех языках. Эта семема не квалифицируется исследователями как собственно цветовая. Мы, напротив, считаем её самой ранней собственно цветовой семемой. Наше мнение базируется на научных данных о целостном восприятии окружающего мира первобытными людьми как универсальном свойстве отражения, присущим человеку на ранних этапах развития. Древний человек вычленял и называл первоначально не отдельный цвет, а цвет вообще – пятно, пёстроту, многоцветье. Затем постепенно дифференцировал цвета и их оттенки и вносил в семантику слова преобразованные в семемы новые смыслы в соответствии со значимостью для человека предмета, цвет которого номинировался. Вот почему семема «пёстрый» занимает «собственное» место в семантике лексемы *красный*, как и любой другой цветовой лексемы. Кроме цветового локуса (совокупности цветовых семем), в семантической структуре эволюционирующего базисного слова развивается оценочный локус. Оценочная семема древняя, развивалась параллельно (возможно, раньше) с цветовыми и отличалась, во-первых, бинарностью (оценка была положительная и отрицательная), во-вторых, широким диапазоном денотативных областей (оценивалось всё). Бинарная семема «делилась» в истории языка

и множилась, расширяя оценочный локус полисеманта.

Все перечисленные семемы были включены в семантический объём лексемы *красный* уже в дописьменный период, причём часть семем была унаследована от более ранних уровней ДП, часть образовалась в общеславянский период. Количество означаемых оставалось прежним, а количество означаемых непрерывно увеличивалось. В процессе эволюции синкрета усложнилась, превратилась в сложную многокомпонентную форму и достигла точки бифуркации – такого неустойчивого, неравновесного состояния, когда старая сложная форма разрушается и система выбирает один из путей дальнейшего развития, который нельзя предсказать с точностью. Древняя синкрета распалась, а её элементы различно актуализировались в языках-когнатах: др.-исл. *harr* «серый, седой» – др.-инд. *hári(s)* «жёлтый, золотистый, зеленоватый» – лит. *kėršas* «чёрно-белый», «пятнистый» и др. Различная актуализация фрагментов древней синкреты после её распада в разных языках репрезентирует «стохастичность – непредсказуемость маршрутов, по которым может эволюционировать система» [1, с. 164].

Синкретичная семантика лексемы *красный*, включающая исторически развитые цветовые и оценочные семемы, претерпела распад ещё до письменного периода, о чём свидетельствуют материалы Словаря древнерусского языка XI–XIV веков. Словарь не отражает цветовую семантику слова, однако отражает избыточную оценочную семантику. Системный подход к осмыслению семантики лексемы *красный* заставляет нас взглянуть на этот факт следующим образом: зафиксированные в Словаре оценочные семемы указывают на их актуальность в данный исторический период, а не на то, что слово *красный* ещё не развило цветового значения, как это принято в научной традиции. Последнее опровергается как результатами представленной реконструкции, так и материалом устного народного творчества, сохранившим семантику цвета. Например, в загадках *красный* отмечено в значениях «цвета огня» (Мать толста, дочь *красна*, сын кудреват, по поднебесью летат (Печь, огонь и дым), *Красный* кочет дыру точит (Огонь) и «разноцвет-

ный» (*Красное* коромысло через реку повисло (Радуга). Возможно, актуальная оценочность, причём избыточная, и послужила основанием для утверждения, что первоначальное, исконное значение лексемы *красный* – «красивый, прекрасный» [25, с. 162].

В Словаре древнерусского языка XI–XIV веков полисемант *красный* зафиксирован в 4-х основных значениях: «красивый, прекрасный» (к. место/лицо/руки и т. д.), «хороший, прекрасный; приятный, милый» (к. милостыня/песнь/жених и т. д.), «богато украшенный, красиво отделанный, разубранный» (к. палаты/дома/стены), «роскошный, пышный, зрелый, цветущий (о растениях, плодах и т. п.)». Ко 2-му и 3-му значениям даны дополнительные: «радостный, приятный, сладостный», «достойный, добродетельный, праведный» и «стройный, благозвучный (о церковном пении); сопровождающийся вокальными украшениями»⁶. Все значения оценочные, причём только положительные. В переносном (метафорическом) значении лексема *красный* употребляется в устойчивом сочетании *врата красная* – о рае. Важно отметить, что основные семемы являются разложимыми на семы и в ряде случаев повторяют их. В целом оценочная семантика неопределённая, но в ней намечается стремление к дифференциации («стройный, благозвучный (о церковном пении); сопровождающийся вокальными украшениями»). Отсутствие цветовой семемы у лексемы *красный* можно объяснить её временным погашением (рецессивностью, имплицитностью), в то время как оценочная семема актуальна (доминантна, эксплицитна). Возможно, слияние цветовой и оценочной семем в ряде случаев и, как следствие, их неразличение привели к тому, что цветное значение оказалось «затемнённым».

Словарь русского языка XI–XVII веков репрезентирует расширение семантики лексемы *красный*. Здесь 7 основных значений: 5 оценочных и 2 цветных. Перечислим оценочные значения: «красивый, прекрасный», «очень хороший, превосходный; дарующий радость, благодатный», «главный, парадный», «высокосортный, наиболее ценный», «выполняющий тонкую, дорогую, требую-

щую искусства работу (о мастерах)». Все семемы разложимые. Последние три мы квалифицируем как дифференцированные, закреплённые за конкретными признаками и денотативными областями. Словарь обнаруживает связь оценочной и цветовой семантики: семема «яркий, выделяющийся цветом, цветной, пёстрый» передаёт оттенок значения «красивый, прекрасный». Кроме оценочных, Словарь фиксирует цветные семемы: «красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневатый с красноватым оттенком)» и «крашенный, цветной». Разложимая семема «красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневатый с красноватым оттенком)» представлена семой «красный» как доминантной и дополнительными семемами, передающими оттенки преимущественно в границах красного тона. Семы «красный» и «цветной», на наш взгляд, репрезентируют актуализацию «спящих» [16, с. 7] сем или семем, а не появление слова *красный* «в своей новой роли, в качестве цветообозначения» [25, с. 165-166]. Однако «всеобъемлющая» оценочность, актуализированная в русском языке вплоть до XVIII века, настолько слилась с семантикой цвета, что они стали неразличимыми. Н.Б. Бахилина, изучавшая историю цветообозначений на материале памятников письменности, пишет о том, что время первой фиксации лексемы *красный* в качестве цветообозначения «колеблется в довольно обширных пределах почти двух столетий, от XIV до XVI в.» [25, с. 166].

В словарной статье к слову *красный* в Словаре русского языка XI–XVII веков приведено 14 фразеологических единиц (ФЕ) с лексемой *красный* (ФЕ *врата красная*, зафиксированная Словарём XI–XIV веков, здесь не отражена). Анализ ФЕ показал, что оценочная и цветная семантика разграничиваются в десяти случаях (*красная (государева) печать* – государственная печать из красного воска и *красный ряд* – торговый ряд, в котором торгуют дорогим, красным товаром), в четырёх ФЕ цветная и оценочная семантика смешаны (*красный лес* – хвойный строевой лес, а также его древесина как строительный материал, *красная медь* – чистая медь (без примесей)).

Словарь русского языка XVIII века фиксирует 4 значения лексемы *красный*. Цвето-

⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 559 с.

вое значение «имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и близких оттенков» уточняется, в семеме включаются семы, репрезентирующие связь лексемы с предметом-эталоном цветоименования – «цвета крови». В семантику слова включены также два оценочных значения: «красивый (о внешнем виде, наружности)» и «превосходный, прекрасный, отличный (как общая характеристика лиц, предметов, свойств, явлений и действий, выделяющая их среди других)». 4-е значение предполагает использование лексемы *красный* в терминологических сочетаниях. Терминологические сочетания формируются в XVIII веке вследствие развития науки: они включают лексему *красный* и даны с пометами ботан., зоол., хим., минер. и др. В словарной статье приведено 54 ФЕ, в которых лексема *красный* примерно одинаково выступает в основных оценочных (26) и цветовых (24) значениях. Среди 54 ФЕ только 5 сохранили связь с ФЕ из Словаря русского языка XI–XVII веков: *красный воск, сургуч; красное золото; красный лес; красная сосна и красный товар*.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Императорской Академией наук (1847 г.), разграничивает цветовую и оценочную семантику, что выражается в омонимии: фиксируется *красный* с цветовым значением «отражающий один из цветов радуги, подверженный менее прочих преломлению лучей; червлённый, чермный» и *красный* с оценочными семемами: «имеющий весьма правильную и привлекательную наружность; лепый, пригожий, красивый» и «о погоде: ясный, ведренный». К цветовому значению относится 21 ФЕ, включающая лексему *красный* как в цветовом, так и в оценочном значении. 11 ФЕ не являются новыми, они неравномерно представлены на более ранних лингвохронологических уровнях: *к. гриб, к. дерево, к. зверь, к. крыльцо, к. окно, к. слово/слово, к. лес, к. медь, к. рыба, к. строка, к. дичь*. К омониму *красный* относится одна ФЕ: *красные дни* – дни счастливые и благополучные.

Словарь современного русского литературного языка (БАС) не фиксирует омонимию, так как семантика оценки теряет актуальность, и объединяет цветовые и оценочные (с пометой *устар.*) семемы в одной сло-

варной статье. БАС отмечает у *красный* 4 значения: «имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и его близких оттенков», «относящийся к революционной деятельности; связанный с советским социалистическим строем», «устар. Красивый, прекрасный (обычно как постоянный эпитет)» и «устар. Парадный, почётный». 31 ФЕ к словарной статье включает 10, накопленных веками (сравнение со Словарём 1847 г. показывает утрату ФЕ *красное крыльцо*), из новых отметим наиболее активные: *красные кровяные тельца, Красный крест, красная цена*.

Сравнение семантики лексемы *красный* на 5-ти лингвохронологических уровнях показывает, что она включает два древних локуса – цветовой и оценочный, одинаково восходящих к индоевропейскому периоду, но различно актуализированных на разных этапах истории русского языка. Цветовые и оценочные семемы могли бы развиваться параллельно и стабильно, поддерживая динамическое равновесие плана содержания полисеманта. Но этого не случилось: оценочность (преимущественно положительная) стала актуализироваться, причём на протяжении очень длительного времени. Актуализация проявилась в неоднократно сменяющихся друг друга процессах её генерализации (обобщения) и дифференциации (оценки конкретного предмета/признака/явления). Бурный рост, накопление оценочных сем и семем наблюдается с XI по XVIII век. Это выразилось, в частности, в увеличении ФЕ с оценочной семантикой у лексемы *красный*: в период XI–XIV веков – 1 ФЕ, XI–XVII веков – 10 ФЕ (5 с очевидной семантикой оценки, 5 – со смешанной семантикой), XVIII век – 26 ФЕ с основными оценочными значениями и 5 – с оттенками оценочных значений (всего 31 ФЕ). В XIX веке наблюдается резкий спад оценочности, её отграничение от семантики цвета, что выразилось в распаде полисемии и образовании омонимов. В БАС оценочные семемы даются с пометой «устар.», что подтверждает их полное погашение. С очевидной оценочной семантикой *красный* выступает в устойчивых сочетаниях *красная дичь* (лучшая дичь), *красное слово* (остроумное слово, выражение), *красный зверь* (наиболее ценный для охотников) и *красная цена* (са-

мая высокая цена, которую можно дать за что-либо).

ВЫВОДЫ

Анализ материала пяти лингвохронологических уровней в письменный период с опорой на результаты реконструкции семантики *красный* в дописьменный период показал, что семантическая структура полисеманта ведёт начало от индоевропейского периода и репрезентирует смену динамического равновесия кардинальными изменениями. Таких изменений в истории лексемы *красный* было два: распад цветовой синкреты в поздний дописьменный период и, как следствие, закрепление за лексемой *красный* в русском языке значения «красный» и распад полисеманта на омонимы в конце XVIII – начале XIX века, в результате чего семантика оценки была погашена, а семантика цвета актуализирована, и лексема *красный* стала доминантой в группе красного тона. Слияние семантики цвета и оценки в значительном количестве примеров из письменных источников не позволяет точно установить время актуализации семемы «красный».

Таким образом, семантическая структура полисеманта *красный* – динамическая, самоорганизующаяся, открытая система, динамическое равновесие которой поддерживается единством её устойчивости и подвижности. Устойчивость плана содержания полисеман-

та проявляется в сохранении им семемы «красный» с момента её закрепления в русском языке до современного состояния. Эта устойчивость обеспечивается связью с древнейшими предметами-эталоном наименования цвета (огнём и кровью), ядерным характером семемы «красный» в семантическом континууме лексико-семантической группы красного тона и лексемы *красный* в колоративной системе русского языка, а также основной функцией лексемы – называть красный цвет и его оттенки, то есть гомеостатичностью и иерархичностью полисеманта как С-системы.

Подвижность семантики лексемы *красный* проявляется в актуализации одних и погашении других сем и/или семем, в непрерывной генерации и смене сем/семем, обусловленными историко-культурным контекстом (смена религий, развитие науки, культуры, ремёсел и т. п.) и другими факторами, а также в «движении» от ядра к периферии и наоборот, в возрождении «спящих» сем/семем и т. д. Подвижность значения слова детерминируется незамкнутостью и неустойчивостью полисеманта как С-системы, а «маршруты» дальнейшего развития после кардинальных изменений – её нелинейным характером.

Результаты исследования могут быть использованы для динамического (синхронно-диахронического) описания полисемантических слов.

Список источников

1. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: Флинта, 2014. 820 с.
2. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / под ред. Ю.Г. Косарева. М.: Сов. радио, 1978. 368 с.
3. Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. 518 с.
4. Синергетика в филологических исследованиях / под общ. ред. Л.С. Пихтовниковой. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2015. 340 с.
5. Барбазюк В.Ю. Возникновение синергетической парадигмы в языкознании // *Lingua mobilis*. 2010. № 6 (25). С. 12-19.
6. Домброван Т.И. История английского языка как объект исследования в диахронической лингвистике // Синергетика в филологических исследованиях / под общ. ред. Л.С. Пихтовниковой. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2015. С. 20-61.
7. Пятаева Н.В. Принципы и методы динамического исследования сложных лексических систем // *Paradigmata poznání*. 2015. № 1. С. 42-48.
8. Пятаева Н.В. Антропоцентрический и синергетический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 185 с.

9. Богодист В.И. Лингвистическая синергетика и словарный состав современного французского языка // Поволжский педагогический поиск. Филология. 2014. № 3 (9). С. 133-135.
10. Дубинина Н.В., Никифорова Е.Б. Динамические процессы в лексико-семантической группе «Колоративы» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 101-107.
11. Пономаренко Е.В., Паришутина Г.А. Нелинейность как системное свойство функционального пространства английского делового дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 156-160.
12. Шаховский В.И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 5-11.
13. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований). Воронеж: Изд-во ООО «Ритм», 2019. 226 с.
14. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: 6 Междунар. съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1968. С. 339-365.
15. Попова А.Р. Слово-полисемант и лексико-семантическая система: черты изоморфизма // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7 (75). С. 250-256.
16. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.
17. Будагов Р.А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1951. Т. X. Вып. 2. С. 105-115.
18. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73-91.
19. Москович В.А. Из полесской терминологии цветообозначений // Полесье. М.: Наука, 1968. С. 126-161.
20. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 189 с.
21. Иванов В.В., Трубочёв О.Н. Федот Петрович Филин (1908–1982) // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 3-9.
22. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. 304 с.
23. Садыкова И.В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 21 с.
24. Кезина С.В. «Красное» и «чёрное»: к вопросу о происхождении цветообозначений // Язык в пространстве и времени: тез. и материалы Междунар. науч. конф. Самара: СамГПУ, 2002. Ч. 1. С. 27-32.
25. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

References

1. Komarova Z.I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2014, 820 p. (In Russian).
2. Melnikov G.P. *Sistemologiya i yazykovyye aspekty kibernetiki* [Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics]. Moscow, Sovetskoye radio Publ., 1978, 368 p. (In Russian).
3. Sadovskogo V.N., Yudina E.G. (general ed. and introductory art.). *Issledovaniya po obshchey teorii sistem: sbornik perevodov* [Studies in General Systems Theory: Collection of Translations]. Moscow, Progress Publ., 1969, 518 p. (In Russian).
4. Pikhtovnikovoy L.S. (general ed.). *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyakh* [Synergetics in Philological Research]. Kharkov, Karazin University Publ., 2015, 340 p. (In Russian).
5. Barbazyuk V.Y. Voznikoveniye sinergeticheskoy paradigmy v yazykoznanii [The emergence of a synergetic paradigm in linguistics]. *Lingua mobilis*, 2010, no. 6 (25), pp. 12-19. (In Russian).
6. Dombrovan T.I. Istoriya angliyskogo yazyka kak ob'yekt issledovaniya v diakhronicheskoy lingvosinergetike [The history of the English language as an object of study in diachronic linguosynergetics]. *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyakh* [Synergetics in Philological Research]. Kharkov, Karazin University Publ., 2015, pp. 20-61. (In Russian).
7. Pyatayeva N.V. Printsipy i metody dinamicheskogo issledovaniya slozhnykh leksicheskikh sistem [Principles and methods of dynamic research of complex lexical systems]. *Paradigmata Poznani – Paradigms of Knowledge*, 2015, no. 1, pp. 42-48. (In Russian).

8. Pyatayeva N.V. *Antropotsentricheskii i sinergeticheskiy printsipy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskikh gnezd* [Anthropocentric and Synergetic Principles of Linguistics in the Dynamic Study of Lexical Nests]. Moscow; Berlin, Direct-Media Publ., 2019, 185 p. (In Russian).
9. Bogodist V.I. Lingvisticheskaya sinergetika i slovarnyy sostav sovremennogo frantsuzskogo yazyka [Linguistic synergy and vocabulary of the modern French language]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk. Filologiya – Volga Region Pedagogical Search. Philology*, 2014, no. 3 (9), pp. 133-135. (In Russian).
10. Dubinina N.V., Nikiforova E.B. Dinamicheskiye protsessy v leksiko-semanticheskoy grupe «Kolorativy» [Dynamic processes in lexico-semantic group of “Coloratives”]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – The Reporter of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 101-107. (In Russian).
11. Ponomarenko E.V., Parshchikova G.A. Nelineynost’ kak sistemnoye svoystvo funktsional’nogo prostranstva angliyskogo delovogo diskursa [Non-linearity as systemic property of functional space of business English discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2018, vol. 24, no 3, pp. 156-160. (In Russian).
12. Shakhovskiy V.I. Sinergetika slova v semasiologicheskoy semiotike yazyka [Synergy of a word in semasiological semiotics of the language]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2015, no. 2, pp. 5-11. (In Russian).
13. Konopelko I.P. *Sopostavitel’nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka (iz opyta Voronezhskoy shkoly sopostavitel’nykh issledovaniy)* [Comparative Analysis in Language Research and Teaching (From the Experience of the Voronezh School of Comparative Studies)]. Voronezh, “Ritm” Publ., 2019, 226 p. (In Russian).
14. Tolstoy N.I. Nekotoryye problemy sravnitel’noy slavyanskoy semasiologii [Some problems of comparative Slavic semasiology]. *Slavyanskoye yazykoznanie: 6 Mezhdunarodny s’yezd slavistov* [Slavic Linguistics: 6th International Congress of Slavists]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1968, pp. 339-365. (In Russian).
15. Popova A.R. Slovo-polisemant i leksiko-semanticheskaya sistema: cherty izomorfizma [A polysemantic word and lexical-semantic system: features of isomorphism]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2009, no. 7 (75), pp. 250-256. (In Russian).
16. Shvedova N.Y. Teoreticheskiye rezul’taty, poluchennyye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovarem» [Theoretical results obtained in the work on the “Russian Semantic Dictionary”]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1999, no. 1, pp. 3-16. (In Russian).
17. Budagov R.A. K probleme ustoychivyykh i podvizhnykh elementov v leksike [On the problem of stable and mobile elements in vocabulary]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Department*, 1951, vol. 10, no. 2, pp. 105-115.
18. Gak V.G. K dialektike semanticheskikh otноsheniy v yazyke [On the dialectic of semantic relations in language]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and Methods of Semantic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 73-91. (In Russian).
19. Moskovich V.A. Iz poleskoy terminologii tsvetooboznacheniy [From Polissya terminology of color designations]. *Poles’ye* [Woodlands]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 126-161. (In Russian).
20. Makovskiy M.M. *Lingvisticheskaya genetika: Problemy ontogeneza slova v indoyevropeyskikh yazykakh* [Linguistic Genetics: Problems of Word Ontogeny in Indo-European Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 189 p. (In Russian).
21. Ivanov V.V., Trubachev O.N. Fedot Petrovich Filin (1908–1982) [Fedot Petrovich Filin (1908–1982)]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1982, no. 4, pp. 3-9. (In Russian).
22. Kezina S.V. *Semanticheskoye pole tsvetooboznacheniy v russkom yazyke (diakhronicheskiy aspekt)* [Semantic Field of Colour Terms in Russian (Diachronic Aspect)]. Penza, Penza State University named after V.G. Belinsky, 2008, 304 p. (In Russian).
23. Sadykova I.V. *Oboznacheniyе krasnogo tsveta v russkom yazyke v istoriko-etimologicheskoye aspekte: avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Designation of the Red Color in Russian in the Historical and Etymological Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tomsk, 2006, 21 p. (In Russian).
24. Kezina S.V. «Krasnoye» i «chernoye»: k voprosu o proiskhozhdenii tsvetooboznacheniy [“Red” and “black”: on the question of the origin of colour designations]. *Tezisy i materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yazyk v prostranstve i vremeni»* [Theses and Materials of the International scientific Conference “Language in Space and Time”]. Samara, Samara State Pedagogical University Publ., 2002, pt 1, pp. 27-32. (In Russian).

25. Bakhilina N.B. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [The History of Colour Terms in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 288 p. (In Russian).

Информация об авторах

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-5759-7579](https://orcid.org/0000-0002-5759-7579), anakina-kafedra@mail.ru

Вклад в статью: изучение источников, анализ фактического материала, написание части текста, редактирование статьи.

Кезина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-3518-5549](https://orcid.org/0000-0002-3518-5549), Svkezina@gmail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, подбор первичного материала, работа с источниками, написание части текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022
Одобрена после рецензирования 23.05.2022
Принята к публикации 24.06.2022

Information about the authors

Galina I. Kanakina, Candidate of Pedagogy, Professor, Head of “Russian Language and Methods of Teaching Russian Language” Department of the V.G. Belinsky Institute of Teacher Education, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5759-7579](https://orcid.org/0000-0002-5759-7579), anakina-kafedra@mail.ru

Contribution: sources study, factual material analysis, manuscript part text drafting, manuscript editing.

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of “Russian Language and Methods of Teaching Russian Language” Department of the V.G. Belinsky Institute of Teacher Education, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-3518-5549](https://orcid.org/0000-0002-3518-5549), Svkezina@gmail.ru

Contribution: study conception, source material acquisition, work with sources, manuscript part text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 17.02.2022
Approved after reviewing 23.05.2022
Accepted for publication 24.06.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42:821.161.1

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-471-481

Цвет цикория в цветовой концептосфере языка: от голубого и коричневого к цвету цикория

Татьяна Викторовна СИВОВА

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22

✉ sitavi@tut.by

Аннотация. На материале различных дискурсов (лексикографического, диалектного, ассоциативного, художественного, рекламного) репрезентируется посвященный описанию колористической перцепции и визуализации цикория фрагмент исследования, целью которого видится создание по возможности полной версии цветовой концептосферы флористического пространства языка. Основными результатами текущего исследования являются: 1) количественный и качественный состав терминов цвета, значимых в создании дескрипций цикория; 2) реестр доминант цвета, репрезентирующих колористический стандарт восприятия растения; 3) список уникальных цветовых определений, относящихся к области индивидуально-авторской картины мира; 4) функционал колористических дескрипций цикория, представленный широким спектром функций: от онтологической до хронотопической и прототипической; 5) описание актуальной тенденции продуцирования допускающих вариативность в интерпретации значения терминов цвета на основе колористической дескрипции цикория. Теоретической базой послужили исследования в области когнитивной лингвистики, лингвистики цвета; методологической – комплекс методов и методик, среди которых описательно-аналитический метод, контекстологический, метод направленного ассоциативного эксперимента, количественный; методика сплошной выборки. Полученные результаты, в свете значимости изучения процессов концептуализации и категоризации действительности в языке, могут быть использованы как в научно-исследовательской деятельности в целях изучения различных аспектов языковой картины мира, цветовой картины мира, так и в учебно-методической работе при подготовке курсов по когнитивной лингвистике, лингвистике цвета, копирайтингу, а также в лексикографической практике и практике преподавания иностранного языка.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, концепт, концептосфера, языковая картина мира

Для цитирования: Сивова Т.В. Цвет цикория в цветовой концептосфере языка: от голубого и коричневого к цвету цикория // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 471-481. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-471-481>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Chicory colour in the colour conceptsphere of language: from *blue* and *brown* to *chicory colour*

Tatyana V. SIVOVA

Yanka Kupala State University of Grodno
22 Ozheshko St., Grodno 230023, Republic of Belarus

✉ sitavi@tut.by

Abstract. On the basis of various discourses (lexicographic, dialectal language, associative, artistic, advertising), we represent a research fragment dedicated to the description of colour perception and obvious chicory, the purpose of which is to create the fullest possible version of the color concept sphere of the floristic space of the language. The main results of the research are: 1) the quantitative and qualitative composition of colour terms that are significant in the presence of descriptions of chicory; 2) a dominant colour registry representing the colour standard for plant detection; 3) a list of different colour definitions associated with the area of the individual author's picture of the world; 4) functional of colouristic descriptions of chicory, represented by a spectrum of functions: from ontological to chronotopic and prototypical; 5) description of the current proposal for the production of acceptable variations in the combination of the meanings of colour terms based on the colouristic description of chicory. The theoretical basis was research in the field of cognitive linguistics, linguistics of colour; methodological – a set of methods and techniques, including the descriptive-analytical method, contextual, method of directed associative experiment, quantitative; continuous sampling technique. Obtaining results, visualization of the processes of conceptualization and categorization of reality in language, use as a research activity in research of various aspects of the language worldview, colour worldview, and in the educational and methodical work of the language in the preparation of cognitive linguistics, linguistics colour, copywriting, as well as in lexicographic practice and the practice of teaching a foreign language.

Keywords: linguistics of colour, colour term, phytonym, concept, conceptsphere, language picture of the world

For citation: Sivova T.V. Tsvet tsikoriya v tsvetovoy kontseptosfere yazyka: ot *golubogo* i *korichnevogo* k *tsvetu tsikoriya* [Chicory colour in the colour conceptsphere of language: from *blue* and *brown* to *chicory colour*]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 471-481. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-471-481> (In Russian, Abstr. In Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Концептологические исследования цвета, предпринимаемые лингвистами на современном этапе развития языкознания, обнаруживают многообразие аспектов исследования концепта «Цвет» [1–3 и др.], раскрывая широкие возможности в комплексном описании цветовой концептосферы русского языка. Цвет, будучи «естественным явлением, исконно присущим растениям» [4, с. 269], обуславливает наш научно-исследователь-

ский интерес к описанию цветовой концептосферы флористического пространства русского языка, которое закономерно находится в фокусе внимания лингвистов. Так, Р.В. Наджафова исследует на материале словарей термины цвета в фитонимах алтайского языка и приходит к выводу о том, что «в названиях растений инкорпорированы как универсальные, так и национально-специфичные представления о растительном мире, нашедшие отражение в определённых способах цветообозначения, отражающих специфиче-

ский способ восприятия и концептуализации окружающей действительности представителями алтайского лингвоэтнического социума» [5, с. 298]. Л.Н. Денисова и А.В. Морозова, анализируя в лингвокультурологическом аспекте на материале русских говоров Мордовии устойчивые сочетания с компонентом цветообозначением, называющие флористические объекты, заключают, что подобный анализ «позволяет понять особенности культурно-национальной картины мира» [6, с. 472]. М.С. Вагенлетнер на примере цветообозначения сообществ растений (лес, тайга) описывает специфику региональной колористической картины мира, обращаясь к текстам произведений писателей Сибири и Средней полосы России [7]. О.Г. Щитова с соавторами, выявляя когнитивные механизмы номинации цвета в русском и китайском языках, обращаются к анализу производных вторичных цветообозначений, обозначающих третичные хроматические цвета, и описывают «когнитивные модели цветообозначения, относящиеся к когнитивной макромодели “цвет < растение”», внося таким образом вклад в экспликацию способов пополнения системы цветоименований. Особое внимание исследователи уделяют «интернациональным и этноспецифическим чертам цветономинации, в том числе особенностям цветового значения межъязыковых эквивалентов в сопоставляемых языках» [8, с. 81].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Фокус данного исследования цветовой концептосферы флористического пространства языка, осуществленного на материале различных дискурсов (лексикографического, диалектного, ассоциативного, художественного, рекламного), направлен на выявление актуального колористического представления о цикории, что подразумевает: 1) установление количественного и качественного состава терминов цвета, значимых в создании колористических дескрипций растения; 2) выявление доминант цвета, манифестирующих стандарт цветовой восприятия цикория, а также спектра его уникальных цветоопределений; 3) описание функционального потенциала колористических дескрипций растения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цвет цикория. Лексикографический дискурс. Представление о цикории закреплено в ряде словарей, среди которых «Русский семантический словарь», классифицирующий растение следующим образом: Травянистые растения. Древовидные и пальмовидные травы → дающие съедобные и другие полезные плоды; сами такие плоды → дающие пряности и другие полезные продукты → *цикорий* ‘травянистое растение сем. сложноцветных с утолщённым корнем и соцветиями-корзинками’ *Корневой ц.* (с корнем, употр. как суррогат кофе). *Листовой ц.* (салатный). *Дикорастущий ц.* (сорняк)¹. Приводимая в словаре дефиниция не фиксирует цветовой признак, равно как и большинство других доступных нам современных словарей. Ср.: *цикорий* ‘травянистое растение сем. сложноцветных, сушеный корень которого употр. как добавка к натуральному кофе’ (СОШ); *цикорий* ‘травянистое растение сем. сложноцветных’; ‘сушеный корень этого растения, употребляемый как примесь к кофе и для приготовления суррогата кофе’ (МАС); *цикорий* ‘род растений сем. сложноцветных, растущих в Евразии и Сев. Африке; утолщённые корни культурных форм используют как суррогат кофе и как примесь к натуральному кофе; некоторые виды используются в медицине’ (НСИС)². Исключение составляет «Толковый словарь живого великорусского языка», в котором в описании цикория актуализируется термин цвета *голубой*: *цикорий* растение *Cichorium Intybus* || кофе, из корня его приготовленный; петровы батоги, голубой *цикорий*, пугovníк, щербак³.

Цвет цикория. Диалектный дискурс. Цветовая идентификация цикория (*синий*, *голубой*, *небесный*) фиксируется в диалекте. Так, В.Б. Колосова отмечает: «цвет лепестков цикория отразился в названиях *синий цветок*

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2002. Т. 1. С. 537.

² СЛОВАРИ. РУ. Электронная библиотека словарей русского языка. URL: <http://slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050> (дата обращения: 23.01.2022).

³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. С. 560.

(Ворон.), *синие батоги* (Вят.), *синий цветок* (Дон.), *синий цветок* (Сарат.), *синецветка*, *синий цветок* (Урал.), србх. *модар цвијет*, укр. *голубій, синька, синька*, болг. *модрика*, *синя жълчка, синя жълчка, синя зълчка, синя млечка*, србх. *modrica*. <...> Сходство цвета лепестков цикория с васильком обусловило фитоним *василёк* в значении ‘цикорий’ в Казанской губ. и в Воронежской обл. <...> Цвет обусловил и бел. *сукенка Маці Боскай*, и связанное с фитонимом предание: “цветки такого небесного цвета появились тогда, когда по каменистой дороге шла Богородица и подол её голубого платья цеплялся за придорожные растения, после чего они расцвели цветами того же цвета, что и платье”» (цит. по: [9, с. 284-285]). Ср. с фиксируемой Я. Ваняковой (Jadwiga Waniakowa) немецкой и чешской традицией: “roślina jest uważana za zakłątą dziewczynę, która czeka na ukochanego przy drodze. <...> Zgodnie z legendą bowiem kwiaty cykorii swój niebieski kolor zawdzięczają oczom dziewczyny, płaczącej za straconym ukochanym” [10, S. 27]. Считается, что растение представляет собой заколдованную девушку, которая ждёт своего возлюбленного на обочине дороги. <...> Ведь, согласно легенде, цветы цикория обязаны своим голубым цветом глазам девушки, плачущей о потерянном возлюбленном (перевод наш. – Т. С.).

Цвет цикория. Ассоциативный курс. В свете изложенного исследовательский интерес представляет выявление актуального представления о цвете растения, чему, полагаем, будут способствовать результаты проведённого нами в 2021 г. направленного ассоциативного эксперимента⁴, в котором приняли участие 611 респондентов, студентов ГрГУ им. Янки Купалы (мужчин 297, женщин 314; 17–20 лет; факультет истории, коммуникации и туризма; математики и информатики; филологический; инженерно-строительный). На стимул-фитоним «цикорий» респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию («Русский ассоциативный словарь»⁵ не фиксирует ни стимул «цикорий», ни реакцию).

⁴ Автор выражает глубокую признательность за содействие в проведении эксперимента студентам и профессорско-преподавательскому составу факультетов.

⁵ Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ-Астрель, 2002.

Статистика по запросу: всего реакций на стимул «цикорий» 344, различных реакций 25, одиночных 11, отказов 267. См. (с указанием гендерной соотносённости): *коричневый* / (бел.) *карычневый* 1 – 183 (м/ж); *голубой* 28 (м/ж); *чёрный* 23 (м/ж); *жёлтый* 21 (м/ж); *зелёный* 19 (м/ж); *фиолетовый* 15 (м/ж); *синий* 11 (м/ж); *белый* 10 (м/ж); *красный* 8 (м/ж); *бежевый* 5 (м/ж); *оранжевый* 3 (ж), *светло-коричневый* 3 (ж); *серый* 2 (ж), *тёмно-коричневый* 2 (м/ж); *бордовый* 1 (ж), *бурый* 1 (м), *голубой, синий* 1 (ж), *карий* 1 (ж), *кофейный* 1 (ж), *пепельно-коричневый* 1 (м), *розовый* 1 (ж), *сине-сиреневый* 1 (ж), *сиреневый* 1 (м), *фиолетово-голубой* 1 (ж), *чёрный, кофейный* 1 (м).

Таким образом, выявленный спектр, значимый в перцепции цикория, включает 19 терминов цвета; доминанта *коричневый* свидетельствует об актуализации в языковом сознании респондентов преимущественно зн. ‘сушеный корень этого растения’⁶. Колористический диапазон расширяется композитами (*пепельно-коричневый, сине-сиреневый, фиолетово-голубой, светло-коричневый, тёмно-коричневый*), цветовыми последовательностями (*голубой, синий; чёрный, кофейный*), что указывает на стремление респондентов точнее передать цветовое впечатление. С другой стороны, обращает на себя внимание значительное количество отказов, свидетельствующее о несформированности у части респондентов цветового представления о растении.

Цвет цикория. Художественный курс. Колористические дескрипции цикория широко распространены в пространстве художественных произведений, авторами которых являются, в частности, В. Арро, И. Бунин, В. Гиляровский, Ю. Домбровский, Б. Екимов, В. Катаев, Е. Носов, Г. Оболдуев, Б. Пастернак, К. Паустовский, И. Сельвинский, И. Северянин, С. Сергеев-Ценский, Саша Чёрный, А. Толстой, И. Шмелёв и др. Обращение к авторской цветовой концептосфере раскрывает широкие возможности изучения «представляющей собой многомерное образование» [11, с. 182] языковой личности. Так, в прозе К.Г. Паустовского (мате-

⁶ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1463.

риалом исследования послужило Собрание сочинений в 9 томах⁷) цветковые дескрипции цикория создаются с помощью терминов цвета *голубой*, *синий* и принимают участие в конструировании пространственной координаты произведений: *я увидел совершенно неожиданный в этой сухой земле голубой цикорий. У вас в России он цветёт целыми полями. Но здесь я обрадовался этому невзрачному цветку*⁸; актуализируют ассоциативные связи: *Синие цветы цикория напоминают о кофейном паре. Пар пахнет заморскими странами, а наивный цикорий скромно растёт в полях срединной России*⁹.

«Словарь языка И.С. Тургенева», лексикографическое исследование идиостиля Тургенева, языковой личности писателя, по замыслу его автора [12, с. 5], фиксирует в иллюстративной зоне дефиниции лексемы *цикорий* термин цвета *жёлтый*: *цикория*. Цикорий, «травянистое растение семейства сложноцветных, сушёный корень которого употребляется как добавка к натуральному кофе» (С. Ожегов). *Однажды, в самом начале весны, шёл он по саду и тросточкой сбивал голловки цикорий, этих глупеньких жёлтых цветков, которые в таком множестве первые появляются на едва зеленеющих лугах («Три портрета»)*¹⁰. Данная цветовая дескрипция, приобретающая особенную актуальность в свете межязыкового взаимодействия, проблемы перевода, оказалась в фокусе исследовательского внимания А.С. Кулевой, которая на основе извлеченного из НКРЯ языкового материала, фиксирующего определение *жёлтый* в текстах, датируемых XIX веком (*жёлтый цикорий* (Е. Аверьянова); *жёлтый цветочек дикого цикория* (П. Засодимский); *сколько жёлтого цикория* (М. Каменская)), а также из лексикографических источников (*жёлтый-цикорий*, *одувань*, *Taraxacum* (В. Даль); *Жёлтая цыкорія*, *Taraxacum*, *Одуванчик* (Н. Анненков)), в связи с нестереотипным цветовым представлением о цикории высказывает предположение о том, что «в примерах XIX в. преобладает

другое растение, которое цветёт весной, имеет жёлтые цветки, а в некоторых примерах даже превращается в одуванчик» [13, с. 42]. Такая неоднозначность цветовой дескрипции цикория, по мысли А.С. Кулевой, вводит в заблуждение современного носителя русского языка, а «для иностранца она может стать серьёзным затруднением» [13, с. 42], в связи с чем возрастает значимость корректного перевода содержащего фитонимическую дескрипцию контекста. Ср. с результатами проведенного нами НАЭ, где *жёлтый* 21 (м/ж).

Цвет цикория. Национальный корпус русского языка. Обращение к Национальному корпусу русского языка (основному и поэтическому) позволит расширить представление о цветовой перцепции цикория. Важно отметить, что ни в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.»¹¹, ни в «Словаре сочетаемости слов русского языка»¹², ни в «Словаре эпитетов русского литературного языка»¹³ фитоним *цикорий* не фиксируется.

Согласно данным основного корпуса НКРЯ, цветовой диапазон описаний цикория представлен терминами цвета *голубой* (*голубеть*, *голубой*, *лилово-голубой*, *устало-голубой*) 15; *синий* (*синеть*, *синий*, *фиолетово-синий*) 7; *жёлтый* (*жёлтый*) 4; *розовый* (*розовый*, *розово-фарфоровый*) 2, *белый* (*белый*) 2; *лиловый* (*лилово-голубой*) 1, *серый* (*серый*) 1, *фиолетовый* (*фиолетово-синий*) 1; а также лексемами со зн. утраты цвета *выгореть* 2; *бесцветный* 1; со зн. ‘быть в цвету’ *цветущий* 1. В контекстах: *Голубой цикорий и морковник заполонил луговинки, перекачено поле забрало скаты, и ленивые желтобрюхи нежатся на ступенях каменных лесенок* (И. Шмелёв); *Здесь такие же, как в Краснодаре, тополя-свечки, а над ними летают ласточки. И везде синее цикорий* (Е. Кучеренко)¹⁴.

¹¹ Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / отв. ред. Л.Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2015.

¹² Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983.

¹³ Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002.

¹⁴ Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 11.03.2021).

⁷ Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худ. лит., 1981–1986.

⁸ Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худ. лит., 1983. Т. 7. С. 276.

⁹ Там же. С. 309.

¹⁰ Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева. М.: Вече, 2018. С. 400.

Термины цвета проявляют сочетаемость с фитонимом *цикорий*, партитивами *цветок*, *цвет*, *корзинка*; лекс. звезда (обр.): *чтобы войти в эту улицу, надо было сначала миновать поле с низкорослой кукурузой, потом лужок, голубевший цветками цикория, пройти по деревянному мосту* (В. Арро); *У ступенек скромного доброго храма жмётся трава, а то и вырастают звёзды голубого цикория, так как берег сухой, песчаный* (Игнатия, Петровская)¹⁵. НКРЯ фиксирует также диалектную номинацию: *Цветёт, синий «батог» – цикорий, желтушник, зелень травы и молодых дубков осень ещё не тронула* (Б. Екимов)¹⁶. В колористических описаниях цикория распространены композиты: 1) *лилово-голубой, фиолетово-синий* и др.; 2) авторск. *розовато-фарфоровый, устало-голубой*. В контекстах: *шли по серой, сухой, растрескавшейся земле, поприщу ковыля, полыни, перекати-поля, навозников-скарабеев и редких кустиков фиолетово-синего цикория* (И. Дьяконов)¹⁷.

НКРЯ эксплицирует функциональный потенциал цветковых описаний цикория, проявляющийся, в частности, в конструировании цветового пространства и времени, цветового хронотопа произведений [14]. Так, цветковые описания растения (*голубой, синий*) создают пространство страны: *Здесь такие же, как в Краснодаре, тополя-свечки, а над ними летают ласточки. И везде синеет цикорий* (Е. Кучеренко)¹⁸; при актуализации изобразительно-выразительного потенциала языка – соматическое пространство человека (глаза): *пустырь, весь зараставший в июле пижмой и цикорием, – жёлтой, как небо, когда солнце рассекает золотыми вёслами тонкие перистые облака, и голубым, как Костины глаза, когда он улыбался ей, шепча на ухо слова любви* (И. Полянская); *семилетний Остап с упрямым лбом и синими, как цвет цикория, глазами* (А. Вербицкая)¹⁹. Ср. также с др. примерами актуализации антропоморфного кода: *склонялась к земле – засыпала – голубая корзинка дикого цикория; Да,*

дикий цикорий устал. Он ведь давно проснулся, раскрыл голубую корзинку ещё в пять часов утра (В. Брагин); *по склонам оврага мечтательно цвёл лилово-голубой цикорий* (И. Дьяконов)²⁰; эмоционального плана высказывания: *примется выпалывать жёсткое чернобылье, оставляя травку поласковой, понежнее: белый вьюнок, ромашку, синие цветы цикория, а уходя – перекрестит эту траву иссохшей щепотью* (Е. Носов); *Он шёл на гумно, радуясь солнцу, твердой дороге, побуревшему подсекольному, милому позднему цветцу голубого цикория и тихо летевшему по воздуху пуху татарок* (И. Бунин)²¹. Более того, цветковые описания цикория обнаруживают потенциал в создании темпорального измерения текста (осень): *ясность сухой осенней дали открылась перед её взором: чистая белесая голубизна горизонта, цветки цикория устало-голубые, как осеннее небо, по серому подзолотому полю* (Т. Поликарпова)²².

Колористические описания цикория, согласно НКРЯ, фиксируют значимые в языковом сознании носителей языка 1) способность растения придавать цвет другим объектам: *Кипятки в семь часов разливали по стаканам без блюдец, ставили стаканы на каток, а рядом – огромный медный чайник с заваренным для колера цикорием* (В. Гиляровский); 2) способность растения изменять/утрачивать цвет (см. градацию на цветовой шкале): а) *синий – голубой – белый – почти розовый*; б) *голубой – розовато-фарфоровый – белый – серый – бесцветный*; 3) широкую оттеночную палитру окраски растения, передача которой актуализирует изобразительно-выразительные средства языка, механизм создания индивидуально-авторских описаний. В контекстах: *Нежные синие цикории выгорали и становились голубыми, и белыми, и даже почти розовыми, как китайский фарфор* (Ю. Домбровский); *Нежизненные нежные голубые цикории на высоких, узловатых, крепких и прямых, как веревки, стеблях выгорали и становились розовато-фарфоро-*

¹⁵ Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 11.03.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 11.03.2021).

²¹ Там же.

²² Там же.

выми, белыми, серыми, бесцветными (Ю. Домбровский)²³.

Обращение к поэтическому корпусу НКРЯ выявляет следующий состав значимых в визуализации цикория терминов цвета: *сизый* (*светло-сизый, сизый*) 2; *голубой* (*голубенький*) 1; *жёлтый* (*желтизна*) 1; *небесный* (*небесный*) 1; а также лексемы со зн. 'быть в цвету' (*цвести*) 1, образные колоративы *весёлый* 1. Термины цвета проявляют сочетаемость с фитонимом *цикорий*, партитивами *лепесток, цветок*. В контекстах: *вдоль склонов нагорий Колыхается сизый цикорий* (Саша Чёрный); *небесные лепестки цикория, усатые чины* (Л. Лавров)²⁴. Поэтический корпус эксплицирует закономерную связь цвета и света, проявляющуюся и в дескрипциях цикория: *Дождусь ли той истории, Когда придёт весна И молодой цикории Засветит желтизна!* (А. Толстой); имплицитность цвета: *летние небеса цикориев* (Г. Оболдуев); контаминацию признаков, призванную усилить эмоциональное воздействие текста: *Весёлыми цветами за окном Зажжётся в зелени цикорий* (В. Катаев)²⁵.

Фиксируемые в НКРЯ авторские дескрипции цикория (Ю. Домбровский, Б. Пастернак, Т. Поликарпова, Саша Чёрный) свидетельствуют о значимости растения в художественном фитонимиконе, иллюстрируют изобразительно-выразительный потенциал его описаний, уровень художественного мастерства писателей и поэтов. Ср.: *цветёт цикорий светло-сизый* (Саша Чёрный)²⁶; *цикории становились даже почти розовыми, как китайский фарфор; цикории становились розовато-фарфоровыми* (Ю. Домбровский)²⁷; *цветки цикория устало-голубые, как осеннее небо* (Т. Поликарпова)²⁸; *И пил корнями жжёный, чёрный Цикорный сок густого дерна, И только это было формой* (Б. Пастернак)²⁹ (ср. с *чёрный* 23, согласно НАЭ).

²³ Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 11.03.2021).

²⁴ Национальный корпус русского языка. Поэтический корпус. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Подводя промежуточный итог, опишем иллюстрирующую качественный состав корпуса терминов цвета, значимых в создании дескрипций цикория, область пересечения реестров цветообозначений (словарь – № 1, НАЭ – № 2, НКРЯ, осн. – № 3, НКРЯ, поэт. – № 4), проявляющую стереотипное цветовое представление о цикории. Так, в 4-х реестрах фиксируется термин цвета *голубой* (№ 1–4; проза К.Г. Паустовского); в 3-х реестрах – *жёлтый* (№ 2–4; проза И.С. Тургенева). К околядерной зоне могут быть отнесены фиксируемые в 2-х реестрах – *синий* (№ 2, 3; проза К.Г. Паустовского); *белый, розовый, серый, фиолетовый* (№ 2, 3); лекс. со зн. 'быть в цвету' (№ 3, 4). С точки зрения количественной репрезентации, в визуализации цикория доминируют *коричневый* 183 (НАЭ); *голубой* 15 (НКРЯ, осн.; словарь); *синий* 12 (диалекты); *сизый* 2 (НКРЯ, поэт.). Выявленный спектр единичных цветообозначений *бурый, карий, кофейный; лилово-голубой, пепельно-коричневый, сине-сиреневый, фиолетово-голубой* и др. предоставляет ценный материал для реконструкции уникальной языковой личности, описания авторского языкового сознания.

Стереотипное цветовое представление о цикории, в силу прототипической функции цветообозначений, которая состоит, согласно авторитетному мнению В.Г. Кульпиной, «в их способности формировать от номинации какого-либо объекта с характерным цветом новый термин цвета» [4, с. 282], закономерно реализуется в цветообозначениях, которые, по нашим наблюдениям, еще не получили системного лексикографического описания (не фиксируются ни в «Словаре цвета»³⁰, ни в Каталоге цвета, представленном в монографии «Цвет и названия цвета в русском языке»³¹). Вместе с тем современная русскоязычная художественная литература фиксирует активное использование допускающего вариативность трактовки значения цветообозначения *цвет цикория* (сфера денотации: природные явления; ментальная сфера). В контекстах: *Над Невою небо цвета цикория,*

³⁰ Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009.

³¹ Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005.

// *Горизонт облаками прошит* (О. Козловская «Осенний Петербург»); **Небо цвета цикория** // *Чуть горчило на вкус. // Я закрыла историю // И уже не вернусь* (Е. Гурьева «Небо цвета цикория»); *Там, где живут одинокие старики, пахнет гноем, даже если все здоровы. <...> Это гниёт что-то другое, точнее – почти третье. Может, воспоминания. <...> Все эти новости пятилетней давности, замыслы цвета цикория, надежды, не вызвавшие ни одной слезы, нестрашные страхи и безрадостные радости, за которыми никто не пришёл* (А. Краснящих «Парк культуры и отдыха»). Основанный на фитонимической дескрипции цикория (кулинарный код) термин цвета обнаружен и в прозе одного из классиков русской литературы: см. *цвет жидкого цикорного кофе*³². В контексте: *На нём была ряска, цвета жидкого цикорного кофе, с большими латками на обоих локтях* (А.П. Чехов «Кошмар»)³³.

Пространство переводного художественного текста обнаруживает значительное расширение сферы денотации (соматическое, вестигальное пространство, пространство артефактов, дома). Важно вновь подчеркнуть присущую цветообозначению *цвет цикория* вариативность трактовки: 1) [глаза] *Он называл ее Синеглазкой, потому что глаза у неё были большие, голубые и круглые, как цветки цикория* (А. Янсон «Серебряная корона»); [потолок] *Потолок зала был сводчатый, обтянутый шёлком цвета цикория; он изображал небо с тем самым расположением звёзд, какое было в тот час, когда венгры избрали своим королём Матяша (Звёзды Эгера)*; 2) [глаза] *У мистера Хэлфорда, внука английского лорда, были удивительно необычные глаза. Правда, необычность в них составлял их цвет. Никто бы не сказал, что они просто зелёные. Тысячи оттенков сочетались в них: от болотно-зелёного до цвета цикория* (О. Грин «Тайна Дакленда»); *Но и вас отличает чудесный зелёный цвет. Я бы даже сказал, наш венерианский зелёный цвет. Это ваши глаза!* –

³² Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова с электронным приложением / под общ. ред. А.А. Поликарпова. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 507.

³³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 5. С. 60–73.

Правда? А мои кузины говорят, что глаза у меня цвета цикория (Д. Родари «Римские фантазии»); 3) [лицо] *Круглый год они <де-ти> играли за решёткой, через которую могли высунуть только носы и руки. Лица их были цвета цикория* (Л. Декаву «Смерть в кредит»); [подушка] *Я делаю неуверенный шаг, и моя нога вязнет в одной из подушек. Никогда не видела их в таком количестве сразу. Они всех оттенков коричневого – от светло-медового до цвета цикория, который пьёт за обедом училка французского* (М. Эббот «Как ты смеешь»); [комната] *придёт декоратор, чтобы превратить мою комнату в детскую цвета цикория и дерма!* (С. фон Зигесар «Так – мне нравится!»). Распространены также контексты, в которых зн. термина цвета не уточняется, что свидетельствует, вероятно, об устойчивости данного значения в сознании писателя/переводчика. Ср.: *на <Зу> был топик цвета цикория и жёлтая хлопчатобумажная юбка с карманами* (К. Хелен «Одной любви недостаточно»).

Цвет цикория. Рекламный и интернет-дискурс расширяют корпус языкового материала нашего исследования, подтверждая активное функционирование цветообозначения *цвет цикория*, коррелирующего с номинациями товаров различных товарных категорий: 1) текстильные товары (косынка, платье, рубашка, юбка): *ажурная косыночка цвета цикория*³⁴; *Внесите разнообразие в цветовую палитру нарядов, выберите платице цвета цикория или кашемировый свитер оттенка мерло*³⁵; *С льняной юбкой-карандаш цвета цикория смотрится замечательно*³⁶; 2) галантерейные товары (серьги): *Серьги винтаж, СССР, 60-е. Мельхиор, стекло цвета цикория*³⁷; 3) биотовары (сорт ириса): *SEA OF LOVE, цвета цикория, с большим количеством цветков на цветоно-*

³⁴ Форум «О платках и не только». Павловопосадская платочная мануфактура. URL: <http://www.platforum.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

³⁵ Интернет-магазин Huarache. URL: <http://huarache-shop.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

³⁶ Интернет-магазин Wildberries. URL: <http://by.wildberries.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

³⁷ Интернет-секонд-хенд Барахолка. URL: <http://xn--80ab4am9a.com> (дата обращения: 23.01.2022).

се³⁸; У DIFFERENT WORLD вначале цветения, как только бутон распускается, перед бежевой каймой по фоллам идёт хорошо видимая **полоса цвета цикория**, а SEA OF LOVE как раз такого цвета. Потом полоса выгорает, но всё равно бело-бежево-голубое сочетание мне нравится³⁹; **Цветки** обладают экстраординарным цветом колокольчика, **обрамлённые каймой цвета цикория**⁴⁰; 4) продукты питания: тростниковый нерафинированный тёмный, наилучшего качества. Фирма Confer, изготовлен в России ООО «Ленсахар». Понимаю, что не айс – но всё же. Исследование проводилось без йода, кусочек быстро растворился, **вода же стала цвета цикория**⁴¹; 5) парфюмерно-косметические товары (лак для ногтей); 6) строительные материалы: **Полосатый пол из клёна цвета цикория и овса, очищенный вручную, выделяется в уютной комнате для гостей**⁴²; **В коричневой спальне может убедительно разместиться белая мебель. Например, белая кровать с мягким изголовьем в спальне цвета цикория будет очень удачной**⁴³.

Таким образом, значение термина цвета может варьироваться от ‘голубой’, ‘голубой с фиолетовым’ до ‘жёлто-зелёный’ (ср.: жёлтый 21, зелёный 19, фиолетовый 15, согласна НАЭ): **Продаю хлопковую новую рубашку, хлопок 100 % тоненький и лёгкий. Покупала в прошлом году в ZARA, ни разу не надевала, красивого голубого цвета (цвета цикория)**⁴⁴; **У Вас чудесный голубой! У меня осенью была идея-фикс: найти голубой с фиолетовым, чтобы точь-в-точь цветущий цикорий**⁴⁵; **Переведём на русский – ци-**

корий. Вдохновляющий жёлто-зелёный цвет добавит свежести вашему образу и оживит любой гардероб⁴⁶. Выявленные номинации, созданные преимущественно носителями русского языка, могут сопровождаться ярко выраженной оценочностью (*вдохновляющий, красивый*), обусловленной прагматикой рекламного (продающего) текста.

ВЫВОДЫ

В результате проведённого на материале корпуса текстов, принадлежащих различным дискурсам, исследования выявлен включающий более 20 терминов цвета списочный состав цветообозначений, актуализируемых в дескрипциях цикория; описано расширение данного реестра лексемами со зн. ‘утратить цвет’ (НКРЯ, осн.), со зн. ‘быть в цвету’ (НКРЯ, осн., поэт.), образными колоративами (НКРЯ, поэт.). Установленные доминанты цвета: *коричневый* (НАЭ); *голубой* (НКРЯ; словари); *синий* (диалекты), – манифестируют колористический стереотип восприятия цикория; единичные цветообозначения (более 10: *бурый, карий, кофейный, сиреневый; пепельно-коричневый, сине-сиреневый, фиолетово-голубой* и др. (НАЭ); *лилово-голубой* (НКРЯ, осн.)) репрезентируют область уникальной языковой картины мира носителя языка. Функциональный потенциал колористических дескрипций цикория обеспечивает выполнение как онтологической, так и изобразительно-выразительной функции (см. авторские дескрипции), а также актуализацию хронотопической (цветовой хронотоп) и прототипической функции. Последняя обуславливает продуцирование на основе цветового описания растения, допускающего вариативность трактовки значения цветообозначения *цвет цикория*, сфера денотации которого широка. Описание особенностей функционирования данного термина цвета, его лексикографирование представляются значимой задачей в свете создания по возможности полной версии цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

³⁸ Форум Дачный ответ Галактики. URL: <http://dachniivotvet.galaktikalife.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

³⁹ Форум садоводов Твой Сад. URL: <http://forum.tvoysad.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴⁰ Интернет-магазин Садовый центр Первоцвет. URL: <http://www.pervocvet-shop.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴¹ Женский журнал Woman.ru. URL: <http://www.woman.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴² Деловой портал Нижнего Новгорода. URL: <http://dk-nn.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴³ Строительный журнал. URL: <http://stroymonolit2000.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴⁴ Проект «Шопологик». URL: <http://shophelp.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴⁵ Блог Coloroftheday. LiveJournal. URL: <http://coloroftheday.livejournal.com> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴⁶ БэбиБлог. URL: <http://www.babyblog.ru> (дата обращения: 23.01.2022).

Список источников

1. Белобородова И.В. Концепт «цвет» в лингвокогнитивном аспекте: на материале автобиографической прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000.
2. Гуз Ю.В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета: на материале русского, английского, немецкого и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010.
3. Дмитриева К.В. Концепт цвет в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте: на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
4. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
5. Наджафова Р.В. Цветообозначение в фитонимах алтайского языка // Евразийское научное объединение. 2018. № 12-5 (46). С. 298-300.
6. Денисова Л.Н., Морозова А.В. Лингвокультурологическая специфика устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения в русских говорах на территории Республики Мордовия (на материале «Фразеологического словаря русских говоров Республики Мордовия») // XLIX Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Саранск: Нац. исслед. Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва, 2021. С. 472-479.
7. Вагенлетнер М.С. Региональная цветовая картина мира в произведениях писателей Сибири и Средней полосы России (на примере цветообозначения сообществ растений) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2007. № 1 (29). С. 125-127.
8. Щитова О.Г., Щитов А.Г., Хуа Кай. Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 81-86.
9. Колосова В.Б. Этноботанические заметки. IV. Цикорий // Лексический атлас русских народных говоров. СПб.: Наука, 2010. С. 284-293.
10. Waniakowa J. Etymologia a etnolingwistyka: różne metodologie – wspólny cel // Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury. 2020. S. 21-34.
11. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // Язык vs. социум: XXI век / гл. ред. Н.В. Юдина. Москва; Владимир: Владимир. ф-л РАНХиГС, 2020. С. 178-182.
12. Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева. М.: Вече, 2018. 432 с.
13. Кулева А.С. Названия растений в зеркале межязыковой коммуникации // Актуальные проблемы преподавания РКИ: материалы 2 межвуз. науч.-метод. семинара. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 40-45.
14. Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018.

References

1. Beloborodova I.V. *Kontsept «tsvet» v lingvokognitivnom aspekte: na materiale avtobiograficheskoy prozy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Concept “colour” in the Linguistic and Gognitive Aspect: on the Material of Autobiographical Prose. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Taganrog, 2000. (In Russian).
2. Guz Yu.V. *Eksperimental'noe issledovanie bazovykh kontseptov tsveta: na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo i kitayskogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Experimental Study of the Basic Concepts of Colour: on the Material of the Russian, English, German and Chinese Languages. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Barnaul, 2010. (In Russian).
3. Dmitrieva K.V. *Kontsept tsvet v kognitivno-funktional'no-stilisticheskom aspekte: na materiale romanov V. Nabokova «Lolita» i A. Fadeeva «Razgrom»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Concept of Colour in the Cognitive-Functional and Stylistic Aspect: on the Material of Novels “Lolita” by V. Nabokov and “Razgrom” by A. Fadeev. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kemerovo, 2012. (In Russian).
4. Kulpina V.G. *Lingvisticheskaya tsvetologiya: ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer* [Linguistic Colour Science: from History to the Present of Colour Conceptospheres]. Moscow, MAKS Press Publ., 2019. (In Russian).
5. Nadzhafova R.V. *Tsvetooboznachenie v fitonimakh altayskogo yazyka* [Colour designation in phytonyms of the Altai language]. *Evraziyskoe nauchnoe ob"edinenie* [Eurasian Scientific Association], 2018, no. 12-5 (46), pp. 298-300. (In Russian).

6. Denisova L.N., Morozova A.V. Lingvokul'turologicheskaya spetsifika ustoychivyykh sochetaniy s komponentom tsvetooboznacheniya v russkikh govorakh na territorii Respubliki Mordoviya (na materiale «Frazeologicheskogo slovary russkikh govorov Respubliki Mordoviya») [Linguoculturological specificity of stable combinations with the component of colour denotation in Russian dialects in the Republic of Mordovia (on the material of "Phraseological dictionary of Russian dialects of the Republic of Mordovia")]. *Materialy nauchnoy konferentsii «49 Ogarevskie chteniya»* [Proceedings of Scientific Conference "49 Ogarev Readings"]. Saransk, National Research Ogarev Mordovia State University Publ., 2021, pp. 472-479. (In Russian).
7. Vagenletner M.S. Regional'naya tsvetovaya kartina mira v proizvedeniyakh pisateley Sibiri i Sredney polosy Rossii (na primere tsvetooboznacheniya soobshchestv rasteniy) [Regional colour picture of the world in the works of writers of Siberia and Central Russia (by the example of colour designation of plant communities)], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2007, no. 1 (29), pp. 125-127. (In Russian).
8. Shchitova O.G., Shchitov A.G., Khua Kay. Kognitivnoe modelirovanie tsvetooboznacheniya v russkom i kitayskom yazykakh [Cognitive modeling of colour naming in Russian and Chinese]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2018, no. 6 (195), pp. 81-86. (In Russian).
9. Kolosova V.B. Etnobotanicheskie zametki. 4. Tsikoriy [Ethnobotanical notes. 4. Chicory]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical Atlas of Russian Folk Accents]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 284-293. (In Russian).
10. Waniakowa J. Etymologia a etnolingwistyka: różne metodologie – wspólny cel [Etymology versus ethnolinguistics: different methodologies – a common goal]. *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury – Ethnolinguistics. Problems of Language and Culture*, 2020, no. 32, pp. 21-34. (In Polish).
11. Karasik V.I. Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya [Linguistic personality: aspects of study]. *Yazyk vs. sotsium: 21 vek* [Language vs. Society: 21 Century]. Moscow, Vladimir, 2020, pp. 178-182. (In Russian).
12. Elistratov V.S. *Slovar' yazyka I.S. Turgeneva* [Dictionary of I.S. Turgenev's Language]. Moscow, Veche Publ., 2018. (In Russian).
13. Kuleva A.S. Nazvaniya rasteniy v zerkale mezh'yazykovoy kommunikatsii [Plant names in the mirror of cross-lingual communication]. *Materialy 2 mezhvuzovskogo nauchno-metodicheskogo seminar «Aktual'nye problemy prepodavaniya RKI»* [Proceedings of the 2 Interuniversity Scientific and Methodical Seminar "Actual Problems of Teaching Russian as Language"]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019, pp. 40-45. (In Russian).
14. Sivova T.V. *Vzaimosvyaz' tsveta, sveta i khronotopa v yazyke proizvedeniy K.G. Paustovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Interrelation of Colour, Light and Chronotope in the Language of K.G. Paustovsky's Works. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Minsk, 2018. (In Russian).

Информация об авторе

Сивова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь, ORCID: [0000-0002-8800-9987](https://orcid.org/0000-0002-8800-9987), sitavi@tut.by

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание статьи.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022
Одобрена после рецензирования 05.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Tatyana V. Sivova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Journalism Department, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus, ORCID: [0000-0002-8800-9987](https://orcid.org/0000-0002-8800-9987), sitavi@tut.by

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, data analysis, research results processing, manuscript drafting.

The article was submitted 30.05.2022
Approved after reviewing 05.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.42
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-495

Интертекстуальность как средство выразительности в дискурсе социальной рекламы

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА¹, Светлана Анатольевна ЧУБАЙ² ✉
¹ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации»
198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1
²ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
400062, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Университетский, 100
✉ chubaj77@mail.ru

Аннотация. Описаны формы интертекстуальности, активных в дискурсе социальной рекламы. Целью работы является установление видов использования заимствованных текстов, а также соотношение вербальных и визуальных заимствований. Материалом послужили 4000 плакатов экологической тематики, собранные из различных медиабанков сети Интернет методом сплошной выборки. Сделан вывод, что самой частотной формой заимствования является реминисценция (61,5 % от общего числа интертекстуальных включений). Здесь визуальные и вербальные компоненты находятся в относительном равновесии: идея выражается словами, а изображение выполняет роль иллюстрации и/или eye-stopper. На втором месте по количеству примеров находится цитация (28,4 %). Здесь выделяются рациональные (заимствования из законодательных актов, научных трудов, высказываний признанных экспертов и других официальных источников) и эмоциональные (высказывания известных писателей, деятелей культуры, артистов, спортсменов и т. п., содержащие метафорические и оценочные элементы) цитаты. При использовании этой формы существенно преобладает вербальное цитирование. Третью позицию занимают аллюзии (10,1 % от общего количества заимствований). Здесь основная нагрузка чаще всего ложится на изображение, которое и должно вызывать ассоциации с прототекстом.

Ключевые слова: социальная реклама, цитация, реминисценция, аллюзия, вербальный компонент рекламы, визуальный компонент рекламы

Для цитирования: Анисимова Т.В., Чубай С.А. Интертекстуальность как средство выразительности в дискурсе социальной рекламы // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 482-495. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-495>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Intertextuality as a means of expression in the discourse of social advertising

Tatyana V. ANISIMOVA¹, Svetlana A. CHUBAY² ✉

¹Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
1 Letchika Pilyutova St., St. Petersburg 198206, Russian Federation

²Volgograd State University
100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russian Federation
✉ chubaj77@mail.ru

Abstract. We describe the forms of intertextuality that are active in the discourse of social advertising. The purpose of work is to establish the types of use of borrowed texts, as well as the ratio of verbal and visual borrowings. The material is 4000 posters of environmental themes, collected from various media banks on the Internet using a continuous sampling method. We conclude that the most frequent form of borrowing is reminiscence (61.5 % of the total number of intertextual inclusions). Here the visual and verbal components are in relative balance: the idea is expressed in words, and the image acts as an illustration and/or eye-stopper. In second place in terms of the number of examples is a citation (28.4 %). Rational (borrowings from legislative acts, scientific works, statements of recognized experts and other official sources) and emotional (statements of famous writers, cultural figures, artists, athletes, etc., containing metaphorical and evaluative elements) are distinguished here. When using this form, verbal quoting predominates. The third position is occupied by allusions (10.1 % of the total number of borrowings). Here, the main burden most often falls on the image, which should evoke associations with the prototext.

Keywords: social advertising, citation, reminiscence, allusion, advertising verbal component, advertising visual component

For citation: Anisimova T.V., Chubay S.A. Intertekstual'nost' kak sredstvo vyrazitel'nosti v diskurse sotsial'noy reklamy [Intertextuality as a means of expression in the discourse of social advertising]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 482-495. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-495> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия явление интертекстуальности привлекало пристальное внимание учёных в связи с его широким распространением во всех сферах общения. Если в прошлом веке исследованию подвергались преимущественно тексты художественной литературы, то затем интерес исследователей распространился и на другие виды дискурса с ярко выраженной склонностью к заимствованиям: СМИ, реклама, политика. К настоящему времени постепенно в поле зрения исследователей интертекстуальности стали попадать и другие дискурсы. При этом

обнаружилось, что в каждом из них она имеет существенные особенности. Так, в качестве специфической черты интертекстуальности в религиозном дискурсе Е.В. Бобырёва указывает на наличие гипертекстуальности – апелляции к авторитету Библии как источнику безусловных и бесспорных аксиом [1]. Однако если речь идёт о юридическом дискурсе, то здесь в качестве безусловного авторитета выступают законы и нормативно-правовые акты, поэтому ссылка именно на них воспринимается как аксиома [2].

Различаются и функции заимствований. То, что кажется важным и актуальным исследователю одного дискурса, не находит

подтверждения при изучении другого. Так, для учебно-научного дискурса С.В. Ракитина самой важной считает воспитательную функцию интертекстуальных включений, поскольку акцентирование внимания «на интертекстуальных связях в учебно-научных текстах способствует формированию грамотного читателя с развитыми навыками культуры чтения, с вдумчивым, бережным отношением к чужому слову» [3, с. 145]. С другой стороны, анализ пиар-дискурса показывает, что здесь ведущей «является имиджевая функция (способствующая приращению публицитного роста). Вспомогательную роль играют отсылочная, информативная, оценочная, интерпретационная, апеллятивная, демонстративная функции» [4, с. 153].

По-разному оценивается и типичное количество интертекстуальных включений, а также тенденция в их использовании даже в близких по назначению дискурсах. Так, В.Е. Чернявская, анализируя научную речь, обнаруживает тенденцию «к уменьшению доли цитат как преимущественно дословного немодифицированного воспроизведения чужой речи» [5]. В то же время Н.И. Христофорова, напротив, отмечает в научно-популярном дискурсе рост мозаичности, проявляющейся не только в активном цитировании информации из первичных научных источников, но и в использовании гиперссылок [6] и т. д.

Осознание этого факта подводит к необходимости изучения особенностей интертекстуальности в каждом конкретном виде дискурса. В частности, всё возрастающая роль в жизни общества социальной рекламы (далее СР) требует тщательного рассмотрения всех её особенностей. Поскольку на данный момент можно считать установленным, что использование интертекстуальных включений повышает эффективность воздействия плакатов СР (см. об этом [7–9] и др.), актуальность исследований в этом направлении следует считать весьма высокой.

Рост количества исследований, посвящённых рассматриваемому феномену, имеет три основные причины. Во-первых, технические возможности, которые предоставляет авторам посланий Интернет, существенно расширяют способы использования различных видов и форм интертекстуальности по

сравнению с теми, что были у бумажной литературы. В связи с этим количество и разнообразие интертекстуальных включений во всех дискурсах в последнее время заметно выросло. Во-вторых, обилие материала даёт возможность проводить более глубокие исследования по установлению способов реализации в тексте авторского замысла, а также отношений между самим посланием и той социальной ситуацией, в которой оно было создано (и получено). В-третьих, как известно, увеличение объёма информации, доступной современному человеку, с одной стороны, и общее падение уровня образования, с другой стороны, приводит к формированию у молодёжи клипового мышления, состоящего из обрывков фраз, цитат из фильмов и песен, афоризмов и т. п. В связи с этим интертекстуальные включения в рекламный текст оказываются в роли *eye-stoppers* (от англ. *eye-stopper* – ловушка для глаза), способных зацепить внимание адресата и заставить его работать над опознанием вставленных в текст послания цитат и объяснением причин их использования. Этот факт обязательно должен быть учтён при создании рекламы для повышения её эффективности.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью настоящего исследования является установление видов использования заимствованных текстов в современной социальной рекламе, а также анализ соотношения вербальных и визуальных заимствований, характерных для указанного дискурса.

Поскольку характер использования любых средств воздействия в СР, а также степень их частотности в значительной мере зависят от тематики плакатов, в данной статье мы ограничимся только рассмотрением постеров, призывающих к сохранению в чистоте и разнообразии всего живого на земле. В составе рубрик СР эта рубрика занимает третье место по количеству плакатов (о принципах деления СР на рубрики и оценке количества плакатов в каждой рубрике см. [10]) после рубрик «Здоровье» и «Человек и закон». В неё входят послания, призывающие беречь и охранять природу; не выбрасывать мусор в неположенных местах; беречь природные ресурсы; охранять от вымирания и

уничтожения диких животных; не убивать животных для удовлетворения прихотей человека (против использования меха, против цирков и зоопарков, за вегетарианство); гуманно относиться к домашним животным. Материал собирался из различных медиабанков сети Интернет методом сплошной выборки. Общий объём плакатов в исследуемой рубрике составляет более 4000 единиц.

В статье используются традиционные для лингвистики методы: описательный (основанный на анализе языкового материала), типологический и сопоставительный, применявшиеся при изучении вербальных и визуальных видов интертекстуальных включений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки характера заимствований воспользуемся самой простой и широко известной типологией интертекстуальных включений, которая сводится к «включению в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [11, с. 346].

1. Цитация обычно описывается следующим образом: «Автор с помощью языковых средств стремится чётко обозначить внешние контуры чужой мысли, оградить её от проникновения комментирующих интонаций, то есть вводит её как цитату» [12, с. 76]. Поскольку в современной лингвистике принята широкая семиотическая трактовка понятия «текст», под цитированием понимают не только вербальные включения, но и функционально оправданное заимствование визуальных фрагментов чужого произведения [13]. В СР этот вид заимствования тоже имеет место и сводится к точному воспроизведению на плакате известных живописных полотен, графических работ или скульптур (см. об этом [14]). Однако в экологической СР подобные примеры не обнаружены.

Вербальные цитаты в СР могут иметь вид как рационального, так и эмоционального аргумента. Рациональные цитаты заимствуются из высказываний признанных экспертов, научных трудов, законодательных актов и других официальных источников. Они содержат точные указания на то, что разреше-

но, а что запрещено; как следует поступать, а как нельзя. Ср., например, на плакате Экологического фонда Сибирского федерального университета цитата из соответствующей статьи закона: *Медведь – украшение Арктики, а не твоего дома. Убийство белого медведя, продажа, приобретение и хранение шкуры карается лишением свободы до 7 лет. Статья 258.1 Уголовного кодекса РФ.* В кластере «Охрана диких животных» этот вид аргумента часто представлен ссылками на «Красную книгу».

Эмоциональные цитаты весьма разнообразны и содержат высказывания известных писателей, деятелей культуры, артистов, спортсменов и т. п. Все такие высказывания служат для формирования образа, оценки и могут содержать метафорический элемент. Они обращаются к чувствам адресата и имеют целью вызвать у него определённое отношение к тем или иным моделям поведения: *«Управлять природой можно лишь подчиняясь ей» Френсис Бэкон; «Кто не любит природы, тот не любит и человека – тот плохой гражданин» Фёдор Достоевский.*

В кластере «Вегетарианство» этот вид аргумента представлен ссылками на самые разнообразные источники, начиная от Библии (*«Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна, как те умирают, так умирают и эти. И одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета» Экклезиаст*) и заканчивая современными музыкальными кумирами (*«Всякому заказавшему бифштекс, надо приводить корову и давать в руки нож: убивай сам и ешь...» Оззи Осборн* (британский рок-певец, музыкант)). Авторы этих плакатов постарались учесть интересы самых разных возрастных, социальных, культурных и т. п. групп с тем, чтобы адресат обязательно смог найти что-то соответствующее его ценностям: здесь есть высказывания известных писателей (*«От убийства животного до убийства человека – один шаг» Лев Толстой*), учёных (*«Ничто не принесёт такой пользы человеческому здоровью и не увеличит шансы сохранения жизни на Земле, как распространение вегетарианства» Альберт Эйнштейн*), артистов (*«Вегетарианство – мой путь к красоте» Деми Мур*), спортсменов (*«Вы, наверное, сильно*

Рис. 1. Цитация
Fig. 1. Citation

удивлены, услышав о том, что я – вегетарианец» Майк Тайсон) и т. п.

Как правило, эмоциональная цитата дополняется портретом её автора, который выступает в роли eye-stopper, способного выделить из толпы свою аудиторию – тех, для кого этот автор является авторитетным источником, и, следовательно, адресат захочет к нему прислушаться (рис. 1).

Сюда же относятся цитаты из известных произведений художественной литературы, если на плакате указаны автор и источник цитирования: «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – сразу же приведи в порядок СВОЮ ПЛАНЕТУ...» (Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»).

2. Реминисценция – «стилистический приём, состоящий во включении в речь (текст) фрагмента чужого (прецедентного) текста, иногда несколько трансформированного, без упоминания его названия и автора для усиления экспрессивности выражаемой мысли или создания какого-либо другого стилистического эффекта» [15].

Это самый распространённый вид интертекстуальности, поскольку позволяет автору свободно варьировать модальность, оценочность, экспрессивность и т. п. исходного высказывания. В данном случае адресант не цитирует прототекст, а сообщает его содержание фрагментарно или даже своими словами. При этом нередко допускаются достаточно вольные интерпретации сказанного, что приводит к тому или иному искажению исходного послания. К отбору источников для создания реминисценций предъявляются более строгие требования, чем при обычном цитировании: текст должен быть легко узнаваем, в полной мере соответствовать темати-

ке послания, вызывать требуемые ассоциации. Если эти условия не соблюдены, теряется эффективность воздействия послания на адресата.

Вербальные реминисценции в СР имеют следующие формы реализации.

1) Высказывания известных людей. Чаще всего это фрагменты из художественной литературы. Самой частотной в экологической СР является цитата из романа Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»: *Мы в ответе за тех, кого приручили*. Она много раз встречается на плакатах в кластере «Защита домашних животных». Чаще с указанием автора (как цитата), но иногда и без подписи. В некоторых же случаях она подвергается небольшим трансформациям (и тогда оценивается как реминисценция), например: *Я в ответе за тех, кого приручил! Среди фрагментов из произведений других писателей отметим использование цитаты из пьесы С. Маршака «Кошкин дом» (без указания автора и произведения): Нет у нас подушки, нет и одеяла. Жмёмся мы друг к дружке, чтоб теплее стало... Возьми друга из приюта!* (рис. 2); перефразированной цитаты из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: *Мой дядя самых честных правил бросает мусор точно в бак. Он и других кидать заставлял, он город очищает так!* и др.

Фрагменты высказываний других известных людей представлены крылатой фразой Никколо Макиавелли на плакате, призывающем собирать мусор отдельно: *Человек – царь природы. Разделяй и властвуй!*; немного перефразированными словами Луи Армстронга, сказанными им при высадке на Луну, на плакате против мусора (рис. 3): *Маленькая победа для тебя! Большая победа для чело-*

Рис. 2. Реминисценция на пьесу С. Маршака «Кошкин дом»

Fig. 2. Reminiscence to the play by S. Marshak “Cat’s House”

Рис. 3. Реминисценция как отсылка к высказыванию Луи Армстронга при высадке на Луну

Fig. 3. Reminiscence as a reference to the statement of Louis Armstrong when landing on the moon

вечества!; афоризмом Джеффри Чосера «Новое – это хорошо забытое старое» на плакате о сбережении ресурсов: *Новое – это хорошо переработанное старое* и др. Во всех перечисленных случаях автор не указан, однако даже если адресат не знает, откуда позаимствована цитата, он понимает, что перед ним «крылатая фраза».

2) Цитаты из других произведений искусства: песен, фильмов и т. п. также почти всегда используются без указания источника

и в слегка перефразированном виде: *С голубого ручейка начинается река, ну а свалка начинается с...* (Цитата из «Песенки об улыбке» на слова М. Пляцковского); *Пусть всегда будет чисто! Береги природу – сортируй отходы!* (Цитата из песни «Пусть всегда будет солнце» на слова Л. Ошанина); *Кто ж его посадит? Оно же дерево. Посади его ты, в своём дворе, на улице, около школы, где учатся твои дети...* (Цитата из фильма «Джентльмены удачи». В оригинале: *Кто ж его посадит? Он же памятник!*); *Есть такая профессия, сынок, – жить за счёт животных* (Плакат «Вита» против цирков. Цитата из фильма «Офицеры». В оригинале: *Есть такая профессия – Родину защищать!*) и др.

3) Пословицы и другие устойчивые выражения относятся к этой группе, поскольку всегда содержат метафорический компонент и получают дополнительные оттенки значения: *Что посеешь, то и пожнёшь* (изображение дерева из мусора); *Убирать за собой мусор в лесу – это и ежу понятно* (изображение ежа с мусором на иголках); *Друг врату и обмену не подлежит* (о собаке) и др.

Степень удачности реминисценций (и, соответственно, стилистический эффект от их использования) целиком зависит от того, насколько легко и быстро адресат сможет опознать цитату и совместить её с источником. В связи с этим автор должен трезво оценивать культурный уровень той целевой группы, к которой он обращается. В качестве иллюстрации этого утверждения рассмотрим серию плакатов «Разделяй отходы и всё будет», выпущенную в Удмуртии, где на фоне портретов русских писателей помещены слоганы – реминисценции из их произведений (рис. 4). Некоторые цитаты легко опознаются и понятны любому человеку со средним образованием: *Дама сдавала багаж и вторсырье* (С. Маршак); *Герой нашего времени разделяет* (М.Ю. Лермонтов); другие могут быть понятны только более образованным гражданам, которые помнят не только названия классических произведений, но и их содержание: *Я тебя породил, я тебя и разделю* (Н.В. Гоголь); *Топи за отдельный сбор* (И.С. Тургенев). Наконец, имеют место ситуации, когда адресат определенно не сможет опознать ни саму цитату, ни её источник: *выдохтойяледзар* (М.А. Булгаков).

Рис. 4. Реминисценция явная и сложно определяемая
 Fig. 4. Reminiscence is clear and difficult to define

Этот пример достаточно наглядно иллюстрирует тезис о том, что при использовании реминисценций адресат вовлекается в игру по расшифровке послания. Если это ему удаётся, он получает интеллектуальное удовольствие и в результате формирует положительное отношение к предлагаемой идее. Однако, если не удаётся, возникает отторжение, что пагубно сказывается и на восприятии самой пропагандируемой идеи. В связи с этим выбор между увеличением креативности послания и увеличением его понятности для адресата должен всегда делаться в пользу второго.

Визуальной реминисценцией можно считать те случаи, когда заимствуются элементы изобразительного ряда. Признаками, указывающими, что это именно реминисценция, оказывается наличие узнаваемых персонажей или других вполне конкретных элементов цитируемого произведения. В.Е. Чернявская определяет указанное явление как «заимствование визуального компонента и его диалогическую трансформацию внутри структуры другого текста» [16, с. 104].

В экологической СР можно выделить два вида визуальной реминисценции.

1) На плакате представлено изображение, созданное авторами постера, на котором, однако, присутствуют известные литературные (или кино-) персонажи в нетипичных для них ситуациях. Так, на рис. 5 можно увидеть золотую рыбку – персонаж «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, на что указывает слоган *Не губи желания*, – в современном промышленном пейзаже. Это позволяет добавить дополнительный смысл послания:

если отходы производства и дальше будут выливаться в водоёмы, рыба (в том числе и золотая рыбка) исчезнет. Тогда никому будет выполнять желания людей.

«Всемирный фонд дикой природы» выпустил серию постеров, переосмысливающих сцены из известных детских сказок, персонажи которых ведут себя неправильно, с точки зрения современных экологических требований. В частности, на рис. 5 представлен плакат, показывающий, как Красная Шапочка защищает волка от охотников, поскольку уничтожение животных негуманно. Подобный ход построения постера следует признать удачным, поскольку обращение к хорошо известным сказкам обычно вызывает у адресата добрые воспоминания и положительные ассоциации, что способствует лучшему усвоению предлагаемых идей и формированию предлагаемых моделей поведения.

2) Реминисценции на визуальные произведения искусства демонстрируют картины, скульптуры и т. п., которые вполне можно опознать по характерным деталям. Однако эти произведения обычно подвергаются существенной трансформации. Например, на рис. 6 помещён плакат, воспроизводящий картину И.И. Шишкина «Утро в сосновом лесу». При этом на лесной поляне лежит куча мусора, поэтому медведи покидают это место. На втором плакате изображён культурист, веган и бодибилдер Джим Моррис в позе Мыслителя О. Родена. Плакат призывает адресата стать вегетарианцем, в связи с чем слоган *Думай, прежде чем есть*, гармонично дополняется изображением.

Рис. 5. Реминисценции на известные литературные (кино-) персонажи
Fig. 5. Reminiscences of famous literary (film) characters

Рис. 6. Реминисценции на визуальные произведения искусства
Fig. 6. References to visual works of art

Отдельно упомянем реминисценции на ранее созданные плакаты, популярные во всех рубриках СР. Чаще других в российской СР в качестве источника используются плакаты «Родина-мать зовёт» и «А ты записался добровольцем?» Как известно, прототипом последнего плаката, созданного Д. Моором в 1920 г., был британский постер «Лорд Китченер надеется на тебя», который использовался потом для создания аналогичных плакатов в Италии, Германии, США, Бразилии и России. В связи с этим на современных пла-

катах может присутствовать не только российский вариант, но и его зарубежные аналоги, причём на некоторых плакатах остаются только характерные детали произведения, позволяющие легко восстановить весь образ. Кроме того, здесь возможны и различные дополнительные контаминации. Так, на среднем плакате (рис. 7) в позе красноармейца с плаката Моора изображён супергерой, а на правом плакате от всей композиции осталась только рука с характерным жестом.

В иностранной СР часто встречаются реминисценции на известные кинофильмы. Так, в серии постеров «День мирового океана» (рис. 8) используются сцены из наиболее любимых фильмов, которые происходят на берегу океана. Авторы демонстрируют, как

бы они выглядели, если бы снимались на современных пляжах. Так, на левом плакате Урсула Андрес, девушка Бонда из фильма «Доктор Ноу», выходит в знаменитом белом бикини на пляж, заваленный различным мусором.

Рис. 7. Реминисценции плаката «А ты записался добровольцем?»
 Fig. 7. Reminiscences of the poster “Did you sign up as a volunteer?”

Рис. 8. Реминисценции в серии «День мирового океана»
 Fig. 8. Reminiscences in the series “World Ocean Day”

3. Аллюзия – «это стилистическая фигура, содержащая явное указание, аналогию или отчётливый намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи» [17, с. 43]. В отличие от реминисценции аллюзия не включает ни вербальные, ни визуальные фрагменты из текста-источника. Следует отметить, что, хотя в целом это разные формы, между реминисценцией и аллюзией нет непреходимой границы.

Аллюзия – наиболее сложный как для создания, так и для распознавания вид интертекстуальности. Здесь должны присутствовать определённые элементы, с помощью которых адресант активизирует в сознании адресата события или произведения искусства, с которыми тот познакомился раньше. Аллюзия всегда становится средством создания подтекста, актуализация которого и является основной задачей автора. Аллюзия обязательно опирается на ценности адресата и всего лингвокультурного сообщества, то есть она изначально аксиологична.

В качестве примера простых аллюзий рассмотрим плакаты на рис. 9. На первом плакате в защиту животных помещён ироничный слоган: *Не обижайте беспартийных медведей. Они не виноваты.* Здесь медведица

и три медвежонка (как на картине И.И. Шишкина) противопоставляются логотипу партии Единая Россия. На втором плакате изображена сцена столкновения морского лайнера с огромной кучей мусора. Слоган *Раньше причиной катастрофы мог быть айсберг* является аллюзией на гибель «Титаника».

В некоторых случаях расшифровка аллюзии требует широкого круга фоновых знаний и высокого культурного уровня адресата. Так, к международному саммиту по климату в Париже в 2015 г. был выпущен официальный постер WWF (рис. 10). Хотя в самом изображении нет никаких параллелей с картиной Э. Делакруа «Свобода на баррикадах», однако её композиция воспроизведена на постере достаточно точно. В связи с этим основная идея плаката может быть понята как призыв к вооружённому сопротивлению политике властей. Эту идею подчёркивают слова, помещённые справа в рамочке: «Чтобы изменить всё, нам нужны все», что усиливает аллюзию с призывом к «оранжевым революциям».

Участники Британского проекта Brandalism (контаминация слов «Бренд» + «вандализм») за несколько дней до Международной конференции стран-участниц Конвенции ООН по проблемам изменения климата (COP21) разместили в Париже более 600 пла-

Рис. 9. Аллюзия
Fig. 9. Allusion

Рис. 10. Визуальная аллюзия
Fig. 10. Visual allusion

катов, на которых объявили политиков и известные бренды «частью проблемы» глобального потепления. Активисты французского «брендализма» утверждали, что переговоры, где решаются жизненно важные вопросы, от которых зависит будущее планеты, проходят под патронатом и при финансовой поддержке главных загрязнителей. В связи с этим на плакатах изображались известные политики, главы государств, корпорации, которые, по мнению авторов, повинны в изменении климата. На рис. 11 воспроизведены два плаката этой серии, изображающие Синдзэ Або, премьер-министра Японии, и Дэвида Кэмерона, премьер-министра Великобритании. Оба плаката содержат аллюзии на факты из деятельности этих политиков, которые способствовали загрязнению атмосферы. В данном случае интертекстуальность понимается предельно широко: как пишет А.М. Амагов, «смысл текста заключается не только (а иногда и не столько) в нём самом, сколько в тех многочисленных связях, которые соединяют текст с окружающей действительностью (физической, биологической, социальной) и образуют дискурс» [18, с. 5].

ВЫВОДЫ

Паразитарный характер рекламного дискурса требует постоянного заимствования из других дискурсов их стилеобразующих приёмов, конструкций, жанров и т. п., о чём неоднократно писали многие исследователи, указывающие на этот признак как одну из

самых заметных черт рекламы. Однако реклама не ограничивается заимствованием сугубо лингвистических элементов: она впитывает в себя и фрагменты чужих текстов (из художественных произведений, публицистики, юридических документов и т. п.), и факты истории, политической жизни и т. п. – всё то, что может быть интересно, актуально, познавательно для адресата. В связи с этим интертекстуальность широко эксплуатируется во всех видах рекламы, является одной из её важнейших дискурсообразующих категорий. Использование интертекстуальных включений выполняет важную для СР функцию: сделать текст более ёмким, кратким, ярким и запоминающимся, привлечь внимание адресата и заставить его поступать согласно рекомендованной модели поведения.

В отличие от плакатов товарной рекламы, где в последнее время отмечается существенное преобладание визуального компонента над вербальным, для плакатов СР вербальный компонент остается ведущим. Этот тезис верен и для характеристики интертекстуальности в СР. Здесь выявлена следующая закономерность.

1. Цитация составляет 28,4 % исследованных примеров. При использовании этой формы существенно преобладает вербальное цитирование. Хотя в целом в СР сугубо визуальные цитаты тоже имеют место, в экологической СР подобные примеры не обнаружены. Кроме одиночных плакатов, общественные организации выпускают весьма обширные серии с высказываниями известных людей.

Рис. 11. Аллюзия на события
Fig. 11. Allusion to events

Здесь роль визуального компонента, привлекающего внимание адресата, выполняет портрет автора цитаты. Если он интересен адресату, тот захочет ознакомиться и с содержанием послания. Причём если для товарной рекламы обычно рекомендуют использовать такие цитаты, которые наверняка известны массовому адресату, то для СР более важно, чтобы известным был автор цитаты, в то время как текст должен быть по возможности оригинальным и поучительным.

2. Реминисценция составляет 61,5 % от общего числа исследованных примеров. Здесь визуальные и вербальные компоненты находятся в относительном равновесии: идея выражается словами, а изображение выполняет роль иллюстрации, и/или eye-stopper. Однако в каждом конкретном случае ведущим может быть только один компонент. Около 2/3 всех примеров реминисценций имеют в качестве ведущей вербальную составляющую (рис. 2–4): основную нагрузку

несут цитаты, которые должен узнать и опознать адресат. Рисунки на таких плакатах часто крайне невыразительные. Чуть более 1/3 плакатов имеют в качестве ведущей визуальную составляющую. Тогда используются широко известные прецедентные изображения, способные оказать соответствующее воздействие на адресата.

3. Примеры, содержащие аллюзию, составляют 10,1 % от общего количества плакатов. Относительно небольшой объём аллюзий в СР объясняется очень просто: всегда есть вероятность того, что адресат не сможет распознать намёк автора. В этой группе основная нагрузка чаще всего ложится на изображение, которое и должно вызывать ассоциации с прототекстом.

Таким образом, можем заключить: чем более обширный подтекст содержит послание, тем большую роль в нём играет визуальный компонент.

Список источников

1. *Бобырёва Е.В.* Интертекстуальность религиозного дискурса // *Апробация*. 2016. № 8 (47). С. 136-137.
2. *Богатырёв А.В.* Особенности функционирования интертекста в юридическом дискурсе // *European Social Science Journal*. 2014. № 10-1 (49). С. 183-190.

3. *Ракитина С.В.* Интертекстуальность в юридических учебно-научных текстах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 141-146.
4. *Рыженко Е.С.* Формы проявления интертекстуальности в пресс-релизах, помещённых в Интернете // Язык в меняющемся мире: межвуз. сб. ст. / под ред. М.В. Сандаковой. Киров: Изд-во Вят. гос. ун-та, 2013. С. 153-160.
5. *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста. Изд. 5-е. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 128 с.
6. *Христофорова Н.И.* Особенности реализации категории интертекстуальности в электронных научно-популярных текстах с невербальным компонентом // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 534-536.
7. *Александрова О.И., Борисова А.С., Калининкова Е.Д.* Феномен прецедентности во французской социальной рекламе и её коммуникативно-прагматический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 127-135.
8. *Дедюрина Е.Ю.* Интертекстуальность во франкоязычной социальной рекламе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 214-217.
9. *Терских М.В., Шабан Ю.И.* Поликодовые инструменты интертекстуальности в социальной рекламе // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 172-191.
10. *Анисимова Т.В., Чубай С.А.* Риторика социальной рекламы. Волгоград, 2019. 138 с.
11. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999. 444 с.
12. *Болдак И.А.* Интертекстуальность научного текста как отражение его полисубъективности // Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 4: сб. науч. ст. Гродно: Тип. Зебра, 2012. С. 75-78.
13. *Фатеев А.В.* Визуальное цитирование на фоне литературоведческой теории интертекстуальности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36. С. 58-62.
14. *Анисимова Т.В.* Роль произведений искусства в дискурсе социальной рекламы // Евразийский союз учёных: Междунар. науч.-исслед. журнал. 2020. Т. 4. № 10 (79). С. 33-40.
15. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.
16. *Чернявская В.Е.* Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 96-109.
17. *Москвин В.П.* Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Наука-Флинта, 2015. 168 с.
18. *Аматов А.М.* Дискурс социальной рекламы: прагматика прагматизма // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 1. С. 3-12.

References

1. *Bobyreva E.V.* Intertekstual'nost' religioznogo diskursa [Intertextuality of religious discourse]. *Aprobatsiya* [Approbation], 2016, no. 8 (47), pp. 136-137. (In Russian).
2. *Bogatyrev A.V.* Osobennosti funktsionirovaniya interteksta v yuridicheskom diskurse [Peculiarities of intertext functioning in legal discourse]. *European Social Science Journal*, 2014, no. 10-1 (49), pp. 183-190. (In Russian).
3. *Rakitina S.V.* Intertekstual'nost' v yuridicheskikh uchebno-nauchnykh tekstakh [Intertextuality in legal educational and scientific texts]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2014, no. 4 (31), pp. 141-146. (In Russian).
4. *Ryzenko E.S.* Formy proyavleniya intertekstual'nosti v press-relizakh, pomeshchennykh v Internete [Forms of manifestation of intertextuality in press releases posted on the Internet]. *Yazyk v menyayushchemsya mire* [Language in a Changing World]. *Kirov, Vyatka State University Publ.*, 2013, pp. 153-160. (In Russian).
5. *Chernyavskaya V.E.* *Interpretatsiya nauchnogo teksta*. [Interpretation of Scientific Text]. Moscow, Book House "Librokom", 2010, 128 p. (In Russian).
6. *Khristoforova N.I.* Osobennosti realizatsii kategorii intertekstual'nosti v elektronnykh nauchno-populyarnykh tekstakh s neverbal'nym komponentom [Features of implementing the intertextuality category in electronic popular science texts with a non-verbal component]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 3 (82), pp. 534-536. (In Russian).
7. *Aleksandrova O.I., Borisova A.S., Kalinnikova E.D.* Fenomen pretsedentnosti vo frantsuzskoy sotsial'noy reklame i eye kommunikativno-pragmaticheskiy potentsial [Phenomenon of precedence in the French public service advertising and its communicative and pragmatic potential]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 127-135. (In Russian).

8. Dedyurina E.Y. Intertekstual'nost' vo frankoyazychnoy sotsial'noy reklame [Intertextuality in the French-Language social advertisement]. *Filo-logicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2020, vol. 13, no. 11, pp. 214-217. (In Russian).
9. Terskikh M.V., Shaban Y.I. Polikodovyye instrumenty intertekstual'nosti v sotsial'noy reklame [Polycode tools of intertextuality in social advertising]. *Kommunikativnyye issledovaniya – Communication Studies*, 2018, no. 3 (17), pp. 172-191. (In Russian).
10. Anisimova T.V., Chubay S.A. *Ritorika sotsial'noy reklamy* [Rhetoric of Social Advertising]. Volgograd, 2019, 138 p. (In Russian).
11. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 1999, 444 p. (In Russian).
12. Boldak I.A. Intertekstual'nost' nauchnogo teksta kak otrazheniye ego polisub'yektivnosti [Intertextuality of scientific text as a reflection of its polysubjectivity]. *Lingvistika i metodika v vysshey shkole. Vyp. 4* [Linguistics and Methodology in Higher Education. Issue 4]. Grodno, Zebra Typography, 2012, pp. 75-78. (In Russian).
13. Fateyev A.V. Vizual'noye tsitirovaniye na fone literaturovedcheskoy teorii intertekstual'nosti [Visual citation against the background of the literary theory of intertextuality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 36, pp. 58-62. (In Russian).
14. Anisimova T.V. Rol' proizvedeniy iskusstva v diskurse sotsial'noy reklamy [The role of works of art in the discourse of social advertising]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh: Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – Eurasian Union of Scientists: International scientific journal*, 2020, vol. 4, no. 10 (79), pp. 33-40. (In Russian).
15. Skovorodnikova A.P. (ed.). *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrizitel'nyye sredstva russkogo yazyka i rechevyye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference. Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings]. Moscow, FLINTA Publ., 2011, 480 p. (In Russian).
16. Chernyavskaya V.E. Vizual'nost' v sotsiokul'turnoy proyektzii [Image and visuality in sociocultural dimension]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 2021, no. 2 (28), pp. 96-109. (In Russian).
17. Moskvina V.P. *Intertekstual'nost'. Ponyatiyny apparat. Figury, zhanry, stili* [Intertextuality. Conceptual Apparatus. Figures, Genres, Styles]. Moscow, Nauka-Flinta Publ., 2015, 168 p. (In Russian).
18. Amatov A.M. Diskurs sotsial'noy reklamy: pragmatika pragmatizma [PSA discourse: pragmatics of pragmatism]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki – Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 3-12. (In Russian).

Информация об авторах

Анисимова Татьяна Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Калининград, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1654-7783](https://orcid.org/0000-0003-1654-7783), atvritor@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание текста статьи.

Чубай Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-3660-8267](https://orcid.org/0000-0002-3660-8267), chubaj77@mail.ru

Вклад в статью: подбор первичного материала, анализ авторской картотеки, редактирование текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 24.04.2022
Одобрена после рецензирования и доработки 30.06.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Tatyana V. Anisimova, Candidate of Philology, Professor, Professor of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines Department, Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1654-7783](https://orcid.org/0000-0003-1654-7783), atvritor@yandex.ru

Contribution: main study conception, manuscript text drafting.

Svetlana A. Chubay, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology and Journalism Department, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-3660-8267](https://orcid.org/0000-0002-3660-8267), chubaj77@mail.ru

Contribution: source material acquisition, author's file analysis, manuscript text editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 24.04.2022
Approved after reviewing and revision 30.06.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 80
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-496-506

Дожиночные обряды в системе традиционной культуры восточных славян: этнолингвистические компоненты в аспекте семиотического анализа

Ольга Николаевна АНДРЕЕВА

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
119571, Российская Федерация, г. Москва, просп. Вернадского 82, стр. 1
✉ olga06-78@mail.ru

Аннотация. Особое внимание уделено рассмотрению семантических составляющих дожиночного обряда (обряд «завивания бороды») как этнолингвистического текста, которые являются онтологическими основаниями аграрного комплекса системы традиционной культуры восточных славян. Приведено описание обряда «завивания бороды» в виде репрезентации акциональных блоков с помощью базовых категорий семиотического анализа, дано истолкование значения знаковых семиотических структур в виде раскладки символических составляющих. Полевые материалы, представленные автором статьи, являются как показателем общероссийского контекста, так и собственно конкретного ареала – Центрального Черноземья, в частности, Тамбовской области, и демонстрируют отголоски и своеобразие функционирования составляющих компонентов дожиночного обряда. Тексты данного обряда, заклинательные элементы, акциональные составляющие оказываются достаточно многоликими и разнообразными. Объяснение этнолингвистических компонентов обряда в народной среде показывает, каким образом народ интерпретирует контексты его возникновения и развития. Собственно символическое представление показано в сакральном контексте всех знаковых сем, что подчёркивает их онтологический характер. Сакральность обряда представлена в символике знаковых сем: «борода» в данном случае есть этнолингвистическая метафора христианского обращения к Богу, молитва о будущем урожае.

Ключевые слова: обрядовые комплексы, онтологические основания, семантика, сакральные композиции, дожиночный обряд, этнолингвистический текст

Для цитирования: Андреева О.Н. Дожиночные обряды в системе традиционной культуры восточных славян: этнолингвистические компоненты в аспекте семиотического анализа // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 496-506. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-496-506>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Dozhin rituals in the system of traditional culture of the Eastern Slavs: ethnolinguistic components in semiotic analysis aspect

Olga N. ANDREEVA

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Bldg 1 82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

✉ olga06-78@mail.ru

Abstract. We pay particular attention to the consideration of semantic components of the dozhin ritual (“beard curling” ritual) as an ethnolinguistic text, which are the ontological foundations of the agrarian complex of traditional culture system of the Eastern Slavs. We give a description of the “beard curling” ritual in the form of representation of actional blocks using the basic categories of semiotic analysis, an interpretation of the meaning of symbolic semiotic structures in the form of a layout of symbolic components. The field materials presented by us are both an indicator of the All-Russian context and the specific area itself – the Central Black Earth Region, in particular, Tambov region, and demonstrate the echoes and originality of functioning of constituent components of the dozhinochny ritual. The texts of this rite, incantatory elements, actional components turn out to be quite many-sided and diverse. The explanation of ritual’s ethnolinguistic components in the folk environment shows how the people interpret the contexts of its origin and development. The actual symbolic representation is shown in the sacred context of all symbolic semes, which emphasizes their ontological nature. The sacredness of the ritual is represented in the symbolism of significant semes: the “beard” in this case is an ethnolinguistic metaphor for the Christian appeal to God, a prayer for the future harvest.

Keywords: ritual complexes, ontological foundations, semantics, sacred compositions, dozhin ritual, ethnolinguistic text

For citation: Andreeva O.N. Dozhinochnyye obryady v sisteme traditsionnoy kul'tury vostochnykh slavyan: etnolingvisticheskiye komponenty v aspekte semioticheskogo analiza [Dozhin rituals in the system of traditional culture of the Eastern Slavs: ethnolinguistic components in semiotic analysis aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 496-506. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-496-506> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Обрядность в системе традиционной культуры восточных славян – не только необходимый элемент развития этой культуры, но и возможность семиотического и семантического выражения жизни человека, его мировосприятия, взглядов, верований [1–3]. Все обряды (обрядовые комплексы) имеют онтологические основания своего существования, развития и функционирования. Они существуют в пространстве бытия – бытия мира, человека, составляющих его жизнедея-

тельности. Обряд (обрядовый комплекс) онтологичен, поскольку несёт в себе смысл жизнедеятельности, энергию, силу, объясняет течение времени и процессы, происходящие в природе. Семиотические составляющие обряда имеют сакральный смысл; его семантическое поле объяснимо с позиций онтологического восприятия. Внешне обряд состоит из последовательности так называемых «семиотических» действий (блоков); внутренне семантика обряда объяснима как совокупность сакральных композиций.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель исследования – анализ семантико-семиотических составляющих обрядового комплекса (дожиночного обряда в системе аграрного комплекса восточных славян) в рамках этнолингвистической картины мира.

Материалами исследования являются теоретико-практические изыскания учёных-лингвистов в русле традиционной культуры восточных славян, в частности, аграрной обрядности, полевые материалы автора статьи, собранные на территории Тамбовской области.

Методы исследования – наблюдение, анализ, синтез, герменевтический метод как базовый анализ семантико-семиотических смыслов и значений составляющих (компонентов) того или иного явления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Широко распространённым у восточных славян является дожиночный обряд (обряд «завивания бороды», дожинки, дожин, дожни, пожинки, пожиналки, выжинки, обжинки, обжатки, оспожинки, спожинки, вспожинки, Спожиница, Спожин, Госпожинки, Госпожки, Успенщина), который является одним из элементов так называемого аграрного обрядового комплекса¹. Обряд «завивания бороды» имеет многослойную семантику: онтологические основания его заключены в самом жизненном пространстве мира, человека; семиотические составляющие есть знаковые универсальные категории, имеющие сакральный смысл.

Аграрный комплекс восточных славян уникален. Здесь элементы древней мифологии соединяются с народнохристианскими верованиями, с догматическими основами христианского вероучения, с повериями и мировосприятием народа. Следует отметить особое трепетное отношение восточного славянина к соблюдению сельскохозяйственных обрядов. Аграрный обрядовый комплекс со всеми составляющими элементами содержит онтологические основания: он показывает, как зарождается жизнь (подготовка семени,

посадка в почву), развивается (рост растения, его формирование, цветение, плодоношение), угасает (окончание цветения, плодоношения, уборка урожая). Сельскохозяйственные обряды – это главные обряды жизненного цикла человека; цикличность здесь в какой-то степени имеет взаимообусловленный характер. Процесс роста растения, ухода за ним, понимание того, что это живой организм, проводят в сознании земледельца параллель с жизнью человеческого организма.

Семантические составляющие аграрного обрядового комплекса содержат такие основные корреляции, как «жизнь – смерть», «рост – упадок», «сила – увядание». Особенно чётко данная градация представлена в обряде «завивания бороды»: «завивать бороду», то есть оставлять колосья в поле, было необходимо после уборки урожая (указанные выше семантические корреляты в данном случае также имеют онтологические основания).

Описание обряда «завивания бороды» (представление акциональных блоков) с помощью категорий семиотического анализа, толкование знаковых семиотических структур весьма символично. Непосредственно символическое представление заключено в сакральном контексте всех знаковых сем. Сакральность в данном случае – категория «непостижимости», ирреальности, необъяснимости бытия и его составляющих известными науке фактами, явлениями. Сакральным является и одно из именовании обряда – «завивание бороды». Знак в системе данного обряда, таким образом, всегда сакрален, глубоко символичен, в некоторых случаях аллегоричен. В общефилософском смысле семиотический знак с сакральной семантикой онтологичен. Бытийность здесь, прежде всего, имеет религиозный характер; в ней отражается глубокое народноправославное мироощущение. Обряд «завивания бороды» проводился с чином посвящения – «борода» обязательно кому-либо посвящалась в знак благодарности за посланный урожай. Её посвящали Богу, Иисусу Христу, Богородице, всем святым (в Центральной России особенно часто «бороду» посвящали святым – Илье-пророку [20 июля (2 августа)], Николаю [9 (22) мая, 6 (19) декабря], Власию [11 февраля], Флору и Лавру [18 (31) августа], Косме и Дамиану [01 (14) июля], Елене [06 (19)

¹ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 126.

марта], Егорию Победоносцу [06 (19) мая, 09 (22) декабря]), которая осмысливалась как жертва им. На каждой территории есть свои так называемые «рудименты» этого обряда, связанные с плетением и посвящением «бороды». Тексты данного обряда, заклинательные элементы, акциональные составляющие, кроме основного своего ядра – посвящения – многолики и разнообразны. Зачастую народ не только находит объяснение сакральным компонентам обряда, но и интерпретирует контексты его возникновения и развития. Последнее направлено на бытование одного из семантических уровней («слоёв») этого обряда – непосредственно «завивание бороды», в частности, сама «борода» в данном случае есть просьба, моление о будущем урожае.

Дожиночные обряды были широко распространены у всех восточных славян. В некоторых местностях, например, в Костромской губернии, «в начале жатвы оставляли на ниве волотку на бородку – куст несжатых колосьев»². При завершении жатвы небольшую часть колосьев оставляли несжатой на поле. С этим пучком, который назывался «борода», «коза», «козулька», «косица», а в Польше, Литве, Болгарии, на некоторых территориях России его называли «бабой» («старухой»), «царицей», «матерью хлеба» [4, с. 120-121], на севере России – «Елохой», производили ряд обрядовых действий. В самом древнем варианте, как указывает О.Г. Баранова, стебли растений надламывали и сгибали дугой таким образом, чтобы колосья соприкасались с землёй. Иногда пучок прижимали к земле камнями. В некоторых случаях закапывали концы колосьев в землю, иногда вместе с куском хлеба. В более поздних вариантах обряда несжатый пучок связывали узлом (реже – тремя узлами), перевязывали наверху около колосьев стеблями, травой, поясом, красной ниткой или лентой и приговаривали: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай» [5, с. 315]. Несжатые стебли образовывали круг, середина которого была пуста. Иногда «бороду» украшали цветами, в севернорусских районах использовались для этих целей старые шапки и лапти. В севернорусских губерниях, окончив по-

² Забелин И. История русской жизни с древнейших времён. М.: Тип. Грачёва и К, 1879. Ч. 2. С. 327.

левые работы, на последней полосе ставили вертикально крест, свитый из ржи, овса, ячменя, и обкладывали жгутами из тех же стеблей («борода – часовня»)³. «Завивать бороду» означало скручивать жгутом, сгибать, придавать округлую форму, делать веночек, не срезая растения. Данное ритуальное действие выполняла старшая из жниц. Стебли завивали по солнцу, до «бороды» не разрешалось дотрагиваться руками [6, с. 310]. И. Забелин говорит об обряде «завивания бороды» не только после окончания жатвы и уборки хлеба («хлебная борода завить»), но и после сенокоса и уборки сена («сенная борода завить»)⁴.

Особый ритуал, как отмечают некоторые учёные, представлял собой приготовление символического угощения. На положенный внутри колосьев «бороды» камень, изображающий стол, покрытый куском полотна, – «скатертью», клали кусок хлеба с солью (иногда хлеб привязывали к «бороду») [7, с. 64-65] и скрепляли сделанное словами: «Батюшка Илья – борода! Уроди ржи, овса, ячменя и пшеницы!» [5, с. 316]. С. Сухотин также отмечал, что перед снопом делали с благодарностью три поклона на восход, «что отвязались»⁶.

Термин «борода» связывался с индоевропейским корнем, означавшим лексему «растительность». Синоним «бороду» – «коза», «козулька», что означало «любую часть полосы, приходящуюся на долю одного жнеца»⁷ [8]. Вязали «бороду» и «деду» (восточнославянская зона), «полевому» (русская зона), «полуднице» (лужицкая зона), «полевым животным (мышам, зайцам)» и «птицам»

³ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 126-127.

⁴ Забелин И. История русской жизни с древнейших времён. М.: Тип. Грачёва и К, 1879. Ч. 2. С. 327.

⁵ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 127-128.

⁶ Сухотин С. Смесь: Несколько обрядов и обычаев в Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1912. № 3-4. С. 101.

⁷ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 130.

(белорусская, сербская, южнорусская зоны)⁸, «хозяину поля» [9, с. 55], закручивали также «бороду» *Перу(ну)* [10, т. 6, с. 21].

По мнению Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, в этом образе видно «соположение Волоса и Ильи», поэтому «бороду» завивали Волосу, Илье или «житному деду» [11, с. 53], «перепелке» (на Гродненщине) [12, с. 400]. Во многих случаях этот обычай носил название «обряд завивания Миколиной бородки», который в своих архаичных вариантах заключался в следующем:

*Благослови-ка меня, Господи,
Да бороду вертеть:
А пахарю – то сила,
А севицу – то каравай,
А коню – то голова,
А Микуле – борода* [13, с. 52].

Чаще всего «бороду» посвящали Илье-пророку [14]: «*Вот тебе, Илья, борода! На лето уроди нам ржи да овса!*»⁹ [5, с. 316], «*Вот тебе, Илья, соломенная борода, а на будущий год уроди нам хлеба грода [много]*», «*Вот тебе, Илья, борода, а мне овсяная конна*» [15, с. 89], «*Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего доброго коня*»¹⁰. В некоторых областях, по данным этнографов, зафиксировано такое распределение, когда «при окончании жатвы жита (ржи) «завязывают бороду Илье», а при окончании уборки пшеницы «завязывают бороду Спасу»¹¹. В Калужской области говорят так: «*Илья – седая борода! Ходи сюда, береги мою силу к яровой жниве*»¹². Реже этот пучок посвящался другим святым: «*Флор да Лавр, приходи-*

те коня кормить!», «*Егорий, приходи, коня приводи, и наших коней корми, и овечку корми, и коровку корми!*»¹³.

Особое внимание следует обратить на бытование этого обряда в конкретном ареале – Центральном Черноземье, в частности, в Тамбовской области. Полевые материалы, собранные автором статьи в 2004–2013 гг., показывают отголоски и своеобразие функционирования составляющих компонентов дожиночного обряда.

Обряд «завивания бороды» во всей полноте своих структурных компонентов на тамбовской земле практически не сохранился, хотя есть отголоски общерусских ритуальных композиций и в тамбовском варианте данного обряда. Чаще всего информаторы знают лишь способ «завивания бороды» и её отнесённость к тому или иному святому или «поверью». Обычно на Тамбовщине «бороду» посвящали святому Илье-пророку (необходимо заметить, что на территории Тамбовской области нам не удалось зафиксировать ни одной записи обряда «завивания бороды» с посвящением её святому Николаю Угоднику, хотя принято этот обряд считать «никольским»): «*Завязывали прям узлом, даже дома обязательно завяжем. Говорили: «Илье на бородку, для него»* (Налетова Е.К., 1915 г. р., с. Бурнак, Жердевский р-н, Тамбовская область). «*Вот куст ржи, из ржи сделают связлу и связывают. Говорили: «Илье на бородку»»* (Сажнева Л.М., 1929 г. р., с. Чикаревка, Жердевский р-н, Тамбовская область). «*Они прям кончают уборку и на уголках оставляют колосья, узелком завяжут, так они и сидят, вот это самое: «Илье на бородку оставляли». Илье на бородку оставили»* (Иноземцева Е.Т., 1919 г. р., р. п. Мордово, Тамбовская область). «*Наберут пучок, может, семь штук, ну, кисточку, кто оставляет в полях, а кто и приносил на полку домой. Говорили: «Илье на бородку». Колосочки завязывали»* (Черкасова М.И., 1935 г. р., с. Ивановка, Мордовский р-н, Тамбовская область). «*Оставляли колоски, завязывали, говорили при этом: «Илье на бородку»»* (Негуляева Ф.А., 1912 г. р., с. Никольское, Зна-

⁸ Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 233.

⁹ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 218; Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 406.

¹⁰ Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 406.

¹¹ П. И. Из области малорусских народных легенд // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 76.

¹² Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 234.

¹³ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 129.

менский р-н, Тамбовская область). «Оставляли штук десять колосков с ростом, это когда кончают уборку, всё, он, хозяин, заканчивает убирать свои участки, колоски прямо перемахнут и завяжут и говорят: «Илье на бородку». Это ведь делали всегда, это всё оставишь, а что и для чего – не знаю» (Туголукова М.А., 1924 г. р., с. Чикаревка, Жердевский р-н, Тамбовская область). «Когда косят, то делают прямо кустик из нескольких колосков, эти колоски соберут и связывают. Знаете, как говорили: «Илье на бородку» – как пай ему оставляли» (Полякова Н.П., 1927 г. р., с. Чикаревка, Жердевский р-н, Тамбовская область).

Некоторые информаторы помнят, что «бороду» посвящали Иисусу Христу: «Завязывали, это называется «Христу на бороду». Так-то вот обернут кругом и так вот протянут туда, а тут петельку протянут, чтобы не развязался. Колосьев было несчётное число» (Насонова А.М., 1912 г. р., с. Ново-Русаново, Жердевский р-н, Тамбовская область). «Немножко оставляли, говорили: «Христу на бородку»» (Малява М.И., 1921 г. р., с. Семикино, Сосновский р-н, Тамбовская область). «Скошена, а этот уголок остался и говорили: «Христу на бороду». Оставляли несколько колосков, меньше десяти, может, штук семь, и прямо завязывали в узел» (Федяева М.Г., 1923 г. р., с. Семикино, Сосновский р-н, Тамбовская область). «Связывали на бородку. Растут колосья, их хватают, связывают. В пшенице, во ржи – трава, их связывали этой травой. Говорили так: «Христу на бороду». Связывали это для того, чтобы был хороший урожай. Называлось это снопом» (Вечтомова Е.Н., 1942 г. р., с. Отъяссы, Сосновский р-н, Тамбовская область). «Когда первый раз начинали косить, то оставляли пучок «Христу на бородку»» (Провоторова У.А., 1923 г. р., с. Семикино, Сосновский р-н, Тамбовская область). «Оставляют «Иисусу Христу на бородку». После этого идут в церковь, хлеб положат» (Фёдорова Н.Ф., 1926 г. р., с. Ивановка, Мордовский р-н, Тамбовская область).

Не менее важным было оставление колосьев и «Богу на бородку»: «Оставляли колоски Богу на бородку»» (Аносова О.И., 1924 г. р., с. Бурнак, Жердевский р-н, Тамбовская область). На Тамбовщине «бороду»

могли посвящать и некоторым святым, в частности, святому Петру [один из двенадцати апостолов (учеников) Иисуса Христа, 29 июня (12 июля)]: «Косят, косят и остаётся какой-то отрезок, к которому нельзя подойти, и тогда говорили: «Петру на бородку»» (Постникова А.К., 1920 г. р., с. Яблоновка, Знаменский р-н, Тамбовская область).

Кроме этого, «бороду» могли оставлять и «всем пророкам»: «Связывали соломой прямо с колосом, два–три колоса, говорили: «Всем пророкам на бородку»» (Карина А.Е., 1935 г. р., с. Татаново, Тамбовский р-н, Тамбовская область), и «попу»: «Снопик небольшой в двух местах связывали сверху и снизу, колосьями скручивали и завязывали. «Зародись, – говорили, – попу на бородку». Поп же всегда с бородой» (Оглоблина В.С., 1936 г. р., с. Ивановка, Сампурский р-н, Тамбовская область).

«Завивать бороду» можно было без именнаяречения и посвящения: «Оставляли колоски на сноп, вверху завязывали, узел делали, говорили так: «На бородку» (Глушкова В.В., 1925 г. р., с. Ивановка, Мордовский р-н, Тамбовская область). «Оставляли снопик, его ленточкой связывают в виде бантика – прямо кучку свяжут бантиком. Для семян [семян], что ли, его оставляли, но на Ильин день не оставляли» (Овчинкина М.Н., 1923 г. р., с. Никольское, Знаменский р-н, Тамбовская область). «С Ильина дня убирают рожь, оставляют на бородку» (Емельянова П.М., 1927 г. р., с. Шаховка, Знаменский р-н, Тамбовская область).

В тамбовской дожиночной обрядности есть и свои уникальные элементы, отступающие от общерусского контекста и дополняющие его. Так, встречаются и наиболее архаичные именованья адресата дожиночных обрядов: «Бывало, не скосят участок и говорили: «Ну, кто-то на люльку оставил». Косили бабы, а люльку-то кто качал – бабы, ведь в ней ребёночек лежал» (Чуканова А.И., 1927 г. р., с. Бурнак, Жердевский р-н, Тамбовская область).

В тамбовском варианте рассматриваемого обряда сохранились и составляющие другого обряда – символического угощения, так называемого «приношения хлеба»: «Убирают, пучок ставили, тут же пекли хлеб, бру-

сья какие-то ставили, хлеб на брусья кладут и едят его» (Ильина В.Г., 1931 г. р., с. Никольское, Знаменский р-н, Тамбовская область). «Скосят, бывало, последнюю рожь, овёс и завяжут, и кусочек хлеба положат туда, да внутрь пнут – да и всё, грачи поклюют. Называли «Илье на бородку»» (Костина А.Н., 1907 г. р., г. Жердевка, Жердевский р-н, Тамбовская область).

В общерусской трансляции обряд «завивания бороды» в структурном плане условно может быть представлен тремя фазами: первая фаза – посадка семян, их развитие и рост; вторая фаза – уборка урожая; третья фаза – оставление колосков («завивание бороды»). Релевантна семантика первых двух фаз обряда, так как она проецирует третью фазу – непосредственно завершающее действие обряда, своего рода «сакральную молитву» Богу, Сыну Его Иисусу Христу и всем святым, направленную на обеспечение нового урожая.

Существует практически единый взгляд на смысл этого обряда. «Весь комплекс дожиночных обрядов был направлен на сохранение растительной силы снятого урожая на поле <...>, на обеспечение плодородящей силы земли»¹⁴.

«Бороду» одни исследователи связывают с почитанием «языческого» Перуна, сохранение следов культа которого они видят в поклонении Илье-пророку. «Борода», по их мнению, как символ дождя, являлась одним из главных атрибутов богов-громовников, к числу которых и принадлежал Перун [16, с. 271]. Другие учёные видят в основных элементах структуры славянских обрядовых циклов («борода», последний сноп) отголоски воздействия ритуала проводов «на тот свет» [17, с. 203, 205]. Сам обряд «завивания бороды» считают пережитком жертвы [18, с. 393]. Учёными совершенно не раскрывается смысл соотнесённости элементов обряда, их значение, приуроченность к христианской символике. Дожиночный обряд как фрагмент аграрного обрядового комплекса имел строгую принадлежность в зависимости от территориальных условий образу того или иного христианского святого. Этот обряд как

сложное явление необходимо истолковать с семиотических позиций.

Обряды, связанные с «завиванием бороды», имея христианскую символику, выраженную в приурочивании их к какому-либо православному святому, являются чисто христианским явлением. В отличие от других исследователей правомерно утверждать, что ничего языческого здесь нет. Причину возникновения такой обрядовой шифровки можно видеть во влиянии иконоборческих идей, запрещающих не только изображение Бога, но и переосмысляющих христианскую идею поклонения Божеству. В первоначальном своем варианте «борода», описывающая дугу, напоминает собой букву «Хльмь» (имеется в виду второй тип глаголического начертания, так называемое «паукообразное» – рисовали кружок с четырьмя крючками по углам. Такая форма четыре раза попадается в памятниках: в Синайской псалтыри – три раза и в Ассеманиевом Евангелии – один раз. Во всех четырёх случаях символ передавал первую букву слова «Хльмь» [19]), которая является одним из символов Бога-Отца. В более поздних вариантах обряда, когда пучок оказывался перевязанным стеблями, травой, поясом, лентой, божественная символика проявляется ещё яснее. Такая «борода» является уже своеобразной иконой, перед которой можно совершать моления – просить Бога об урожае, плодородии. Так, в Заонежье перед такой иконой выкрикивали трижды: «Засеки глубоки, стога высоки, ку-ка-ре-ку» [20, с. 36]. В данном контексте «куриная» символика ассоциируется с божественной. Эта «икона» напоминает иконописное изображение «Илья Пророк» (конец XIV – начало XV века), где святой изображён с так называемым «платком» на шее, то есть несёт на себе символ Бога-Отца – букву «Хльмь». Таким образом, имеющая округлую форму «борода» – это своеобразное создание Бога. Оставление такого пучка на «бородку» какому-либо святому как раз и показывало отголоски иконоборческих идей, когда святой мог заменять собой божественные ипостаси. Подтверждением этому служит поверье, согласно которому в Поволжье после Ильина дня было принято в передний угол ставить «завитой» сноп овса [21, с. 76]. Не менее важным является и зафиксированный

¹⁴ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 131.

Ю.П. Миролубовым факт «признания» первого снопа, или Прашура, «изображением, иконой Бога, Деда Вселенной» [10, т. 5, с. 40].

Ритуал, заключающийся в приготовлении особого символического угощения, оставаемого внутри колосьев, направлен на создание образа христианского храма, имеющего сакральный смысл. Камень внутри «бороды», на который клали кусок хлеба с солью, символизировал церковный алтарь; хлеб мог заключать в себе образ Всевышнего Бога. До пучка не разрешалось дотрагиваться – отзвук запрета на пребывание в церковном алтаре лиц несвященнического сана. Старшая из жниц, выполнявшая чаще всего этот обряд, могла принимать в сакральном смысле этого обряда облик священника. Перед таким «алтарём» крестьяне читали молитвы, прося какого-либо святого о покровительстве, урожае. На самом деле, по нашему мнению, эти молитвы были обращены к Богу, который на иконах мог быть представлен либо в виде святых, либо в виде зашифрованных символов, которые были отданы святым покровителям.

Особо следует сказать о связи этого обряда с образом святого Ильи-пророка, которая проявляется в том, что ядерные составляющие этих действий, как и собственно смысл обряда, символические константы его заимствованы из структурно-семантического оформления праздника в честь святого Ильи-пророка, являются отражением атрибутики святого. Символы святого пророка переносятся, таким образом, на создание образа Бога, что, в свою очередь, помогает пониманию семантики образа святого Ильи и праздника в его честь.

Один из вариантов этого обряда – приготовление настила, при котором обкладывали соломой или колосьями «бороду» (иногда делали ограду, забор). Он мог восприниматься как постель Илье или Христу. Срезанные пучки колосьев раскладывались либо четырехугольником, ориентированным по сторонам света, либо в виде круга¹⁵. Святой Илья в этом ритуале, посвящённом Богу, является заменой последнего: постель Илье представ-

ляет собой букву «Хльмь» либо одну из иконописных ипостасей Бога (четырёхугольник). Это является отголоском запрета на основы православного христианства.

Вышеприведённые материалы представляют ценность как источники семиотического и семантического анализов¹⁶, как этнолингвистические тексты-интерпретации сакральных знаковых систем и компонентов.

Главный конструкт данного обрядового комплекса – посвящение «бороды» – сохранился, а следовательно, в контексте праздника реализуется божественная символика, представленная семантикой этого обряда.

Онтологические основания дожиночного обряда в целом определяют бытование аграрного комплекса системы традиционной культуры восточных славян; именно они несут смысл жизнедеятельности, объясняют течение времени и процессы, происходящие в пространстве бытия.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведённый анализ одного из элементов системы традиционной культуры восточных славян в русле аграрной обрядности – дожиночного обряда (обряд «завивания бороды») – показал функционирование и развитие его онтологических составляющих, прежде всего совокупности акциональных блоков, как этнолингвистического текста с ирреальной категорией сакральности. На основании материалов полевых исследований наблюдается частичная сохранность структурных элементов обряда и отголосков общерусских ритуальных композиций в тамбовском его варианте. С позиций герменевтического анализа дожиночный обряд, имея христианскую символику, является по своей сути отголоском запрета на основы православного христианства.

Практическое применение материалов исследования может осуществляться при изучении основ традиционной культуры восточных славян, может использоваться в преподавательской деятельности, в проведении полевых практических исследований.

¹⁵ Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / авт. О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 127.

¹⁶ Лискунова С.В., Махрачёва Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 281 с.

Перспективы дальнейших научных разработок должны быть направлены на изучение традиционной духовной культуры вос-

точных славян как единого этнолингвистического текста.

Список источников

1. Махрачёва Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. 230 с.
2. Дмитрук Л.А. Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 429-435. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435>
3. Махрачёва Т.В., Лоскутова Д.Н., Блинова Е.Ю. Мифологическая лексика в формулах утрашения детей (на материале говоров Тамбовской области) // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 12-24. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24>
4. Фрэзер Д. Золотая ветвь (Le Rameau d'or). М.: Атеист, 1928. Вып. 3. 197 с.
5. Круглый год: Русский земледельческий календарь / сост., вст. ст. и примеч. А.Ф. Некрыловой. М.: Правда, 1994. 496 с.
6. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск: Русич, 1995. 656 с.
7. Селиванов В.В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 24-145.
8. Кабакова Г.И. Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
9. Винокурова И.Ю. Некоторые итоги изучения вепского народного календаря // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 49-65.
10. Миролюбов Ю.П. Собрание сочинений: в 8 т. München: Verlag Otto Sagner, 1982. Т. 5. 311 с.; Т. 6. 295 с.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии: (Данные о Велесе в традициях северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 46-82.
12. Минько Л.И. Календарные праздники // Белорусы. М., 1998. С. 395-402.
13. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 248 с.
14. Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1998.
15. Макашина Т.С. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 83-101.
16. Дмитриева С.И. О роли субстрата в сложении этнических групп русского Севера (по материалам фольклора и изобразительного искусства) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: 8 Междунар. съезд славистов (Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г.). Доклады советской делегации. М., 1978. С. 264-282.
17. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 240 с.
18. Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / под ред. К.В. Чистова. М., 1987. С. 380-395.
19. Логинов К.К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 33-49.
20. Календарные обряды // Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985. С. 9-78.
21. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с польск. М.: Индрик, 2005. 512 с.

References

1. Makhracheva T.V. *Narodnyy kalendar' Tambovskoy oblasti (etnolingvisticheskiy aspekt)* [Folk Calendar of the Tambov Region (Ethnolinguistic Aspect)]. Tambov, Pershina R.V. Publ., 2008, 230 p. (In Russian).
2. Dmitruk L.A. Problemy lingvofol'kloristiki: kostromskiye govory [Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 429-435. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435>. (In Russian).

3. Makhracheva T.V., Loskutova D.N., Blinova E.Y. Mifologicheskaya leksika v formulakh ustrasheniya de-
tey (na materiale govorov Tambovskoy oblasti) [Mythological vocabulary in the formulas for intimidating
children (based on the Tambov region patois)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 12-
24. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-12-24>. (In Russian).
4. Frezer D. *Zolotaya vetv' (Le Rameau d'or)* [Golden Branch (Le Rameau d'or)]. Moscow, Ateist Publ., 1928,
issue 3, 197 p. (In Russian).
5. Nekrylova A.F. (compiler, introductory art., notes). *Kruglyy god: Russkiy zemledel'cheskiy kalendar'* [All
Year Round: Russian Agricultural Calendar]. Moscow, Pravda Publ., 1994, 496 p. (In Russian).
6. Korinfskiy A.A. *Narodnaya Rus': Kruglyy god skazaniy, poveriy, obychayev i poslovits russkogo naroda*
[Folk Russia: All Year Long Legends, Beliefs, Customs and Proverbs of the Russian People]. Smolensk,
Rusich Publ., 1995, 656 p. (In Russian).
7. Selivanov V.V. God russkogo zemledel'tsa (Zarayskiy uyezd, Ryazanskoy gubernii) [Year of the Russian
farmer (Zaraisk district, Ryazan province)]. *Pis'ma iz derevni: Ocherki o krest'yanstve v Rossii vtoroy polo-
viny XIX veka* [Letters from the Village: Essays on the Peasantry in Russia in the Second Half of the 19th
Century]. Moscow, 1987, pp. 24-145. (In Russian).
8. Kabakova G.I. Terminologiya vostochnoromanskoj kalendarnoy obryadnosti v sopostavlenii so slavyans-
koy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Terminology of the Eastern Romanesque Calendar Rituals in Com-
parison with the Slavic. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1989. (In Russian).
9. Vinokurova I.Y. Nekotoryye itogi izucheniya vepsskogo narodnogo kalendarya [Some results of the study
of the Vepsian folk calendar]. *Etnokul'turnyye protsessy v Karelii* [Ethnocultural Processes in Karelia]. Pe-
trozavodsk, 1986, pp. 49-65. (In Russian).
10. Mirolyubov Y.P. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.]. Munich, Verlag Otto Sagner
Publ., 1982, vol. 5, 311 p., vol. 6, 295 p. (In Russian).
11. Ivanov V.V., Toporov V.N. K probleme dostovernosti pozdnykh vtorichnykh istochnikov v svyazi s issledo-
vaniyami v oblasti mifologii: (Dannyye o Velese v traditsiyakh severnoy Rusi i voprosy kritiki pis'mennykh
tekstov) [On the problem of the reliability of late secondary sources in connection with research in the field
of mythology: (Data on Veles in the traditions of northern Russia and issues of criticism of written texts)].
Trudy po znakovym sistemam. VI [Works on Sign Systems. 6]. Tartu, 1973, pp. 46-82. (In Russian).
12. Minko L.I. Kalendarnyye prazdniki [Calendar holidays]. *Belorusy* [Belarusians], Moscow, 1998, pp. 395-
402. (In Russian).
13. Uspenskiy B.A. *Filologicheskiye razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: (Relikty yazychestva v vos-
tochnoslavianskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo)* [Philological Research in the Field of Slavic Antiquities:
(Relics of Paganism in the East Slavic Cult of Nicholas of Myra)]. Moscow, Moscow State University Publ.,
1982, 248 p. (In Russian).
14. Pashina O.A. *Kalendarno-pesennyi tsikl u vostochnykh slavyan: avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya* [Ca-
lendar-Song Cycle among the Eastern Slavs. Dr. art sci. diss. abstr.]. Moscow, 1998. (In Russian).
15. Makashina T.S. Il'in den' i Il'ya-prorok v narodnykh predstavleniyakh i fol'klore vostochnykh slavyan [Eli-
jah's Day and Elijah the Prophet in folklore and folklore of the Eastern Slavs]. *Obryady i obryadovyy
fol'klor* [Rituals and Ritual Folklore]. Moscow, 1982, pp. 83-101. (In Russian).
16. Dmitriyeva S.I. O roli substrata v slozhenii etnicheskikh grupp russkogo Severa (po materialam fol'klora i
izobrazitel'nogo iskusstva) [On the role of the substrate in the formation of the ethnic groups of the Russian
North (based on folklore and fine arts)]. *8 Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov. Doklady sovetskoy delegatsii
«Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov»* [The 8th International Congress of Slavists.
Reports of the Soviet Delegation "History, Culture, Ethnography and Folklore Of The Slavic Peoples"].
Moscow, 1978, pp. 264-282. (In Russian).
17. Veletskaya N.N. *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov* [Pagan Symbolism of Slavic
Archaic Rituals]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 240 p. (In Russian).
18. Chistov K.V. (ed.). Kalendarnyye prazdniki i obryady [Calendar holidays and rituals]. *Etnografiya vostochnykh
slavyan: Ocherki traditsionnoy kul'tury* [Ethnography of the Eastern Slavs: Essays on Traditional Cul-
ture]. Moscow, 1987, pp. 380-395. (In Russian).
19. Loginov K.K. Trudovyye obychai, obryady, zaprety i primety russkikh Zaonezh'ya [Labor customs, rituals,
prohibitions and signs of Russians in Zaonezhye]. *Etnokul'turnyye protsessy v Karelii* [Ethnocultural
Processes in Karelia]. Petrozavodsk, 1986, pp. 33-49. (In Russian).
20. Shapovalova G.G., Lavrentyeva L.S. (compilers). Kalendarnyye obryady [Calendar rituals]. *Traditsionnyye
obryady i obryadovyy fol'klor russkikh Povolzh'ya* [Traditional Rituals and Ritual Folklore of the Russians
of the Volga Region]. Leningrad, 1985, pp. 9-78. (In Russian).

21. Bartminskiy E. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike: per. s pol'sk.* [Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics: Translation from Polish]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 512 p. (In Russian).

Информация об авторе

Андреева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-8957-0274](https://orcid.org/0000-0002-8957-0274), olga06-78@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 07.10.2021
Одобрена после рецензирования 10.02.2022
Принята к публикации 20.05.2022

Information about the author

Olga N. Andreeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of State Administration and Humanities Department, Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8957-0274](https://orcid.org/0000-0002-8957-0274), olga06-78@mail.ru

Contribution: literature analysis, material processing and editing, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 07.10.2021
Approved after reviewing 10.02.2022
Accepted for publication 20.05.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.2

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-507-511

Тамбовские эргонимы, восходящие к слову «волк»

Мария Сергеевна ДЗЮБА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ msdzyuba@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка установить производящую базу тамбовских эргонимов, включающих словосочетание «тамбовский волк». Установлено, что в основу номинации эргонима положен катойконим «тамбовские волки». Существование в едином топонимическом пространстве этих ономастических фактов свидетельствует о наличии региональных особенностей в качестве объединяющих территориальные черты, в том числе с помощью языковых средств (например, неофициальная ономастическая номинация при самоопределении жителей с. Отгасы Сосновского района Тамбовской области: «*Мы тамбовские саламатники*»). Доказывается, что такие устойчивые словосочетания, как «тамбовский волк» и «тамбовские саламатники» по своему происхождению связаны с народно-разговорной речью, отражающей такое понятие, как «диалектная ономастика».

Ключевые слова: «тамбовский волк», катойконим, эргоним

Для цитирования: Дзюба М.С. Тамбовские эргонимы, восходящие к слову «волк» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 507-511. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-507-511>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Tambov ergonyms dating back to the word “wolf”

Maria S. DZYUBA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ msdzyuba@mail.ru

Abstract. We are making an attempt to establish the producing base of Tambov ergonyms, including the phrase “Tambov wolf”. We establish that the ergonym nomination is based on the katoikonym “Tambov wolves”. The coexistence of these onomastic facts in a single toponymic space indicates the presence of regional features as unifying territorial features, including with the help of linguistic means (for example, an unofficial onomastic nomination in the self-determination of residents of the village of Otyasy, Sosnovsky District, Tambov Region: “*We are Tambov Salamatniks*”). We prove that such stable phrases as “Tambov wolf” and “Tambov Salamatniks” are by their origin connected with folk colloquial speech, reflecting such a concept as “dialectal onomastics”.

Keywords: “Tambov wolf”, katoikonym, ergonym

For citation: Dzyuba M.S. Tambovskiye ergonimy, voskhodyashchiye k slovu «volk» [Tambov ergonyms dating back to the word “wolf”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 507-511. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-507-511> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Тамбовские эргонимы как особый класс имён собственных стали объектом изучения только в XXI веке [1–3]. Терминологические словосочетания «лексика ландшафта города» (М.В. Голомидова, Р.В. Разумов), «слова городской среды» (Т.В. Шмелева) служат для обозначения вписанной в систему городских пространственных координат совокупности наименований внутригородских объектов. Неотъемлемой частью топонимического пространства города являются эргонимы как подкласс урбанонимов, которые в свою очередь являются подклассом (подвидом) топонимов. Названия городских объектов (эргонимы), в отличие от урбанонимов (адресных линейных объектов), могут меняться, переноситься с одного городского объекта на другой (пример классической метонимии).

Актуальность темы исследования обусловлена активностью появления региональных эргонимов в городском ономастиконе.

Целью данной статьи является изучение тамбовских номинаций коммерческих объектов, восходящих к зоониму ВОЛК.

Научная новизна данного исследования заключается в выявлении первичности термина катойконима «тамбовские волки» относительно эргонима «Тамбовский волк».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одним из распространённых способов образования эргонимов является семантическая онимизация, в рамках которой, по мнению Н.В. Подольской, выделяется метафорическая онимизация [4] – используются ассоциации с помощью переноса значений, придающим новым эргонимическим лексемам особую яркость, экспрессивность и, что самое главное, региональность.

В эргономическом пространстве г. Тамбов в настоящее время особо обращает на себя внимание лексема «волк» с ассоциативно позитивной семантикой. Ср.:

кафе «Тамбовский волк»,
винотека «Тамбовский волк»,
офисный центр «Волк»,
кинологический питомник «Тамбовский волк»,
клуб «Белый волк»,
магазин разливного пива «Хмельной волк»,
военно-спортивный центр «Волк»,
баня «Серый волк».

Словосочетание «тамбовский волк» с топонимическим компонентом «тамбовский», ставшее в наши дни фразеологической единицей, является культурным символом Тамбовского региона и законным использованием товарного знака – фирменное наименование для многих тамбовских образцов продукции и товаров, например, региональным брендом стали конфеты «Тамбовский волк» (развесные или в коробке).

А.А. Бурькин, ссылаясь на Словарь А.Ю. Кожевникова, отмечает, что высказывание «Тамбовский волк тебе/вам товарищ» было использовано «В фильме «Адмирал Ушаков» (1953). Потёмкин, наблюдая за одним из матросов, восклицает: «Волк тамбовский» [5].

В языковой обиход эта устойчивая фраза вошла после выхода в 1955 г. кино «Дело Румянцева», где прозвучало высказывание: «Волк тамбовский вам товарищ. Я для вас гражданин капитан – ясно!».

В 1990-х гг. употребление словосочетания «тамбовский волк» стало в устной речи широко употребительным. По данным электронной «Библиотеки лексикографа», собранной А.А. Бурькиным, это устойчивое словосочетание зафиксировано в 262 документах, и его первая фиксация в письменных источниках отмечена в рассказе «Порченный» Алексея Силыча (Силантьевича) Новикова-Прибоя (настоящая фамилия Новиков), известного писателя-марениста и публициста, уроженца Тамбовской губернии (рассказ был опубликован в 1912 г.):

«Эх вы, тамбовские волки! – насмешливо заговорил Пётр, взявшись сам за дело. – Вам, видно, не чай пить, а только щи хлебать осметком!». Рассказ называется по прозвищу главного героя Петра – Порченный.

Анализируемый материал показал, что атрибутивно-субстантивный эргоним «Там-

бовский волк» обладает набором признаков катойконимов, к которым относится лексика, обозначающая именование жителей населенного пункта (или города, села и т. п.).

Проникая в смысл фразеологизма «тамбовский волк», известный тамбовский краевед И. Овсянников высказал одну из версий его происхождения: *тамбовские волки* – собирательное название тамбовских деревенских мужиков, которые в поисках работы уходили за пределы Тамбовской губернии.

Оттопонимическое прилагательное «тамбовский» в приведённом примере «тамбовские волки» из рассказа «Порченный» территориально именуется персонажей рассказа (то есть речь идёт о жителях тамбовской деревни) и свидетельствует о манере повествования автора (ср. стилистический регистр предложения: *«Эх вы, тамбовские волки! – насмешливо заговорил Пётр, взявшись сам за дело. – Вам, видно, не чай пить, а только щи хлебать осметком!».*

Мотивированность прозвища Порченный, которое получил деревенский житель Петр, свидетельствует о том, что «диалектные формы могут служить средством репрезентации ономастического знания» [6], что диалектный ономастикон является хранителем и транслятором специфического, «в первую очередь культурно-исторического и локально-этнического знания» [7, с. 18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, производящей базой тамбовских наименований заведений (эргонимов), включающих словосочетание «тамбовский волк», является катойконим «тамбовские волки». Сосуществование в едином топонимическом пространстве ономастических фактов свидетельствует о наличии региональных особенностей в качестве объединяющих территориальные черты, в том числе с помощью языковых средств (например, неофициальная ономастическая номинация при самоопределении жителей с. Отыясы Сосновского района Тамбовской области: «Мы тамбовские саламатники»). Такие словосочетания, как «тамбовские саламатники» или «тамбовский волк» по своему происхождению связаны с народно-разговорной речью, в результате чего «урбанонимический

фонд языка пополняется за счёт уже имеющегося в языке арсенала номинативных средств в новой для него функции наименования (вся номинативная деятельность человека протекает в опоре на готовые и уже известные из предыдущего опыта языковые единицы)» [8, с. 110].

Эргонимы с компонентом «волк» относятся к группе немотивированных номинаций, однако считаются довольно продуктивными: в их основе лежит частотное употребление наименования представителя животного мира ВОЛК вследствие отражающей ассоциации культурно-языкового взрослого сообщества, то есть у номинатора сформиро-

ван языковой компонент, репрезентирующий ономастическое сознание [9].

Заметим, что лексема «волк» не соотносится с тамбовскими названиями магазинов товаров и игрушек для детей, поскольку не выступает в качестве репрезентанта символического отражения мира детей (ср. реальные названия «Оранжевый слон», «Крошка енот», «Sova», «Ёжик»).

Заинтересованность номинатора в использовании зоонима ВОЛК в названиях заведений типа клуб «Белый волк», магазин разливного пива «Хмельной волк», баня «Серый волк» мотивировано опорой на региональность с положительным стимулом.

Список источников

1. Прокофьева О.Т. Типы гибридных образований в эргонимии (на примере номинаций г. Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 169-177.
2. Прокофьева Т.О. Ретро-элементы в эргонимии современного провинциального города: фрагмент ономастической картины Тамбова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12 (140). С. 244-248.
3. Прокофьева Т.О. Функционирование прецедентных онимов в тамбовской эргонимии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6 (146). С. 196-205.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 102 с.
5. Бурыкин А.А. Тамбовский волк. К проблеме истории фразеологического сочетания и региолектного идентифицирующего символа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. № 2 (6). С. 86-92.
6. Щербак А.С. Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 246-251.
7. Щербак А.С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (41). С. 18-22.
8. Щербак А.С. Когнитивная специфика урбанонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 110-113.
9. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 301-304.

References

1. Prokofyeva O.T. Tipy gibridnykh obrazovaniy v ergonimii (na primere nominatsiy g. Tambova) [Types of hybrid entities in ergonomie (on the example of Tambov nominations)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2015, no. 4 (144), pp. 169-177. (In Russian).
2. Prokofyeva T.O. Retro-elementy v ergonimii sovremennogo provintsial'nogo goroda: fragment onomasticheskoy kartiny Tambova [Retro-elements in ergonomomy of modern provincial town: fragment of onomastic pattern of Tambov]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2014, no. 12 (140), pp. 244-248. (In Russian).
3. Prokofyeva T.O. Funktsionirovaniye pretsedentnykh onimov v tambovskoy ergonimii [The functioning of the precedent proper names in ergonomie of Tambov Region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2015, no. 6 (146), pp. 196-205. (In Russian).
4. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 102 p. (In Russian).

5. Burykin A.A. Tambovskiy volk. K probleme istorii frazeologicheskogo sochetaniya i regiolektного идентифицирующего символа [Tambov wolf. The problem of phraseological unit and regional identifying symbol]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 86-92. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. Obshcherusskoye slovo v aspekte teorii reprezentatsii regional'noy kontseptosfery onimov [General Russian word in aspect representation theory of regional concept sphere of onims]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2012, no. 4 (108), pp. 246-251. (In Russian).
7. Shcherbak A.S. Dialektnaya onomastika v traditsionnom i kognitivnom aspektakh [Dialect onomastics in traditional and cognitive aspects]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, no. 4 (41), pp. 18-22. (In Russian).
8. Shcherbak A.S. Kognitivnaya spetsifika urbanonimov [The cognitive specificity of urban names]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4 (49), pp. 110-113. (In Russian).
9. Shcherbak A.S. Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema [Onomastic consciousness as a cognitive-language system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2020, no. 3 (42), pp. 301-304. (In Russian).

Информация об авторе

Дзюба Мария Сергеевна, аспирант, кафедра русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2140-6432, msdzyuba@mail.ru

Вклад в статью: идея статьи, сбор фактического материала, написание статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 25.05.2022
Одобрена после рецензирования 12.08.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Maria S. Dzyuba, Post-Graduate Student, Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2140-6432, msdzyuba@mail.ru

Contribution: study idea, factual material acquisition, manuscript drafting, editing.

The article was submitted 25.05.2022
Approved after reviewing 12.08.2022
Accepted for publication 16.09.2022

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)
LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES
(GERMANIC LANGUAGES)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-22

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-512-519

**Синестезия и персонификация в художественном тексте:
лингвостилистический аспект**

Мария Андреевна ДУБОВИЦКАЯ ✉, **Ольга Владимировна МОНАСТЫРЕЦКАЯ**,
Неля Павловна ФИЛАТОВА, **Ольга Николаевна ШАПОВАЛОВА**

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»
410054, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

✉ maria-mra@mail.ru

Аннотация. Проанализированы особенности функционирования в художественном тексте таких разновидностей метафоры, как синестезия и персонификация. Цель: выявление стилистического потенциала синестезии и персонификации в художественном тексте. Актуальность темы обусловлена необходимостью определения стилистических функций данных разновидностей метафоры в прозе австрийских авторов, малоизвестной и недостаточно исследованной в отечественной стилистике. Материалом исследования послужила проза австрийских авторов. Намеренно были выбраны произведения, созданные в разное время, что позволило вовлечь в область анализа метафоры, разнообразные как по структуре, так и по особенностям функционирования. Исследован стилистический потенциал метафор, под которым понимается способность данных языковых средств реализовывать определённые стилистические функции. Выводы: 1) язык австрийских писателей XIX – первой половины XX века характеризуется метафоричностью, составляющей эстетическую ценность их произведений; 2) большую роль в достижении образности художественного текста играют выразительные средства языка, в частности, синестезия и персонификация; 3) данные разновидности метафоры обладают достаточным стилистическим потенциалом для реализации основных функций в художественном стиле, а именно, характерологической, дескриптивной, эмотивной и оценочной; 4) для метафоры характерна полифункциональность, дающая возможность совместить описание с задачами характеристики, экспрессии и оценочности. Полученные данные составляют теоретическое значение исследования, а также могут быть использованы при обучении студентов-филологов.

Ключевые слова: метафора, синестезия, персонификация, стилистические функции, стилистический потенциал

Для цитирования: Дубовицкая М.А., Монастырецкая О.В., Филатова Н.П., Шаповалова О.Н. Синестезия и персонификация в художественном тексте: лингвостилистический аспект // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 512-519. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-512-519>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Synesthesia and personification in the literary text: linguostylistic aspect

Maria A. DUBOVITCKAYA ✉, **Olga V. MONASTYRETCKAYA,**
Nelya P. FILATOVA, Olga N. SHAPOVALOVA

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russian Federation
✉ maria-mra@mail.ru

Abstract. We analyze the particular functions of such metaphors as synesthesia and personification in a literary text. The purpose of study is to identify the stylistic potential of synesthesia and personification in a literary text. The relevance of topic is due to the need to investigate the stylistic functions of the above metaphors in the prose of Austrian authors, little-known and therefore insufficiently researched in domestic stylistics. The material of research is the prose of Austrian authors. In particular, the intentional selection of works created at different times allowed to better focus on metaphors featured by structures and functions. We explore the stylistic potential of metaphors, which is understood as the ability of these linguistic means to implement certain stylistic functions. We conclude as follows: 1) the language of Austrian writers of the 19th and the first half of the 20th centuries is characterized by metaphors that make up the aesthetic value of their works; 2) an important role in achieving the figurativeness of a literary text is played by the expressive means of the language, in particular, synesthesia and personification; 3) these varieties of metaphor have sufficient stylistic potential to implement the main functions in the artistic style, namely, characterological, descriptive, emotive and evaluative; 4) the metaphor is characterized by multifunctionality, which makes it possible to combine the description with the tasks of characterization, expression and evaluation. The data obtained constitute the theoretical significance of study and as well can be used in teaching philology students.

Keywords: metaphor, synesthesia, personification, stylistic functions, stylistic potential

For citation: Dubovitchkaya M.A., Monastyretckaya O.V., Filatova N.P., Shapovalova O.N. Sines-teziya i personifikatsiya v khudozhestvennom tekste: lingvostilicheskiy aspekt [Synesthesia and personification in the literary text: linguostylistic aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 512-519. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-512-519> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено проблеме выявления особенностей функционирования в художественном тексте таких разновидностей метафоры, как синестезия и персонификация.

В психологии синестезия трактуется как процесс восприятия, при котором раздражение одного перцептивного органа приводит к возникновению не только специфического для данного рецептора ощущения, но и

ощущения, соответствующего другому органу [1, с. 192]. Психофизиологический механизм синестезии раскрывает А.Р. Лурия, отмечая, что «синестетическая работа органов чувств протекает при ближайшем участии коры головного мозга и прежде всего «третичных» зон («зон перекрытия»), в которых представлены нейроны, относящиеся к разным модальностям» [2, с. 107]. Возможно применение и нейрокогнитивного анализа данного явления (см., в частности, [3]).

На языковом уровне соощущение рассматривается как «продукт ментальной и эмоциональной сферы» [4, с. 6] и передаётся метафорой, фиксирующей межчувственные образы, что приводит к семантической несовместимости компонентов единиц данного вида [5, с. 170]. В то же время психофизиологическая реальность соощущения, вовлекающего органы чувств разной модальности, позволяет считать синестетические метафоры вроде «теплого взгляда» или «горького упрека» явлением, встречающимся практически во всех языках, по крайней мере, тех, где развит функциональный стиль художественной литературы.

Что касается персонификации, её в широком значении данного термина можно определить как особый подвид метафоры, для которого характерно «приписывание предметам действительности и объектам нашего внутреннего мира человеческих характеристик», при этом указывается на способность данного средства реализовывать художественно-эстетическую функцию [6, с. 77]. Значимость синестезии как в поэзии, так и в прозе также отмечается в ряде работ (см., в частности, [7, с. 379; 8]).

Материалом исследования послужила проза австрийских авторов: сборник повестей и рассказов Адальберта Штифтера «Лесная тропа» (“Der Waldsteig”, 1845), новелла Фердинанда фон Заара «Гиневра» (“Ginevra”, 1876), рассказ Артура Шницлера «Жена мудреца» (“Frau des Weisen”, 1897), новелла Йозефа Рота «Апрель. История одной любви» (“April. Die Geschichte einer Liebe”, 1925). Выбор материала обусловлен его эстетической ценностью, проявляющейся, в частности, в метафоричности, характерной для индивидуального стиля данных писателей (особенно это касается творчества Йозефа Рота). Кроме того, указанные произведения были созданы в разное время, что позволило вовлечь в область анализа метафоры, разнообразные как по структуре, так и по особенностям функционирования. Ранее нами были опубликованы результаты анализа способов передачи синестетических метафор и персонификации при переводе австрийской прозы на русский язык [9], однако наряду с переводческим аспектом представляется целесообразным обратиться к особенностям функциони-

рования данных единиц в прозаических произведениях. Цель исследования состоит в выявлении стилистического потенциала синестезии и персонификации в художественном тексте. Актуальность темы обусловлена необходимостью определения стилистических функций данных разновидностей метафоры в прозе австрийских авторов, малоизвестной и вследствие этого недостаточно исследованной в отечественной стилистике. В ходе работы применялись методы лингвистического описания, стилистического и контекстуального анализа, а также количественный метод.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СИНЕСТЕЗИИ И ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Под стилистическим потенциалом метафор понимается способность данных языковых средств реализовывать определённые стилистические функции. Основываясь на анализе специальной литературы, И.В. Арнольд указывает на то, что в большинстве исследований выделяются характерологическая, дескриптивная, эмотивная и оценочная стилистические функции [10, с. 82-85]. Целесообразно последовательно рассмотреть их реализацию в художественном тексте с учётом авторского замысла.

Говоря о характерологической функции метафор, следует отметить, что данные единицы позволяют представить характеристику героев художественного произведения, а также событий, значимых для повествования и для понимания основных идей произведения. По результатам анализа, такие разновидности метафоры, как синестезия и персонификация, чаще реализуют иные стилистические функции, но возможно их употребление и для характеристики персонажа, например, через указание особенностей его внешности, отражающих внутренний мир героя. При этом в повествовании упоминаются именно постоянные признаки внешности, например, через персонификацию (здесь и далее в примерах метафора выделена жирным шрифтом в том случае, если приведённое предложение в полном объёме не представляет собой метафору, при этом инициалы автора произведения указываются в скобках):

Sie hatte schlanke, kräftige, aber schüchterne Hände, von denen ich immer glaubte, dass sie sich schämen. (И. Пом)

...Ihre Schultern schmal und furchtsam. (И. Пом)

Как показывают примеры, части тела героини (руки или плечи) наделяются чертами характера, свойственными самой девушке, такими как застенчивость, стыдливость и боязливость.

В следующем примере, напротив, героиня косвенно, через упоминание пронизывающего взгляда, характеризуется как властная и самоуверенная, что выражается через синестетическую метафору:

Sie... hatte glänzende schwarze, stechende Augen... (Ф. фон Заар)

Дескриптивная функция стилистических приёмов реализуется в том случае, когда в процессе повествования автор описывает содержательные фрагменты, важные для понимания произведения, например, внешность героев, место действия (пейзаж, интерьер) и т. д. В отличие от характерологической функции речь идёт, как правило, о внешних признаках, важных для создания художественного образа, но не затрагивающих сущностной характеристики описываемых фрагментов воображаемого мира.

Так, многие примеры в проанализированном материале имеют непосредственное отношение к описанию внешности персонажей. При этом, как показал анализ, могут использоваться синестетические метафоры. Следует отметить, что синестезия нередко используется, чтобы описать постоянные признаки внешности, например:

Sanfte, weiche Züge, schlichtes kastanienbraunes Haar und ebensolche Augen... (Ф. фон Заар)

...und so frisch und streng und feuchtblond zogen sich ihre gestrahlten Haarsträhnen aus der Stirn. (И. Пом)

Однако в некоторых случаях синестетические метафоры применяются для описания непостоянных признаков внешности героев (например, румянца), что можно считать отражением настроения или эмоционального состояния персонажей:

Eine leichte Röte flog über ihr Antlitz... (Ф. фон Заар)

...zeigte sich am nächsten Fenster das derb gerötete, neugierig blickende Antlitz einer bejahrten Frau... (Ф. фон Заар)

Как показывают приведённые выше примеры, для описания внешности используются прежде всего тактильно-зрительные синестетические метафоры.

По результатам анализа, зрительно-слуховая и тактильно-слуховая синестезия достаточно часто позволяет реализовать дескриптивную функцию, когда используется для описания голоса героев, например:

Als ihre dunkle, etwas rauhe Stimme geisterhaft... sprach, leise und etwas langsam, als dächte sie vor jedem Worte nach, verschwand auf einmal meine Unzufriedenheit. (А. Шмуцмер)

«Aber warum denn nicht?» erwiderte sie es ruhig, mit einer überraschend dunklen Stimme... (А. Шмуцмер)

Sie errötete ein wenig und sagte dann mit einer... tiefen und wohl lautenden Stimme... (Ф. фон Заар)

Подобных примеров достаточно много в проанализированном материале, особенно в произведениях XIX века, что позволяет отнести синестезию при описании голоса к литературным штампам.

Кроме голоса, при описании персонажей с помощью зрительно-слуховой синестезии могут упоминаться и иные звуки, например, серебристое бряцанье шпор:

Den Briefträger kannte ich schon auswendig und das silberne Sporenklipern des Herrn Postdirektors auch. (И. Пом)

Дескриптивная функция достигается и при описании внешней обстановки, в том числе интерьера или иных мест действия, чему способствует, в частности, тактильно-зрительная синестезия, например:

An der weichen hellen Gardinenfläche zeichnete sich der Schatten eines großen Mannes ab. (И. Пом)

...Im Zimmer floss plötzlich helles Licht... (И. Пом)

Ту же роль может выполнять персонификация, например:

Die einzige Droschke der Stadt wartete, gleichgültig und bestaubt, vor dem Bahnhof. (И. Пом)

Особую роль в художественных произведениях играет описание природы (включая

городской пейзаж), при этом передаются не только зрительные образы, но нередко воссоздаются также звуки и запахи, для чего используются соответственно тактильно-слуховые либо зрительно-одоративные синестетические метафоры, например:

Um fünf Uhr erhob sich ferne, und wie aus übersinnlichen Welten heranschwellend, das klagende Tuten der Dampfmaschine... (И. Пом)

Fast mit Heimwehgefühlen erblickte ich hier wieder, im blauen Duft über dem Meer, die Berge von Wales... (А. Шмуцмер)

Aus dem silbernen Duft schauet der Mond hervor. (А. Шмуцмер)

So warm war die Luft, und so lauer goldiger Duft schwebte über den Feldern und Wiesen. (А. Шмуцмер)

Überall lag das Land im himmelblauen Duft... (А. Шмуцмер)

Как показывают приведённые примеры, сочетание слова «Duft» (аромат) с цветообозначениями типично для прозы А. Штифтера и характеризует его индивидуальный стиль.

Персонификация также способствует достижению образности при описании природы, что можно продемонстрировать следующими примерами:

Um den Bahnhof roch es süß und trunken nach Steinkohle, Jasmin und atmenden Wiesen. (И. Пом)

Ich dachte, diese Bänke hätte der Bischof, als sie noch ganz jung waren, in die Erde gepflanzt und sie wuchsen immer jedes Jahr um ein Stückchen in die Breite. (И. Пом)

Die Aprilnacht... war wolken schwer und regenschwanger. (И. Пом)

Эмотивная функция, реализуемая через стилистические приёмы (в частности, метафору), позволяет передать внутреннее состояние рассказчика и героев, раскрыть их чувства, создать напряжённую эмоциональную атмосферу повествования, что, безусловно, повышает эстетическую ценность художественного произведения. Данный эффект может достигаться благодаря синестезии, например, её зрительно-слуховой или тактильно-слуховой разновидности:

Ihre Worte schlugen Purzelbäume. (И. Пом) (в примере показано восприятие героем слов героини, которые закружились («закувыркались») в его голове, настолько больно ему было это слышать).

Dennoch hörte ich jede Silbe, scharf und trocken. (И. Пом) (здесь также с помощью синестетической метафоры выражается боль и обида).

Эмоциональный накал в повествовании может достигаться и с помощью персонификации:

Erst wie ich in meinem kahlgeräumten Zimmer auf dem Bette saß... kam leicht, beinahe schmeichelnd, die Wehmut des Abschiedes über mich. (А. Шницлер)

Strohhalme tänzelten, wirbelten, drehten sich kokett und schwammen ahnungslos dem Verderben der Kanalgitter zu. (И. Пом)

Der Strohalm ertrank, das Kanalgitter verschluckte ihn... (И. Пом)

В двух последних примерах сочувствие героя к соломинкам, которые уносит ливневый поток, отражает его своеобразное, почти детское восприятие мира, в котором всё представляется ему одушевлённым и достойным сопереживания.

В следующем примере чувства персонажа также передаются через его особенное восприятие, когда месяц представляется ему безжалостным:

Ein Mond, kroidig und unbarmherzig wie in jener letzten Nacht. (А. Шмуцмер)

Особую роль в художественном тексте играет авторская оценка описываемых событий, героев и т. д. Нередко оценочную функцию выполняют синестетические метафоры. Так, через описание манеры героев говорить (например, сухо, холодно или твёрдо) автор даёт оценку их поведения или отношения к другим персонажам, при этом применяется преимущественно тактильно-слуховая синестезия:

Sie sagte es so... trocken wie irgendeine geschäftliche Auskunft. (И. Пом)

Er nahm Trinkgelder und dankte sehr kühl. (И. Пом)

„Ich habe nicht daran gezweifelt“, sagte sie in festem Tone. (Ф. фон Заар)

Данная функция может реализовываться и с помощью персонификации, например, через использование оценочной лексики (*grausam, wütend, müde und hergenommen*):

Das Gefäß trug einen blanken und grausamen Blechgürtel... (И. Пом)

Der Regen war... wütend, er peitschte mich... (И. Пом)

Rund um die Bänke... war das Gras ein wenig müde und hergenommen von der nächtlichen Liebe der Menschen. (Й. Пом)

Что касается процентного распределения проанализированных метафор по выполняемым функциям, были получены следующие данные. Самую большую группу (57,9 %) составляют метафоры, выполняющие дескриптивную функцию, далее следует группа метафор, реализующих оценочную функцию (19,7 %), почти такую же по численности группу составляют единицы с эмотивной функцией (18,4 %), и наименьшее число единиц (4,0 %) реализуют характерологическую функцию. Как представляется, полученные данные свидетельствуют в пользу важности функции описания для художественного произведения, при этом остальные функции также выполняются в ходе повествования.

Как показал анализ, многие метафоры являются полифункциональными в художественном тексте, совмещая несколько функций. Однако, как правило, одна из них доминирует, что учитывалось при количественных подсчётах. В качестве примеров подобного совмещения функций можно привести следующие сочетания:

1. Дескриптивная и оценочная функция.

Ich sah, wie schwer Kräne sich hoben und senkten, glatt und selbstverständlich und ohne Mühe... (Й. Пом) (наряду с описанием кранов писатель с помощью персонификации даёт оценку лёгкости и слаженности их работы).

Der Goldregen wucherte leichtsinnig und liederlich zwischen Linden und Kastanien. (Й. Пом) (описание растений в парке сочетается с оценкой: заросли ракитника наделяются человеческими чертами легкомысленности и беспутности).

2. Дескриптивная и характерологическая функция.

Dann sagte sie mit ihrer weichen, dunklen Stimme: „Das freut mich“. (Ф. фон Заар) (описание голоса сочетается с характеристикой героини: её мягкий голос свидетельствует о кротком нраве).

3. Дескриптивная и эмотивная функция.

Diese Silben gruben sich in mein Hirn wie harte Münzen in eine schmelzende Wachsplatte. (Й. Пом) (функция описания сочетается с передачей внутреннего эмоционального состояния героя).

Der Pfad lief hier gleichsam emsig und freudig vor Tiburius her, und dieser folgte ihm. (А. Шмуцмер) (оценка даётся через лексемы *emsig* и *freudig*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый лингвостилистический анализ особенностей функционирования синестезии и персонификации в австрийской художественной прозе позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, язык австрийских писателей XIX – первой половины XX века характеризуется метафоричностью, составляющей эстетическую ценность их произведений. Во-вторых, большую роль в достижении образности художественного текста, подчинённой общей задаче воплощения авторского замысла, играют выразительные средства языка, в частности, синестезия и персонификация. В-третьих, данные разновидности метафоры обладают достаточным стилистическим потенциалом для реализации основных функций в художественном стиле, а именно, характерологической, дескриптивной, эмотивной и оценочной. В частности, они позволяют раскрыть внутренний мир героев, показать их мысли и чувства, описать важные для повествования события, место действия (включая природу, городской пейзаж и интерьер), передать авторскую оценку и то особое мировосприятие, которое составляет уникальность каждого художественного произведения. В-четвёртых, для метафоры характерна полифункциональность, дающая возможность совместить описание с задачами характеристики, экспрессии и оценочности. Полученные данные составляют теоретическое значение исследования, поскольку уточняют представления о функциях синестезии и персонификации в австрийской прозе XIX – первой половины XX века, а также могут быть использованы в курсах «Стилистика» и «Художественный перевод» при обучении студентов-филологов. В качестве перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении следует указать выявление в прозе австрийских писателей стилистического потенциала других образных средств, построенных на основе переноса значения.

Таким образом, синестезия и персонификация имеют высокий стилистический потенциал, раскрывающийся, прежде всего, в художественном описании.

Список источников

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
2. Лурья А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
3. Grossenbacher P., Lovelace C.T. Mechanisms of synesthesia: Cognitive and physiological constraints // *Trends in Cognitive Sciences*. 2001. Vol. 5 (1). P. 36-41.
4. Каторгина Д.Ю., Ромашина О.Ю. Синестезия как стилистическое средство в русском и английском художественном дискурсе // *Universum: филология и искусствоведение*. 2018. № 5 (51). С. 4-6.
5. Ивакина Е.В. Проявление языковой синестезии в процессе наименования акустических явлений // *Филологические этюды*. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 170-173.
6. Красавский Н.А., Блинова И.С. Художественно-эстетическая функция персонификации в художественном тексте // *Инновационная наука*. 2017. Т. 2. № 3. С. 76-80.
7. Шуаипова А.А. Художественно-эстетический потенциал поэтической лексики немецкого языка (на основе поэтической лексики Г. Гейне) // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 374-380.
8. Фененко Н.А. Семантическая синестезия в тексте оригинала и перевода // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 94-99.
9. Шаповалова О.Н., Мерзлякова Е.С. Способы передачи синестетических метафор и персонификации (на материале перевода австрийской прозы) // *Язык науки и профессиональная коммуникация*. 2021. № 1 (4). С. 41-52.
10. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2010. 384 с.

References

1. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 712 p. (In Russian).
2. Luriya A.R. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006, 320 p. (In Russian).
3. Grossenbacher P., Lovelace C.T. Mechanisms of synesthesia: Cognitive and physiological constraints. *Trends in Cognitive Sciences*, 2001, vol. 5 (1), pp. 36-41.
4. Katorgina D.Y., Romashina O.Y. Sinesteziya kak stilisticheskoye sredstvo v russkom i angliyskom khudozhestvennom diskurse [Synaesthesia as a stylistic device in Russian and English artistic discourse]. *Universum: filologiya i iskusstvovedeniye – Universum: Philology and Art History*, 2018, no. 5 (51), pp. 4-6. (In Russian).
5. Ivakina E.B. Proyavleniye yazykovoy sinestezii v protsesse naimenovaniya akusticheskikh yavleniy [Manifestation of linguistic synesthesia in the process of naming acoustic phenomena]. *Filologicheskiye etyudy* [Philological Studies]. Saratov, 2001, issue 4, pp. 170-173. (In Russian).
6. Krasavskiy N.A., Blinova I.S. Khudozhestvenno-esteticheskaya funktsiya personifikatsii v khudozhestvennom tekste [Artistic and aesthetic function of personification in a literary text]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 76-80. (In Russian).
7. Shuaipova A.A. Khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial poeticheskoy leksiki nemetskogo yazyka (na osnove poeticheskoy leksiki G. Gejne) [The artistic and aesthetic potential of the poetic vocabulary of the German language (on the basis of H. Heine lyrics)]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 374-380. (In Russian).
8. Fenenko N.A. Semanticheskaya sinesteziya v tekste originala i perevoda [Semantic synesthesia in the source text and in the target text]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, no. 3, pp. 94-99. (In Russian).
9. Shapovalova O.N., Merzlyakova E.S. Spособы peredachi sinesteticheskikh metafor i personifikatsii (na materiale perevoda avstriyskoy prozy) [Methods of translation of synesthetic metaphors and personification (on the material of the translation of Austrian prose)]. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya – Language of Science and Professional Communication*, 2021, no. 1 (4), pp. 41-52. (In Russian).

10. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010, 384 p. (In Russian).

Информация об авторах

Дубовицкая Мария Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-5412-5237](https://orcid.org/0000-0001-5412-5237), maria-mra@mail.ru

Вклад в статью: идея и концепция исследования, научное консультирование, обработка материала, написание и редактирование части статьи, оформление статьи.

Монастырецкая Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1160-390X](https://orcid.org/0000-0003-1160-390X), olga.mona1968@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, идея, анализ, подбор первичного материала, анализ данных, написание и редактирование части текста.

Филатова Неля Павловна, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-3113-6803](https://orcid.org/0000-0002-3113-6803), nellyf@mail.ru

Вклад в статью: идея, научное консультирование, общая концепция статьи, анализ данных, написание и редактирование части текста.

Шапвалова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Социально-экономический институт Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-5876-6066](https://orcid.org/0000-0001-5876-6066), Shapovalovaolga@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, идея и дизайн, поиск и анализ литературы, сбор и анализ данных, обработка материала, написание и редактирование части текста.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
Одобрена после рецензирования 19.07.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Maria A. Dubovitskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor of “Translation Theory and Cross-Cultural Communication” Department, Saratov Socio-Economic Institute of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-5412-5237](https://orcid.org/0000-0001-5412-5237), maria-mra@mail.ru

Contribution: study idea and conception, scientific consulting, material processing, part manuscript drafting and editing, manuscript design.

Olga V. Monastretskaya, Candidate of Philology, Associate Professor of “Translation Theory and Cross-Cultural Communication” Department, Saratov Socio-Economic Institute of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1160-390X](https://orcid.org/0000-0003-1160-390X), olga.mona1968@yandex.ru

Contribution: study conception, idea, analysis, source material acquisition, data analysis, part manuscript drafting and editing.

Nelya P. Filatova, Associate Professor of “Translation Theory and Cross-Cultural Communication” Department, Saratov Socio-Economic Institute of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-3113-6803](https://orcid.org/0000-0002-3113-6803), nellyf@mail.ru

Contribution: idea, scientific consulting, main study conception, data analysis, part manuscript drafting and editing.

Olga N. Shapovalova, Candidate of Philology, Associate Professor of “Translation Theory and Cross-Cultural Communication” Department, Saratov Socio-Economic Institute of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-5876-6066](https://orcid.org/0000-0001-5876-6066), Shapovalovaolga@yandex.ru

Contribution: study conception, idea and design, literature search and analysis, data acquisition and analysis, material processing, part manuscript drafting and editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 16.05.2022
Approved after reviewing 19.07.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11, 821

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-520-529

Сложные слова в рассказе швейцарского немецкоязычного писателя У. Видмера “Hand und Fuß – ein Buch”

Ирина Александровна СТИХИНА

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62

✉ aniris.irina@yandex.ru

Аннотация. Актуализируется явление словосложения в немецком языке: приведены общепринятые классификации и уточнены проблемные аспекты. Цель исследования – рассмотреть сложные слова в конкретном художественном произведении и выявить художественный потенциал данного способа словообразования. Для этого сложные слова в рассказе швейцарского немецкоязычного писателя У. Видмера анализируются и систематизируются в соответствии с существующими классификациями. В качестве методов использованы анализ теоретических подходов, лингвистический анализ, методы корпусной лингвистики и интерпретации художественного текста. Обнаружено, что в тексте преобладают сложные определительные существительные, однако они не исчерпывают многообразие примеров словосложения в рассказе – присутствуют трёхкомпонентные сложные слова, сложные прилагательные, наречия. Ряд используемых сложных слов не зафиксирован в словарных источниках, однако они выводимы из компонентов и лексикализованы в языке, что доказывают примеры из электронных корпусов текстов. В результате исследования выявлено, что У. Видмер использует лексикализованные сложные слова и создаёт окказионализмы, в том числе для моделирования экспрессивного модуса повествования. Языковая игра в каламбурах со сложными словами формирует карнавальный дискурс «перевернутого» языка, также использование сложных слов служит созданию иронического дискурса. Сложное слово как экспрессивная языковая единица в рамках идиостиля автора может быть перспективной темой для дальнейшего исследования на стыке лингвистики и литературоведения.

Ключевые слова: сложные слова, композиты, сложные существительные, окказионализм, языковая игра, экспрессивность

Для цитирования: Стихина И.А. Сложные слова в рассказе швейцарского немецкоязычного писателя У. Видмера “Hand und Fuß – ein Buch” // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 520-529. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-520-529>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Compound words in the work of the Swiss German-speaking author Urs Widmer “Hand und Fuß – ein Buch”

Irina A. STIKHINA

Ural State University of Economics
62 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation
✉ aniris.irina@yandex.ru

Abstract. The phenomenon of word composition in the German language is actualized: generally accepted classifications are given and problematic aspects are clarified. The purpose of the study is to consider the use of compound words in a chosen literary text and to define the artistic potential of this word formation. For this purpose, compound words in the text of the Swiss German-speaking writer Urs Widmer are analyzed and systematized in accordance with existing classifications. The methods used are analysis of theoretical approaches, linguistic analysis, methods of corpus linguistics and literary text interpretation. We found that besides complex definitive nouns prevailing in the text there are three-component compound words, compound adjectives and adverbs. A number of compound words used are not recorded in dictionaries, but they can be identified through their components and lexicalized in the language, which is proved by examples from electronic text corpora. As a result of the study, it is revealed that U. Widmer uses lexicalized compound words and creates occasionalisms, including for modeling the expressive mode of narration. The language game with compound words in puns forms the carnival discourse of the “inverted” language; moreover, the use of complex words also enables the author to create an ironic discourse. A compound word as an expressive language unit within the framework of the author’s individual style can be a promising topic for further research at the intersection of linguistics and literary criticism.

Keywords: compound words, composites, compound nouns, occasionalism, language game, expressiveness

For citation: Stikhina I.A. Slozhnyye slova v rasskaze shveysarskogo nemetskoyazychnogo pisatelya U. Vidmera “Hand und Fuß – ein Buch” [Compound words in the work of the Swiss German-speaking author Urs Widmer “Hand und Fuß – ein Buch”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 520-529. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-520-529> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Существует масса определений сложных слов или композитов (отечественные лингвисты применяют преимущественно термин «сложные слова», немецкие – “Komposita” [1, с. 1]). Традиционное определение В. Фляйшера и И. Барц подчёркивает наличие двух компонентов, являющихся самостоятельными лексемами [2, S. 84], также отмечается стабильность бинарной структуры сложного слова [2, S. 127]. Приведём основные пара-

метры классификаций сложных слов, релевантные для нашего исследования. Одним из главных параметров является соотношение их компонентов: они могут быть семантически равнозначны (Koordination) или находиться в отношениях субординации (Subordination). В первом случае компоненты представляют собой одну и ту же часть речи. Такие слова называют сложными словами с сочинительной связью (Kopulativkomposita или Koordinationkomposita) [2, S. 150], например: *schwarz-weiß, englisch-chinesisch, der Strich-*

punkt. Отношения субординации имеют место у определительных сложных слов или детерминативных композитов (Determinativkomposita). Они представляют собой основную модель образования сложных существительных и их наиболее многочисленную группу [3, S. 117]. Также их определяют как эндоцентрические композиты [4, S. 6]. В немецком языке правый компонент сложного определительного существительного (главное слово – *das Grundwort, der Kopf*) определяет грамматические характеристики и семантический класс сложного существительного. Левый компонент модифицирует значение главного слова, уточняет его. Бинарная структура характерна для таких сложных слов (*der Apfelbaum – Kirschbaum*), однако, среди определительных существительных в немецком языке существуют также «полиморфемные композиты» («polymorphemische Komposita» [2, S. 138]), состоящие из 3, 4 и более компонентов (*die Kirschbaumblüte, das Apfelsaftpulver, Milchsäuregärungspilze*).

Исследователи также выделяют группу посессивных сложных слов (Possessivkomposita) или экзоцентрических композитов (exozentrische Komposita). Это, как правило, обозначения людей, животных и растений [4, S. 5]. Зачастую эту группу рассматривают как субкласс определительных сложных слов, так как для неё характерны те же свойства – бинарность, асимметрия модели «главное слово – модификатор» [5, S. 376]. При этом для данного субкласса характерна особая семантика – существительные предлагают метонимическую интерпретацию, непрямую отсылку на обозначаемое, и также передают значение принадлежности, например, *das Rotkehlchen* – малиновка (дословный перевод на русский язык – «красное горлышко»), является особенностью оперения птицы).

Не всегда есть однозначное разграничение между определительными сложными словами и сложными словами с сочинительной связью. Многие из композитов с сочинительной связью могут быть интерпретированы как детерминативные, например: *die Strumpfhose, der Strichpunkt, der Hosenrock* [4, S. 6], так как первый компонент уточняет/определяет значение второго.

Классификации сложных слов также рассматривают их компоненты: существи-

тельные, прилагательные, глаголы, предлоги, наречия, местоимения, фразы. Фразовый компонент может целым предложением, созданным автором в конкретном тексте. Например, *Irgendetwas-stimmt-mit-dem-Jungen-nicht-Blick, Schatz-das-kann-ich-auch-Models, Teenager-finden-sich-und-ihre-Liebe-Prinzip, Wer-jetzt-umschaltet-wird-erschossen-Attitüde* [6, S. 172]. Написание слов через дефис во фразовом компоненте, а также дефис между первым и вторым компонентом необходимы для того, чтобы воспринимать сложное слово как «графическое единство» по мнению П. Галльмана [7, S. 86]. Е. Доналиес отмечает, что немецкий использует все потенциальные возможности комбинирования компонентов в процессе словообразования [8, S. 54], но доминируют при этом сложные существительные, то есть модель «существительное + существительное».

В случае с компонентом-прилагательным (прилагательное + существительное), как отмечает Е. Доналиес, семантика сложного слова соответствует семантике параллельно существующей фразы, так как прилагательное таким же образом определяет существительное (*das Großkapital – großes Kapital*). Существуют исключения – исследователь приводит следующий пример: *das Akutbett* – это не *akutes Bett*, а «*das Bett, das mit etwas Akutem zu tun hat*» [8, S. 57-58]. Такие случаи обозначают как «Klammerformen», подразумевая, что один из компонентов опущен, находится как бы «за скобками». В приведённом примере отсутствующим компонентом может быть слово *Fall*. Е. Доналиес отмечает также, что отношения между компонентами сложного слова в немецком языке могут быть не совсем ясными, ведь сжатие и вследствие этого опущение некоторых компонентов в процессе словосложения естественны [8, S. 58].

Глагольные основы в качестве компонентов сложных существительных, по наблюдениям исследователей, встречаются в немецком языке чаще, чем в других языках. Так, Е. Доналиес приводит в пример сравнение словарных статей на букву «W» в немецком и английском языках. Если в английском словаре 4 глагольных основы – *whip-, wash-, watch-, work-*, – при этом два последних слова могут рассматриваться и как существи-

тельные (*watchdog, workbench*), то в немецком словаре – 24, среди них, например, *wach-* (*der Wachhund*), *wackel-* (*der Wackelpudding*), *wander-* (*der Wanderschuh*). В то же время в англоязычном словаре много сложных существительных, включающих отглагольные формы – герундий (*washing-machine*) [8, S. 59].

На первый взгляд, определить сложное слово в немецком достаточно просто – слитное написание, отсутствие флексий у компонентов, ударение на первом слоге. Однако наличие сложных глаголов, например, оспаривается в литературе [4, S. 2]. Одна из причин – отделяемый компонент/приставка (*kennenlernen, einschlafen*). Если принять как факт то, что для слова характерна нераздельность, целостность лексического материала, то такие разделяемые лексические единицы должны рассматриваться как синтаксические конструкции и не могут быть причислены к сложным словам [4, S. 11].

Количество сложных слов в словарях велико, при этом ещё большее количество композитов не нуждается в занесении в словарь, если их значение может быть выведено из значений их компонентов (конечно, при условии наличия в словаре значений этих компонентов). Это касается детерминативных композитов, построенных по модели «(Ein-) A B sei (ein) B», где «A» – это определяющее слово, а «B» – главное [9, S. 35]. Необходимо отметить принципиальную невозможность охватить все используемые сложные слова в словаре, поскольку масса неологизмов приходит в язык, чтобы остаться там надолго и лексикализироваться или уйти из употребления через некоторое время.

Наряду с неологизмами и многочисленными окказионализмами, возникающими в разговорной и письменной речи, объём уже употребляемых в немецком языке сложных слов настолько велик, что охватить их полностью в словаре было бы утопичной и нерациональной целью. Как отмечал Я. Гримм, способность немецкого языка к словосложению настолько неизмерима, что невозможно привести все устоявшиеся словообразования, не говоря уже обо всех возможных [10, S. 237].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Описанные возможности немецкого словообразования создают предпосылку для

творческого авторского подхода к использованию и конструированию сложных слов как в медийном, так и в литературном контексте. Объектом представленного исследования являются сложные слова в конкретном художественном произведении – рассказе “Hand und Fuß – ein Buch” швейцарского немецкоязычного писателя У. Видмера (1938–2014). Приведённые во «Введении» параметры классификаций служат основой для систематизации имеющихся в нём сложных слов. Целью исследования является выявление особенностей сложных слов, используемых автором в указанном произведении, и художественного потенциала данного способа словообразования в рамках идиостиля автора.

В качестве методов применялись всеобщие и общенаучные методы, в частности, анализ теоретических подходов к проблеме словосложения и классификаций сложных слов в немецком языке, а также метод лингвистического анализа и интерпретации художественного текста, методы корпусной лингвистики (использовались такие корпуса текстов, как DWDS¹, Webcorpora²). Как справочные источники привлекались словари DWDS³, Duden⁴.

В рассказе “Hand und Fuß – ein Buch” ярко представлена постмодернистская языковая игра [11]. Сразу несколько характерных для постмодернистской прозы маркеров было выявлено в тексте: лексико-семантические, лексико-синтаксические, графические, фонетические, стилистические, культурно-значимые [11, с. 299]. К лексико-семантическим маркерам относятся различные каламбуры, которые, в основном, строятся вокруг двух ключевых для текста лексем – “Hand und Fuss” [11, с. 297]. У. Видмер активно использует игровой потенциал фразеологизмов, содержащих указанные лексемы. Он модифицирует идиомы, зачастую используя аллитерирующие и ассонирующие пары, например, *Hand – Hund; Fass – Fuss*. В результате появляются каламбуры, создающие

¹ Korpora im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r> (abrufen: 12.01.2022).

² COW – High quality web corpora since 2012. URL: <https://www.webcorpora.org/> (abrufen: 12.01.2022).

³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/d/woerterbuecher> (abrufen: 12.01.2022).

⁴ Duden. Digitales Wörterbuch online. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 12.01.2022).

комический эффект: “Wo eine *Hand* den andern *Hund* wäscht, ich meine, ein *Hund* die andre *Hand* leckt”⁵. В основе рассказа, как в структурном, так и в семантическом плане, по нашему мнению, лежит приведённая частично в названии и модифицируемая в тексте идиома о наличии смысла (*Hand und Fuss haben*) [11, с. 297]. Таким образом, всё произведение становится игрой в наличие смысла как такового. Помимо многочисленных фразеологизмов (всего в тексте 28 фразеологизмов, включая модифицированные, без учёта коллокаций [12]), сложные слова, в которых реализуется авторская языковая игра, также можно отнести к постмодернистским лексико-семантическим маркерам идиостиля У. Видмера – каламбурам. Писатель использует комбинаторный потенциал немецкого языка и играет со словосложением. Всего в тексте объёмом десять страниц нами было выявлено 72 сложных слова. В эту группу мы включаем, прежде всего, сложные существительные всех типов (54 слова, то есть 75 % от общего объёма сложных слов), сложные прилагательные (15 слов, 20,8 %) и сложные наречия (3 слова, 4,2 %).

Слова, имеющие в своём составе аффиксоиды, не рассматривались нами как сложные (в тексте слово *liebenswert*). К аффиксоидам относят элементы, находящиеся в переходной стадии от свободных (*freie Morpheme*) к зависимым морфемам (*gebundene Morpheme*) [4, S. 10]. В зависимом положении морфема уже не выражает того значения, которое присуще ей в самостоятельном статусе. Так, в словаре нами было найдено 11 прилагательных с аффиксоидом “-wert”: *anerkennungswert*, *bewunderswert*, *erbarmenswert*, *erstaunenswert*, *erstrebenswert*, *lesenswert*, *mitteilenswert*, *nachahmenswert*, *nachzuehlerenswert*, *tadelnswert*, *überdenkenswert*, *überlegenswert*⁶. В этих словах, компонентами которых являются субстантивированный глагол и аффиксоид “-wert”, последний выражает следующее значение: что-либо стоит сделать; либо описываемое лицо или вещь заслуживают того, чтобы это было сделано

⁵ Widmer 1987 – *Widmer U. Hand und Fuss – ein Buch // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. S. 24-33.*

⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/-wert> (abrufen: 12.02.2022).

(действие выражает субстантивированный глагол). Иногда в исследовательской литературе оспаривается возможность выделения данной промежуточной категории в отдельную группу [4, S. 10].

Также сложные глаголы не были включены в выборку в связи с неоднозначностью трактовок, что указывалось во Введении.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Процентное соотношение показывает, что сложные существительные, созданные по модели существительное + существительное, преобладают в тексте (около 93 %). Л. Бауер отмечал, что это «самая большая подгруппа среди сложных слов», а также «наиболее продуктивный тип» словосложения, и данное утверждение является актуальным не только для германских языков [8, S. 24]. Для немецкого языка такая модель крайне продуктивна и, как было отмечено выше, она доминирует и в языке, в целом, и в рассматриваемом рассказе, в частности. Тем не менее, в рассказе представлено небольшое количество сложных существительных, первый компонент которых является другой частью речи – глагол в слове *der Zeigefinger*; прилагательное в *das Großkapital*, *die Blaumannhose*, *Endlostonbänder* (выявлено 5,5 % сложных существительных с компонентом-прилагательным), – что тоже характерно для немецкого языка. Все сложные существительные в рассматриваемом тексте являются определительными.

Большинство сложных слов в рассматриваемом тексте – это существительные с двумя компонентами, однако, есть и существительные с тремя компонентами (8 слов, то есть 14,8 % от всех сложных существительных): *Samthandschuhe*, *das Mal- und Dicht-handwerk*, *der Seehundsschnauz*, *die Korkenzieherlocke*, *die Wildledersohle*, *die Blaumannhose*, *Endlostonbänder*. В словарях есть *Samthandschuhe* и *die Korkenzieherlocke*, *der Seehundsschnauzer*⁷ (в тексте *Seehundsschnauz*). Значение остальных слов выводимо из компонентов. Они не найдены в используемых нами

⁷ Duden. Digitales Wörterbuch online. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Seehundsschnauzer> (abrufen: 12.02.2022).

словарях⁸ и корпусах текстов⁹, за исключением *die Wildledersohle* – есть 4 примера в корпусе DWDS¹⁰. Полагаем, такие сложные существительные выбраны либо сконструированы автором намеренно для более точного/экспрессивного отражения передаваемых им смыслов. Как отмечает О.В. Олейник, слова-композиции широко используются в немецкоязычной прессе и выполняют номинативную, характеризующую и экспрессивную функции [13, с. 92]. В данном исследовании мы отмечаем такие функции и в тексте художественного произведения.

Рассмотрим использование сложных существительных *das Mal- und Dichthandwerk* в контексте. Они созданы по модели «структурной деструкции» [8, S. 16]. По мнению В. Фляйшера и И. Барц – это «ослабление структуры слова» [2], при котором одинаковые компоненты сложных слов исключаются и заменяются дефисом, если слова следуют друг за другом. Таких примеров в немецком языке много [8, S. 16]. Указанные сложные существительные появляются в следующем контексте: “...*da stand plötzlich Uwe, einer von mehreren Uwes, die seit Jahr und Tag bei uns das Mal- und Dichthandwerk erlernen wollen, wütend auf und schrie...*”¹¹. Компонент *-handwerk* (ремесло) семантически важен: используя его, автор экспрессивно акцентирует определённое значение – живописи и писательству нужно учиться как ремеслу, вкладывая немало труда. Отдельно сложные существительные *das Malhandwerk* и *das Dichthandwerk* лексикализованы: они отсутствуют в словарях, но встречаются в различных источниках (например, сайт, предла-

гающий услуги внутренней отделки помещений «Meisser May-Britt Malhandwerk»¹², *Dichthandwerk* как синоним *Dichtkunst*¹³ и т. д.). В связи с этим мы можем отнести конструкцию *das Mal- und Dichthandwerk* к авторским окказионализмам лишь условно. Ещё одним примером экспрессивного использования является слово *Endlostonbänder*. Оно встречается в следующем контексте: “*Nachdem der Verleger wieder zu seinen Rotationspressen zurückgegangen war, redeten Max und ich voll des sauersten Weins darüber, daß alle jene Herren, die immer so dynamische Anzüge tragen und wie Endlostonbänder reden, ich will offen lassen, welche Herren genau wir meinten, nicht nur Saue sind, Saue mit Diplomen und Nummernkonten, sondern auch ein Pack, das lügt und lügt, tagein, tagaus*”¹⁴. Сравнение *wie Endlostonbänder reden* можно перевести как «говорить как бесконечная плёнка». Оно отсылает к старым моделям катушечных магнитофонов, лента которых после проигрывания начинала крутиться в обратную сторону. Существительное не было найдено нами в словарных источниках и корпусах, однако его значение выводимо из компонентов. В Интернете можно найти примеры его употребления как в прямом (техническом) смысле, так и в метафорическом. Нужно отметить, что это сложное существительное в контексте усиливает «негативную экспрессию»: подчёркивает велеречивость лживых господ в костюмах.

Сложных существительных с бинарной структурой в этом тексте 46, и только 2 являются окказионализмами – воплощением языковой игры автора. Это существительные *der Handsfott* и *der Lampenhund*. Лексикализованы слова *der Hundsfott* и *der Lumpenhund*. В переводе на русский язык они имеют схожее значение – негодяй. Поскольку для текста характерна ассонансная игра с лексемами *Hund* и *Hand*, при которой происходит замена гласных “u”-“a”, в словах *Lumpen* – *Lampen* такая замена воспринимается как

⁸ Duden. Digitales Wörterbuch online. URL: <https://www.duden.de>; Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/sitemap> (abrufen: 12.02.2022).

⁹ Korpora im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r>; COW – High quality web corpora since 2012. URL: <https://www.webcorpora.org/> (abrufen: 12.02.2022).

¹⁰ DWDS. Die Zeit. URL: https://www.dwds.de/r?q=Wildledersohle&corpus=zeit&date-start=1946&date-end=2018&format=full&sort=date_desc&limit=10; DWDS. Berliner Zeitung. URL: https://www.dwds.de/r?q=Wildledersohle&corpus=bz&date-start=1994&date-end=2005&format=full&sort=date_desc&limit=10 (abrufen: 12.02.2022).

¹¹ Widmer 1987 – *Widmer U. Hand und Fuss – ein Buch // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr*. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. S. 24-33.

¹² Meisser May-Britt Malhandwerk. URL: <https://www.malhandwerk.ch/seiten/reserve1.php?show=4> (abrufen: 22.02.2022).

¹³ Dachbuch Verlag. Johannes Silveri. URL: <https://dachbuch.at/johannes-silveri/> (abrufen: 22.02.2022).

¹⁴ Widmer 1987 – *Widmer U. Hand und Fuss – ein Buch // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr*. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. S. 24-33.

продолжение предложенной автором игры. Приведём цитату: “*Er fürchtete sich vor den Abdrücken der Kuppen seiner Hände, auch uns faßte er nur mit Samthandschuhen an, dieser Handsfott, ich meine, dieser Lampenhund*”. Роль широкого контекста, таким образом, нельзя недооценивать: интерпретация сконструированного автором сложного слова, не являющегося лексикализованной единицей, может зависеть от него. Как отмечает П. Штекауер, «роль контекста важна в связи с вопросом о том, какие принципы регулируют интерпретацию новообразованных, окказиональных сложных слов» [4, S. 13].

Кроме приведённых выше окказионализмов в тексте есть сложные существительные с бинарной структурой, не зафиксированные в словарях – *der Goldboden* и *die Heldenhand*. *Der Goldboden* в немецком языке не отмечено в словарях как нарицательное, но встречается как географическое название (лес на плато рядом с Винтербахом, земля Баден-Вюртемберг). В рассматриваемом контексте данное значение нерелевантно, *der Goldboden* (золотой пол) можно интерпретировать здесь в игровом ключе, так как ранее в тексте встречается выражение *Handwerk hat einen goldenen Boden*: “...*Das Handwerk habe einen goldenen Boden, hört man, und das kann schon sein, baby*”. В тексте процитирована известная немецкая поговорка – *Handwerk hat goldenen Boden* (ремесло – золотое дно). Далее она обыграна благодаря сложному существительному *der Goldboden* в следующем контексте: “...*ein Handwerker gekommen war und mit seinen Nagelschuhen unsern Goldboden zerkratzt... hatte...*”¹⁵. Компоненты фразеологизма *goldenen Boden* в результате формально-семантической модификации (свободное употребление фразеологизма или его компонентов, по Х. Бургеру [14, с. 13]) преобразуются в сложное слово. При этом можно определить этот приём и как двойную актуализацию (семантическая модификация [14, с. 13]) – *der Goldboden* воспринимается одновременно и в прямом смысле (покрытие пола), и иносказательно (значимость ремесла друзей, которым была нанесена обида – *unsere Goldboden zerkratzt*

¹⁵ Widmer 1987 – Widmer U. Hand und Fuss – ein Buch // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. S. 24-33.

hatte). Кроме того, в процессе модификации фразеологизма слово *Handwerk* преобразовано в его дериват *Handwerker*. В рассматриваемом случае можно говорить о комбинированной языковой игре: фразеологической и словообразовательной.

Определительное существительное *die Heldenhand* не зафиксировано в словарях – его значение выводится из составляющих. В языке оно лексикализовано и встречается в разных контекстах (например, реклама хлеба: “*Von Heldenhand gemacht. Ein Stück echter Traditionskunst*”¹⁶). В рассматриваемом произведении слово встречается в ироническом контексте: автор рассказывает о друге, у которого только семь пальцев, поскольку три он потерял во время взрыва (который предположительно сам и устроил, но об этом автор не хочет рассказывать, так как “*das Sprengen heute keine gute Presse hat*”). Друг подзывает официантку своей «героической рукой»: “...*wenn wir Ede treffen, hebt er stets seine Heldenhand und ruft, Fröllein, fünf Bier, und er oder Max oder ich kriegen dann trotzdem keines*”¹⁷.

Необходимо также отметить авторские окказионализмы среди сложных прилагательных. Всего в тексте 15 сложных прилагательных. Однозначно можно причислить лишь одно из них к “*Ad-hoc Komposita*”. Это прилагательное *handsgemein*. В словаре зафиксирована лексема *hundsgemein* (подлый). Таким образом, снова повторяется языковая игра со словами *Hund* и *Hand*: “...*die eines Nachts bemerkte, daß ich, den sie als ersten liebte, ...eine eiskalte Hand hatte. Mitleidig rubbelte sie mein graues Fleisch, bis es mir zu viel wurde und ich meine Zähne in ihren Hals schlug, ich handsgemeiner Mensch, ich meine, Unmensch*”¹⁸.

Прилагательное *schlangenlang* (на русский язык можно перевести сравнением – «длинный, как змея») отсутствует в словарях, в корпусе DWDS встречается несколько раз в газетных и литературных источниках

¹⁶ Merzenich-Bäckereien GmbH. URL: <https://baeckerei-merzenich.de/brot-des-monatshttps/> (abrufen: 22.02.2022).

¹⁷ Widmer 1987 – Widmer U. Hand und Fuss – ein Buch // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. S. 24-33.

¹⁸ Ibid.

(3 совпадения¹⁹) в значении «sehr lang» (очень длинный). Сравнение со змеей в рассматриваемом контексте усиливает значение основного признака “lang”: “...Händen, die, wie wir in den folgenden Wochen herausfanden, eine schlangenlange Liebes-, eine endlose Lebens- und eine unendliche Glückslinie aufweisen”²⁰. Такая лексическая единица в ряду синонимичных определений (*endlos, unendlich*) усиливает экспрессивность фразы. Значение ещё одного сложного прилагательного *distelbewachsen* легко выводится из составляющих его компонентов (заросший чертополохом): “Ich stampfte durch distelbewachsene Gebirge und beschimpfte danach Lea in Gaststätten...”²¹. Прилагательное способствует моделированию определённой экспрессивности (вместе с глаголом *stampfen* – тяжело ступать): подчёркивает мрачность настроения героя, скитающегося по заросшим сорняками горам после разрыва отношений.

ВЫВОДЫ

В целом, в рассматриваемом произведении сложные слова наряду с фразеологическими единицами становятся участниками языковой игры автора: каламбуры с «перепутанными» лексемами похожи на «оговорки» и носят развлекательный характер, настраивают на непринуждённое веселье. Интересен приём с фразеологизмом *Handwerk hat goldenen Boden*, описанный выше, когда автор модифицирует фразеологизм и преобразует его компоненты в сложное слово (*der Goldboden*), то есть языковая игра одновременно происходит на фразеологическом, словообразовательном и семантическом уровнях (автор играет с буквальным и метафорическим смыс-

лами). При этом лишь небольшой процент сложных слов (4 %) являются авторскими окказионализмами, которые могут быть интерпретированы в контексте. Смысл других сложных слов, отсутствующих в словарных источниках, выводим из их компонентов. Они могут быть лексикализированы и встречаться в текстах с разной частотностью. Для некоторых лексем в электронных корпусах найден лишь один пример (*distelbewachsen*²²), для других примеров больше (*die Wildledersohle* – 4 примера в газетных источниках²³). У. Видмер использует сложные слова для придания экспрессивной окраски: вместо *lang* используется *schlangenlang*, вместо *bewachsen* – *distelbewachsen*; в ироническом контексте – *die Heldenhand* о руке, на которой не хватает пальцев, но не из-за героического поступка; метафорически – сложное существительное *Endlostönbänder* для негативной оценки неприятных людей и т. д. Таким образом, сложные слова могут не только точно и компактно передавать смыслы, но и быть языковым средством для создания экспрессивного повествования, ироничного дискурса и шутки – языковой игры «на потеху публике», то есть своеобразного карнавального дискурса с «перевернутым» языком. Потенциал сложных слов для конструирования различных авторских смыслов в немецком языке неисчерпаем. С точки зрения идиостиля, обращение автора со сложными словами, частота использования экспрессивных языковых единиц, образованных с помощью словосложения, могут быть перспективной темой научной работы, выполненной в пограничной области – на стыке лингвистики и литературоведения.

¹⁹ DWDS. URL: https://www.dwds.de/r/?q=schlangenlang&corpus=public&date-start=1465&date-end=2018&genre=Belletristik&genre=Wissenschaft&genre=Gebrauchsliteratur&genre=Zeitung&format=full&sort=date_desc&limit=10 (abrufen: 22.02.2022).

²⁰ Widmer 1987 – *Widmer U. Hand und Fuss – ein Buch // Das Verschwinden der Chinesen im neuen Jahr. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1987. S. 24-33.*

²¹ Ibid.

²² DWDS. URL: https://www.dwds.de/r/?q=distelbewachsen&corpus=public&date-start=1465&date-end=2018&genre=Belletristik&genre=Wissenschaft&genre=Gebrauchsliteratur&genre=Zeitung&format=full&sort=date_desc&limit=10 (abrufen: 22.02.2022).

²³ DWDS. URL: https://www.dwds.de/r/?q=Wildledersohle&corpus=public&date-start=1465&date-end=2018&genre=Belletristik&genre=Wissenschaft&genre=Gebrauchsliteratur&genre=Zeitung&format=full&sort=date_desc&limit=10 (abrufen: 22.02.2022).

Список источников

1. *Аржанцева Н.В.* Сложные слова со вторым компонентом-отглагольным существительным в немецком и английском языках и их соответствия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 23 с.
2. *Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 8. Auflage. Tübingen: Niemeyer, 2012. 484 S.
3. *Eichinger L.M.* Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 2000. 269 S.
4. *Schlücker B.* Die deutsche Kompositionsfreudigkeit. Übersicht und Einführung // Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte. (Linguistik – Impulse & Tendenzen, 46, Band 46) / eds. L. Gaeta, B. Schlücker. Berlin; New York: De Gruyter, 2012. S. 1-25.
5. *Motsch W.* Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Berlin; New York: De Gruyter, 2004. 458 S.
6. *Meibauer J.* Phrasenkomposita zwischen Wortsyntax und Lexikon // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2003. Band 22. № 2. S. 153-188.
7. *Gallmann P.* Graphische Elemente der geschriebenen Sprache: Grundlagen für eine Reform der Orthographie. Tübingen: Niemeyer, 1985. 317 S.
8. *Donalies E.* Grammatik des Deutschen im europäischen Vergleich: Kombinatorische Begriffsbildung. Teil 1: Substantivkomposition. Arbeitspapiere und Materialien zur deutschen Sprache. Herausgegeben vom Institut für Deutsche Sprache. 2004. Nummer 2/04. Juni. 85 S.
9. *Kürschner W.* Zur syntaktischen Beschreibung deutscher Nominalkomposita. Tübingen, 1974. S. 32-38.
10. *Mugdan J.* Grammatik im Wörterbuch: Wortbildung // Germanistische Linguistik 1-3. 1983. S. 237-308.
11. *Стихина И.А.* Постмодернистские маркеры идиостиля Урса Видмера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2 (84). С. 296-299.
12. *Стихина И.А.* Сравнительные фразеологизмы: особенности субкласса (на примере немецкого языка) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 139-151.
13. *Олейник О.В.* Слова-композицы в немецкой прессе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7 (97). Ч. 3. С. 92-95. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.97.7.087>
14. *Первак Т.В.* Языковая игра в теледискурсе: лексический и стилистический аспекты (на материале немецкого комедийного телесериала «Штроберг»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2018. 26 с.

References

1. *Arzhantseva N.V.* Slozhnyye slova so vtorym komponentom-otglagol'nyim sushchestvitel'nyim v nemetskom i angliyskom yazykakh i ikh sootvetstviya v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Compound Words with a Second Component-Verbal Noun in German and English and Their Correspondences in Russian: Author. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2004, 23 p. (In Russian).
2. *Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 8. Auflage. Tübingen, Niemeyer Publ., 2012, 484 S. (In German).
3. *Eichinger L.M.* Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Tübingen, Narr Publ., 2000, 269 S. (In German).
4. *Schlücker B.* Die deutsche Kompositionsfreudigkeit. Übersicht und Einführung. *Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte (Linguistik – Impulse & Tendenzen, 46, Band 46)*. Berlin, New York, De Gruyter Publ., 2012, S. 1-25. (In German).
5. *Motsch W.* Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Berlin, New York, De Gruyter Publ., 2004, 458 S. (In German).
6. *Meibauer J.* Phrasenkomposita zwischen Wortsyntax und Lexikon. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2003, Band 22, no. 2, S. 153-188. (In German).
7. *Gallmann P.* Graphische Elemente der geschriebenen Sprache: Grundlagen für eine Reform der Orthographie. Tübingen, Niemeyer Publ., 1985, 317 S. (In German).
8. *Substantivkomposition. Arbeitspapiere und Materialien zur deutschen Sprache.* Herausgegeben vom Institut für Deutsche Sprache, 2004, Nummer 2/04, Juni, 85 S. (In German).
9. *Kürschner W.* Zur syntaktischen Beschreibung deutscher Nominalkomposita. Tübingen, 1974, S. 32-38. (In German).
10. *Mugdan J.* Grammatik im Wörterbuch: Wortbildung. *Germanistische Linguistik 1-3*, 1983, S. 237-308. (In German).

11. Stikhina I.A. Postmodernistskiye markery idiostilya Ursa Vidmera [Postmodernist markers of Urs Widmer’s idiostyle]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2018, no. 6-2 (84), pp. 296-299. (In Russian).
12. Stikhina I.A. Sravnitel’nyye frazeologizmy: osobennosti subklassa (na primere nemetskogo yazyka) [Comparative phraseological units: features of the subclass (by an example of the German language)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 139-151. (In Russian).
13. Oleynik O.V. Slova-kompozity v nemetskoy presse [Composite words In German press]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel’skiy zhurnal – International Research Journal*, 2020, no. 7 (97), pt 3, pp. 92-95. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.97.7.087> (In Russian).
14. Pervak T.V. *Yazykovaya igra v telediskurs: leksicheskiy i stilisticheskiy aspekty (na materiale nemetskogo komedijnogo teleseriala «Shtromberg»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Language Game in Television Discourse: Lexical and Stylistic Aspects (on the Material of the German Comedy Television Series “Stromberg”). Cand. philol. sci. diss. abst.]. Mytishchi, 2018, 26 p. (In Russian).

Информация об авторе

Стихина Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1955-6549, aniris.irina@yandex.ru

Вклад в статью: разработана общая концепция исследования, проведён поиск и анализ научной литературы по теме статьи, обобщён теоретический материал, осуществлён поиск литературного произведения, проанализирован выбранный художественный текст, выявленные в тексте примеры сопоставлены с имеющимися классификациями, проведён параллельный поиск примеров в электронном корпусе текстов, интерпретированы и обобщены полученные результаты, осуществлено написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 27.03.2022
Одобрена после рецензирования и доработки
23.05.2022
Принята к публикации 24.06.2022

Information about the author

Irina A. Stikhina, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1955-6549, aniris.irina@yandex.ru

Contribution: study main concept is developed, scientific literature search and analysis on the topic of work is carried out, theoretical material is generalized, literary work search is carried out, selected literary text is analyzed, examples identified in the text are compared with the existing classifications, parallel search for examples in the electronic corpus of texts is carried out, obtained results are interpreted and generalized, manuscript drafting and design is carried out.

The article was submitted 27.03.2022
Approved after reviewing and revision 23.05.2022
Accepted for publication 24.06.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.112.2

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539

**«Основной недостаток книги проистекает
из её главного достоинства»:
оценочная стратегия полярной компенсации
в рецензиях немецких и российских лингвистов**

Полина Игоревна КОНДРАТЕНКО

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
✉ p.kondratenko@spbu.ru

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть скопления (кластеры) высказываний, включённые в реализацию оценочной *стратегии полярной компенсации* в немецко- и русскоязычных академических рецензиях по лингвистике, и выявить лингвокультурные различия в применении данного механизма экспертного оценивания. Установлено, что в рамках указанной стратегии уравниваются оценки различной (позитивной и негативной) полярности. В анализе впервые учитывается вариативность стратегии полярной компенсации, обусловленная особенностями взаимодействия положительно- и отрицательно-поляризованных оценок в кластерах. На материале рецензий из академических журналов лингвистической тематики доказан макрохарактер стратегии полярной компенсации: отдельные оценки в рамках данной стратегии могут имплицироваться посредством рекомендации, (не)согласия с автором, показа «от обратного». По результатам комплексного качественно-количественного изучения экспертных оценок в русле сопоставительного социо-коммуникативного и лингво-дискурсивного анализа описан механизм оценивания в рамках стратегии полярной компенсации и выявлены лексико-грамматические средства-индикаторы данной стратегии. Интерпретация результатов статистической обработки данных позволяет сделать выводы о культурно-специфических тенденциях применения стратегии полярной компенсации немецкими и российскими рецензентами.

Ключевые слова: экспертная оценка, полярность оценок, стратегия оценивания, научная рецензия, немецкоязычный научно-экспертный дискурс, русскоязычный научно-экспертный дискурс

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке РФФ (проект 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России») в СПбГУ.

Для цитирования: Кондратенко П.И. «Основной недостаток книги проистекает из её главного достоинства»: оценочная стратегия полярной компенсации в рецензиях немецких и российских лингвистов // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 530-539. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“The main drawback of the book originates from its main advantage”: the evaluation strategy of polarity compensation in the reviews of German and Russian linguists

Polina I. KONDRATENKO

Saint Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

✉ p.kondratenko@spbu.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze clusters of statements embedded in the evaluative strategy of polarity compensation in German and Russian academic reviews in Linguistics. Moreover, the article is aimed at identifying linguistic and cultural differences determining the usage of this evaluative strategy. The most typical feature established for the strategy under consideration roots in the balancing positive and negative assessments. For the first time, the analysis takes into account the variability of the polarity compensation strategy depending on specific patterns of the interaction between positively and negatively polarized assessments in clusters. The study carried out shows that the polarity compensation in evaluative acts accomplished in academic linguistic reviews can function as a macro-strategy of expert evaluation. Single assessments embedded in polarity compensation strategy can be implied as a recommendation, (dis)agreement with the author, proof by contradiction. The article describes the results of a comprehensive socio-communicative and discursive study of expert evaluation acts. Qualitative and quantitative analysis leads to description of the polarity compensation mechanism as well as to elicitation of lexical and grammatical means typical of this strategy. Interpretation of the statistical data processing allows us to draw conclusions about culturally specific trends in the use of the polar compensation strategy by German and Russian reviewers.

Keywords: expert evaluation, evaluative polarity, evaluation strategy, academic review, German academic expert discourse, Russian academic expert discourse

Acknowledgements: The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project 22-28-01024 “Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia”) at the St. Petersburg State University.

For citation: Kondratenko P.I. «Osnovnoy nedostatok knigi proistekayet iz eye glavnogo dostoinstva»: otsenochnaya strategiya polyarnoy kompensatsii v retsenziyakh nemetskikh i rossiyskikh lingvistov [“The main drawback of the book originates from its main advantage”]: the evaluation strategy of polarity compensation in the reviews of German and Russian linguists]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 530-539. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-530-539> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В ряде исследований справедливо отмечается тенденция оценок к неравномерному распределению в речевой структуре текстов [1, p. 16; 2, p. 21]. В научных текстах концентрация оценочных кластеров зависит от по-

лемичности [3, с. 142] и экспрессивности сегментов текста. В таких текстовых фрагментах учёный обычно выбирает не одно, а сразу несколько оценочно-познавательных действий для обоснования тех или иных структур знания [4, с. 41]. При этом полярность оценок в скоплениях может быть не-

однородной – см., например, рассуждения Е.С. Троянской о «сталкивании положительной и отрицательной оценки» и влиянии разнополярных оценок на ведение научной аргументации [5, с. 44]. Н.Д. Арутюнова рассматривает взаимодействие по-разному полярных оценок как средство смысловой организации монологических аксиологически ориентированных текстов [6, с. 74]. Такие тексты нацелены на определение общей ценности объекта в ходе аргументации. Если аксиологические аргументы и контраргументы при этом не взаимоисключают друг друга, построение текста подчиняется стратегии «да, но...», в рамках которой доводы противопоставляются друг другу не с точки зрения истинности/ложности, но с учётом весомости, места в иерархии ценностей коммуникантов [6, с. 74]. Похожий механизм оценивания в научных рецензиях упоминается Л.В. Красильниковой [7, с. 55], Х. Зу и К. Хайлендом [8]; о конвенциональных способах выражения «возражения под видом согласия» в русском языке рассуждают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв [9, с. 305-316]. С.Т. Нефёдов акцентирует роль эпистемических модальных слов и выражений, маркирующих авторскую позицию на фоне сдержанного несогласия в научной аргументации [10, с. 602], а Л.В. Куликова выделяет оценочную стратегию «да... но» как одно из характерных проявлений полемичности немецкого академического дискурса. На конкретных примерах исследователь рассматривает то, как критическая позиция автора высказывания предваряется краткими положительными замечаниями [11, с. 318-319]. Такой механизм оценивания отсылает нас к так называемой *модели сэндвича*, которая широко используется в европейской деловой коммуникации и образовательной практике для итогового обсуждения результатов работы. Основной принцип данной модели сводится к уравновешиванию критических моментов за счёт перечисления положительных аспектов работы в начале и в конце развёрнутого оценочного комментария [12]. Смягчение критики для минимизации репутационных потерь¹ участников общения происходит

здесь не за счёт использования лексико-грамматических средств хеджирования с семантикой возможности/приблизительности (подробнее см.: [14]), но посредством уравновешивания негативных оценок позитивными и наоборот.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Несмотря на то, что вопрос об оценочных кластерах и их вовлечённости в реализацию стратегии оценивания по образцу «да... но» неоднократно поднимался отечественными и зарубежными лингвистами, обсуждаемая стратегия до сих пор не получила подробного рассмотрения на материале научных рецензий. Что удивительно, если принять во внимание то, что рецензии относятся к типичной разновидности *аксиологически ориентированных монологических текстов*, которым свойственна стратегия «да... но» [6, с. 74]. Кроме того, частотность применения интересующей нас стратегии в немецкоязычном научном дискурсе ставит перед исследователем закономерный вопрос: насколько эта же стратегия характерна для научных публикаций в другой лингвокультуре? Наконец, в ранее представленных исследованиях языка оценок не учитывается тот факт, что взаимодействие оценок различной полярности в рамках рассматриваемой стратегии может быть разным в зависимости от того, какая оценка имеет бóльший вес – положительная или отрицательная. В первом случае «перевес» положительной оценки будет компенсироваться перечислением собственных объекту (но менее существенных, например, формальных) недостатков, во втором отрицательная оценка будет смягчаться за счёт соседствующих с ней положительных оценок. Наблюдаемое сохранение баланса между соревновательной полновесностью аргументов и уважительным отношением к имиджу участника интеракции² как релевантной социокоммуникативной категории обусловило предложенное нами обозначение интересующего нас механизма оценивания как *стратегии полярной компенсации*.

¹ О важности академической репутации в процессе производства и отбора нового научного знания см.: [13, с. 55].

² Подробнее о категории имиджа – *лица (face)* в терминологии И. Гофмана – и соотносённых с ней коммуникативных практиках см.: [15].

В настоящей статье предпринимается попытка восполнить вышеуказанные пробелы и предложить ответ на открытый вопрос о (не)характерности стратегии полярной компенсации для научно-экспертной коммуникации в различных лингвокультурах (немецкой и русской). Новизна проведённого исследования обусловлена выбором сопоставительной перспективы для рассмотрения оценок, реализованных в рамках стратегии полярной компенсации и описанием изучаемого механизма оценивания «от материала».

Эмпирический материал исследования составили 100 немецко- и русскоязычных научных рецензий лингвистической тематики, опубликованных в 2016–2020 гг. в профильных академических изданиях (*Zeitschrift für Angewandte Linguistik*, *Zeitschrift für Rezensionen*, *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, Вопросы ономастики, Вопросы языкознания). Актуальность исследования состоит в обращении к социокоммуникативной и лингводи-скурсивной методологии, которая позволяет рассматривать оценку в соотнесении с экстралингвистическими параметрами научно-экспертной коммуникативной ситуации. К сопоставительному изучению стратегии полярной компенсации подключены контекстно-семантический, лингвоаксиологический и коммуникативно-функциональный анализ, качественные и количественные методы обработки языковых данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе контекстно-семантического анализа были выделены кластеры оценок в границах *композиционно-прагматических сегментов*, которые соотносятся с познавательными и коммуникативными действиями авторов [16]. С формальной точки зрения выделенные оценочные скопления отличает использование характерных лексико-грамматических средств, указывающих на вовлечённость кластеров в реализацию стратегии полярной компенсации. К этим средствам относятся: прилагательные в форме сравнительной степени; вводные слова *с одной стороны/с другой стороны* и эквивалентные им немецкие наречия *einerseits/andererseits*; противительные союзы (*aber, doch, jedoch, a,*

но, однако, же, тем не менее); устойчивые сочетания (*всё же, в то же время, между тем*) и наречия (*allerdings*) противительной семантики; союзы, предлоги и наречия со значением уступки (союзы: *zwar... aber, wenn auch, obwohl, хотя, правда*; предлоги: *trotz, при*³, *несмотря*; наречия: *dennoch, dabei*). Перечисленные лексико-грамматические единицы позволяют автору высказывания маркировать ситуацию сравнения и вводить различные, контекстуально сопоставляемые положения дел при оперировании стратегией полярной компенсации.

Проведённый лингвоаксиологический анализ позволил установить, что в оценочных кластерах, включённых в реализацию исследуемой стратегии, один и тот же объект получает положительную характеристику, которая затем дополняется отрицательной – см. пример (1), – или же, наоборот, как это следует из примера (2), вынесенного в название статьи:

(1) *Obwohl das Buch sehr übersichtlich gestaltet und aufgebaut ist, vermisst man ein Sachregister* (Senoner D. Rez. auf: Bendel Larcher, Sylvia. 2015. Linguistische Diskursanalyse. Ein Lehr- und Arbeitsbuch // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2016. 65) – *Хотя книга очень наглядно оформлена и чётко структурирована, остро ощущается отсутствие предметного указателя.*

(2) *Основной недостаток книги проистекает из её главного достоинства: она принципиально неполна* (Козлов А.А. Рец. на: Nessel T. How Russian came to be the way it is: A student's guide to the history of the Russian language // *Вопросы языкознания*. 2017. № 3).

Разнополярные оценки могут быть направлены и на различные объекты. Так, в примере (3) негативно оценивается теоретическая перспектива, избранная авторами, однако положительную оценку получают подробные и эмпирически релевантные авторские описания текстовых единиц.

³ Предлогу *при* свойственно значение сопровождения (сам по себе он не относится к предложениям со значением уступки), однако в ряде случаев фиксируется использование этого предлога в предложениях уступительной семантики. Подробнее о формировании уступительного значения в конструкциях с предлогом *при* см.: [17, с. 163].

(3) *Bewusst wird von den Autorinnen und Autoren eine größtenteils textinterne Perspektive eingenommen. Dies kann zu **Beschränkungen** in der Analyse führen; allerdings macht eine solche Eingrenzung Platz für die umfassendere Beschreibung textinterner Phänomene, die von den Autoren **ausführlich** sowie **anwendungsbezogen** aufgearbeitet werden* (Markewitz F. Rez. auf: Greule, Albrecht & Reimann, Sandra. 2015. Basiswissen Textgrammatik // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2018. 68) – *Авторы сознательно избирают преимущественно внутритекстовую перспективу. Это может привести к ограничениям в анализе; однако подобное сужение исследовательской оптики освобождает место для более обстоятельного описания внутритекстовых явлений, которое в исполнении авторов отличается **детализацией** и **эмпирической связанностью**.*

В следующем примере из русскоязычного корпуса положительная характеристика даётся объекту, совершенно не типичному для эксплицитных оценок в немецкоязычных академических рецензиях: рецензент напрямую оценивает профессиональные компетенции автора и сопровождает эксплицитную оценку позитивной квалификацией материала исследования. Вместе с тем рецензент констатирует нарушение требований точности и полноты представления научных результатов, вследствие чего отрицательно оценивает некоторые авторские интерпретации и имплицитно свою оценку посредством рекомендации.

(4) *Оценивая работу Э.В. Копыловой как пример научной добросовестности и скрупулёзности, подчёркивая **исчерпывающую огромность** исследуемого материала, автор рецензии всё же предлагает свои **коррективы** к толкованию некоторых имён* (Супрун В.И. Астраханский антропонимикон в динамике. Рец. на: Копылова Э.В. Имя и время: два века истории имён астраханцев (1800–2000 гг.) // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2).

Необходимо отметить, что оценки, направленные на профессиональные и личностные компетенции авторов, неоднократно встречаются в русскоязычных рецензиях (в том числе в скоплениях оценочных высказываний с полярной компенсацией). Контексты

с такими оценками воспринимаются как маркированные на фоне большинства оценочных высказываний в рецензиях, центральным объектом которых выступают те или иные аспекты авторской публикации. Оценка профессионализма и индивидуальных черт автора рецензируемой публикации придаёт более личный характер русскоязычной научно-экспертной коммуникации. Приведём ещё один пример:

(5) *Конечно, можно сказать, что С. Брендлер **несколько субъективен** в своём выборе [когнитивного инструментария для ономастических вопросов]. Но, зная этого человека как **убеждённого в своих теоретических взглядах** ономастолога и как **очень ответственного и тщательного исследователя**, я хочу поддержать его выбор* (Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на: Cognitive Onomastics: A Reader // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3).

С одной стороны, в представленном контексте ставится под сомнение объективная обоснованность авторского методологического выбора. С другой стороны, фигура автора положительно охарактеризована рецензентом с помощью эксплицитно-квалифицирующих номинаций *ответственный, тщательный*, которые соотносятся с профессиональными требованиями к исследователю. Более того, в текст вводится указание на социальный и профессиональный статус автора рецензируемого труда. Таким образом, рецензент манифестирует в тексте принадлежность автора к научному сообществу и использует высказывание в качестве логического перехода к одобрению выбора, определившего структуру и содержание авторского текста.

Результаты коммуникативно-функционального анализа демонстрируют возможность интерпретации стратегии полярной компенсации как макростратегии, к которой могут подключаться оценки, реализованные в рамках иных оценочных стратегий. Оценки в интересующих нас кластерах нередко следуют стратегиям имплицитного оценивания посредством констатации факта, выраженного согласия/несогласия с автором, рекомендации, сопоставления с предшествующими научными результатами или же стратегии

оценивания «от обратного» [18, p. 1878-1881]. На примере (6) можно видеть, как в кластере с полярной компенсацией сочетаются имплицитное оценивание посредством (не)согласия с автором (глаголы соответствующей семантики: *einwenden*, *zustimmen*) и оценивание в рамках стратегии «от обратного», отсылающее к методологии актуальных дискурс-лингвистических исследований в германистике (*finden kaum Anwendung*, маркер отрицания, обязательный для данной стратегии: наречие *kaum*). В кластере (7) наблюдаем взаимодействие эксплицитных оценок и оценок, имплицитно реализованных посредством рекомендации, на что указывает форма сослагательного наклонения: *можно было бы представить*.

(6) *Um die Bedeutungen zu erfassen, analysiert Wildfeuer satzübergreifende grammatische und semantische Relationen und Situationen, in welche die Sätze eingebettet sind. Solche Diskursrelationen würden innerhalb der Germanistik „wenig bis gar keine Beachtung“ (S. 396) finden. Dagegen ist einzuwenden, dass Diskursanalyse immer die Beziehungen zwischen Äußerungen und die Kontextbedingungen fokussiert. Zuzustimmen ist, dass Beschreibungsmethoden, die ihren Ursprung in der formalen Semantik und Logik à la Frege, Montague-Grammatik und Hans Kamp haben, in der germanistischen Diskursanalyse kaum Anwendung finden* (Römer D. Rez. auf: Siefkes, Martin & Doris Schöps. 2013. Neue Methoden der Diskursanalyse. Themenheft Zeitschrift für Semiotik, Band 35, Heft 3–4 // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2017. 67) – *Чтобы определить значение предложений, Вильдфойер анализирует их грамматические и семантические взаимосвязи с текстовым окружением, а также ситуации, в которые предложения включены. Утверждается, что дискурсивные связи такого рода до сих пор «совсем не получали рассмотрения» в германистике или же «освещались, но недостаточно» (с. 396). Здесь необходимо возразить, что анализ дискурса всегда фокусирует отношения между высказываниями и контекстуальными условиями. Следует согласиться с тем, что методы описания, которые берут начало в формальной семантике и логике в духе Г. Фреге, грамматики Монтегю и Ханса Кампа, практически не находили*

применения в дискурс-аналитических исследованиях по германистике.

(7) *Обширный <...> библиографический раздел вызывает немало нареканий. Текст книги содержит значительное количество ссылок на соответствующие работы в виде сокращений, эти же сокращения мы находим и в библиографии с дальнейшими ссылками на полное библиографическое описание той или иной работы. Подобное дублирование нельзя рассматривать как продуктивное, и сокращения с полным их раскрытием можно было бы представить в виде отдельной части библиографии* (Фалилеев А.И. Географические названия Флинтшира, Уэльс. Рец. на: Owen H.W. Place-names in Flintshire // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1).

В ряде контекстов с полярной компенсацией зафиксировано взаимодействие различно-мотивированных оценок. Так, в (8) рациональной негативной оценке структуры рецензируемого труда сопутствует выражение позитивной эмоциональной оценки (восхищения – *beeindruckend*). Эмоциональная оценка поддерживается метафорой калейдоскопа (внешне разрозненные части публикации произвольным образом складываются в единое целое) и интенсифицируется за счёт модального компонента *tatsächlich*, выражающего уверенность говорящего в сообщаемом:

(8) *Der Versuch, sich die Strukturierung des Buches zu erschließen, will nicht so recht gelingen. Das oben verwendete Bild des Kaleidoskops soll das ausdrücken: Viele Teilbilder werden zusammengeschüttelt, ergeben aber tatsächlich ein beeindruckendes Gesamtbild* (Fix U. Rez. auf Jürgen Schiewe (Hg.). 2016. Angemessenheit. Einsichten in Sprachgebräuche // Zeitschrift für Rezensionen. 2017. 9 (1–2)) – *Попытка понять структуру книги остаётся скорее безуспешной. Образ калейдоскопа, который мы приводили выше, призван это выразить: отдельные изображения хаотично накладываются друг на друга, однако на деле получается впечатляющая обшая картина.*

Особенности взаимодействия различно поляризованных оценок позволяют выделить два варианта реализации изучаемой стратегии. Первый вариант строится по формальной схеме (– → +): «Несмотря на некоторые

недостатки, стоит отметить (бесспорные) достоинства». Оценочные кластеры, организованные таким образом, используются для минимизации репутационных потерь автора рецензируемого труда и сглаживания негативного впечатления от критики за счёт концентрации на позитивных аспектах работы. Вторым вариантом следует противоположной схеме (+ → -): «Несмотря на ряд положительных моментов, имеются (существенные) недостатки». Кластеры, в которых реализуется данный вариант стратегии, могут вводить в рецензию целый ряд критических замечаний и функционировать как переход к развёрнутой критике оцениваемой публикации⁴.

По результатам количественной обработки эмпирического материала в 29 из 50 рецензий немецкоязычного корпуса выявлено 62 кластера, задействованных в реализации стратегии полярной компенсации. При этом в 22 кластерах зафиксирован первый вариант (- → +) изучаемой стратегии, а в 40 кластерах – второй (+ → -). Результаты статистических подсчётов в русскоязычных рецензиях оказались отчасти сопоставимыми с данными, полученными для немецкоязычного корпуса. Кластеры, вовлечённые в реализацию стратегии полярной компенсации, были также выявлены в 29 рецензиях из 50. Однако их совокупное количество достигает 81: из этого числа 41 кластер следует первому варианту (- → +) интересующей нас стратегии и 40 кластеров задействованы в реализации второго варианта (+ → -). Любопытно, что как в немецкоязычном, так и в русскоязычном корпусе интересующая нас стратегия полярной компенсации была зафиксирована в 58 % лингвистических научных рецензий. Столь выраженный показатель позволяет заключить, что изучаемая стратегия относится к числу механизмов оценивания, характерных для научно-экспертного дискурса безотносительно конкретной лингвокультуры. Отметим, однако, что в русскоязычных рецензиях было выявлено больше кластеров,

чем в немецкоязычных (при сопоставимом среднем объёме рецензий в немецко- и русскоязычном корпусе). Вместе с тем нельзя не обратить внимания на неравномерное количественное распределение кластеров по вариантам 1 и 2 стратегии полярной компенсации в немецкоязычных рецензиях. Преобладание второго варианта (+ → -) над первым (- → +) можно действительно интерпретировать как проявление более высокой степени полемичности немецкоязычных научных рецензий по сравнению с русскоязычными рецензиями, их нацеленности на выделение недостатков рассматриваемых публикаций для повышения качества научных результатов в дальнейшем. При этом вариант стратегии, позволяющий фокусировать положительные черты рецензируемых работ после перечисления их недостатков, отходит на второй план. Особенности варьирования стратегии полярной компенсации в русскоязычных академических рецензиях, напротив, позволяют отметить стремление российских рецензентов к сбалансированности похвалы и критики, полемичности и речевых действий, направленных на сохранение имиджа собеседника.

ВЫВОДЫ

Изучение стратегии полярной компенсации на материале научных рецензий в очередной раз подтверждает необходимость привлечения широкого (более чем 1 текстовая предикация) контекста для изучения оценок в конкретной профессиональной социокоммуникативной практике. Выделенные в ходе анализа скопления оценочных высказываний позволили описать случаи взаимодействия позитивно- и негативно-поляризованных оценок. В рассмотренных случаях сочетание разнополярных оценок, актуализируемое характерными лексико-грамматическими средствами противительной и уступительной семантики, приобретает различную функциональную нагрузку. В зависимости от «перевешивания» положительной или отрицательной полярности оценочные кластеры могут использоваться для смягчения отрицательной оценки или же для введения в текст развёрнутой критики. На конкретных примерах из корпусов исследования доказано, что

⁴ В некоторых рецензиях развёрнутые критические комментарии могут даже объединяться в особые разделы – см., например, часть *Kritische Würdigung* в рецензии К. Эрхарда (Ehrhardt C. Rez. auf: Tatsushiko Yoshida. 2016. *Höflichkeit als Ressource zur interkulturellen Kommunikation. Theorie und Praxis zur gesprächsanalytischen Höflichkeitsforschung // Zeitschrift für Rezensionen*. 2017. 9 (1–2)).

в случае с полярной компенсацией мы имеем дело с оценочной макростратегией: к её реализации могут подключаться оценки, имплицитированные посредством рекомендации автору рецензируемого труда, (не)согласия с автором или же идущие «от обратного», когда рецензент констатирует отсутствие в работе необходимого признака.

В сопоставительной перспективе доказано использование стратегии полярной компенсации не только в немецкоязычном, но и в русскоязычном научно-экспертном дискурсе. Подтверждается предположение о существовании статистически фиксируемых лингвокультурных различий в оперировании вариантами макростратегии полярной компенсации. Для немецкоязычных текстов оказывается более характерным полемический ва-

риант, нацеленный на переход от обсуждения достоинств к более подробному перечислению недостатков рецензируемого труда, в то время как в русскоязычном корпусе одинаково представлены и сбалансированы оба варианта стратегии.

Остаётся открытым вопрос о распространении, языковом оформлении и особенностях использования рассмотренной стратегии в других разновидностях научной коммуникации – научно-исследовательском и научно-учебном дискурсах. Не менее значимой перспективой может стать подключение понятийного аппарата теории аргументации к исследованиям оценочных стратегий с целью более точного ответа на вопрос о роли оценки в обмене доводами в контекстах научно-экспертного общения.

Список источников

1. Hunston S. Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language. New York; London: Routledge, 2011. 212 p.
2. Hood S. Appraising Research. Evaluation in Academic Writing. L.: Palgrave Macmillan, 2010. 227 p.
3. Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2016. С. 139-146.
4. Данилевская Н.В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2013. Вып. 2 (22). С. 37-43.
5. Троянская Е.С. Обучение чтению научной литературы. В помощь преподавателю иностранных языков. М.: Наука, 1989. 271 с.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
7. Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999. 138 с.
8. Zou H., Hyland K. Managing evaluation: Criticism in two academic review genres // English for Specific Purposes. 2020. Vol. 60. P. 98-112. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.03.004>
9. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
10. Нефёдов С.Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости в немецкоязычных лингвистических статьях // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 599-610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>
11. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.
12. Bressler M., von Bergen C., Campbell K. The Sandwich Feedback Method: not very tasty // Journal of Behavioral Studies in Business. 2014. Vol. 7. URL: <https://www.aabri.com/manuscripts/141831.pdf> (accessed: 14.05.2022).
13. Камшилова О.Н., Чернявская В.Е. «Академическая репутация»: корпусный анализ понятия в российском общественном дискурсе 2000–2011 гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 70. С. 50-68. <https://doi.org/10.17223/19986645/70/4>
14. Hyland K., Jiang F. “In this paper we suggest”: Changing patterns of disciplinary metadiscourse // English for Specific Purposes. 2018. Vol. 51. P. 18-30. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2018.02.001>
15. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N. Y: Doubleday, 1967. 270 p.
16. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: (На материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.
17. Мусатова Г.А. Структурно-семантические особенности простых предложений, осложнённых уступительным оборотом с предлогами *несмотря на*, *вопреки*, *при* // Известия ВГПУ. Филологические науки. Волгоград, 2016. Вып. 3 (107). С. 158-165.

18. Nefedov S.T. Towards evaluation in scientific reviews (based on German linguistics) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Krasnoyarsk, 2019. Issue 12 (10). P. 1868-1886. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0494>

References

1. Hunston S. *Corpus Approaches to Evaluation. Phraseology and Evaluative Language*. New York, London, Routledge Publishing House, 2011, 212 p.
2. Hood S. *Appraising Research. Evaluation in Academic Writing*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2010, 227 p.
3. Bazhenova E.A. Kategoriya otsenki [Evaluation category]. *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar'* [Stylistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2016, pp. 139-146. (In Russian).
4. Danilevskaya N.V. Ob osobom statuse otsenki v nauchnom tekste [On specific status of evaluation in scientific text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 37-43. (In Russian).
5. Troyanskaya E.S. *Obuchenije chteniyu nauchnoy literatury. V pomoshch' prepodavatelyu inostrannykh yazykov* [Teaching of Reading Scientific Literature. A Helping Hand for Foreign Language Teachers]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 271 p. (In Russian).
6. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytiye, fakt* [Types of Meanings in Language. Assessment, Event, Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 338 p. (In Russian).
7. Krasilnikova L.V. *Zhanr nauchnoy reitsenzii: semantika i pragmatika* [The Genre of Scientific Review: Semantics and Pragmatics]. Moscow, Dialog-MSU Publ., 1999, 138 p. (In Russian).
8. Zou H., Hyland K. *Managing Evaluation: Criticism in Two Academic Review Genres. English for Specific Purposes*, 2020, vol. 60, pp. 98-112. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.03.004>
9. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (based on the Material of Russian Grammar)]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1997, 576 p. (In Russian).
10. Nefedov S.T. Restriktivnaya argumentatsiya: modal'nye slova somneniya i obshchepochinosti v nemetsko-yazychnykh lingvisticheskikh stat'yakh [Restrictive argumentation: modal words of doubt and shared knowledge in academic linguistic writings]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 599-610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>. (In Russian).
11. Kulikova L.V. *Kommunikativnyy stil' v mezhkul'turnoy paradigme* [Communicative Style in an Intercultural Paradigm]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev Publ., 2006, 392 p. (In Russian).
12. Bressler M., von Bergen C., Campbell K. The Sandwich Feedback Method: not very tasty. *Journal of Behavioral Studies in Business*, 2014, vol. 7. Available at: <https://www.aabri.com/manuscripts/141831.pdf> (accessed 14.05.2022).
13. Kamshilova O.N., Chernyavskaya V.E. «Akademicheskaya reputatsiya»: korpusnyy analiz ponyatiya v rossiyskom obshchestvennom diskurse 2000–2011 gg. [Academic reputation: A corpus-based analysis of the concept in Russian social practice in 2000–2011]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 70, pp. 50-68. <https://doi.org/10.17223/19986645/70/4>. (In Russian).
14. Hyland K., Jiang F. "In this paper we suggest": Changing patterns of disciplinary metadiscourse. *English for Specific Purposes*, 2018, vol. 51, pp. 18-30. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2018.02.001>.
15. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, Doubleday Publ., 1967, 270 p.
16. Chernyavskaya V.E. *Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v nauchnoy kommunikatsii: (Na materiale nemetskogo yazika): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Intertextual Interaction as a Basis of Scientific Communication: (based on German). Dr. phil. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).
17. Musatova G.A. Strukturno-semanticheskiye osobennosti prostykh predlozheniy, oslozhnennykh ustupitel'nym oborotom s predlogami nesmotrya na, vopreki, pri [Structural and semantic features of simple sentences used with concessive words such as "in spite of", "despite", "while"]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki – News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2016, no. 3 (107), pp. 158-165. (In Russian).
18. Nefedov S.T. Towards Evaluation in Scientific Reviews (Based on German Linguistics). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, issue 12 (10), pp. 1868-1886. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0494>.

Информация об авторе

Кондратенко Полина Игоревна, ассистент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6749-3047](https://orcid.org/0000-0001-6749-3047), p.kondratenko@spbu.ru

Вклад в статью: идея и концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, сбор иллюстративного материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 21.06.2022

Одобрена после рецензирования и доработки
23.08.2022

Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Polina I. Kondratenko, Assistant Lecturer of the German Philology Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6749-3047](https://orcid.org/0000-0001-6749-3047), p.kondratenko@spbu.ru

Contribution: study idea and conception, literature search and analysis, illustrative material acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 21.06.2022

Approved after reviewing and revision 23.08.2022

Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-540-548

Когнитивный подход к изучению прецедентных имён в медиадискурсе (на материале русского и французского языков)

Юлия Михайловна РАЗУМОВСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ Julieden@yandex.ru

Аннотация. Объектом изучения выступили прецедентные феномены, точнее прецедентные имена, а в качестве предмета исследования рассмотрено их функционирование в современном российском и французском медиадискурсе. Прецедентные имена, выполняющие апеллятивную, когнитивную, коммуникативную, экспрессивную, текстообразующую функции, являются сильными элементами текста и способны влиять на массовое сознание. Частотность их использования в материалах дискурса массмедиа неуклонно растёт, что объясняет актуальность исследования. В ходе исследования достигнута цель описать особенности осмысления прецедентных имён, предполагающего обращение к когнитивному контексту РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, который является составляющим частной матрицы, включающей в качестве ядра концепт ЛИЧНОСТЬ. Применение метода когнитивно-матричного анализа для описания компонентов матрицы как системы когнитивных контекстов или концептуальных областей выявило, что при осмыслении прецедентного имени относительно контекста РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА актуализируются когнитивные контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС концепта ЛИЧНОСТЬ. Доказано, что когнитивный контекст СТАТУС при обращении к концептуальной области РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА интерпретируется наиболее часто. Исследование позволило сделать вывод о значимости текстообразующей функции прецедентных имён, ставших эффективным инструментом речевого воздействия, и важности изучения когнитивных механизмов их функционирования.

Ключевые слова: прецедентное имя, когнитивно-дискурсивный подход, когнитивно-матричный анализ, концепт, когнитивный контекст, медиадискурс, текстообразующая функция

Для цитирования: Разумовская Ю.М. Когнитивный подход к изучению прецедентных имён в медиадискурсе (на материале русского и французского языков) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 540-548. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-540-548>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Cognitive approach to the study of precedent names in media discourse (based on the material of Russian and French)

Yulia M. RAZUMOVSKAYA

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ Julieden@yandex.ru

Abstract. The object of study was precedent phenomena, or rather precedent names, and their functioning in modern Russian and French media discourse was considered as the subject of the study. Precedent names that perform appellative, cognitive, communicative, expressive, text-forming functions are strong elements of the text and are able to influence the mass consciousness. The frequency of their use in the materials of mass media discourse is steadily growing, which explains the relevance of the study. In the course of the study, the goal of analyzing precedent names was fulfilled, the comprehension of which requires referring to the cognitive context REAL ECONOMY, which is a component of a private matrix that includes the concept PERSONALITY as a core. Using the method of cognitive-matrix analysis to describe the components of the matrix as a system of cognitive contexts or conceptual areas, it was revealed that when comprehending a precedent name in relation to the context REAL ECONOMY, the cognitive contexts APPEARANCE, PSYCHE AND STATUS of the concept PERSONALITY are actualized. It is proved that the STATUS cognitive context when referring to the REAL ECONOMY conceptual area is most often interpreted. The study made it possible to draw a conclusion about the importance of the text-forming function of precedent names, which have become an effective tool for speech influence, and the importance of studying the cognitive mechanisms of their functioning.

Keywords: precedent name, cognitive-discursive approach, cognitive-matrix analysis, concept, cognitive context, media discourse, text-forming function

For citation: Razumovskaya Y.M. Kognitivnyy podkhod k izucheniyu pretsedentnykh imen v mediadiskurse (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Cognitive approach to the study of precedent names in media discourse (based on the material of Russian and French)]. *Neophilologia – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 540-548. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-540-548> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс массмедиа, как один из типов институционального дискурса, является сложным многогранным феноменом, который стал рассматриваться как самостоятельный тип дискурса относительно недавно. В связи с этим можно отметить тот факт, что пока не сформировалось единого общепотребительного названия этого типа институционального дискурса. Исследователи используют разнообразные термины: дискурс СМИ (И.В. Жуков, А.А. Кибрик, М.А. Ко-

вальчукова), массово-информационный дискурс (Э.В. Хилханова), медийный дискурс (П.Н. Кочетков, И.Н. Тартаковская), медиадискурс (С.В. Иванова, Т.Г. Добросклонская). Вслед за Т.Г. Добросклонской, под медиадискурсом мы понимаем «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 110]. Мы относим к медиадискурсу письменную прессу, радио, телевидение, публикации в сети Интернет и социальных сетях, которые формируют актуальное виде-

ние мира, а у молодых поколений – даже их сознание. Все эти средства массовой информации являются в той или иной степени доступными практически всем слоям населения, и тем интереснее и продуктивнее и более значимым представляется наше исследование, проводимое в рамках медиадискурса. При изучении медиадискурса и прецедентных имён, которые являются неотъемлемой его частью, мы опираемся на когнитивно-дискурсивный подход, который определяется Е.О. Паршиной и Л.В. Бабиной как «сплав» когнитивистики и дискурсивной лингвистики, позволяет актуализировать знания, лежащие за пределами языка, т.е. он учитывает связь языковых и внеязыковых факторов создания и понимания текста» [2, с. 12].

Объектом нашего внимания являются прецедентные феномены, а конкретнее, прецедентные имена, которые, как показало наше исследование, в большей или меньшей степени представлены как в российском, так и во французском медийном дискурсе. Из определения, предложенного В.В. Красных, становится понятно, почему прецедентные феномены стали неотъемлемой частью медийного дискурса. Прецедентные феномены хорошо известны «всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [3, с. 170]. Неслучайно авторы статей в газетах и журналах, корреспонденты радио и телевидения, редакторы и авторы интернет-статей, стремясь донести текст, аудио- и видеосообщения до читателя или слушателя, сделать сообщение более понятным, коннотативно окрашенным, целенаправленно апеллируют к прецедентному феномену.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ (ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ)

Цель исследования – рассмотрение когнитивной основы прецедентных феноменов и особенностей их функционирования. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: выявление прецедентных имён, осмысление которых предполагает

владение знаниями о выдающихся деятелях экономики России и Франции; рассмотрение той структуры знания, которая привлекается при концептуализации данных прецедентных имён; анализ особенностей их функционирования за счёт изучения текстообразующей функции прецедентных имён в массмедийном дискурсе.

С опорой на работы И.Б. Вороновой, выделяющей такие функции имён собственных, как номинативно-дифференциальная, прагматическая, эстетическая, текстообразующая, под текстообразующей функцией имён собственных понимается «способность онимов быть связующим, конструктивным элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации текста» [4, с. 2]. Прецедентные имена регулярно встречаются в заглавиях публикаций и материалов как в российском, так и во французском медиадискурсе, что способствует раскрытию темы сообщения, воплощает идею произведения, а само прецедентное имя становится важным текстопорождающим элементом. Частотность включения прецедентных имён в массмедийный дискурс, а точнее в заголовки материалов, свидетельствует об их значимости и позволяет говорить о специфической функции прецедентных имён – текстообразующей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве материала в нашем исследовании выступает современный российский и французский медиадискурс. Изучать и анализировать язык современных СМИ интересно и важно, так как в эпоху всемирной глобализации человек живёт в современном информационно-технологичном мире, в информационно-коммуникативной среде, и постоянно испытывает на себе влияние средств массовой информации. Для привлечения внимания к медийному контенту и формирования общественного мнения адресанты используют различные методы влияния на общественное сознание и речевые средства. Одним из средств воздействия являются прецедентные феномены, а конкретнее прецедентные имена, широко представленные в медиадискурсе, вызывающие наш интерес в связи с тем, что они репрезентируют богатую

структуру знания и служат в данном типе дискурса для привлечения внимания реципиента, усиления воздействия на него и влияния на его сознание.

При проведении исследования используется метод когнитивно-матричного анализа, предложенный Н.Н. Болдыревым и В.В. Алпатовым. Этот метод, «направленный на выявление и описание системы когнитивных контекстов или концептуальных областей, лежащих в основе формирования значений языковых единиц» [5, с. 6], позволяет через анализ прецедентных имён описать определяющий их семантику концепт ЛИЧНОСТЬ, представляющий собой концептуально-сложную структуру и включающий когнитивные контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС. Исследование прецедентных имён свидетельствует, что этот концепт является ядром частной когнитивной матрицы, которая в свою очередь содержит ряд когнитивных контекстов, привлекаемых при осмыслении прецедентного имени. Осмысление прецедентного имени предполагает обращение к таким концептуальным областям – контекстам, как ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, НАУКА, ИСКУССТВО, ЭКОНОМИКА и т. д.

Кроме того, для изучения особенностей функционирования прецедентных имён используется метод контекстуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами рассмотрены прецедентные имена, осмысление которых предполагает обращение к когнитивной области ЭКОНОМИКА. Экономика – это «всё, что имеет отношение к производству, потреблению и обмену материальными благами, товарами или услугами как на уровне индивидуумов и предприятий (микроэкономика), так и на уровне общества или всей планеты (макроэкономика). Сегодня это уже не столько искусство снижения расходов, сколько искусство увеличения богатств. Излюбленное поле действия экономики – рынок, на котором царит закон спроса и предложения»¹.

Н.Н. Болдырев, изучая прецедентные феномены в текстах экономической тематики, осуществляет «моделирование общей

когнитивной матрицы ЭКОНОМИКА, специфика которой заключается в том, что её структура, в свою очередь, включает ещё две, по меньшей мере, когнитивные матрицы в качестве её составных частей: НАУКА ЭКОНОМИКА и РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» [6, с. 65-66]. Когнитивный контекст РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, как отмечает Н.Н. Болдырев, содержит такие компоненты, как «Производственно-торговая деятельность, Финансовая деятельность, Непроизводственная сфера, Экономические ситуации и т. д.» [6, с. 66]. Он является достаточно редкой сферой-источником для изучения прецедентных имён на материале медийного дискурса, и тем интереснее нам представляется его исследование.

Для подробного изучения и анализа мы обратились к изучению прецедентных имён, являющихся актуальными и широко известными представителям не только российского и французского лингвокультурного, но и, без сомнения, всего мирового сообщества. Рассмотрим прецедентные имена *Стив Джобс (Steve Jobs)*, *Билл Гейтс (Bill Gates)* и *Илон Маск (Elon Musk)*. Осмысление этих прецедентных имён предполагает обращение к когнитивному контексту РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, так как Стив Джобс, Билл Гейтс и Илон Маск, известные своей ролью в революции науки и техники, являются успешными предпринимателями и оказали огромное влияние на развитие мировой экономики. Стив Джобс и Билл Гейтс считаются отцами-основателями двух IT-компаний, деятельность каждой из них развивалась примерно в одном направлении. Стив Джобс создал первые компьютеры, доступные массовому пользователю. Билл Гейтс – соучредитель корпорации Microsoft, создатель первой операционной системы. Илон Маск – предприниматель, возглавляющий компанию по производству аэрокосмической техники. Их изобретения и разработки, без всякого сомнения, внесли огромный вклад в развитие промышленности и мировой экономики. Рассмотрим, каким образом происходит осмысление данных прецедентных имён относительно контекста СТАТУС концепта ЛИЧНОСТЬ.

Как отмечает А.Ю. Феденко, при обращении к контексту СТАТУС могут актуа-

¹ Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2012. С. 702.

лизироваться характеристики ‘профессиональный статус’, ‘социальный статус’, ‘национальный статус’, ‘экономико-правовой статус’ [7].

Обратимся к некоторым примерам, в которых осмысление прецедентного имени происходит относительно этого контекста.

(1) *Новый Стив Джобс. Правила жизни Илона Маска*

Илон Маск (Elon Musk) – американский инженер, миллиардер, изобретатель и инвестор; второй предприниматель в истории Кремниевой долины, которому удалось основать три компании стоимостью больше \$1 млрд – PayPal, SpaceX и Tesla (первым был Джим Кларк). Также входит в совет директоров компании SolarCity, основанной его двоюродными братьями. СМИ всё чаще называют Илона Маска новым Джобсом².

В данном примере прецедентное имя Стив Джобс вынесено автором статьи в заголовок. При помощи этого приёма автор акцентирует внимание читателя на личности героя и его характеристиках – изобретатель, бизнесмен, которые раскрываются в тексте самой публикации. Языковой контекст, в котором используется прецедентное имя *Стив Джобс*, позволяет понять, что для его осмысления требуется обратиться к когнитивному контексту СТАТУС концепта ЛИЧНОСТЬ, рассматриваемому относительно контекста РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА матрицы прецедентного имени. При осмыслении прецедентного имени относительно когнитивного контекста СТАТУС актуализируется характеристика ‘профессиональный статус’ – мы помним, что Стив Джобс – предприниматель, промышленный дизайнер и создатель всемирно известной техники Apple. Герой материала Илон Маск ассоциируется у нас со Стивом Джобсом на основании его профессиональных качеств, перечисленных в статье – «инженер, изобретатель, предприниматель».

Рассмотрим пример, взятый из французских массмедиа, в котором прецедентное имя *Steve Jobs* также вынесено в заголовок и способствует раскрытию ведущей темы статьи:

(2) *Gunter Pauli, le Steve Jobs du développement durable.*

ÉCONOMIE – Pauli est précédée de sa réputation, celle de l'homme qui veut abolir la pollution comme on a aboli l'esclavage, et montrer que cette abolition sera extraordinairement rentable.

10 ans, 100 innovations, 100 millions d'emplois! C'est le projet de l'entrepreneur et économiste Gunter Pauli qui est aujourd'hui consulté dans toute l'Asie.

Modeste, l'entrepreneur européen qui vit à Tokyo n'aime pas qu'on l'appelle ainsi, „le Steve Jobs du développement durable”. Pourtant la formule est méritée, et elle n'est même pas de moi: on l'appelait ainsi en Australie dès 2012. C'est qu'aujourd'hui Pauli est précédée de sa réputation, celle de l'homme qui veut abolir la pollution comme on a aboli l'esclavage, et montrer que cette abolition sera extraordinairement rentable. Bref faire passer une idée de ridicule à évidente en une génération, comme Steve Jobs ou Elon Musk³.

В примере (2) также актуализируется характеристика ‘профессиональный статус’, когда используются прецедентные имена *Steve Jobs* и *Elon Musk*. Гюнтер Паули, бельгийский предприниматель и экономист, сравнивается со Стивом Джобсом или Илоном Маском благодаря его большому вкладу в мировую экономику и инновационный подход, которыми известны американские предприниматели Джобс и Маск.

(3) *Русский Стив Джобс*

Во всём мире более трехсот миллионов пользователей компьютеров защищены программами от «Лаборатории Касперского», а корпоративная клиентская база насчитывает свыше 200 тысяч компаний. Ежемесячно происходит свыше десяти миллионов активаций, и в 2009 году компания декларировала 391 миллион долларов доходов (без учёта аудирования), на 42 процента больше, чем годом раньше. Как выразился латвийско-американский журналист Юрис Каза (Juris Kaza), пишущий об информационных технологиях, Касперский – это «русский Стив Джобс», а основанную им компанию вполне можно назвать «компанией из Кремниевой

² Черненко О. Новый Стив Джобс. Правила жизни Илона Маска. URL: <https://olgachernenko.livejournal.com/33343.html> (дата обращения: 04.06.2022).

³ Aberkane I.J. Gunter Pauli, le Steve Jobs du développement durable. URL: https://www.huffingtonpost.fr/actualites/article/gunter-pauli-le-steve-jobs-du-developpement-durable_42281.html (accès: 04.06.2022).

долины, которая почему-то находится в России»⁴.

При осмыслении прецедентного имени *Стив Джобс* относительно когнитивного контекста СТАТУС в примере (3) актуализируются две характеристики: ‘профессиональный статус’ и ‘национальный статус’. Касперский ассоциируется у нас с Джобсом, так как Евгений Касперский – успешный предприниматель, основной владелец международной компании, занимающейся разработкой решений для обеспечения IT-безопасности, внесший колоссальный вклад в развитие экономики. Касперский является российским программистом и бизнесменом, подобно американцу Джобсу, что позволяет нам говорить об актуализации представлений о национальном статусе через используемое в статье прецедентное имя.

Как и в предыдущих примерах, прецедентное имя выносится в заглавие статьи, привлекая внимание реципиента.

(4) *Xavier Niel, le Steve Jobs français*

*Ils sont de plus en plus nombreux à comparer Xavier Niel, 44 ans, le patron de Free, à feu Steve Jobs, le fondateur d'Apple. Pour ses innovations, mais aussi pour son sens inné de la stratégie et du marketing. Deux armes qu'il a savamment utilisées pour le lancement de Free Mobile. Aucune interview à ce sujet depuis des mois, juste quelques tweets et petites phrases*⁵.

Вынося прецедентное имя в заголовок, автор публикации делает его важным текстообразующим элементом. При осмыслении прецедентного имени относительно когнитивного контекста СТАТУС, как и в предыдущем примере, актуализируются характеристики ‘профессиональный статус’ и ‘национальный статус’. Мы активизируем характеристику ‘профессиональный статус’ в своем сознании, вспоминая, что Стив Джобс – создатель новейших технологий, соучредитель компании Apple, добившейся огромных успехов на рынке компьютеров и смартфонов. Герой статьи ассоциируется в нашем сознании с Джобсом, так как Ксавье Ньель – биз-

несмен, работающий в сфере высоких технологий, который также произвел революцию на рынке мобильных устройств Франции. Кроме того, автор статьи указывает на национальность героя публикации *французский Стив Джобс*, то есть актуализируется характеристика ‘национальный статус’.

(5) Рассмотрим ещё один пример из французской ежедневной газеты *Le Monde*.

Un Bill Gates philanthrope français ?

Des observateurs notent un renouveau de l'action philanthropique française, mais pourquoi ceux-ci négligent-ils les causes humanitaires ?

<...>Plusieurs fondations nouvellement créées par des mécènes ne se consacrent qu'à l'art : Antoine de Galbert, du groupe Carrefour, Alain-Dominique Perrin, de Cartier, Bernard Arnault, de LVMH.

*Mais pourquoi ces mécènes et d'autres patrons richissimes ne sont-ils pas des „Bill Gates” français ? Pourquoi ignorent-ils les immenses besoins sanitaires des populations des pays pauvres ? Pourquoi négligent-ils les causes humanitaires?*⁶

Как и во всех предыдущих примерах, прецедентное имя *Bill Gates* вынесено в заголовок публикации, это свидетельствует о выполнении прецедентным именем текстообразующей функции. В данном примере осмысление прецедентного имени *Bill Gates* происходит относительно контекстов СТАТУС и ПСИХИКА концепта ЛИЧНОСТЬ. Происходит обращение к когнитивному контексту СТАТУС, поскольку в статье упоминается успешная профессиональная деятельность – Антуана де Гальбера, Алена-Доминика Перрена, Бернара Арно, все они успешные предприниматели мирового масштаба, как и Билл Гейтс. Также упоминается национальный статус *французские*. Отсылка к когнитивному контексту ПСИХИКА позволяет активизировать характеристику ‘поведение’, в конкретном примере имеется в виду благотворительная деятельность.

Как известно, благотворительность – «оказание материальной помощи нуждающимся как отдельными лицами, так и орга-

⁴ Колье М. Русский Стив Джобс. URL: <https://inosmi.ru/20101114/164219214.html> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵ Xavier Niel, le Steve Jobs français. URL: <https://www.ouest-france.fr/high-tech/internet/xavier-niel-le-stev-e-jobs-francais-4488368> (accès: 01.06.2022).

⁶ Beigbeder Y. Un Bill Gates philanthrope français? // *Le Monde*. 2010. Le 14 Juillet. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2010/07/14/un-bill-gates-ph-ilanthrope-francais_1387927_3232.html (accès: 05.06.2022).

низациями»⁷. Билл Гейтс основал один из крупнейших благотворительных фондов и отдал почти всё своё состояние на благотворительность. В статье французские миллионеры противопоставляются ему, поскольку они не готовы помогать простым людям из бедных стран в сфере здравоохранения, а готовы поддерживать лишь фонды, посвящённые искусству.

(6) Пример, аналогичный примеру (5), взятый из российского медийного дискурса.

Стать Биллом Гейтсом легко

Недавно на нашем же подворье встретила другую знакомую, Аллу. Мы начали обсуждать недавнюю новость о том, что Билл Гейтс пожертвовал на благотворительность несколько миллиардов долларов.

– Если бы у меня были такие деньги, я бы тоже людям всё время помогала, – вздохнула Алла. – Но я же не Билл Гейтс.

А я вспомнила про ту украинскую бабушку. Знаете, мне кажется, что каждый из тех, кто пожертвовал ей деньги, для неё гораздо больше, чем Билл Гейтс, о котором она, скорее всего, никогда не слышала. Это совсем не умаляет его заслуг. Он, наверное, спас сотни жизней.

Так что быть Биллом Гейтсом легко, стоит только захотеть. Просто не пройти мимо. Сделать то, что в твоих силах. А для Господа и те миллиарды, и ваше лекарство, или ваши 500 рублей будут одинаковы. Так мне кажется»⁸.

Осмысляя данный пример употребления прецедентного имени, подобно предыдущему примеру, требуется обратиться к когнитивному контексту ПСИХИКА концепта ЛИЧНОСТЬ и активизировать характеристику 'поведение'. ПИ *Билл Гейтс* – символ благотворительности и филантропии, не жалеющий денег для помощи бедным. Любой человек, бескорыстно помогающий окружающим, сравнивается таким образом с ним. Как и во всех рассмотренных выше примерах, прецедентное имя вынесено в заголовок публикации.

(7) Рассмотрим ещё один пример

Изображая Джобса: зачем предприниматели становятся шоуменами

Компания АтоCRM собрала 15 тыс. человек в «Олимпийском», чтобы презентовать обновление программного обеспечения для работы с клиентами. Превращение заурядных событий в шоу – один из трендов современного бизнеса.

*<...>В зале гаснет свет, шоу Атоconf начинается. В лучах софитов публику приветствует основатель компании АтоCRM Михаил Токовинин. Джинсы, кроссовки, футболка, очки – вылитый **Стив Джобс**. Сам Токовинин таких сравнений не стесняется: «Мы давно уже делаем шоу лучше, чем Apple»⁹.*

Языковой контекст, в котором используется прецедентное имя, позволяет понять, что для осмысления данного прецедентного имени требуется обратиться к когнитивному контексту ВНЕШНОСТЬ концепта ЛИЧНОСТЬ, рассматриваемому относительно контекста РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА матрицы прецедентного имени, и активизировать характеристику 'атрибут внешности'. При интерпретации учитываются знания о том, что джинсы, кроссовки, футболка, очки – неотъемлемые атрибуты внешности Стива Джобса. При осмыслении относительно контекста СТАТУС профилируется характеристика 'профессиональный статус', бизнесмен и основатель компании АтоCRM Михаил Токовинин сравнивается с Джобсом, основателем компании Apple.

ВЫВОДЫ

Нами была поставлена задача проанализировать, какие когнитивные контексты (ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА и СТАТУС) наиболее актуальны при осмыслении прецедентных имён относительно когнитивного контекста РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. Рассмотрев функционирование прецедентных имён на материале российского и французского медийного дискурса, мы пришли к выводу, что все три когнитивных контекста, а именно ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА и СТА-

⁷ Карев В.М. Краткая Российская энциклопедия: в 3 т. М.: «ОНИКС 21 век», 2003. Т. 1. С. 306.

⁸ Кучеренко Е. Стать Биллом Гейтсом легко // Правмир. 2017. 21 авг. URL: <https://www.pravmir.ru/stat-billom-geytsom-legko/> (дата обращения: 02.06.2022).

⁹ Изображая Джобса: зачем предприниматели становятся шоуменами // Своё дело. 2017. 18 апр. URL: https://www.rbc.ru/own_business/18/04/2017/58f5d3c29a79475da7038695 (дата обращения: 05.06.2022).

ТУС являются актуальными. Однако при осмыслении прецедентного имени относительно когнитивного контекста РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА наиболее востребованным оказывается когнитивный контекст СТАТУС, затем когнитивный контекст ПСИХИКА. Осмысление прецедентного имени относительно когнитивного контекста ВНЕШНОСТЬ происходит реже всего.

Кроме того, во всех проанализированных и приведённых примерах прецедентные имена вынесены в заголовок текста публикации или видеоматериала, участвуют в их в формальной организации, что свидетельствует о текстообразующей функции прецедентных имён. Заглавие с использованием прецедентного имени иллюстрирует идею создателя материала, добавляет материалу экспрессию,

сразу привлекает внимание реципиента к актуальной проблеме сюжета. Как показало исследование, многие адресанты прибегают к приёму употребления прецедентного имени в заглавии, чтобы привлечь большую аудиторию и особым образом на неё воздействовать, тем самым можно говорить о текстообразующей функции прецедентного имени как об одной из важных в рамках российского и французского медийного дискурсов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что рассмотренный материал может быть использован в практике преподавания русского и французского языков, в частности в курсах по когнитивной лингвистике, филологическому анализу текста, при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Список источников

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ, Добросвет, 2020. 178 с. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>
2. Паришина Е.О., Бабина Л.В. Имена собственные в функции нарицательных в английском языке. Когнитивно-дискурсивный аспект. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publ., 2013. 124 с.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
4. Воронова И.Б. Текстообразующая функция литературных имён собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
5. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (17). С. 4-14.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 236 с.
7. Феденко А.Ю. Двухкомпонентные сложные существительные как модели репрезентации знаний о человеке и артефактах в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 24 с.

References

1. Dobrosklonskaya T.G. *Medialinguistics: teoriya, metody, napravleniya* [Media Linguistics: Theory, Methods, Directions]. Moscow, Book House University, Dobrosvet Publ., 2020, 178 p. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107> (In Russian).
2. Parshina E.O., Babina L.V. *Imena sobstvennyye v funktsii naritsatel'nykh v angliyskom yazyke. Kognitivno-diskursivnyy aspekt* [Proper Names in the Function of Common Nouns in English. Cognitive-Discursive Aspect]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publ., 2013, 124 p. (In Russian).
3. Krasnykh V.V. «*Svoy*» *sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'?* [“Peculiar” Among “Strangers”: Myth or Reality?]. Moscow, Publishing and Trading House of the Humanitarian Book “Gnosis”, 2003, 375 p. (In Russian).
4. Voronova I.B. *Tekstoobrazuyushchaya funktsiya literaturnykh imen sobstvennykh (na materiale epicheskikh proizvedeniy XIX–XX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Text-Forming Function of Literary Proper Names (Based on Epic Works of the 19th – 20th Centuries). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2000, 24 p. (In Russian).
5. Boldyrev N.N., Alpatov V.V. Kognitivno-matrichnyy analiz angliyskikh khristianskikh toponimov [A cognitive-matrix analysis of English Christian place-names]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2008, no. 4 (17), pp. 4-14. (In Russian).

6. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku: kurs lektsiy* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: Course of Lectures]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2021, 236 p. (In Russian).
7. Fedenko A.Y. *Dvukhkomponentnyye slozhnyye sushchestvitel'nyye kak modeli reprezentatsii znaniy o cheloveke i artefaktakh v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Two-Component Compound Nouns as Models of Representation of Knowledge about a Person and Artifacts in Modern English. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2015, 24 p. (In Russian).

Информация об авторе

Разумовская Юлия Михайловна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессионального перевода, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-7494-4413](https://orcid.org/0000-0002-7494-4413), Julieden@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, идея, поиск и анализ литературы, изучение газетного материала, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 04.08.2022
Одобрена после рецензирования 05.09.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Yulia M. Razumovskaya, Senior Lecturer of Foreign Languages and Professional Translation Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7494-4413](https://orcid.org/0000-0002-7494-4413), Julieden@yandex.ru

Contribution: study conception, idea, literature search and analysis, newspaper material study, material processing and editing, manuscript drafting and design.

The article was submitted 04.08.2022
Approved after reviewing 05.09.2022
Accepted for publication 16.09.2022

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES
OF RUSSIAN FEDERATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-549-558

**«Ах, что за славная земля...»: о пародии В. Бахнова
на фоне памфлета А. Первенцева**

Станислав Витальевич СВИРИДОВ

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

236016, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

✉ textman@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования стала пародийная песня Владлена Бахнова «Ах, что за славная земля...», написанная как отклик на памфлет Аркадия Первенцева «Куриный бог». Цель исследования – выявить авторскую стратегию формирования пародийного текста как комического образа текста-объекта. В качестве материала исследования взяты первые печатные публикации рассматриваемых текстов. Комплексная методология работы основывается на сравнительно-историческом методе с привлечением структурного, историко-культурного методов. При обсуждении вопроса отдельно рассматривается каждое из исследуемых произведений. «Куриный бог» и его создатель. Анализ памфлета А. Первенцева позволяет выявить культурные предпосылки выступления писателя и охарактеризовать жанрово-поэтическую специфику памфлета «Куриный бог» как объекта пародийного воспроизведения. Пародия В. Бахнова как «комический образ произведения» характеризуется с учетом того, что пародийный жанр предполагает селекцию поэтического материала: одни конструктивные элементы текста-объекта воспроизводятся, другие игнорируются; третьи составляют «собственный» поэтический ряд пародирующего произведения. Установлено, что цитатный план песни В. Бахнова составляют тезисы, суждения и публицистические клише А. Первенцева, «пропущенным» материалом становится символика памфлета. «Добавленный» же материал организован нетипичным для жанра пародии способом – он отражает поэтическую форму воровской песни «Эх как вспомнишь старину...». В связи с этим жанр произведения В. Бахнова определяется как пародийный перепев. Результаты исследования могут найти применение при подготовке вузовских курсов по истории русской литературы второй половины XX века, спецкурсов и спецсеминаров.

Ключевые слова: авторская песня, В. Бахнов, А. Первенцев, пародия, памфлет, перепев

Для цитирования: Свиридов С.В. «Ах, что за славная земля...»: о пародии В. Бахнова на фоне памфлета А. Первенцева // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 549-558. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-549-558>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“Ah, what a glorious land...”: about the parody of V. Bakhnov against the backdrop of the pamphlet by A. Perventsev

Stanislav V. SVIRIDOV

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russian Federation
✉ textman@yandex.ru

Abstract. The object of research is Vladlen Bakhnov's parody song «Ah, chto za slavnaya ziemya» (“Ah, what a glorious land...”), written as a response to Arkady Perventsev's pamphlet «Kuriny bog» (“Chicken God”). The purpose of the study is to identify the author's strategy of the parody text formation as a comic image of an object. The first printed publications of the texts under consideration are taken as the research material. The complex methodology of the work is based on a comparative method involving structural and historical-cultural methods. When discussing the issue, each of the studied works is considered separately. The analysis of the pamphlet by A. Perventsev makes it possible to identify the cultural prerequisites of the writer's speech and to characterize the genre-poetic specifics of the pamphlet. V. Bakhnov's parody as a “comic image of a work” is characterized taking into account the fact that the parody genre supposes the selection of poetic material: some constructive elements of the text-object are reproduced, others are ignored; others make up the “own” poetic series of the parodying work. It is established that the quotation plan of V. Bakhnov's song consists of theses, judgments and journalistic clichés of A. Perventsev, the symbolism of the pamphlet becomes the “missed” material. The “added” material is organized in a way atypical for the genre of parody – it reflects the poetic form of the thieves' song «Eh, kak vspomnish starinu» (“Eh, if you will remember the old days...”). In this regard, the genre of V. Bakhnov's work is defined as a parody rehash. The results of the research can be used in the preparation of courses on the history of Russian literature of the second half of the 20th century, special courses and seminars in higher educational institutions.

Keywords: author's song, V. Bakhnov, A. Perventsev, parody, pamphlet, rehash

For citation: Sviridov S.V. «Akh, chto za slavnaya zemlya...»: o parodii V. Bakhnova na fone pamfleta A. Perventseva [“Ah, what a glorious land...”: about the parody of V. Bakhnov against the backdrop of the pamphlet by A. Perventsev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 549-558. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-549-558> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В концертном репертуаре Юлия Кима есть песня «В Коктебеле»¹, которую певец в частной обстановке дополнял песней, начинающей словами «Ах, что за славная земля...», складывая из двух номеров своеобразный микроцикл. Вторую часть этого «диптиха» написал Владлен Бахнов, совет-

ский сатирик и киносценарист. С кимовским текстом её объединяет тема и повод – курьёзный эпизод литературной жизни, имевший место в Коктебеле в августе 1963 года, а исполнять её в больших залах Ю. Киму мешает нецензурный характер некоторых пассажей этого остроумного и озорного текста.

Предмет нашего исследования составляют пародийный текст Бахнова и его «претекст» – памфлет Аркадия Первенцева «Куриный бог».

Статья А. Первенцева вышла в центральной газете «Советская культура» 24 ав-

¹ Ким Ю.Ч. В Коктебеле... На день рождения А. Галича. К отъезду А. Галича из России // Вопросы литературы. 1996. Вып. 5. С. 368-369.

густа 1963 г.² и содержала морально-идеологическую критику молодых «неформалов», отдыхающих «дикарями» в коктебельской бухте. Публикация была выдержана в духе типичных для печати того времени нападок на «стиляг» и «тунеядцев». Юлий Ким и Владлен Бахнов каждый в своём духе и жанре оформили всеобщее возмущение поступком писателя, имевшего репутацию официального романиста и охранителя: у Ю. Кима получился иронический ответ публицисту (альтернативная панорама коктебельского быта), у В. Бахнова – пародия.

Вольное и лёгкое слово пародиста победило морализаторскую тяжесть памфлета – хотя бы в том, что песня безгранично тиражируется магнитофонами и резонансной средой «интеллигентского фольклора», а газета «живёт один день». Заметим, однако, что памфлет, столь чувствительно задевший читателей, не писался для вечности, а был в своём роде газетной «однодневкой». Пародия Бахнова, благодаря силе художественного обобщения, оказалась более долговечной и парадоксальным образом продлила жизнь памфлета. Хотя лучше сказать, продлила его дурную славу, так как, упоминая повод создания «коктебельских» песен, ни Ю. Ким, ни мемуаристы-очевидцы, ни позднейшие публикаторы «интеллигентского фольклора» не уделяют внимания тексту Первенцева, этой битой карте «конъюнктурного» словотворчества. Но если подходить к пародии Бахнова как к литературному факту, отворачиваясь от «Куриного бога» нельзя – хотя бы потому, что пародия не существует отдельно от своего «образа».

Цель настоящей статьи – восполнить отмеченный пробел, и, во-первых, охарактеризовать пародию В. Бахнова и её объект как цельное явление неофициальной литературной жизни, во-вторых, отправляясь от данной характеристики, выявить жанрово-поэтическую стратегию Бахнова-пародиста.

«КУРИНЫЙ БОГ» И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

Аркадий Первенцев – писатель-соцреалист «третьего поколения», один из тех, кто

² Первенцев А. Куриный бог: памфлет // Советская культура. 1963. 24 авг. Далее цитирование этого текста не оговаривается.

«подмастерьем» входил в советскую литературную систему в конце 1930-х, а в первые послевоенные годы становился сталинскими лауреатами [1, с. 473-474]. Дважды Сталинскую премию получил и Первенцев – за роман «Честь смолоду» и сценарий кинофильма «Третий удар»). Литератор с типично «совписательской» карьерой, проводник партийной линии в литературе... – в хрущевские годы деятели такого рода, с их идейной бдительностью и вкусом к воспитательным «проработкам», сами по себе раздражали литераторов «оттепельной» генерации, а особенно тогда, когда пытались демонизировать молодёжь – не важно какую: литературную или курортную.

В августе 1963 г. А. Первенцев отдыхал в Коктебеле в Доме творчества Литфонда (бывшая усадьба М. Волошина). Хотя этот приют литераторов «по своим весьма скромным бытовым условиям в сравнение не мог идти с гораздо более фешенебельными литфондовскими Домами в Пицунде или в Дубултах», он был «привилегированным и даже элитарным заведением» [2, с. 359]. В частности, у Дома творчества был свой закрытый отдельный пляж. Те же курортники, кто не заслужил привилегий, вынуждены были тесниться на неорганизованном берегу, в августовской толчее, буквально «человек на человеке»³.

«Дикарями» во время пляжного сезона в Коктебель приезжали сотни и тысячи граждан. В основном молодёжь, они селились в стихийных кемпингах и образовали нечто вроде самоорганизованного сообщества. Рассказывает Илья Симовский (респондент сайта «Боян. Поэтическая речь русских»): «В пансионаты можно было попасть только по блату, и вот сделали такой палаточный городок. Там, конечно, полная антисанитария, какие-то простыни давали за рубль в день, жили там в основном ребята, называлось это почему-то «Страна дураков»⁴. Вспоминает эту «страну» и Василий Аксёнов, бывший в 1960-е гг. центром коктебельской «тусовки» молодых писателей [3, с. 77-78]: «...Возни-

³ Ким Ю. Ч. Указ. соч. С. 368.

⁴ Боян. Поэтическая речь русских: Народные песни и современный фольклор / сост. А. Бройдо, Я. Кутьина, Я. Бройдо. URL: <http://www.daabooks.net> (дата обращения: 23.07.2019).

кало странное ощущение вольницы, как будто бы не вполне советская власть. Толпы молодёжи водились, собирались по вечерам с гитарами, пели, костры жгли – брожение такое наблюдалось. Кара-Даг был совершенно открыт. Там в бухточках, вплоть до Разбойничьей, жили какие-то коммуны людей. Жили на крошечных пляжах и гнездились даже в скалах. В шестидесятые годы там была создана Республика Кара-Даг. <...> Все знали, что... там проходят выборы президента, парламента... мисс Кара-Даг выбирали – в общем, резвились ребята»⁵.

Наверное, немолодого писателя на отдыхе по-человечески раздражали шумные компании молодёжи, их непонятный «дикарский» облик и вольное поведение. Но вести о «Республике Кара-Даг» с её шуточными «институтами демократии» должны были уже серьёзно насторожить литератора, вооружённого партийной бдительностью. Произведения Первенцева, снискавшие ему достоинство лауреата, были посвящены Крыму, истории партизанской войны и освобождения полуострова от нацистов. Крым для А. Первенцева – священная земля воинской и трудовой славы, к сакрализации которой он сам приложил руку. В таких местах и следует ожидать вражеских «вылазок». Вероятно, подобная фразеология была уже невозможна в «Советской культуре» 1963 г., но видение мира в категориях вражеской осады для деятелей старой закалки оставалось естественным.

Памфлет «Куриный бог» стал отображением гражданской бдительности писателя-лауреата. Убеждённый в социальной опасности «неформальной» молодёжи, он не пожалел для нее испытанных чёрных красок. С пафосом благородного возмущения Первенцев изобразил своих «героев» нечистоплотными физически и морально, ленивыми, самовлюблёнными, сознательными растлителями «рабочего класса», рабами западной культуры, а в итоге – политически неблагоприятными, и призвал бороться с такой молодёжью, как с общественной язвой.

Текст Первенцева делится на три смысловые части. Первая может показаться пейзажной экспозицией, но на самом деле обла-

дает важной идейной и поэтической функцией – рисует то состояние мира, которое нарушают деградированные «герои» очерка. А это состояние – возвышенное, прекрасное – для писателя-соцреалиста есть «завоевание», результат подвигов, совершенных советским человеком. Поэтому оно выступает не только, так сказать, утилитарной, но и сакральной ценностью. Крымский «пейзаж» рисуется как отпечаток героической истории и доблестной современности⁶; в сущности, как символический текст, составленный из знаков государственной коммеморации (воинские памятники), честного социалистического труда (возделанные поля, цветные платочки колхозниц в виноградниках) и тех высоких моральных качеств, которые находила в своём герое литература соцреализма. Так, красноречивым символом является горный орёл, парящий над гребнями гор. А его знаковой антитезой станет курица, вернее «куриный бог» – камень с естественным отверстием, по поверью приносящий удачу. Характерно, что в экспозиции Крым изображается как место труда и борьбы, а не отдыха, поскольку именно при таком осмыслении он получает подлинное бытие в соцреалистическом космосе и возникает тот конфликт, к которому Первенцев перейдёт во второй части памфлета.

Эта часть посвящена пристальному наблюдению и описанию тех, кто угрожает гармонии советского Крыма. Отталкиваясь от разговорной номинации «дикари» и удачно найденной детали – камня-амулета, Первенцев изображает молодых отдыхающих «неформалов» людьми примитивной культуры, не знающими морали, отталкивающими, опасными. Писатель прибегает, вероятно, к самой прочной и имагологической традиции – изображения «чужого» мира как нечеловеческого, незаконного. Киевский летописец XI века писал о язычниках: «живяху звериньским образом, живущее скотськи... едяху вся нечисто, и брака у них не бываше... схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская песни» (цит. по: [4, с. 175]) – все эти качества Первенцев почти буквально приписывает своим антигероям. «Группки выделяющихся из всего человечества моло-

⁵ Аксёнов В.П. Прошу климатического убежища // Дарьял. 2017. № 4. URL: http://www.darial-online.ru/2017_4/aksenov.shtml (дата обращения: 23.07.2019).

⁶ Мы не приводим здесь примеры из текста, которые будут помещены ниже, в таблице 1.

дых людей»⁷; «нечто... странное и нелепое – кляксы на яркой ткани природы и быта»: «они нелепы, страшны и циничны», они заросли шерстью. Они презирают всё, что ценим мы. Они носят каменные ожерелья. Они сознательно совращают праведных отдыхающих («...появились для того, чтобы наплевать на благоприличия»). У них волосатые тела и лица, у них «вихляющаяся» походка, сутулые фигуры и болтающиеся руки (внешность, напоминающая, – заметим, – даже не дикаря, а скорее условного неандертальца из старых учебников). Они едят «как животные»: не пищу, а добычу – грязные куски немытыми руками, в кустах, чавкая и раздувая ноздри. В их компаниях женщины – полностью «обобществленные». Они слушают ужасную музыку: «На четверых – портативный радиоприёмник... Антенна сопровождает четвёрку дромадеров, выхватывая из многострадального эфира только лишь дикие завывания, скачущую музыку, рок-н-рольные ритмы и «иностранный музыкальный бомонд». Они всегда кому-то подражают; и в связи с этим звучит-таки слово «обезьяны».

В конце второй главки Первенцев подходит к теме зарубежного подрывного влияния на молодёжь. Третью, заключительную часть он уже полностью посвящает живописанию общественной опасности «неформалов» и ведёт дело к политическому резюме (памфлет по природе своей – жанр политической публицистики – см. подробнее: [5–10]). «Не думайте, что все это так безобидно» – морально разложившаяся молодёжь попадается на приманки врагов. Поэтому общество не должно попустительствовать созреванию «подонков» и «ядовитых поганок», нужно «убеждать, требовать, стыдить» – в общем, принимать меры.

Композиция памфлета «Куриный бог» воспроизводит шаблонную логику партийной «проработки» провинившегося сотрудника: описание грандиозных задач общего дела и успехов коллектива – перечень грехов провинившегося – политическое резюме – оргвыводы.

Мы уже говорили о своеобразной поэтике «Куриного бога», которая сочетает в себе противоположные, в сущности, начала –

символическую риторику и карикатурную утрировку. Оба они укоренены в жанровом коде памфлета, который по своей природе актуализирует компоненты мифа и сам формирует негативирующий миф [10, с. 53], поэтому тяготеет к бинарным построениям и абсолютным смыслам. Мифопоэтическая артикуляция темы задаётся уже названием статьи: «куриные боги» – постоянный саркастический эпитет молодых курортников, и это же – магический амулет. Автор регулярно связывает образ неформалов с землей, с её недоброй, потенциально хтонической магией: камень – репрезентант земли, курица – «земная», нелетающая птица; неформалы лежат *на земле* под кустами, там же и едят, как животные (бестиарная образность вообще типична для дискурсов с идеологическим содержанием [11]). В вертикально ориентированном ценностном пространстве курице противопоставлен орёл, с его традиционным символизмом: «Горные орлы парят над воздушными потоками, бережно поднимая на могучие крылья своих уставших, неокрепших птенцов»; «Мы должны приучить молодёжь брать пример с горных орлов, парящих на крутых вершинах воздушных потоков. Долой психологию «куриного бога»!» Другие элементы текста соотносятся с «куриным» либо «орлиным» полюсом, формируя отчётливую мифологическую оппозицию.

Мы	–	Они
Верх	–	Низ
Орёл	–	Курица
Небо	–	Земля
Героика,	–	Пассивность,
убеждённость	–	суеверие
Дух	–	Плоть, пища
Сила, здоровье	–	Немощь,
		нездоровье
Красота	–	Неприглядность

ПАРОДИЯ В. БАХНОВА
КАК «КОМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

Владлен Бахнов любил говорить, что он пересказал статью А. Первенцева, ничего к ней не добавив, кроме одного-единственного

⁷ Здесь и далее курсив принадлежит автору статьи. – С. С.

слова⁸. Это, конечно, шутка: под «единственным словом» пародист подразумевает озорную энклитику, рифмующуюся со словоформой «рубля». Но в шуточной форме сатирик указал на одно из базовых свойств пародии – иконическую основу её поэтики. Пародия создаёт «комический образ произведения» [12, с. 6] путём дублирования его текста, цитирования в широком смысле: её средство – «обнажающая реализация, тематизация, механизация приёмов или систем, доминантность которых оспаривается в пародируемом произведении» [13, с. 374]. Но каким бы объёмным ни было пародийное «копирование» объекта, этот объект в пародии деконструируется, его элементы изымаются из органических связей претекста, и – формально тождественные себе – в новом тексте приобретают новую, пародийную функцию. В этом смысле в пространстве пародии само «повторение равноценно изменению» [12, с. 57].

Из сказанного следует, что стратегия пародирования характеризуется тем или иным принципом селекции элементов претекста: одни элементы воспроизводятся в тексте пародии, другие игнорируются, третьи «добавляются» к нему. Действительно ли В. Бахнов ничем не дополнил сочинение Первенцева? Конечно, нет. Кроме упомянутой энклитики, имеются как минимум ещё два принципиально важных включения – это отсылка к воровской песне «Эх, как вспомнишь старину, / Как под Ростовом-на-Дону...»⁹ (откуда взята стиховая форма текста и грубая частица) и финальный куплет, содержащий смеховое отстранение и саморазоблачение «героя» бахновской насмешки:

Пусть говорят, что я свою
Для денег написал статью,
Не верьте, б..., не верьте, б..., не верьте!
Нет, я писал не для рубля,
А потому, что был я б...,
И есть я – б..., и буду – б... До смерти!¹⁰

⁸ См.: Сидоров А. Песнь о моей Мурке. М.: ПРОЗАИК, 2010. С. 229.

⁹ Джейкобсон М., Джейкобсон Л. Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник. 1917–1991. М.: РГГУ, 2014. С. 260.

¹⁰ Бахнов В. «В первые минуты...»; «Ах, что за славная земля...»; «Проблемы отцов и детей нет в стране...» / публ. Б. Сарнова // Вопросы литературы. 1995. Вып. 5. С. 366. Здесь и далее текст песни В. Бах-

И всё же у Бахнова были все основания гордиться «точным» копированием претекста. Композиция и логика «Куриного бога» сохранены в песне Бахнова: пересказ первой части памфлета уложился в три начальных стиха, вторая часть отразилась в следующих двух с половиной строфах, а третья – в 4-й строфе. В стихи своей песни Бахнов вместил, кажется, все одиозные тезисы Первенцева. Сопоставление текстов это подтверждает (табл. 1).

Осталось отметить то, что Бахнов игнорирует в поэтике текста-объекта. Прежде всего, это символический язык. Практически никакие элементы «орлиного»/«куриного» образного ряда не попали в текст Бахнова. «Героический» образ Крыма отображён одной строкой, упрощённость и небрежность которой характеризует пафос Первенцева как лицемерный. Риторика символа предполагает наличие того смыслового плана, к которому символ апеллирует, пародист же не верит в наличие у А. Первенцева каких-либо ценностей идеального порядка. Замещением исходной мифосемантики могли бы послужить смыслы, присущие Коктебелю как элементу «крымского текста» русской литературы [3; 14], но они не обозначены эксплицитно и выступают не более чем ассоциативным оборотом бахновской песни.

Ещё более значительным предметом «выбраковки» оказывается форма исходного текста. Для советской сатирической пародии 1960-х гг. в её привычном и общепонятном варианте характерна стратегия комической стилизации [15, с. 37], шаржа: утрировка, гиперболизация и гротеск разворачиваются на основе узнаваемо «скопированной» поэтической формы текста-объекта. Стихотворение воспроизводится стихами идентичного размера, проза – прозой. Это положение воспринималась как жанровая норма «по умолчанию», так были построены, к примеру, и «официальные» пародии «Клуба 12 стульев», и неофициальный отклик З. Паперного на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?» Бахнов же изображает прозу стихами (более того, песней), воспроизводя при этом форму совершенно иного текста, не являющегося предметом пародии, но прецедентного для

нова цит. по этой публикации с использованием цензурных отточий.

Таблица 1

Сопоставление текстов В. Бахнова и А. Первенцева

Table 1

Comparison of texts of V. Bakhnov and A. Perventsev

В. Бахнов. «Ах, что за славная земля...»	А. Первенцев. Куриный бог
<p>Ах, что за славная земля Вокруг залива Коктебля: Колхозы, б..., совхозы, б..., природа!</p>	<p>«Черноморское побережье прекрасно везде, но особенно оно романтично и красиво в дикой своей прелести у Коктебеля. <...> Цветастыми точками среди тяжёлых, будто литых лоз и гроздей, платочки работниц плантаций передового совхоза...»</p>
<p>Но портят эту красоту Сюда приехавшие ту- неядцы, б..., моральные уроды!</p>	<p>«И есть тут же нечто другое, странное и нелепое – кляксы на яркой ткани природы и быта. Вместе с тысячами отдыхающих на побережье прибывают группы выделяющихся из всего человечества молодых людей...»; «хилые, вихляющиеся руки как бы нарочито подчёркивают пренебрежение к труду». «Морально растленные молодые люди, заранее износившие себя, свой дух, физические и нравственные силы, алкоголики, прощелыги...»</p>
<p>Спят тунеядцы под кустом,</p>	<p>«Их сотоварищ ташил добытую пищу, что-то прямо в грязных лапшах... Они бросились за ним, ворча, как животные, и жадно зачавкали в кустах». «Куриные боги» вышли из кустов, на губах уже прилипли сигаретки, курила и девушка»</p>
<p>Не занимаются трудом И спортом, б..., и спортом, б..., и спортом.</p>	<p>«Золотые тела молодых людей усыпали пляжи. <...> Я видел спортсменов столичного института, соревновавшихся на берегу в прыжках, гимнастических упражнениях. Красивые тела, здоровые, сильные молодые люди с ясными глазами... На них презрительно смотрела четвёрка «куриных богов», развалившихся на скамейках»</p>
<p>Не видно даже брюк на них, Одна чувиха на троих И шорты, б..., и шорты, б..., и шорты. Девчонки вид ужасно гол, Куда смотрели комсомол И школа, б..., и школа, б..., и школа? Хотя купальник есть на ней, Но под купальником, ей-ей Всё голо, б..., все голо, б..., все голо!</p>	<p>«Шараги» сплываются обычно четвёрками. Высший шик – три парня и одна полностью коллективизированная спутница. Бороды – обязательно! Хотя бы две на троих». «Шарага» прибывает уже полунагая; «одетые во все голое», они где-то ухитряются хранить безупречные документы». «Они ходят в «шортах» – так они называют обычные дешёвые китайские штаны, самолично укороченные до размеров трусиков». «Ходишь и плюёшься – стыдно за их отцов и матерей!..» (реплика местного жителя) «Им попустительствовали – либо поощряли, либо смотрели сквозь пальцы»</p>
<p>Сегодня парень виски пьёт, А завтра планы выдаёт Завода, б..., родного, б..., завода!¹¹</p>	<p>«Шарага»... открывает поход, придерживаясь в основном обжитых мест, ...где сбивают молочные и коньячные коктейли». «Надо заметить, они всегда кому-то подражают. <...> Антенна сопровождает четвёрку дромадеров, выхватывая из многострадального эфира... рок-н-рольные ритмы и «иностранный музыкальный бомонд»</p>
<p>Сегодня ходит в бороде, А завтра – где? В НКВДе!¹² – Свобода, б..., свобода, б..., свобода!¹³</p>	<p>«Бороды – обязательно! Хотя бы две на троих. Причём бороды они отращивают и пробривают посмешней, чтобы выделяться среди обычных бородачей – «кубинцев». «Не думайте, что всё это так безобидно...»; «куриный бог» превращается в подонка... Он всё видит мутно, воспринимает вяло, его нетрудно сломать, увести в подворотню, бросить врагам...»</p>

¹¹ Бахнов обыгрывает крылатое выражение «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Возможна также отсылка к песне «Марсель» (автор А. Левинтон), широко распространённой в «интеллигентском фольклоре» 1960-х: «Он предложил мне франки / И жемчуга стакан, / Чтоб я ему передал / Советского завода план» (Левинтон А. Стою себе на месте... / публ. Б. Сарнова // Вопросы литературы. 1996. № 5. С. 367). Хотя, вероятно, «план завода» – характерный топос множества советских «шпионских» сюжетов и пародий на них.

¹² Используя устаревшее наименование ведомства, Бахнов намекает на сталинистские взгляды Первенцева и, возможно, напоминает о присуждённой ему Сталинской премии.

¹³ Стих совпадает со строкой из песни «Эх, как вспомнишь старину...».

предполагаемой аудитории. Иными словами, средством пародирования становится перепев. Как комическое воспроизведение в «непародийной функции» [16, с. 290], перепев¹⁴ был типичен для неформальной поэзии 1960-х гг. – в пример можно привести опубликованные когда-то рядом с «коктебельскими песнями» тексты «А молодого тунеядца...»¹⁵ (Е. Агранович) или «На отъезд Галича из России»¹⁶ (Ю. Ким). Но пародийной функцией такой перепев, как правило, не обладал. Таким образом, коктебельская песня Бахнова демонстрирует необычный жанровый синтез. Его подробное рассмотрение требует отдельного исследования.

Особого комментария в тексте В. Бахнова заслуживает слово «тунеядец». Оно также относится к «новациям» пародиста, так как Первенцев в своём памфлете его не использовал. Возможно, потому, что оно имело конкретный юридический смысл. В 1961 г. вышел указ Президиума Верховного совета о борьбе с лицами, ведущими паразитический образ жизни, после чего длительно неработающие граждане стали преследоваться по статье 209 УК РСФСР. Первенцев же подчёркивает (и сожалеет), что курортную молодёжь не за что наказать по закону: «У них в документах полный порядок, прописка. Иначе им долго не пробродяжничать в чуткой погранзоне Черноморья, где дело чести каждого – не пропустить ни одного чужака». Писатель, расценивая своё выступление как конкретный «сигнал» властям, методично разграничивает социальные явления. Но в изображении антигероев им использован тот знакомый карикатурный стиль, в каком высмеивали тунеядцев на страницах «Крокодила»: приматоподобное лицо, неопрятность, нелепая одежда иностранных фасонов и марок, «развинченная» походка, пьянство, хамство, потребительство, паразитизм. Часто рядом с тунеядцем для контраста рисовался «правильный» советский юноша, пышущий физическим и нравственным здоровьем, есть этот оттеняющий приём и у Первенцева (см.

¹⁴ Подробнее о жанре см.: [17, с. 31; 12, с. 257-332].

¹⁵ Агранович Е. Одесса-мама. А молодого тунеядца... Пылала роща над рекою... Явились охранители основ... / публ. Б. Сарнова // Вопросы литературы. 1995. № 5. С. 364.

¹⁶ Ким Ю. Ч. Указ. публикация. С. 370-371.

в табл. 1: «Я видел спортсменов столичного института...») Так что Бахнов верно «опознаёт» антигероя воспитательных дискурсов 1960-х гг.: именно газетный образ «тунеядца» послужил модификатором курортных впечатлений памфлетиста.

Таким образом, апелляция к прецедентному тексту «блатной» песни (а значит, и к представляемому ею субкультурному контексту) позволяет пародии, отбросив часть своего поэтического инструментария, существенно расширить смысловое пространство жанра и достичь типической обобщённости, характерной скорее для литературной сатиры, чем для пародии «на случай». Актуальность последней, вроде бы, ограничена узкими обстоятельствами пространства и времени, в своей дискурсивной сущности это мгновенный полемический отклик. И Бахнов ничем не нарушает это жанровое правило. Но и предмет пародии, и голос автора, и конфликт он осмысливает в их репрезентативной закономерности не менее чем в ситуативной случайности. Соответственно, памфлет А. Первенцева предстаёт здесь не только как неудачное, халтурное произведение писательского пера (смысл, присущий пародии), но и как образчик советской охранительной публицистики 1960-х гг. – и по структуре, образно-поэтическому «словарю», жанровой природе, и по стереотипной, заданной интенции. Голос же Бахнова прозвучал как голос молодой неофициальной литературы, смехом реагирующей на менторство и попытки идеологической муштры.

ВЫВОДЫ

Пародийная песня В. Бахнова «Ах, что за славная земля...» демонстрирует нетрадиционное для пародии как жанра соотношение с текстом-объектом. «Комический образ» публикации А. Первенцева Бахнов создаёт в жанровой форме пародийного перепева, фокусируя внимание не на поэтических чертах текста-объекта, как конвенциональная журнальная либо эстрадная пародия, а на его содержании. Сам же «иконический» образ текста-объекта заменяется образом другого текста, к данному литературному поводу не относящегося. Результатом становится двойственное звучание пародии – как весёлого от-

клика на некие минувшие и давно забытые события, и как сатирического текста, десятилетиями не теряющего своё значение.

Результаты проведённого исследования могут найти применение при подготовке ву-

зовских курсов по истории русской литературы второй половины XX века, спецкурсов и спецсеминаров по авторской песне, поэтике комического.

Список источников

1. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 557 с.
2. Сарнов Б. Интеллигентский фольклор // Вопросы литературы. 1995. Вып. 5. С. 358-363.
3. Мащенко А.П. Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 70-92.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
5. Богомолова А.В., Горшкова В.Е. Дискурсивные характеристики памфлета (переводческий аспект) // Язык. Культура. Коммуникация. 2019. № 22. С. 25-34.
6. Гуральник У. Памфлет // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 257-258.
7. Калаишиков В.А. Памфлет // Краткая литературная энциклопедия: в 8 т. М., 1962–1978. Т. 5. 1968. Стб. 559-562.
8. Макаров В.Л., Гребенников В.Г., Дементьев В.Е., Устюжанина Е.В. Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН) // Российский экономический журнал. 2019. № 4. С. 55-68.
9. Неминуций А.Н. Походная песня vs музыкальный памфлет (из инструментов пропаганды в советско-финской войне) // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 129-134. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).123-128](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).123-128)
10. Сковородников А.П., Копнина Г.А., Анисимова Е.Е. Памфлет и панегирик – жанры-антиподы в информационном пространстве массмедиа // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 48-54. <https://doi.org/10.26170/pl18-05-06>
11. Федунина О.В. Бестиарная антитеза в советской криминальной литературе // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 200-209. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00008>
12. Новиков В.И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 540 с.
13. Ханзен-Лёве О. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. 672 с.
14. Грибанова И.В., Калинин И.А. Прецедентный топонимикон Крыма (на примере социолингвистического исследования) // Культурный ландшафт регионов. 2021. Т. 3. № 3-4. С. 50-58.
15. Иванюк Б.П. Подражание стихотворное: словарный формат // *Philologos*. 2021. № 1 (48). С. 33-41.
16. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284-310.
17. Ямпольский И.Г. Поэты «Искры» // Поэты «Искры»: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1987. Т. 1. С. 5-42.

References

1. Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nyye i esteticheskiye istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [The Making of a Soviet Writer: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature]. St. Petersburg, "Akademicheskiiy proekt" Humanitarian agency Publ., 1999, 557 p. (In Russian).
2. Sarnov B. *Intelligentskiy fol'klor* [Folklore of intelligentsia]. *Voprosy literatury – Studies in Literature*, 1995, vol. 5, pp. 358-363. (In Russian).
3. Mashhenko A.P. *Krymskoye izmereniye russkoy literatury: ot Pushkina do Prilepina* [The Crimean dimension of Russian literature: from Pushkin to Prilepin]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 1, pp. 70-92. (In Russian).
4. Lotman Y.M. *Vnutri mysl'yashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Human – text – semiosphere – history]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 464 p. (In Russian).

5. Bogomolova A.V., Gorshkova V.E. Diskursivnyye kharakteristiki pamfleta (perevodcheskiy aspekt) [Discursive characteristics of pamphlet (translational aspect)]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya – Language. Culture. Communication*, 2019, vol. 22, pp. 25-34. (In Russian).
6. Guralnik U. Pamflet [Pamphlet]. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1974, pp. 257-258. (In Russian).
7. Kalashnikov V. Pamflet [Pamphlet]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 8 t.* [Concise literary encyclopedia: in 8 vols.]. Moscow, 1962–1978, vol. 5, col. 559-562. (In Russian).
8. Makarov V.L., Grebennikov V.G., Dementiev V.E., Ustyuzhanina E.V. Ideologiya i nauka (po materialam obsuzhdeniya v TSEMI RAN) [Ideology and science (based on the discussion in CEMI RAS)]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal – Russian Economic Journal*, 2019, vol. 4, pp. 55-68. (In Russian).
9. Neminushchy A.N. Pokhodnaya pesnya vs muzykal'nyy pamflet (iz instrumentov propagandy v sovetsko-finskoy voyne) [March song vs musical pamphlet (propaganda tools in the Soviet-Finnish war)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo univesiteta – Memoirs of NovSU*, 2021, no. 1 (34), pp. 129-134. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).123-128](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).123-128). (In Russian).
10. Skovorodnikov A.P., Koptina G.A., Anisimova E.E. Pamflet i panegirik – zhanry-antipody v informatsionnom prostranstve massmedia [Lampoon and panegyric – genre antipodes in the mass media]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2018, no. 5 (71), pp. 48-54. <https://doi.org/10.26170/pl18-05-06>. (In Russian).
11. Fedunina O.V. Bestiarnaya antiteza v sovetskoj kriminal'noy literature [Bestiary antithesis in the soviet criminal literature]. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*, 2018, no. 1 (44), pp. 200-209. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00008>. (In Russian).
12. Novikov V.I. *Kniga o parodii* [A book about parody]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1989, 544 p. (In Russian).
13. Khanzen-Leve O. *Russkiy formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism. Methodological reconstruction of its development from the principle of alienation]. Moscow, Jazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, 672 p. (In Russian).
14. Gribova I.V., Kalinichenko I.A. Pretsedentnyy toponimikon Kryma (na primere sotsiolingvisticheskogo issledovaniya) [The precedent toponymicon of Crimea (based on a sociolinguistic research)]. *Kul'turnyy landshaft regionov – Cultural landscape of regions*, 2021, vol. 3, vol. 3-4, pp. 50-58. (In Russian).
15. Ivanyuk B. Podrazhaniye stikhotvornoye: slovarnyy format [Imitation of poetry: dictionary format]. *Filologos*, 2021, no. 1 (48), pp. 33-41. (In Russian).
16. Tynyanov Y.N. O parodii [On the Parody]. In: Tynyanov Y.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinematography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 284-310. (In Russian).
17. Yampolskiy I.G. *Poety «Iskry»* [Poets of “Iskra”]. *Poyety «Iskry»: v 2 t.* [Poets of “Iskra”: in 2 vols.]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987, vol. 1, pp. 5-42. (In Russian).

Информация об авторе

Свиридов Станислав Витальевич, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6792-0766](https://orcid.org/0000-0001-6792-0766), textman@yandex.ru

Вклад автора: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, анализ художественного текста, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 04.05.2022
Одобрена после рецензирования 04.07.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Stanislav V. Sviridov, Candidate of Philology, Associate Professor of Institute of Humanitarian Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6792-0766](https://orcid.org/0000-0001-6792-0766), textman@yandex.ru

Contribution: main study conception, work with literature references, analysis of the literary text, manuscript text drafting.

The article was submitted 04.05.2022
Approved after reviewing 04.07.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82.091

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-559-570

Об истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930 гг.

Сяолин Шэ¹, Мэнъя Ли² ✉

¹Университет имени Сунь Ятсена

510275, Китайская Народная Республика, г. Гуанчжоу, ул. Синьган Си, 135

²Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518000, Китайская Народная Республика, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ 125159203@qq.com

Аннотация. Вопрос о литературных связях между Китаем и Россией в первой половине XX века остаётся актуальным в современном русском и китайском литературоведении. Целью исследования является рассмотрение истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930-е гг. и оценки советской критикой переводимых авторов. Приведён культурно-исторический анализ и указано, что в Советском Союзе первое знакомство с новой китайской литературой имеет неразрывную связь с деятельностью академика В.М. Алексеева в 1920-е гг., когда начинается системная работа по популяризации работ советских востоковедов, а в конце 1930-х гг. перевод и издание новой китайской литературы попали в трудное положение в связи с тем, что подверглась преследованиям переводческая группа с китайского. В 1920–1930-е гг. в Советском Союзе появляются первые переводы, рецензии и литературно-критические обзоры, большинство из которых принадлежит Китаистам, имеющим прямые контакты с интеллигенцией Китая. В этом процессе играют также важную роль китайские деятели культуры, такие как переводчики русской литературы Цао Цзинхуа и Эми Сяо. Новая китайская проза пользуется похвалами советской критики за раскрытие реальной картины перемен современного Китая. Немало внимания уделено тематически-идейным и этическим аспектам творчества Лу Синя и Мао Дуня, которые в СССР считаются «лидерами» современной китайской литературы.

Ключевые слова: новая китайская литература, литературные связи, перевод, издание, советское китаеведение

Для цитирования: Шэ Сяолин, Ли Мэнъя. Об истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930 гг. // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 559-570. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-559-570>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On the history of the Russian translation of Chinese new literature in the 1920–1930s

Xiaoling SHE¹, Mengya LI² ✉¹Sun Yat-sen University

135, Xingang Xi Road, Guangzhou, 510275, People's Republic of China

²Shenzhen MSU-BIT University

1, 1 International University Park Rd., Shenzhen 518000, People's Republic of China

✉ 125159203@qq.com

Abstract. The issue of literary relationship between China and Russia in the first half of the twentieth century remains relevant to contemporary Russian and Chinese literary studies. The purpose of this work is to examine the history of the Russian translation of Chinese new literature in the 1920s–1930s and explore how Soviet critics evaluated them. The paper provides a cultural-historical analysis and indicates that, in the USSR, the introduction to Chinese new literature was inextricably linked to the activities of Academician V.M. Alekseev in the 1920s, when systematic publication of the works of Soviet Orientalists was launched, and in the late 1930s, due to the persecution against the translation group, the intensity of the translation and publication of modern literary works began to wane. In the 1920s–1930s, the first translations, reviews, and literary-critical reviews appeared, most of which belonged to those who had direct contact with Chinese intelligentsia. Chinese cultural figures such as translators of Russian literature including Cao Jinghua and Xiao Can also played an important role in promoting modern Chinese literature in the USSR. Chinese new narrative prose was praised by Soviet critics for revealing a real picture of the changes in China. Much attention was paid to the thematic-ideological and ethical aspects of the works of Lu Xin and Mao Dun, who were deemed as “leaders” of modern Chinese literature in the USSR.

Keywords: new Chinese literature, literary relationship between Russia and China, translation, publication, Soviet studies of China

For citation: She Xiaoling, Li Mengya. Ob istorii perevoda na russkiy yazyk novoy kitayskoy literatury v 1920–1930 gg. [On the history of the Russian translation of Chinese new literature in the 1920–1930s]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 559–570. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-559-570> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Первая страница истории российско-китайских литературных связей приоткрылась уже в 1760-х гг., когда в российских журнальных и газетных публикациях появились переводы китайской сюжетно-повествовательной прозы, сделанные с западноевропейских языков. На рубеже XVIII–XIX веков синолог А.Г. Владыкин (1757–1812), участвовавший в седьмой Русской духовной миссии в Пекине, впервые перевёл с маньчжур-

ского китайский роман «Цзинь Юнь Цяо» (Сказка о Цзине, Юне и Цяо). В первой половине XIX века самостоятельная школа российского востоковедения заявила о себе наравне с европейской. Восточная тема звучала в русской культуре, и особенно в литературе. До российских читателей начинают доходить переводы литературных произведений непосредственно с китайского оригинала. Среди них почётное место занимает перевод отрывка из романа «Хао цю чжуань» (История счастливой четы), который опубликован в 1832 г.

и считается первым китайским романом, получившим известность в Европе. Три года спустя китаевед З.Ф. Леонтьевский (1799–1874) издал повесть «Путешественник» – прозаическое переложение пьесы Ван Ши-фу «Си сян цзи» (Западный флигель), а этот перевод был осуществлён почти на 50 лет ранее перевода Ст. Жюльена, изданного в Женеве в 1880-е гг. [1, с. 176]. Другое заметное событие в истории российско-китайского литературного обмена произошло в 1843 г., когда участник 11-й Русской духовной миссии в Пекине А.И. Кованько (1808–1870) под псевдонимом Дэ Мин опубликовал русский перевод части романа «Сон в красном тереме». Это было первой попыткой в России продемонстрировать шедевры китайской художественной литературы на образцах [2].

Во второй половине XIX века российское китаеведение получило большое развитие, при этом перевод и изучение китайской литературы стали занимать более заметное место, синологическое литературоведение возникло как отрасль науки. В этот процесс весомый вклад внёс выдающийся китаевед В.П. Васильев (1818–1900), который включил курс по истории китайской литературы в учебные программы Казанского и Санкт-Петербургского университетов, с учениками перевёл отрывки из древней антологии китайской поэзии «Шицзин» (Книги песен) и сборника рассказов «Ляочжай чжи» (Описание удивительного из кабинета Ляо), выпустил «Очерки истории китайской литературы» (1880) и «Материалы по истории китайской литературы» (1887). В конце XIX века изучение китайской литературы основывалось в рамках университетских курсов [1, с. 178].

Новый этап в изучении китайской литературы Китая связан с деятельностью академик В.М. Алексеева (1881–1951), который вывёл синологию за пределы университетских стен, придав исследованиям китайской художественной литературы академический характер [1, с. 179]. Он перевёл около тысячи китайских классических произведений, и также уделял большое внимание новой литературе Китая, которая образовалась после демократического общественно-политического «движения 4 мая» 1919 г. Радикальные перемены в сфере китайской литературы и при-

влекали к себе взгляды молодых китаистов. В 1920–1930-е гг. в СССР появились первые переводы популярных в Китае произведений, выпускалось немало рецензий, обзоров и литературно-критических статей. До сих пор новые исследователи обращаются к литературным связям между Китаем и Россией в первой половине XX века, но не всегда уделяют внимание трудам и судьбам переводчиков и исследователей, стоящих у истоков российского востоковедения. Целью данного исследования является рассмотрение истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930-е гг. и оценки советской критикой переводимых авторов.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО: ОТ ПОЭЗИИ К ПРОЗЕ

В начале 1920-х гг. началась системная работа по популяризации работ советских востоковедов, в первую очередь литературных переводов [3, с. 136]. В 1918 г. в Петрограде по инициативе М. Горького было организовано издательство «Всемирная литература», в структуре которого был выделен Восточный отдел. В апреле 1919 г. М. Горький писал: «Теперь нами организовано издание литератур Востока, в этой работе принимают участие наши крупнейшие востоковеды <...> Мы даём литературу Китая, Японии, Тибета...» [4, с. 78]. В этом же году В.М. Алексеев вошёл в состав редколлегии экспертов издательства. В 1920 г. он написал статью «Китайская литература» для сборника под названием «Литература Востока», выпущенного издательством «Всемирная литература». В своей статье учёный призывал: «первою и неотложною, пожалуй, единственною нашей задачей является изобилие достойных переводов наилучше отобранных китайских литературных произведений. Мы и выступаем ныне во «Всемирной литературе» с обширной программой новых переводов» [5, с. 77-78].

В 1922 г. в Петрограде стал выходить журнал «Восток», издание которого осуществлялось издательством «Всемирная литература», и всего вышло пять книг. Основная задача журнала была так сформулирована академиком С.Ф. Ольденбургом (1863–1934) во введении к Книге первой: «Мы хотим поставить Восток ближе к широким кругам

русских сознательных людей, ибо мы знаем, что старый Восток, великий творец в области духа <...> новый Восток полон тоже великих возможностей, заветы старого не умерли в нём, но он должен претворить их в новые образы, дать новые достижения» [6, с. 6]. В.М. Алексеев был членом редколлегии журнала. Можно сказать, что издание на русском языке китайской литературы в 1920-х гг. имеет неразрывную связь с его деятельностью. До закрытия издательства «Всемирная литература» в середине 1920-х гг. В.М. Алексеев с коллегами перевёл и выпустил сборники произведений китайских классиков, в которых содержатся и стихи, и прозы. В это же время Алексеев и проявлял научный интерес к современному Китаю.

После «движения 4 мая» 1919 г. радикальные перемены происходят в сферы китайской литературы – современный разговорный байхуа пришёл на смену архаичному вэньянь, стала формироваться антифеодалная направленность, по содержанию реалистическое отображение образа жизни обитателей страны вышло на передний план. Но из-за социальных потрясений эти новые аспекты литературы современного Китая были замечены советским обществом не сразу. Знакомство русского читателя с новой литературой Китая началось с поэзии, в ходе которого играет важную роль В.М. Алексеев. Он был одним из первых учёных в Советском Союзе, даже и в Европе, которому принадлежат первые серьёзные исследования современной китайской поэзии [7, с. 369].

В июле 1922 г. для журнала «Восток» В.М. Алексеев написал статью «О новой поэзии», в которой он дал читателю представление о новой поэзии посредством перевода стихотворения «Режут барана», написанного на разговорном байхуа известным поэтом и каллиграфом Шэнь Иньмо (1883–1971). В.М. Алексеев указал, что разговорные формы новой поэзии оказались демонстративно диссонирующими с иероглифическим, традиционным укладом поэтической речи, «дословный перевод старой, классической поэзии всегда понижал достоинство оригинала, поскольку же точный перевод этой новой поэзии его повысит» [8, с. 317]. Он заметил незрелости реформаторов литературного языка и утверждал, что «насилие древней

схоластики не помешало появиться гигантам поэзии и литературы, читать и понимать которых считают за честь и удовольствие все, когда-либо с ними знакомившиеся» [8, с. 318]. К сожалению, статья почему-то не была опубликована и осталась в рукописи, наконец, в 2002 г. впервые печатается в сборнике трудов автора.

В.М. Алексеев проявлял острую заинтересованность к реформам «литературной революции» Китая, сразу же откликнулся на дошедшие в Петроград произведения лидера этой революции Ху Ши. В августе 1924 г. он завершил большую статью про «Сборник опытов» (Чан ши цзи, 1920) Ху Ши (1891–1962), которая так и осталась в рукописи до 2002 г. Но на основе статьи В.М. Алексеев прочитал лекцию, посвящённую новой китайской литературе в Коллеже де Франс и музее Гимэ в 1926 г., и издал её французскую версию в 1937 г. Он проанализировал стихотворения Ху Ши, указал, что манера и сам стиль поэта заимствованы у старой поэзии, что «не мешает ей (то есть манере Ху), разумеется, оперируя иностранным и модернистским материалом, сильно вдаваться в карикатуру» [8, с. 306]. В общем, элемент новизны, претендующий на термин «реформа», а тем более «революция», в поэзии Ху Ши слишком скромнен [8, с. 314].

Незатухающий интерес к новой китайской поэзии у В.М. Алексеева и выражается в статье «Изучаете ли вы новую поэзию?» (Восток, 1925, кн. 5). Кстати сказать, это первая опубликованная в печать на русском языке статья, посвящённая новой поэзии Китая. В ней В.М. Алексеев объявлял о выпуске сборников стихотворений новых китайских поэтов, таких как Кан Боцина (1896–1959), Юй Пинбо (1900–1990), Ван Цзинчжи (1902–1996) и др. Он отметил, что в выпущенном в 1922 г. «Сборнике новых стихотворений за 1919 год» (Синь ши нянь сюань. И цю и цю) объявлена «война старым (прокисшим, протухшим) методам поэтического критцизма, заменяемым теперь [методами] научными, основанными на современных научных данных. <...> поэзия, рискующая непосредственным обаянием, пропагандируется и навязывается обществу» [9, с. 235]. Из этой статьи ясно, что у В.М. Алексеева был план перевести новую китайскую поэзию для сле-

дующего номера журнала «Восток». Но вследствие закрытия издательства «Всемирная литература» на 5-й книге издание журнала закончилось, так что такой план перевода был приостановлен. Среди материалов из разных архивов имеется ряд свидетельств о том, что В.М. Алексеев на протяжении всей своей научной жизни следил за становлением новой китайской литературы [8, с. 290]. Несмотря на то, что с середины 1920-х гг. В.М. Алексеев больше не посвящал себя переводу новой китайской поэзии, будучи профессором восточного факультета ЛГУ, он в педагогической работе продолжал побуждать своих учеников к занятиям по переводам и изучению новой литературы Китая.

В поздних 1920-х гг. ученик В.М. Алексеева Б.А. Васильев (1899–1937) выделился среди других молодых китаистов тем, что он самым первым в Европе перевёл прославленную повесть Лу Синя (1881–1936) «Подлинная история А-Кью». С 1924 по 1927 г. он был на стажировке в генконсульстве СССР в Китае. Благодаря связи с переводчиком русского языка со стороны Китая Цао Цзинхуа (1897–1978) Васильев приобрел известный сборник «Клич» Лу Синя, сразу же приступил к переводу повести «Подлинная история А-Кью» и даже установил письменный контакт с писателем. 4 июля 1925 г. молодой китаист написал Лу Синю, сообщая о совершении перевода и выражая свою благодарность писателю за оказанную им помощь в ходе перевода [10, с. 21]. Однако переведённая повесть дошла до советского читателя только в 1929 г. Она вошла в сборник произведений Лу Синя под названием «Подлинная история А-Кью», который был составлен Васильевым с учеником Алексеева А.А. Штукиным (1904–1963) и переводчиком китайской литературы З.В. Казакевич (1893–1940). Сборник включил ещё семь рассказов: «Счастливая семья», «Почтенный Гао», «История с волосами», «Кун Ицзи», «Буря», «Родина», «Деревенский театр» [11, с. 6].

В предисловии к сборнику Б.А. Васильев дал краткое изложение развития новой китайской литературы и творчества Лу Синя. Он подчеркнул, что «нет лучшего средства для понимания жизни соседнего с нами народа, переживающего эпоху возрождения и ломающего старые культурные для возрож-

дения новых, как художественная литература послереволюционного периода, плоть от плоти молодого Китая» [12, с. 3]. Указав, что в процессе создания этой литературы более популярна школа реалистов, с их «ярко выраженным национализмом и натуралистически настроенным уму китайцев», а «лидером» этой школы является Лу Синь, автор высоко оценивал художественное дарование писателя, написал, что он впервые внёс тему деревни в новую китайскую литературу, умеет «схватывать бытовые детали и правдиво их описывать». Его творчество отличается «холодным спокойствием, соединённым с интуицией подлинного психолога» [12, с. 5–6]. Сборник сразу же заслужил положительную оценку. Критик Я. Фрид в своей рецензии на сборник отметил, что Лу Синь – «культурный писатель, уравновешенный наблюдатель, типичный независимый интеллигент <...> Знание китайской деревни, умение играть мельчайшими бытовыми деталями, ирония, сдержанный лиризм делают вещи этого писателя интересными и для европейского читателя» [13].

Наряду с этим работу перевода новой китайской литературы начали и китаисты в Москве. Среди них на издание этой литературы вложил большие усилия В.С. Колоколов (1896–1979), который родился и получил начальное образование в Китае, в 1920-е гг. преподавал китайский язык в Военной академии РККА. В 1929 г. издательство «Молодая гвардия» подготовило серию «Художественная литература современного Китая», был издан сборник «Правдивое жизнеописание. Повести и рассказы современного Китая». Переводы сделаны анонимно, «однако, согласно собственным словам переводчика, редакция перевода в затруднительных случаях принадлежала проф. В. Колоколову» [14, с. 286]. В сборник были включены 13 произведений, в том числе две повести и девять рассказов 1920-х гг., авторы которых – Ли Цзиньмин (1905–1999), Лу Синь, Чжан Цзыпин (1893–1959), Юй Дафу (1896–1945), Тэн Гу (1901–1941), Чжан Вэньтянь (1899–1976), Цзянь Сяньай (1906–1994) и др. (см. подробнее: [11, с. 6]). Остальные два рассказа были выбраны из сборника повестей XIII–XVII веков «Цзинь гу ци гуань» (Удивительные истории нашего времени и древности), по

взгляду Б.А. Васильева, «случайно попали в список авторов» [14, с. 287]. Оригиналы этих произведений, за исключением творений Лу Синя и Юй Дафу, были опубликованы в журнале «Дунфан цзачжи» (Восточный сборник, *The Eastern Miscellany*), который представляет в Китае одну из важнейших публикаций крупного издательства «Коммерческая пресса» в первой половине XX века.

ПЕРЕВОДЫ И ИЗДАНИЯ В 1930-е гг.

В 1930-е гг. перевод произведений современных китайских писателей продолжался, серьёзный толчок этому делу дало происходящее в Китае интенсивное развитие литературы. В марте 1930 г. в Шанхае была основана Лига левых писателей Китая, в которую входило свыше 50 влиятельных литераторов того времени, в том числе и знаменитые фигуры Лу Синь и Юй Дафу, чьи произведения уже опубликованы в Советском Союзе. Создание этой литературной организации, разумеется, привлекло взгляд советских китаеведов.

При этом деятельность поэта Эми Сяо (Сяо Сань, 1896–1983), проживающего в СССР с 1927 г., способствовала продвижению современной литературы Китая в Советском Союзе. Весной 1930 г. Эми Сяо был выбран постоянным представителем Лиги левых писателей Китая в СССР, позже в ноябре по поручению руководителейлевой лиги он принял участие во второй конференции революционных писателей, которая была организована Международным объединением революционных писателей (МОРП) с печатным органом «Литература мировой революции». Пользуясь этим случаем, Эми Сяо познакомил присутствующих с китайской литературойлевой лиги, установил обширные связи с советскими деятелями культуры. Впоследствии Левая лига Китая стала секцией МОРПа. Так было неудивительно, что в следующем году на странице «Литературы мировой революции» (1931, № 11–12) вышло «Воззвание Лиги левых писателей Китая, протестующее против белого террора гоминьдана и империалистов», которое опубликовала Левая лига после того, как патристические писатели Ху Епинь, Инь Фу, Жоу

Ши, Ли Вэйсэнь, Фэн Кэн были расстреляны в феврале 1931 г.

Помимо этого, в первой половине 1930-х гг. Эми Сяо издал в СССР несколько своих авторских сборников стихов в переводе А.И. Ромма (1898–1943). Его первый сборник стихов, посвящённый вышеуказанным Пяти мученикамлевой лиги, был опубликован в Москве в 1932 г. Дальше он выпустил «За Советский Китай» в 1934 г. и «Кровавое письмо» в 1935 г. Эти поэтические произведения, отражающие реальность Китая, сделали его известным человеком в советских литературных кругах, что было несомненно полезно для продвижения современной китайской литературы в СССР.

К тому же Б.А. Васильев по-прежнему следил за литературным процессом в Китае, призвал продолжать работу перевода и рекомендации новой китайской литературы, в том числе пролетарской литературы. Он написал, что «в советской литературе мы имеем чрезвычайно мало переводов современной китайской литературы, <...> знакомство с переводной китайской литературой вскроет и осветит такие стороны китайской жизни, которые явятся лучшей иллюстрацией к анализу политической ситуации» [15, с. 157]. Он и утверждал, что в Китае воспринимаются все вопросы и их разрешение из новой мировой пролетарской литературы, «простые переводы для нас недостаточны. <...> в нашу задачу входит установление близкой связи» [16, с. 213] с новой китайской литературой.

Таким образом, в 1930-е гг. имена современных китайских писателей, особенно писателейлевой лиги, стали больше появляться на странице советских журналов, газет и книг. В этот период Мао Дунь и Лу Синь были самым переводимыми авторами, чьи творения были не только опубликованы в разных популярных журналах, но и изданы отдельной книгой, тем более что сопутствовали рецензии и литературно-критические обзоры.

В начале 1930-х гг. произведения Мао Дуна вошли «в качестве составной части переводных материалов» [15, с. 157]. Первое появление творения писателя перед русской читающей публикой произошло в 1934 г. В этом году у него два произведения были переведены на русский, из которых одним был

рассказ «Весенний шёлк», вышедший в журнале «Интернациональная литература» (премница вышеупомянутого журнала «Литература мировой революции», 1934, № 3–4), а другим являлся фрагмент романа «Перед рассветом», печатаемый в журнале «Молодая гвардия» (1934, № 5). Другой фрагмент этого знаменитого романа, переведённый В.С. Пуховым (1908–1937) с английского языка, увидел свет в журнале «Интернациональная литература» (1935, № 5).

Повесть «Колебания», написанная блестящим языком, обладающая значительными литературными достоинствами, по словам Б.А. Васильева, является наиболее интересным и значительным из трилогии «Затмение» Мао Дуня «как по сюжету, так и по диагнозу очерчиваемых в нём событий и типов» [15, с. 152, 155]. Её русская версия была выпущена Государственным литературным издательством в 1935 г. Васильев служил редактором, а переводчиком выступил его ученик, кореец С.С. Син (1908–1938). Б.А. Васильев в предисловии заявил о необходимости переводить Мао Дуня, указав, что его романы считаются одними из наиболее значительных художественных произведений в современном Китае, затрагивающих все аспекты социальной жизни страны. Они имеют наиболее реальные значения для советских читателей [17, с. 12]. Через два года Хо Фу (В.С. Пухов) и В.Г. Рудман перевели на русский язык роман «Перед рассветом», издали его в «Гослитиздате». Переводчики в предисловии описали ранний творческий путь Мао Дуня, отметив, что писатель «всегда ярко и правдиво рисовал китайскую действительность», его литературный метод в ранних произведениях – метод критического реализма [18, с. 3, 5]. В советской критике Мао Дунь называется «энциклопедией китайской жизни» [19] и «писателем китайской революции» [20].

В 1935 г. советские читатели познакомились с творчеством известной писательницы Дин Лин (1904–1986), которая была активным членом Лиги левых писателей Китая, писала о духовных поисках молодёжи и об освобождении женщины. В этом году её рассказ «Наводнение» в переводе Л.Д. Позднеевой был выпущен в 11-м и 12-м выпусках дальневосточного литературно-художествен-

ного и общественно-политического альманаха «На рубеже». Во второй половине 1930-х гг. увидели свет переводы других рассказов писательницы, такие как «За ночью смерти», «Небо станет голубым», «Однажды ночью», «Новость» и «Подарок», которые были напечатаны в литературно-художественных и публицистических журналах «Южный пролетарий», «Интернационал молодёжи», «За рубежом» и «Интернациональная литература» (см. подробнее: [21, с. 70–71]).

Смерть Лу Синя в октябре 1936 г. вызвала «целую волну откликов в прессе» в СССР, но «отклики носили в основном общественно-политический, а не литературоведческий характер» [22, с. 195]. Были проведены разнообразные мероприятия в честь памяти великого писателя, вместе с этим и началась новая переводная работа по его произведениям. В 1937 г. рассказ Лу Синя «Благословения» в русском переводе Е. Книпович (1898–1988) вышел в свет в журнале «Интернациональная литература» (№ 10). В следующем году одновременно в Москве и Ленинграде выпустил юбилейный сборник статей и переводов «Лу Синь. 1881–1936» тиражом в 10 225 экземпляров. В работе над сборником приняли участие Эми Сяо и А.А. Фадеев (1901–1956). Сборник включал в себя шесть произведений Лу Синя (см. подробнее: [11, с. 7]). М. Кессель в своей рецензии на сборник указал, что писатель известен как «замечательный знаток быта китайской деревни» [23, с. 194]. На рубеже 1930–1940-х гг. были опубликованы на русском языке рассказы Лу Синя «Лекарство», «Ничтожный случай», «Моление о благоденствии», «Незначительный случай», «Снадобья», «Родина» и «Завтра», переводчиками выступали китайцы В.Г. Рудман, Н.Т. Федоренко (1912–2000), Л.Д. Позднеева (1908–1974) и Ф.Е. Богомольная.

Другим заметным современным китайским писателем в тогдaшнем СССР можно считать Сяо Цзюнь (1907–1988). Его роман «Деревня в августе», посвящённый анти-японскому движению в Северо-Восточном Китае, сначала был частично опубликован в журнале «Интернациональная литература» (1938 г.) в переводе М. Уханского, а в 1939 г. уже был выпущен отдельной книгой в Гослитиздате в переводе М.Г. Жданова (1907–

1941). Эми Сяо в разработке и публикации книги принял участие и отметил, что «цель издания перевода этого романа заключается в том, чтобы советские читатели могли ознакомиться с новой китайской революционной литературой» [24]. Роман получил высокую оценку, поскольку тема романа «была одобрена и поддержана Советским государством, выступавшим против японской агрессии в Китае <...> Критики, как правило, рассматривали идейное содержание, а художественные достоинства практически не анализировались» [25, с. 177-178]. В.Г. Рудман называл Сяо Цзюня первым и наиболее даровитым представителем новой антияпонской литературы, кто умеет «тонко подмечать характерные чёрточки людей разных социальных прослоек и различных профессий» [26, с. 192].

Кроме вышеуказанных литературных фигур, ещё стоит назвать имена Е Шэнтао (1894–1988), Ба Цзиня (1904–2005), Жоу Ши (1902–1931), Чжан Тяньи (1906–1985) и Яо Сюэиня (1910–1999), чьи произведения разбросаны в различных изданиях 1930-х гг. (см. подробнее: [11, с. 8]).

СУДЬБА ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В 1920–1930-е гг. в переводе новой китайской литературы принял участие ряд молодых китаистов, среди них были не только русские, но и китайцы и корейцы, проживающие в СССР. Первое обращение переводчиков к современной китайской литературе было связано с их впечатлениями от жизни и работы в Китае, которые в той или иной степени влияли на выбор авторов и произведений для перевода. А издание переводной китайской литературы во многом определялось советской культурной политикой. Как сказал современный русский китаевед В.Г. Дацышен: «На протяжении всего советского периода изучение Китая в СССР было делом не только научным, но и политическим. Не случайно на всех этапах истории этого периода китаеведы, по своей воле или вопреки ей, <...> становились объектом политической критики» [3, с. 253]. В период репрессий 1930-х гг. большинство из переводчиков новой китайской литературы подверглось преследованиям.

В.М. Алексеев уделял новому Китаю пристальное внимание с самого начала своей научной деятельности. Его личные наблюдения – наблюдения глубокого знатока китайской классической культуры, кабинетного ученого-энциклопедиста, практика-путешественника [8, с. 269], прошедшего в Китае не один год (1907–1909, 1912, 1926). Его лекция о новой китайской поэзии, прочитанная во Франции, и опубликованная книга показывали его известную научную честность и смелость выразить своё неприятие пропагандистских тенденций современной китайской науки. Его опасения по поводу смешения политики с наукой предвосхитили многое в дальнейшем развитии современной китайской литературы [7, с. 370-371]. В конце 1930-х гг. основные нападки на академика В.М. Алексеева были связаны с выходом в 1937 г. в Париже его книги «Китайская литература». Вторая проблема была вызвана критическим отношением в прошлом В.М. Алексеева к одному из ведущих китайских мыслителей той эпохи Ху Ши [3, с. 260-261].

Ученик Алексеева Б.А. Васильев, будучи первым переводчиком с китайского на русский язык художественного произведения Лу Синя, получил своё первое живое впечатление о новой китайской литературе в период работы в Китае (1924–1927). При работе с китайскими сотрудниками он узнал о большой разнице между классическим языком вэньянь и повседневным языком байхуа, а благодаря близкому знакомству с переводчиком русской литературы Цао Цзинхуа он почувствовал достоинство произведений Лу Синя, которые в то время высоко оценивались в Китае. Отсюда Б.А. Васильев начал следить за развитием современной китайской литературы. Он переводил и издавал произведения современных писателей, писал научные статьи и рецензии по китайской литературе. В ноябре 1937 г. Б.А. Васильев был арестован, расстрелян 24 ноября в Ленинграде в один день с рядом других востоковедов. При аресте были изъяты и пропали докторская диссертация и многие другие рукописи неизданных трудов [27]. Другой ученик Алексеева А.А. Штукин, который перевёл произведения Лу Синя и известен до сих пор как переводчик древнейшего памятника китайской литературы «Ши Цзин», был аресто-

ван в июле 1938 г., а в следующем году был приговорен к 5 годам исправительно-трудового лагеря.

З.В. Казакевич, переведившая произведения Лу Синя и Е Шэнтао, тоже проживала в Китае некоторое время. В 1925–1928 гг. она работала драгоманом в советском консульстве в Чугучаке провинции Синьцзяна. После возвращения в СССР в 1928 г. она занималась переводом с китайского языка художественной литературы и преподаванием китайского языка. В годы репрессий Казакевич не укрылась от гонения. В январе 1938 г. она была выслана в Казахстан без указания срока высылки, умерла в мае 1940 г. С.С. Син, впервые выполнивший перевод на русский язык повести «Колебания» Мао Дуня, родился в Приморье, по национальности был корейцем. После окончания Ленинградского университета в 1932 г., он изучал дунганский язык под руководством Б.А. Васильева и занимался переводом китайской литературы. В годы репрессий он был дважды арестован, в начале 1938 г. был приговорён к высшей мере наказания и скоро расстрелян. Другой важный переводчик произведения Мао Дуня Хо Фу (В.С. Пухов) на самом деле был китайцем из семьи учителя в Гуанчжоу, арестован в сентябре 1937 г., в конце того года расстрелян в Ленинграде. Переводчик произведения Сяо Цзюня М.Г. Жданов родился в Харбине, был арестован в 1939 г. и расстрелян в 1941 г. по обвинению в шпионаже.

Репрессии в 1930-е гг. нанесли тяжелейший удар русскому китаеведению. В конце 1930-х гг. первая профессиональная группа переводчиков современной китайской литературы в СССР была уничтожена в своём зародыше. Более того, в 1937 г. началась японо-китайская война, на два года позже СССР был вовлечён во Вторую мировую войну, обе страны находились на военном положении, из-за чего литературная переводческая деятельность китаеведов претерпевала различные трудности. На рубеже 1930–1940-х гг. начала вырастать новая группа переводчиков, которая обратила своё внимание на современную китайскую литературу. Среди этих переводчиков следует упомянуть Н.Т. Федоренко и Л.Д. Позднееву. Н.Т. Федоренко окончил китайское отделение Московского института востоковедения в 1937 г.,

затем поступил в аспирантуру и работал над переводом и изучением китайской литературы под руководством В.М. Алексеева. В 1939 г. он был отправлен в Китай на дипломатическую работу. В течение 12-летнего пребывания в Китае он организовал и участвовал в многочисленных мероприятиях по расширению культурного обмена между Китаем и Советским Союзом, установив тесные контакты с китайскими деятелями культуры и приобретя богатые материалы для изучения китайской культуры. Его деятельность во многом способствовала переводу и изданию современной китайской литературы в СССР после войны. Л.М. Позднеева известна как крупнейший исследователь китайской литературы. Её отец был востоковед Д.М. Позднеев. В период учебы в ЛГУ она изучала китайский язык под руководством В.М. Алексеева и преподавателя из Китая Цао Цзинхуа. После окончания университета в 1932 г. она занималась преподаванием китайского языка и переводом китайской литературы. В 1930-е гг. она вышла замуж за профессионального переводчика русского языка Чжан Сичоу (1905–1989), который в 1927–1948-е гг. жил и работал в СССР. Межнациональный брак дал ей возможность общаться со деятелями культуры Китая, что принесло пользу для её изучения китайской литературы [28, с. 27]. Можно сказать, что с перевода начались академические карьеры Н.Т. Федоренко и Л.М. Позднеевой, которые в 1950-е гг. достигли выдающихся успехов в изучении наследия Лу Синя и современной китайской литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1920-е гг. в СССР началось знакомство с новой китайской литературой, появившейся после «движения 4 мая», когда возникает планирование системного издания произведений восточных авторов. Наследуя традиции классической российской синологии, В.М. Алексеев провел первые серьёзные исследования по новой китайской поэзии, проанализировал стихи Ху Ши. Вслед за тем ряды молодых китаистов, имеющих опыт проживания в Китае, приступили к переводу и изданию повествовательной прозы современного Китая, в ходе которого играли ак-

тивную роль и китайские литераторы, проживающие в СССР, особенно после образования Лиги левых писателей Китая. В 1930-е гг. произведения Лу Синя, Мао Дуня и Сяо Цзюня вызвали в советском обществе резонанс, поскольку они внесли в китайскую литературу новые темы, образы, художественные приемы и др., ярко отражали общест-

венные перемены Китая. В годы репрессий главные профессиональные переводчики новой китайской литературы подверглись преследованиям, вследствие чего переводы и издание литературных произведений едва не остановились. И ситуация менялась только к концу 1940-х гг., когда новая переводческая группа выросла.

Список источников

1. Голыгина К.И. Изучение китайской классической литературы в России // Духовная культура Китая. Т. 3. СПб.: Вост. лит., 2008. С. 176-193.
2. Меньшиков Л.Н. Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы // Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. М., 1997. Т. 1. С. 5-20.
3. Дацьишен В.Г. История русского китаеведения: 1917–1945 гг. М.: Весь Мир, 2015. 349 с.
4. Андреев Ю.К. Из истории китайской книги в России в первые годы Советской власти // Вестник НГУ. Серия «История, филология». Т. 1. Вып. 2. Востоковедение. 2002. С. 78-81.
5. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. Кн. 1. М.: Вост. лит., 2002. 574 с.
6. Ольденбург С.Ф. Вступительная статья // Восток. 1922. Кн. 1. С. 3-6.
7. Doleželová-Velingerová M. European studies of modern Chinese literature // Europe Studies China: Papers from an International Conference on the History of European Sinology. L.: Han-shan Tang Books, 1995. P. 368-391.
8. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. Кн. 2. М.: Вост. лит., 2002. 511 с.
9. Алексеев В.М. Изучаете ли вы новую поэзию? // Восток. 1925. Кн. 5.
10. 彭齡, 章誼. 王希礼与俄译本《阿Q正传》 // 人物. 2010(02): 18-23. [Лэн Лин, Чжан И. Б.А. Васильев и русский перевод «Подлинная история А-Кью» // Персона. 2010. № 2. С. 18-23]. (На кит. яз.)
11. Шэ Сяолин, Вэнь Цзянь. Современная китайская художественная проза (1919–1949) в России: ранний перевод, издание и изучение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 1. С. 4-18.
12. Лу Синь. Правдивая история А-Кея. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
13. Фрид Я. Рецензия: Лу Синь. Правдивая история А-Кея // Новый мир. 1929. № 11. С. 255.
14. Васильев Б.А. Рец.: Правдивое жизнеописание. Повести и рассказы // Записки коллегии востоковедов. Т. IV. Л.: Академия наук СССР, 1930. С. 286-295.
15. Васильев Б.А. Рец.: Мао-Дунь. Трилогия («Разочарование», «Колебания», «В поисках») // Библиография Востока. Вып. 2–4. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. С. 151-157.
16. Васильев Б.А. Левый фронт в китайской литературе // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. 1934. Т. 2. Вып. 4. С. 203-228.
17. Мао Дунь. Колебания. Роман. Пер. С. Сина. Л.: Гослитиздат, 1935. 256 с.
18. Мао Дунь. Перед рассветом. Л.: Гослитиздат, 1937. 652 с.
19. Рудман В. Писатель китайской революции (Мао Дунь – Шэнь Янь-бин) // Литер. Современник. 1936. № 5. С. 154-164.
20. Рудман В. Энциклопедия китайской жизни // Книжные новости. 1937. № 8. С. 34-35.
21. Скачков П.Е., Глаголева И.К. Китайская художественная литература. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. 164 с.
22. Сорокин В.Ф. Изучение новой и современной китайской литературы в России // Духовная культура Китая. Т. 3: Литература. Язык и письменность. М.: Вост. лит., 2008. С. 193-202.
23. Кессель М. Рецензия на книгу «Лу Синь. 1881–1936» // Интернациональная литература. 1938. № 7. С. 194-195.
24. 中国新文学在苏联:八月的乡村译成俄文出版 // 长风. 1940 年第 1 卷第 2 期: 192 [Новая китайская литература в Советском Союзе. Издание русского перевода «Деревня в августе» // Чанфэн. 1940. Т. 1. № 2. С. 192]. (На кит. яз.)
25. Лебедева Н.А. Изучение современной литературы Северо-Восточного Китая (1919–1949) в СССР и России: история, проблемы, перспективы // Общество и государство в Китае: материалы 34 науч. конф. М.: Вост. лит., 2004. С. 177-183.
26. Рудман В. Рецензия: Тянь Цзюнь. Деревня в августе // Звезда. 1939. № 12. С. 190-193.

27. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
28. 李明滨波兹涅耶娃的学术成就和对中俄文化交流的贡献 // 中国俄语教学, 2008(04): 27-29 [Ли Минбинь. Научные достижения Л.М. Позднеевой и её вклад в российско-китайский культурный обмен // Русский язык в Китае. 2008. № 4. С. 27-29]. (На кит. яз.)

References

1. Golygina K.I. Izucheniye kitayskoy klassicheskoy literatury v Rossii [The study of Chinese classical literature in Russia]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China]. St. Petersburg, Oriental Literature Publ., 2008, vol. 3, pp. 176-193. (In Russian).
2. Menshikov L.N. Roman «Son v krasnom tereme» – vershina kitayskoy klassicheskoy literatury [The novel “Dream of the Red Chamber” – the pinnacle of Chinese classical literature]. *Tsao Syue-tsin'. Son v krasnom tereme*. [Cao Xueqin. Dream of the Red Chamber]. Moscow, 1997, vol. 1, pp. 5-20. (In Russian).
3. Datsyshen V.G. *Istoriya russkogo kitayevedeniya 1917–1945* [A History of Russian Chinese Studies: 1917–1945]. Moscow, Ves Mir Publ., 2015, 349 p. (In Russian).
4. Andreev Y.K. Iz istorii kitayskoy knigi v Rossii v pervyye gody Sovetskoy vlasti [From the history of Chinese book in Russia in the first years of Soviet government]. *Vestnik NGU. Seriya «Istoriya, filologiya»*. Vyp. 2. *Vostokovedeniye* [Vestnik of the NSU. Series “History and Philology”. Issue 2. Oriental Studies], 2002, vol. 1, , pp.78-81. (In Russian).
5. Alekseev V.M. *Trudy po kitayskoy literature. Kn. 1* [Works on Chinese Literature. Bk 1]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2002, 574 p. (In Russian).
6. Oldenburg S.F. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. *Vostok* [East], 1922, bk 1, pp. 3-6. (In Russian).
7. Doleželová-Velingerová M. European studies of modern Chinese literature. *Europe Studies China: Papers from an International Conference on the History of European Sinology*, London, Han-shan Tang Books Publ., 1995, pp. 368-391.
8. Alekseev V.M. *Trudy po kitayskoy literature. Kn. 2* [Works on Chinese Literature. Bk 2]. Moscow, Oriental literature Publ., 2002, 511 p. (In Russian).
9. Alekseev V.M. Izuchayete li vy novuyu poeziyu? [Do you study new poetry?]. *Vostok* [East], 1925, bk 5. (In Russian).
10. 彭龄, 章谊. 王希礼与俄译本《阿Q正传》 [A-Q's True Story]. *Persona* [Portrait], 2010, no. 2, pp. 18-23. (In Chinese).
11. She Xiaoling, Wen Jian. Sovremennaya kitayskaya khudozhestvennaya proza (1919–1949) v Rossii: ranniy perevod, izdaniye i izucheniye [Modern Chinese Fiction (1919–1949) in Russia: Early Translation, Publication and Research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika – Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, vol. 13, issue 1, pp. 4-18. (In Russian).
12. Lu Xin. *Pravdivaya istoriya A-Keya* [The True Story of Ah-Q]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, 188 p. (In Russian).
13. Fried Y. Retsenziya: Lu Sin'. Pravdivaya istoriya A-Keya [Review: Lu Xin. The True Story of A-Q]. *Novyy mir* [New World], 1929, no. 11, p. 255. (In Russian).
14. Vasiliev B.A. Retsenziya: Pravdivoye zhizneopisaniye. Povesti i rasskazy [Review: True biography. Novels and stories]. *Zapiski kollegii vostokovedov* [Notes of the Collegium of Orientalists]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1930, vol. 4, pp. 286-295. (In Russian).
15. Vasiliev B.A. Retsenziya: Mao-Dun'. Trilogiya («Razocharovaniye», «Kolebaniya», «V poiskakh») [Review: Mao-Dun. Trilogy (“Disillusions”, “Waverings”, “Pursuits”).] *Bibliografiya Vostoka. Vypusk 2–4* [Bibliography of the East. Issue 2–4], Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1934, pp. 151-157. (In Russian).
16. Vasiliev B.A. Levyy front v kitayskoy literature [The Left Front in Chinese Literature]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences], 1934, vol. 2, issue 4, pp. 203-228. (In Russian).
17. Mao Dun. *Kolebaniya* [Waverings]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1935, 256 p. (In Russian).
18. Mao Dun. *Pered rassvetom* [Before Sunrise], Leningrad, Goslitizdat Publ., 1937, 652 p. (In Russian).
19. Rudman V. Pisatel' kitayskoy revolyutsii (Mao Dun – Shen Yan-bin) [A Writer of the Chinese Revolution (Mao Dun – Shen Yan-bing)]. *Literaturnyy Sovremennik* [Literary Contemporary], 1936, no. 5, pp. 154-164. (In Russian).

20. Rudman V. Entsiklopediya kitayskoy zhizni [Encyclopedia of Chinese Life]. *Knizhnyye novosti* [Book News], 1937, no. 8, pp. 34-35. (In Russian).
21. Skachkov P.E., Glagoleva I.K. *Kitayskaya khudozhestvennaya literatura. Bibliografiya rus-skikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke* [Chinese Fiction. Bibliography of Russian Translations and Critical Literature in Russian]. Moscow, All-Union book house Publ., 1957, 164 p. (In Russian).
22. Sorokin V.F. Izucheniye novoy i sovremennoy kitayskoy literatury v Rossii [The study of new and modern Chinese literature in Russia]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya. T. 3* [Spiritual Culture of China. Vol. 3]. St. Petersburg, Oriental Literature Publ., 2008, pp. 193-202. (In Russian).
23. Kessel M. Retsenziya na knigu «Lu Sin'. 1881–1936» [Review of the book “Lu Xin. 1881–1936”]. *International'naya literatura* [International Literature], 1938, no. 7, pp. 194-195. (In Russian).
24. 中国新文学在苏联:八月的乡村译成俄文出版 [The New Chinese Literature in Soviet Union: “Village in August”]. *Chanfen* [Changfeng], 1940, vol. 1, no. 2, p. 192. (In Chinese).
25. Lebedeva N.A. Izucheniye sovremennoy literatury Severo-Vostochnogo Kitaya (1919–1949) v SSSR i Rossii: istoriya, problemy, perspektivy [Studies of modern literature of North-East China (1919–1949) in the USSR and Russia: History, Problems and Prospects]. *Materialy 34 nauchnoy konferentsii «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye»* [Proceedings of the 34th Academic Conference “Society and State in China”]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2004, pp. 177-183. (In Russian).
26. Rudman V. Retsenziya: Tyan' Tszyun'. Derevnya v avguste [Review: Tian-Jun. The Village in August]. *Zvezda* [Star], 1939, no. 12, pp. 190-193. (In Russian).
27. Vasilkov Y.V., Sorokina M.Y. *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertvy politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and Destinies. A Biographical and Bibliographical Dictionary of Orientalists – Victims of Political Repression During the Soviet Period (1917–1991)]. St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2003, 496 p. (In Russian).
28. 李明滨.波兹涅耶娃的学术成就和对中俄文化交流的贡献 [L.M. Pozdneyeva's academic achievements and her contribution to Russian-Chinese cultural exchange]. *Russkiy yazyk v Kitaye* [Russian Language in China], 2008, no. 4, pp. 27-29. (In Chinese).

Информация об авторах

Шэ Сяолин, PhD, научный сотрудник факультета русского языка и литературы, Университет имени Сунь Ятсена, г. Гуанчжоу, Китайская Народная Республика, ORCID: 0000-0002-3366-3535, shexling3@mail.sysu.edu.cn

Вклад в статью: идея и концепция исследования, анализ литературы, написание части текста и окончательное одобрение рукописи.

Ли Мэнья, магистр правовых наук, преподаватель Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика, ORCID: 0000-0002-3469-9580, 125159203@qq.com

Вклад в статью: обработка и редактирование материала, написание части текста, перевод и редактирование статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 22.06.2022
Одобрена после рецензирования 14.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Xiaoling She, PhD, Researcher of Department of Russian Language and Literature, Sun Yat-sen University, Guangzhou, People's Republic of China, ORCID: 0000-0002-3366-3535, shexling3@mail.sysu.edu.cn

Contribution: idea and study conception, literature analysis, part of text drafting and final manuscript approval.

Mengya Li, Master's Degree Student of Law, Lecturer of Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China, ORCID: 0000-0002-3469-9580, 125159203@qq.com

Contribution: material processing and editing, part of text drafting, manuscript translating and editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 22.06.2022
Approved after reviewing 14.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 882(092)

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581

Мотив возвращения родного дома в прозе Фёдора Абрамова и Валентина Распутина

Валентина Яковлевна ИВАНОВА

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

664025, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 8

✉ i_valya@mail.ru

Аннотация. В сравнительно-типологическом анализе произведений двух классиков деревенской прозы Ф. Абрамова и В. Распутина выявляется общность мотива возвращения родного дома, связанного с мотивами возвращения домой и его восстановления, особенно актуального в контексте российской истории и культуры XX–XXI веков. Обосновано, что образ родного дома как родительский, расширенный до метафоры родного края, родной страны, главная духовная ценность в прозе обоих писателей, даёт главным героям произведений полноту и осмысленность жизни, возвращение к себе, подлинность. Сделан вывод, что образ родного дома в прозе двух писателей связан с образом разрушенного, брошенного дома или его утратой, и с мотивом его обретения, восстановления. В статье проанализированы роман Ф. Абрамова «Дом» из тетралогии «Братья и сёстры» и рассказ «Медвежья охота», а также рассказы В. Распутина «День рождения», «Изба», очерк «Вниз и вверх по течению», повесть «Пожар». Художественный образ родного дома и связанные с ним мотивы возвращения домой и возвращения дома в прозе двух писателей свидетельствуют об устойчивости данного образно-мотивного комплекса, о стремлении укрепить его в русской литературе во всей полноте и многозначности как нравственную опору. Анализ основан на аксиологическом подходе В.Е. Хализева, концепции этнопоэтики В.Н. Захарова, на работах Т.И. Радомской. Результаты исследования могут быть использованы в школьном и вузовском преподавании истории русской литературы, культурологии.

Ключевые слова: русская литература, образ родного дома, мотив возвращения домой, образ разрушенного дома, мотив возвращения родного дома

Для цитирования: Иванова В.Я. Мотив возвращения родного дома в прозе Фёдора Абрамова и Валентина Распутина // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 571-581. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The motive of native home returning in the prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin

Valentina Y. IVANOVA

Irkutsk State University
8 Lenin St., Irkutsk 664025, Russian Federation
✉ i_valya@mail.ru

Abstract. In a comparative typological analysis of the works of two classics of rural prose F. Abramov and V. Rasputin, the commonality of the motive of native home returning, associated with the motives for returning home and its restoration, is revealed, which is especially relevant in the context of Russian history and culture of the 20th-21st centuries. We substantiate that the native home image as a parental one, expanded to a metaphor of the native land, native country, the main spiritual value in the prose of both writers, gives the main characters of the works the fullness and meaningfulness of life, return to themselves, authenticity. We conclude that the native home image in the prose of two writers is associated with the image of destroyed, abandoned house or its loss, and with the motive of its acquisition, restoration. The work analyzes the novel by F. Abramov “The House” from the tetralogy “Brothers and Sisters” and the story “Bear Hunt”, as well as the stories by V. Rasputin “Birthday”, “The Hut”, the essay “Down and Upstream”, the story “The Fire”. The artistic image of native home and associated motives of returning home and home returning in the prose of two writers testify to the stability of this figurative-motive complex, the desire to strengthen it in Russian literature in its entirety and ambiguity as a moral support. The analysis is based on the axiological approach of V.E. Khalizeva, V.N. Zakharov’s concepts of ethnopoetics, on T.I. Radomskaya’s works. The study results can be used in school and university teaching of Russian literature history, culturology.

Keywords: Russian literature, native home image, motive for returning home, destroyed home image, motive of native home returning

For citation: Ivanova V.Y. Motiv vozvrashcheniya rodnogo doma v proze Fëdora Abramova i Valentina Rasputina [The motive of native home returning in the prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 571-581. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Родной дом как центр мироздания русского человека является ведущим художественным образом в прозе Ф. Абрамова и В. Распутина. Сюжеты многих произведений этих писателей определяются образом родного дома. Их образный мир выделяет аксиологический аспект человеческой жизни с корневыми ценностями русской культуры – родного дома и семьи, определяющими внутреннее родство и цельность народа. «И верно – по Руси – России, как по матери, мы

все кровная родня»¹, писал в поздние годы В. Распутин. В.Е. Хализев, рассматривая художественный мир поэмы Пушкина «Домик в Коломне», выделил главную составляющую, определившую, по его мнению, последующее развитие русской литературы. «Главное же, своим «Домиком в Коломне» Пушкин открывал дорогу столь важному в составе отечественной литературной класси-

¹ *Распутин В.Г. У нас остаётся Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т.И. Маршкова; предисл. В.Я. Курбатова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 667.*

ки нравоописанию, которое органически сопряжено с темой дома, не имеет ничего общего с отчужденностью автора от героев и, будучи свободным от идеализации изображаемого, вместе с тем отмечено тёплой печалью и задушевностью, сердечным приятием и доброжелательным юмором» [1, с. 126]. Среди прямых наследников в изображении темы дома исследователь называет деревенскую прозу. При анализе эстетики быта в творчестве Н.С. Лескова в специфике изображения вещного мира В.Е. Хализев также выделяет «...неколебимое «чувство дома» в самом серьёзном смысле этих слов» [1, с. 278]. Это чувство дома является ориентиром в жизненных и душевных коллизиях главных героев Ф. Абрамова и В. Распутина, воплощаясь в мотивах стремления и возвращения домой. Кроме того, в споре об отечественной классике в начале XX века, вслед за другими литературоведами, В.Е. Хализев классифицирует атмосферу семейного тепла не как стадию русской жизни, а как её константу [1, с. 46], характеризуя не эпизодичностью мотив семейного тепла в русской литературе, а устойчивостью. В итоге тему дома в русской классической литературе, эмоционально окрашенную тёплой печалью, задушевностью, сердечностью и юмором, В.Е. Хализев определяет как ведущую ценностную ориентацию отечественной литературы. Продолжая мысль учёного, можно сказать, что в русской литературе XX века данная тема получает новые смысловые повороты – коннотации боли, страдания за разрушенный дом, с чем связано и появление мотива восстановления родного дома.

Образ родного дома и отечества как дома в русской литературе первой трети XIX века достаточно полно раскрыла Т.И. Радомская [2]. Обращение к теме и образу дома в литературе названного периода автор монографии объясняет исторически – как потребность после петровских реформ восстановить духовность и цельность русского сознания. Рассматривая образ Дома и Отечества внутри христианско-православной традиции, Т.И. Радомская раскрывает значимость русской литературы первой трети XIX века (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов) в изображении родного дома как прообраза Дома Небесного. Образ дома, по убеждению автора, «...художест-

венно осмыслялось, отражалось в русской литературе на протяжении веков <...>» [2, с. 4]. Дом – это место, где человеку «...предстоит осуществить своё человеческое призвание – «самостоянье», стать самим собой» [2, с. 92]. В романе «Евгений Онегин», по мнению исследователя, образ дома «...представлен через восстановление духовной основы человека <...>» [2, с. 136]. Вместе с мотивом мучительного обретения дома в русской литературе первой трети XIX века возникает и мотив пути к дому, возвращения домой, который рассматривается исследователем как реминисценция евангельского мотива возвращения блудного сына.

В следующей работе, рассматривая образ дома, Т.И. Радомская выделяет его новый аспект – судьбу дома, фиксируя внимание на изменении данного образа в русской литературе XIX–XX веков [3]. По мнению исследователя, с середины XIX века в отечественной литературе появляется тема сиротства, бездомности человека, что относится к российским просторам в целом. Автор статьи обнаруживает тему сиротства у Гоголя и Достоевского, изобразивших её как общую опасность российской жизни. Эта же тема сиротства переходит в русскую литературу XX века, что обусловлено исторически. «История XX века ознаменовалась потерей Дома во всех его проявлениях. В жизни семейной, государственной, духовной человек в полной мере познал своё сиротство» [3]. Особенностью русской жизни и её отражения в русской литературе XX века, по утверждению Т.И. Радомской, становится «отсутствие Дома» [3]. Следуя рассуждениям исследователя, можно сказать, что, продолжая свое развитие, образ дома в русской литературе XX века претерпевает существенные трансформации и получает вместе с этим новый мотивный комплекс.

Наблюдения и выводы Т.И. Радомской важны при изучении особенностей деревенской прозы. Образ дома как культурная доминанта, таким образом, обнаруживается в русской литературе XX века. Обращение к образу дома обусловлено теми же историческими причинами, что и в русской литературе первой трети XIX века, указанными Т.И. Радомской, – потребностью восстановить национальное ядро культуры – только

теперь уже после социально-экономических реформ, разрушений, духовных травм XX века. Деревенская проза выполняла задачу сохранения констант национального сознания в сложный, неоднозначный политический период отечественной истории. О таком значении русской литературы в течение 1960–1980-х гг. писал В. Распутин, метафорически используя центральный для отечественной культуры мотив, – возвращение домой².

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В сравнительно-типологическом анализе произведений двух классиков деревенской прозы Ф. Абрамова и В. Распутина выявляется общность мотива возвращения родного дома, связанного с мотивами возвращения домой и его восстановления, особенно актуальными в контексте российской истории и культуры XX–XXI веков с резкими поворотами и радикальными отказами от традиций. Проза двух писателей продолжает раскрывать сущностный и прогностический потенциал в современной отечественной культуре. При анализе в данной работе используются аксиологический подход изучения русской литературы В.Е. Хализева [1], его теория культурной доминанты [4], выделяющие константные начала отечественного бытия и сознания, а также концепция этнопоэтики В.Н. Захарова [5; 6], работы Т.И. Радомской [2; 3]. Историческая динамика утверждения аксиологического подхода в отечественном литературоведении убедительно представлена в работе О.В. Никандровой и В.Е. Хализева [7].

Концепция этнопоэтики, согласно её создателю, заключается в выявлении национального своеобразия конкретной литературы, обозначения её места в мировом литературном процессе [6, с. 10]. Одним из объяснений, на наш взгляд, того, что делает литературу национальной, является мотивный комплекс. В.Н. Захаров, утверждая, что с уходом В.Г. Распутина из жизни «...завершилась классическая традиция русской литературы» [8, с. 12], укрепляет позицию писа-

теля в развитии этой традиции как преемника, в том числе и культурных доминант, образов и мотивов. Понятие «мотив», введённое в отечественное литературоведение А.Н. Веселовским как «простейшая повествовательная единица», и понятие «сюжет» как «комплекс мотивов» (см.: [9, с. 9]) в данной статье рассматриваются в соответствии с первоначальным значением. Название «мотив возвращения родного дома» используется в качестве рабочего, ситуативного термина. Подобный статус термина уместен, согласно рассуждениям В.Е. Хализева, при изучении конкретных произведений и при постановке конкретных задач [10, с. 5]. При этом необходимым в определении мотива является слово «возвращение», так как оно вводит в название упоминание о важной сюжетной части – возвращении в родной дом. Таким образом, мотив возвращения родного дома в данной статье включает в себя значение восстановления родного дома и обязательный компонент возвращения человека в родной дом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тетралогия Ф. Абрамова «Братья и сёстры» держится сквозным, магистральным образом родного дома, понимаемого расширенно, – до деревни, родного края. События, изображённые в романах, происходят в Печашине в течение двух десятилетий. Тетралогию замыкает роман «Дом», сюжетно близкий к притче, как развернутая метафора единства русского народа, – собиранье семьи в родном доме. С образом родительского дома связан образ семьи Пряслиных, объединяющий кровным родством, домом, землёй людей с разными судьбами. В сюжете романа «Дом» можно отметить метафорическое значение самого хода событий: жизнь старшей сестры Лизы в чужом доме, получение этого дома в наследство, потеря его и обретение собственного дома, родительского, и, наконец, собиранье всей семьи в этом доме. Ключевым в романе является как сам образ родного дома, так и мотив его восстановления, мотив возвращения братьев и сестры домой. И в этом обнаруживается главный смысл сюжета всей тетралогии как метафоры –

² *Распутин В.Г.* Жива ли русская литература: (история болезни) // Ленская правда. Качуг, 1997. 28 марта. С. 2-3.

ощущение русского народа себя одной большой семьёй.

Мотив разрушенного дома особенно пронзительно прозвучал в творчестве Ф. Абрамова в рассказе «Медвежья охота» (1963–1964). За сюжетом медвежьей охоты скрывается второй, главный сюжет – встреча с родным, родительским домом. Обнаружение в глухом лесу разрушенных домов, которых когда-то было девятнадцать, в рассказе представлено как встреча. Отношение к брошенному дому дано с четырёх, во многом противоположных позиций: бездомного, отчуждённого от родства человека (Пашка); чужих по отношению к дому людей; человека, выросшего в его стенах; а также с позиции повествователя, отзывчивого и чуткого человека. Таким образом, читатель видит дом эмоционально по-разному окрашенным, что даёт объёмность изображению. Повествователь первым разглядел дом за кустами среди полей. Его душа выделила его из природного мира. Во время охоты человек неотступно смотрит в сторону дома, отмечая смену в течение дня цвета крыши. Вначале она освещена солнцем, розовая от заката, затем гаснет, скрываемая белым густым туманом. Дом предстаёт старым, брошенным на произвол судьбы, озарённым душевным светом. Оставленный людьми, он становится главным героем произведения, потеснив предмет медвежьей охоты. Два живых ещё дома из всей маленькой деревни представлены в восприятии повествователя, с сочувствием вглядывающегося в них среди ночи. Дом ему интересен как новый человек. «Когда разгорелся огонь, я сперва увидел мокрую рябину с обломанными нижними ветвями и красными кисточками ягод, потом пламя стало ярче, и за рябиной проступали бревенчатые стены. Рам нет – чёрные провалы вместо окон. А слева от нас, за травянистым проулком, был тоже дом и тоже без окон, и такой же густой туман окутывал его»³. Образ дома окрашен чёрным в сочетании с красным цветом рябин и производит тягостное впечатление, которое усиливается высказываниями местных жителей о бывшей счастливой жизни хозяев-«сметанников». Жизнь в постоянном труде

³ Абрамов Ф.А. О чём плачут лошади: рассказы; предисл. В. Акимова; худож. А. Милованов. М.: Дет. лит., 2017. С. 95.

давала людям в этом доме довольство и сытость, благодать. Мотивами брошенности и сиротливости отмечен образ дома в лесу.

Судьба «корнеевской поросли» и корнеевской избы – рассказ в рассказе. Новая, только что построенная изба даётся глазами ребёнка, теперь старого учителя. «Да, занятая была изба. Брёвна толстые-толстые, в обхват, а окошечки маленькие, ну прямо как в бане»⁴. Мощь избы, построенной на века, контрастна тем останкам, которые застали охотники. Обветшание дома, оставленного хозяевами, продолжает рука равнодушного человека, оказавшегося в лесу на этом месте. Только душа повествователя отзывается на беззащитность дома. «Капшин положил на огонь новую валежину – косяк от дверей с железным пробоем. Возле пробоя в косяке небольшие ямки. Это от рук, от их многолетнего касания», – скупно замечает он. Следы многолетней человеческой жизни и то, что держало конструкцию дома, использовано для ночного согревания случайного человека. Разрушение дома ещё очевиднее утром. «Я посмотрел на дом с рябиной. Крыльца нет. Наружных дверей в сени нет. К порогу приставлена плаха, и по ней теперь поднимаются в избу»⁵.

Тем не менее, красота оставленного дома ещё сохранилась в коньке-охлупне, в крепости стояков фундамента, в углах, обшитых тёсом. Судьба брошенного дома и судьба брошенной земли смыкаются с судьбой выброшенного с родного места человека – Ивана и его жены Марьи. Между тем, параллелизм образов дома и его хозяина, Ивана, высокого и светловолосого – «корнеевская поросль», – даёт надежду на возвращение домой и восстановление дома. Светлым началом, хранящим надежду, в рассказе является образ родничка возле дома, по-прежнему дарящего людям живое питьё. Иван припадает к чистой студёной воде и набирает воду жене для поднятия сил: «А как попьёт своей воды – вроде полегче, вроде оживёт немного...»⁶. Памятью о своей воде из родника солдат жил на войне. «Зуболом вода. В войну, где ни

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Там же. С. 104.

был, а такой воды не встречал»⁷. Живая и для солдата, и для старой женщины вода из студёного ключа около дома в конце рассказа несёт просветлённость, становится символом. Образ воды раскрыт и вкусом, и звуком, бульканьем в ведре, капанием воды. Светлый образ единственного наследника дома – Ивана – соединяется с образом чистого ключа и сказочной живой водой. «Только раз на каком-то пригорке вспыхнула светлая, вся в солнечных искрах, голова Ивана и погасла. <...> И всё мне казалось, что я слышу какой-то странный шемающий звук, похожий на бульканье воды в жестяном ведёрке»⁸. Жизненная сила образов хозяина дома и его родничка объединяется в восприятии повествователя.

Может быть, потому и силён мотив восстановления дома в заключительном романе тетралогии «Дом» (1978), что в творческом сознании писателя много лет не давал покоя образ брошенного, сиротливого дома. В каждом романе тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сёстры» дальним и ближним планом проходит в полноте чувств образ родного дома, то эмоциональными всплесками в памяти главных героев, то запахами, вкусами, ощущениями. Дом в первом романе «Братья и сёстры» остаётся в душе солдата и пробуждается вместе с приходом писем от близких – с домашними запахами, голосами, детскими росчерками, размывами от слёз жены. Первый роман тетралогии «Братья и сёстры» (1958) открывает тему семьи, единства родных людей, братьев и сестёр, постепенно расширяющегося до образа большой семьи, народа. В последнем романе тетралогии на первое место выходит мотив собирания семьи в родном доме, восстановлении её единства. В романе «Пути-перепутья» мотив «сёстры-братья» набирает силу и становится ведущим. «Да советские ли мы люди после этого? Братья и сёстры мы? Или кто?»⁹. Мотив родства во Христе в речи Подрезова смыкается с государственной идеологией, обнаруживая живость исконного мотива в

сознании руководителя райкома. В первом романе «Братья и сёстры» единство семьи – деревни, народа – только определяется. «Но разве перед лицом тех неслыханных мук и страданий, которые выпали на долю их сестёр и братьев, мог кто-нибудь из них сказать, что он делает всё, что может?»¹⁰, – размышляет Анфиса Петровна. «Люди из последнего помогают друг другу. И такая совесть в народе поднялась – душа у каждого насквозь просвечивает. И заметь: ссоры, дразги там – ведь почти нет. Ну как бы тебе сказать? Понимаешь, братья и сёстры... Ну, понимаешь, о чём я думаю?»¹¹. Мотив единения в семье – главный в первом и в последующих романах тетралогии.

В заключительном романе «Дом» в родное Пекашино возвращаются братья-близнецы Пётр и Григорий. Приехав в отпуск, они остаются здесь навсегда. Пётр многое переживает «как прежде», «как в детстве», что и предопределяет его решение остаться. Приходит понимание того, что у него есть семья. Вместе с этим меняется отношение к большому брату – чувство обязанности и раздражения переходит в чувство душевной привязанности. Для Петра стало обретением восстановленное чувство единения. «Самые счастливые, самые богатые годы у него в жизни те, когда он душа в душу жил с братом, когда оба они составляли единое целое, когда на всё смотрели одними глазами, одинаково думали и когда, как говаривала Лиза, им снились одни и те же сны»¹². Возвращение в детство, в родной дом подарило Петру встречу с собой, возвращение себя. «Да, он вернулся к тому, от чего отрекся и отгораживался столько лет. Вернулся к брату, к жизни, к себе»¹³. По-мужски скупыми словами подводит итог своего пребывания в родной деревне стареющий Пётр. Он остаётся на родине, готовый вместе со старшим братом Михаилом поднимать Пекашино, работать на земле. Отремонтированный Петром родительский дом собирает не только братьев – Григория, Фёдора – вокруг «мамы

⁷ Абрамов Ф.А. О чём плачут лошади: рассказы; предисл. В. Акимова; худож. А. Милованов. М.: Дет. лит., 2017. С. 104.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Абрамов Ф.А. Братья и сёстры: роман в 4 кн. Кн. третья: Пути-перепутья. Кн. четвертая: Дом. М.: Вече, 2019. С. 199.

¹⁰ Абрамов Ф. Братья и сёстры: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 82.

¹¹ Там же. С. 306.

¹² Абрамов Ф.А. Братья и сёстры: роман в 4 кн. Кн. третья: Пути-перепутья. Кн. четвертая: Дом. М.: Вече, 2019. С. 459.

¹³ Там же. С. 460.

Лизы», старшей сестры, заботившейся в детстве о младших, он мирит Михаила с Лизой после долгих лет их ссоры.

Восстановление родного дома Пётр начал с обследования чердака. И погружение в семейный архив – «...целый ворох бумаг и бумажонок, которые сюда сваливали годами»¹⁴ – дарит ему открытия. Взрослый человек попадает в собственное прошлое и прошлое своей семьи, оно тоже подталкивает его к судьбоносному решению, к будущей жизни на земле. словно врач, Пётр выстукивал и выслушивал «...каждое брёвнышко, каждую доску старого дома»¹⁵. Старый дом в романе очеловечен, он нуждается в лечении и поддержке, во врачевании. Но образ дома в последнем романе богат и другими значениями. С потерей дома Степана Андреяновича, описанного Лизе, настоящей утраты дома не происходит. И не только потому, что Пётр затевает восстановление брошенного родительского дома. Дом как цельность человека, как душевный лад, как нравственное устроение остаётся в душе Лизы. Дом как духовная и нравственная константа, существование постоянных и незыблемых ценностей, присутствует в образах главных героев тетралогии. Поэтому богатырский «янтарный», просторный дом, который «звоном звенит», с конем-охлупнем, большого мастера Степана Андреяновича, можно принять как метафору состояния души, внутреннего домоустройства главных героев, – Лизы, в первую очередь. В образе красивого дома отражена красота души, ширь, чувство родства с людьми, крепость на земле. «Главный-то дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Крепче всех кирпичей и алмазов»¹⁶, – говорит в романе «Дом» второстепенный персонаж старик Евсей, проникнув в суть души Лизы и Михаила. Событийно развёрнутое воссоздание родного дома как восстановление пространства вокруг человека, как возрождение родной земли, ее плодородия, – только часть многомерности образов и мотивов дома в прозе Ф. Абрамова. Метафорические смыслы образа

родного дома как обретения человеком себя в дополнении с мотивом восстановления разрушенного, брошенного дома извлекаются писателем из культурной памяти русского человека. Дом как прочность нравственных принципов – совести, добра, ответственности, преданности – их единства и целостности в душе человека связаны с евангельскими основами. И потому возвращение домой, восстановление родного дома на глубинном смысловом уровне русской культуры могут быть поняты как восстановление совести, добра, долга, ответственности перед людьми, перед землёй.

В прозе В. Распутина образ родного дома является главным в ряде произведений – «Василий и Василиса», «Деньги для Марии», «Последний срок», «Уроки французского», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Изба», «Вниз и вверх по течению», «Видение», «На родине». Трудно назвать рассказ или повесть В. Распутина, где образы родного дома и родины не были бы важнейшими. Сюжет повести «Последний срок» (1970) замкнут домом старухи Анны. Только её воспоминания раздвигают пространственные границы избы до ближайшего леса и пашни, до берега реки. Изба в повести – центр мироздания старой женщины. В повести «Живи и помни» (1974) стремление Андрея Гуськова вернуться в родную деревню претерпевает инверсию. Возвращение в родные края имеет вывернутый смысл, поскольку солдат нарушает долг перед родиной. Имеет обратный смысл и присутствие Гуськова в деревне – он находится вне родного дома, на другом берегу, среди тайги в зимовейке, то есть временном жилье. Сюжет повести «Прощание с Матёрой» (1976) сосредоточен вокруг родного дома – деревни, изб, в которых жило несколько поколений людей, вокруг острова Матёра. Прощание с домом – длительное и мучительное – в повести не заканчивается. Уничтожена деревня, сожжён лес, выгорела земля, но остаются люди, царский листвень, Хозяин острова, и вместе с ними Матёра остаётся живой.

Для В. Распутина тема возвращения к началу жизни – в родной дом – это возвращение к сущности, не растерянной по житейским дорогам и крутым перекатам, возвращение к себе целому. В рассказе «День рожд-

¹⁴ Абрамов Ф.А. Братья и сёстры: роман в 4 кн. Кн. третья: Пути-перепутья. Кн. четвертая: Дом. М.: Вече, 2019. С. 303.

¹⁵ Там же. С. 304.

¹⁶ Там же. С. 329.

дения» (1967) автор, ещё фактически не писатель, открывает дверь внутрь души человека. «Он работает, учится, любит, делает успехи и терпит неудачи – и все это в дороге, где дни и месяцы, как географические координаты, следуют друг за другом до последнего мгновения, когда человек поздно вечером накануне дня рождения переступает порог родного дома, в котором он появился на свет. Наконец-то он остаётся один, и у него есть время подумать о себе, прежде чем отправиться в очередное путешествие. Он вспоминает мать, детство возле матери, и эти воспоминания, молчаливые сами по себе, снова говорят ему, что он не всегда был на земле, а значит, и не всегда будет»¹⁷. Разумеется, сюжетный мотив возвращения в родной дом у Распутина многозначен. В раннем рассказе писатель открывает тему возвращения человека к самому себе, к истокам своей судьбы – к себе подлинному, как возвращение в родной дом.

Повесть «Вниз и вверх по течению» (1972), названная позднее очерком в силу автобиографичности, замечательна началом укрепления темы родного дома, важной для начинающего писателя. Главный герой обоих произведений («День рождения» и «Вниз и вверх по течению») Виктор через возвращение домой пытается найти в себе что-то потерянное. В очерке «Вниз и вверх по течению» Виктор не узнаёт выселенную на новое место родную деревню, не может ощутить то важное, ради чего он приехал, «лишившись чего-то главного, основного, какого-то центра, собиравшего их воедино, в один круг <...>»¹⁸. Но на пути домой он осознаёт необходимость детских воспоминаний. «Воспоминания, связанные с рекой, жили в нём отдельно от других, и жили тёплой душевной печалью, возле которой он часто грелся и отдыхал, перед тем как двинуться дальше. Он понимал: их сберегло детство – всё, что относится к первым впечатлениям, сохраняется надолго, может быть, навеки, но в том-то и дело, что из многого другого детство

¹⁷ Распутин В. Человек с этого света: рассказы. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1967. С. 108.

¹⁸ Распутин В.Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Последний срок: повесть, рассказы. Иркутск: Изд. Сапронов Г.К., 2007. С. 281.

выделило именно их»¹⁹. И не найдя прежним дом, Виктор крепнет сознанием, что детство осталось с ним – в этом его обретение. Очерк, как и многое у В. Распутина, звучит как пророчество и притча: сохранение себя в новой России через обращение к истокам. Мотив возвращения на родину – в мир детства, родной дом – таким образом, раскрывается во многих произведениях писателя, в повестях «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», в рассказе «Уроки французского».

Мотив потери дома звучит заключительным аккордом в повести «Пожар» (1985). Неожиданно, поскольку сюжет сосредоточен вокруг спасения продовольственных и промтоварных складов сельского магазина. «Издали-далеко видел он себя: идёт по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдёт он сейчас за перелесок и скроется навсегда»²⁰. Ощущение потери человеком дома в финале повести метафорически связано с ощущением потери себя, с потерей нравственных опор, традиций в современной действительности, раскрытой в сюжете. Отстранённость главного героя от себя, очевидная в тексте («видел себя издали-далеко»), усиливает чувство пустоты в душе – отсутствия главного, надёжного, чего-то, предопределяющего будущее. Кроме нравственных потерь в России 1980-х гг., боль от потери родной деревни присутствовала в сознании писателя с периода написания очерка «Вниз и вверх по течению» (1972) и повести «Прощание с Матёрой» (1976) до повести «Пожар» (1985). И может быть, поэтому в творческих замыслах писателя постепенно, сопротивляясь современной действительности, созрело желание запечатлеть образ родного дома целым.

В рассказе В. Распутина «Изба» (1999) топос родного дома, несмотря на его смещение, остаётся неизменным, благодаря усилиям старой женщины, восстановившей свой дом, – родное пространство вокруг себя. Больная, надорванная Агафья собрала свою избу по бревнышку и прожила в нём, опровергая прогнозы врачей, ещё почти двадцать

¹⁹ Там же. С. 225.

²⁰ Распутин В.Г. В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Изд. Сапронов Г.К., 2007. С. 82.

лет. Замечательна сама по себе дата создания рассказа – 1999 год. На стыке двух веков, двух тысячелетий писатель извлекает из памяти народа важнейший историко-культурный мотив – мотив возвращения домой и мотив возвращения родного дома. Тем самым художественно актуализируя проблемы сохранения традиций русской культуры, высказанные в статьях, интервью, докладах открытым публицистическим словом. В рассказе «Изба» парадоксальная, на первый взгляд, ситуация сохранения снятого с места дома естественна тем, что дом сохраняется как физическая, материализованная оболочка человека и как смысловая целостность. Перевоз дома с исконного места на новое, собиравание его хозяйкой, требующие полной отдачи душевных и телесных сил, является развернутой метафорой и завещанием писателя. Историей восстановления дома, актуальной для современной России, завершает В. Распутин «деревенскую» тему в своём творчестве.

Рассказ В. Распутина «Изба» (1999) продолжает мотив восстановления родного дома, представленный как предощущение, скрытая надежда в рассказе Ф. Абрамова «Медвежья охота» (1963–1964) и во всей полноте получивший образно-мотивное выражение в романе «Дом» (1978), соединяя единым стремлением русскую литературу второй половины XX века. В произведениях В. Распутина мотив утраты родного дома, остро обозначенного в очерке «Вниз и вверх по течению» и повести «Пожар», развился в рассказе «Изба» в мотив возвращения родного дома, его восстановления любой ценой ради того, чтобы человеку остаться живым. В. Распутин стал преемником Ф. Абрамова в воплощении образа родного дома и обусловленного им образно-мотивного комплекса. Мотив возвращения родного дома не связан с разрухой и потерями во Второй мировой войне, гражданской войне, революции, заполнивших всю первую половину истории России XX века. Вопрос не только о социально-исторических катастрофах и выходе из трагических последствий. Поставлен другой вопрос, обусловленный в русской культуре традиционным христианским сознанием, – об устройении человеческой души, отношении к земле, к окружающему миру, к людям, о

смысле жизни человека, о его высшем назначении. Ответы на эти вопросы писатели деревенской прозы предлагают искать в миропонимании и культуре предков, сохранивших Россию в течение тысячелетия. Едва страна оправилась от Второй мировой войны, выйдя из неё победителем, эти проблемы были поставлены в русской литературе Ф. Абрамовым. Жизнеутверждающими интонациями звучали они позднее в книге В. Белова «Лад. Очерки о народной эстетике» (1982), в которой делается попытка обратить внимание общественного сознания на истоки родной культуры – для восстановления своего дома, коренного образа жизни, лада, разумного и мудрого в нём устройства.

В статье «Его сотворённое поле. О Федоре Абрамове» (1987) В. Распутин вспоминает, что при знакомстве с писателем, которое произошло на съезде в Кремле рядом со столами продававшихся книг, они с Ф. Абрамовым купили по «Энциклопедии домашнего хозяйства», редкой по тем временам книги. «– Вот это нам и надо. Всё остальное напишем сами»²¹, – подытожил Ф. Абрамов покупку. Выбор значимый и метафоричный, хотя и объясняется по-житейски просто, заботой о подарке жене. С легкостью в те же дни Ф. Абрамов дарит В. Распутину новую пишущую машинку немецкой марки, которую молодой писатель воспринимает как счастливый и лестный для себя подарок и бережёт потом многие годы. Эти факты характеризуют Ф. Абрамова как человека. Факты знакомства, встреч, писем, общения, подарков свидетельствуют о состоявшейся и необходимой духовной связи двух писателей деревенской прозы разных поколений. Определив в той же статье В. Белова как преемника Ф. Абрамова, В. Распутин сам в свою очередь явился продолжателем идей, ценностей, художественного мира деревенской прозы.

ВЫВОДЫ

Образ родного дома как центральная духовная ценность в прозе писателей Ф. Абрамова и В. Распутина, дающая главным геро-

²¹ *Распутин В.Г.* У нас остаётся Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т.И. Маршкова; предисл. В.Я. Курбатова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 644.

ям полноту и осмысленность жизни, возвращение к себе подлинному, связан с образом разрушенного, брошенного дома или его утратой, с мотивом обретения дома, восполнения утраченного. Таким образом, мотив возвращения домой, сюжетообразующий в прозе Ф. Абрамова и В. Распутина, оказался неразрывным с мотивом его восстановления.

В поздней публицистике, подводя итоги своего литературного пути, В. Распутин актуализирует мотив возвращения домой. «Тридцать примерно лет, от 60-х до середины 80-х, русская литература <...> делала одно дело – собирала народ для возвращения домой. Из России географической, пространственной – в Россию историческую, духовную»²² («Жива ли русская литература: (история болезни)», 1997).

²² Распутин В.Г. Жива ли русская литература: (история болезни) // Ленская правда. Качуг, 1997. 28 марта. С. 2-3.

Мысль писателя обнаруживает важный пласт смысла мотива возвращения домой как возвращение в собственную культуру, как восстановление родного дома, внеличностный, социально-исторический смысл сохранения родного, того места, откуда человек родом. Отступление литературы от собственной традиции и истории воспринималось писателем как уход из дома. В. Распутин хранил надежду, что народ сможет вернуть чувство единения, ощущение себя одним целым, семьёй, вернуться в родной дом. Возвращение современной отечественной литературы на родину ожидается писателем как возвращение к своей судьбе, высшему смыслу жизни народа, связанному с нравственными ценностями предков, историей страны.

Список источников

1. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
2. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 240 с.
3. Радомская Т.И. В поисках утраченного: судьбы дома и их художественное воплощение в русской литературе XIX–XX вв. // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. № 1 (14). С. 41.
4. Хализев В.Е. Интуиция совести (теория доминанты А.А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск, 2001. С. 21-42.
5. Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
6. Захаров В.Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7-19. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8382>
7. Никандрова О.В., Хализев В.Е. Научные школы и внеакадемическое литературоведение в России XX века // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 36-54.
8. Захаров В.Н. Есть ли у нас литература? Концепты *литература* и *словесность* в русской критике // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 7-15. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.4043>
9. Захаров В.Н. Снова о перспективах изучения исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5021>
10. Хализев В.Е. О языке современного литературоведения // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 2. С. 3-12.

References

1. Khalizev V.E. *Tsennostnyye oriyentatsii russkoy klassiki* [Value Orientations of Russian Classics]. Moscow, Gnosis Publ., 2005, 432 p. (In Russian).
2. Radomskaya T.I. *Dom i Otechestvo v russkoy klassicheskoy literature pervoy trety XIX v. Opyt dukhovnogo, semeynogo, gosudarstvennogo ustroyeniya* [Home and Fatherland in Russian Classical Literature of the First Third of the 19th Century. Experience of Spiritual, Family, State Dispensation]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2006, 240 p. (In Russian).

3. Radomskaya T.I. V poiskakh utrachennogo: sud'by doma i ikh khudozhestvennoye voploshcheniye v russkoy literature XIX–XX vv. [Search of the lost: fate of home and its creative execution in the Russian literature 19th–20th centuries]. *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture], 2018, no. 1 (14), pp. 41. (In Russian).
4. Khalizev V.E. Intuitsiya sovesti (teoriya dominanty A.A. Ukhtomskogo v kontekste filosofii i kul'turologii XX veka) [Intuition of conscience (A.A. Ukhtomsky's dominant theory in the context of philosophy and cultural studies of the 20th century)]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Vyp. 3* [Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre. Issue. 3]. Petrozavodsk, 2001, pp. 21–42. (In Russian).
5. Zakharov V.N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskiye aspekty* [Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 264 p. (In Russian).
6. Zakharov V.N. Ideya etnopoetiki v sovremennykh issledovaniyakh [The idea of ethno-poetics in contemporary research]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.8382> (In Russian).
7. Nikandrova O.V., Khalizev V.E. Nauchnyye shkoly i vnenapravlencheskoye literaturovedeniye v Rossii XX veka [Literary thought within schools and beyond in the 20th century Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2014, vol. 73, no. 5, pp. 36–54. (In Russian).
8. Zakharov V.N. Est' li u nas literatura? Kontsepty literatura i slovesnost' v russkoy kritike [Do we have literature? concepts literature and slovesnost' in Russian criticism]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2016, no. 14, pp. 7–15. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.4043> (In Russian).
9. Zakharov V.N. Snova o perspektivakh izucheniya istoricheskoy poetiki [One more time about the perspectives of the study of historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 7–16. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2018.5021> (In Russian).
10. Khalizev V.E. O yazyke sovremennogo literaturovedeniya [On the language of modern literary criticism]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2011, vol. 70, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).

Информация об авторе

Иванова Валентина Яковлевна, кандидат филологических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1120-5688](https://orcid.org/0000-0003-1120-5688), i_valya@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, работа с литературными источниками, анализ полученных результатов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 10.01.2022
Одобрена после рецензирования 16.04.2022
Принята к публикации 24.06.2022

Information about the author

Valentina Y. Ivanova, Candidate of Philology, Candidate of Culturology, Associate Professor of of Contemporary Russian Literature Department of Philology, Foreign Languages and Media Communications Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1120-5688](https://orcid.org/0000-0003-1120-5688), i_valya@mail.ru

Contribution: study conception, work with literary sources, obtained results analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 10.01.2022
Approved after reviewing 16.04.2022
Accepted for publication 24.06.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-3:801.73
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-582-592

Литературный текст как место архивации прошлого в сборнике рассказов «Пальто с хлястиком» М. Шишкина

Ильгам Рясимович КУРЯЕВ

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
✉ kuryev.ilgam@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены принципы работы с памятью и элементами прошлого в рассказах М. Шишкина из сборника «Пальто с хлястиком», которые были проанализированы с помощью интертекстуального, контекстуального, структуралистского методов, метода целостного анализа художественного текста. Для анализа используются понятия нарратив, монтаж, память, *punctum*, *stadium*, рассматривается специфика фотографии как факта культуры. Обосновано, что в рамках малой прозы прозаик организует повествование, которое так или иначе интегрирует элементы прошлого и мотивы воспоминания. Апеллируя к вещам как фактам быта, нарратор в рамках текста конструирует специфическую схему «вещь – образ – пространство». Таким образом создаётся специфический каталог вещей, архивирующий опыт и воспоминания. Указанный каталог помогает пройти путь от утраты неких фактов прошлого (фотографий) через акт воспоминания к фиксации этого прошлого в тексте, тем самым способствуя «воскрешению», спасению прошлого через Слово. Помимо этого рассмотрена роль корпуса фотографий в сборнике. Выявлено, что фотографии не только являются точкой отсчёта для акта воспоминания и восстановления прошлого, подтверждая описанное, но и включают читателя в факт развёртывания текста. Материалы исследования и его выводы могут быть использованы не только для анализа других произведений М. Шишкина, но и при анализе современной отечественной и мировой литературы в контексте *memory studies*.

Ключевые слова: Михаил Шишкин, *memory studies*, прошлое, монтаж, фотография, архив

Для цитирования: Куряев И.П. Литературный текст как место архивации прошлого в сборнике рассказов «Пальто с хлястиком» М. Шишкина // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 582-592. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-582-592>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Literary text as a place of archiving the past in M. Shishkin's short story collection "The Half-Belt Overcoat"

Ilgam R. KURYAEV

Ogarev Mordovia State University

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia Federation

✉ kuryev.ilgam@yandex.ru

Abstract. We analyze the principles of working with memory and elements of the past in the stories of M. Shishkin from the collection "Coat with a strap", which using intertextual, contextual, structuralist methods, the method of holistic analysis of a literary text, are considered. The notions of narrative, montage, memory, punctum, stadium are used for the analysis, the specificity of photography as a cultural fact is considered. It is proved that within the framework of small prose, the prose writer arranges a narrative, which in one way or another integrates the elements of the past and the motives of memory. Appealing to the things as facts of everyday life, the narrator constructs a specific scheme "thing – image – space" within the text. This creates a specific catalogue of things, archiving experiences and memories. This catalogue helps to go from loss of some facts of the past (photographs) through the act of memory to fixation of this past in the text, thus contributing to "resurrection" and salvation of the past through the Word. In addition, the role of the corpus of photographs in the collection is examined. It is revealed that the photographs not only serve as a reference point for the act of remembering and restoring the past, confirming what is described, but also include the reader in the fact of text unfolding. The materials of the study and its conclusions can be used not only for the analysis of other works by M. Shishkin, but also in the analysis of modern domestic and world literature in the context of memory studies.

Keywords: Mikhail Shishkin, memory studies, past, montage, photography, archive

For citation: Kuryaev I.R. Literaturnyy tekst kak mesto arkhivatsii proshlogo v sbornike rasskazov «Pal'to s khlyastikom» M. Shishkina [Literary text as a place of archiving the past in M. Shishkin's short story collection "The Half-Belt Overcoat"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 582-592. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-582-592> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Тема прошлого – личного, семьи, страны – является одной из наиболее важных в современном литературном и – шире – культурном процессе. В ситуации современности, события множества дискурсов, нагромождения нарративов, символов и полей симулякров в актуальной культуре своего рода манифестация памяти (личной, культурной, исторической) предстаёт попыткой найти основу, нечто незыблемое, позволяющее личности как актору того или иного контекста не потеряться в постоянном потоке меняющихся

перекрещивающихся сообщений на разных кодах. Обращение к памяти становится действием, выстраивающим специфический сюжет, сближающийся с окказиональным мифом, который противостоит «абсолютности бытия» [1, с. 381] и вносит определённую ясность в многоаспектность современного состояния культуры и положения человека в мире. Поэтому в современных гуманитарных науках актуальными остаются исследования памяти в рамках memory studies, подразумевающих актуализацию памяти исторической, культурной, личной, осмысление процессов

её восстановления, восполнения, трансформации, акта воспоминания и проч. [2–9].

Установка на работу с памятью находит своё яркое воплощение в литературе, причём как зарубежной, так и отечественной. Важным здесь является процесс реализации концептов памяти, воспоминаний в (не)художественном тексте, их подмены, искажения, «коррозии», исчезновения, а сама работа с памятью становится частью большого гуманитарного проекта, призванного – через акцентирование внимания на личном, «банальном», «незначительном», «неудобном» – восстановить само пространство прошлого, материальное наполнение эпох для утверждения культурных, общечеловеческих доминант и артикуляции, проговаривания травм, вызванных чередой исторических катастроф и трагедий XX–XXI веков. В этом контексте можно вспомнить как целый корпус текстов о Катастрофе Холокоста [6], романы В. Г. Зебальда, так и недавние произведения Марии Степановой («Памяти памяти»), Кати Петровской («Кажется Эстер») и проч. В рамках нашей же статьи мы акцентируем внимание на рассказах М. Шишкина, поскольку тема памяти, прошлого, особенности их бытования, реализации в тексте занимают важное место в малой прозе писателя.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Тем самым, целью этой статьи является исследование принципов реализации мотивов прошлого и памяти в произведениях М. Шишкина, а именно в сборнике его рассказов «Пальто с хлястиком» (2017). Для этого мы рассмотрим способы включения элементов «прошлого» в текст, особенности его бытования, специфику работы с мотивикой памяти, а также проанализируем и определим роль визуальных элементов, а именно корпуса фотографий, присутствующих в сборнике, в рамках этого произведения. Мы акцентируем внимание именно на малой прозе писателя, так как эти тексты не только перекликаются с реальной биографией М. Шишкина и «оголяют» некоторые принципы создания его главных текстов [10], но и во многом являются элементами большого фрактального узора, который соединяет всякий текст прозаика в единое метатекстовое

пространство. И – следуя принципам фрактала – малая проза становится типологически и генетически изоморфной большим текстам, реализуя в себе основные тезисы и мотивы, свойственные поэтике М. Шишкина, развивая в том числе темы памяти и Слова.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для начала отметим, что в своих произведениях писатель развивает особый принцип работы с понятиями прошлого и памяти. В каждом своём произведении М. Шишкин, разворачивая многоплановые сюжеты, в которых «время выключено» [11, с. 19], создаёт особую темпоральность, совмещая в рамках текста через монтажное соположение/сопряжение гетерохронные текстовые пласты (некий момент в актуальном настоящем и ряд моментов в прошлом), отражающиеся друг в друге и резонирующие друг с другом, что способствует поиску определённых моментов «встреч» и созданию специфических рифм. Тем самым, сюжеты главных произведений писателя, относящиеся к различным историческим эпохам (будь то начало XX века, позднесталинская эпоха, подавление Боксёрского восстания, вторая половина XIX века, 1990-е и проч.), разнонаправленные в своей темпоральности, сопоставляются с историей личной (работа в центре приёма беженцев, жизнь в позднесоветское время и проч.), рифмуются через мотивный комплекс и предстают специфической метафорой друг друга. Так утверждает важный мотив прозы М. Шишкина: «взаимосвязь между людьми и эпохами обозначает временную континуальность, непрерывность жизни» [12].

При этом – посредством репрезентации прошлого, актуализируемого через момент настоящего, а именно через перечисление событий, явлений, героев – писатель конструирует потенциально незавершимый архив окружающего его мира. В этом контексте примечательна цитата из романа «Взятие Измаила»: «На бланке “Пионерской правды” школьника благодарили за присланный рассказ <...> и желали ему всего наилучшего, сожалея, что напечатать не могут. Ещё “Пионерская правда” писала: “Кто-то собирает марки, кто-то фантики. А ты, дорогой

Михаил, попробуй собирать совершенно особую коллекцию. Тебе для неё понадобится лишь обыкновенная ручка и тетрадка. Вот увидишь вокруг себя что-нибудь, что покажется тебе необычным, интересным или просто забавным – возьми и запиши. Может быть, это будет поразивший тебя закат, или дерево, или просто тень. Или рядом с тобой что-то произойдёт, хорошее или плохое. Или ты сделаешь что-то такое, о чём задумаешься, например, обидишь кого-то рядом с собой, может быть, даже человека, которого больше всего любишь, и это станет тебя мучить. Тоже возьми и запиши. И у тебя будет каждый день пополняться удивительная уникальная коллекция: собрание ощущений, музеев всего. Такая коллекция, вот увидишь, поможет тебе понять, как прекрасен мир»¹. Таким образом, в этом текстовом фрагменте артикулируется один из важнейших тезисов прозы М. Шишкина, а именно фиксация, сохранение, «спасение», «воскрешение» прошлого [12–14], его образов – посредством Слова – в вечном пространстве литературы через создание специфического архива, «собрания», «музея», «коллекции», через акт каталогизации образов (прошлого) мира. Рассмотрим, как этот процесс фиксации и архивации прошлого реализуется в рассказах анализируемого сборника (2017), а именно остановимся на таких текстах, как «Пальто с хлястиком» (2010), «Кастрюля и звездопад» (2012), «Гул затих...» (2016).

Так, текст рассказа «Пальто с хлястиком», начинаясь с описания фотографии Роберта Вальзера (что также вводит визуальный код в текстовое пространство) и рассуждений о смерти, связывает через фигуру нарратора серии различных ситуаций, соотносящихся с образом матери. Так, уже сама ориентация на процесс вспоминания («очень хорошо помню»² и проч.) способствует фрагментации повествования, его постоянному изменению и трансформации в монтажных сопряжениях. При этом в тексте реализуется определённая композиционная конструкция, а именно: нарратор, находящийся в

актуальном моменте (и в некоем виртуальном пространстве «за текстом»), акцентирует внимание на виртуальных образах-воспоминаниях, словно проводит абстрактную дугу, описывающую определённые области прошлого, необходимые для нарратора в актуальном моменте (цит. по: [15, с. 298]). Отпуск на Волге вместе с матерью и дядей Витей, случай с хоккеистом Бобби Кларком, вечер памяти Высоцкого, посещения больницы, похороны – все эти фрагменты прошлого не даны в развёрнутом виде, они представляют собой короткие зарисовки, монтируемые друг с другом. Поэтому можно сказать, что образы-воспоминания здесь не обретают автономности. Согласно воле нарратора определяются их границы, они трансформируются и «переливаются» в иные образы-воспоминания. Оттого подобные конструкции можно опознать как своеобразные flashback'и. Например: «Очень хорошо помню, как я испытывал это в первый раз. Мне одиннадцать. Запах горящих под Москвой торфяников...»³, «Мама была учительницей, преподавала русский и литературу, к тому времени она стала уже директором нашей 59-й на Арбате»⁴, «Для канадских хоккеистов в посольстве был устроен приём»⁵, «Сколько лет прошло, а как сейчас вижу беззубую улыбку Бобби Кларка»⁶, «Я в четвёртом классе. <...> Из Матвеевской мы ездили в школу на 77-м автобусе»⁷.

Сходная картина наблюдается и в рассказах «Кастрюля и звездопад» (2012) и «Гул затих...» (2016). Нарратор здесь формирует исходные временную точку и измерение, то есть маркирует актуальное пространство, часто – указанием на акт вспоминания, в отношении которого прошлое будет осмысляться таковым: «Запомнилось, как в один из первых вечеров вдруг услышали Высоцкого»⁸; «Помню, как бабушка разворачивала стёртый листок “Извещения”»⁹. Затем в рассказе «Кастрюля и звездопад» начинает разворачиваться классическая ситуация «отцов и детей», порождающая возможность воспо-

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 271.

⁹ Там же. С. 307.

¹ Шишкин М.П. Три прозы: Взятие Измаила. Вернерин волос. Письмовник. М.: Астрель, 2012. С. 343.

² Шишкин М.П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 10.

минания о собственном отце и дяде и генерации ситуации обретения памяти о них, собственноручной их политической реабилитации. В рассказе «Гул затих...» представлена более сложная схема: здесь аватар нарратора, расположенный в одной области прошлого (служба в армии), приводит к другой области воспоминаний («Я помню, как умирал дед»¹⁰), относящейся уже к его детству. Однако всё в итоге сводится к нарратору в той самой обозначенной точке актуального момента: «Как сейчас вспоминаю тот тугой напор ветра»¹¹.

Тем самым, перед читателем предстаёт галерея образов, становящихся своеобразной репрезентацией жизни, актуализацией самого факта её существования в рамках литературного текста. «Наверное, если чем-то можно измерить прожитую жизнь – то количеством этих отпущенных тебе встреч»¹². Кроме того, сама цепочка этих образов-воспоминаний становится также попыткой фиксации образов в развитии и создания некоего целостного портрета, во-первых, посвящённых матери нарратора (рассказ «Пальто с хлястиком») или отца (рассказ «Кастрюля и звездопад»), во-вторых, окружающих эпох, которым объекты воспоминания принадлежали. И здесь важно отметить, что всякое воспоминание начинается именно с визуального образа, прошлое привязано к определённым деталям, оно тактильно, осязаемо, апеллирует к телесному опыту. Как отмечал А. Бергсон, «нет восприятия, не насыщенного воспоминаниями. К непосредственным данным наших чувств мы примешиваем тысячи подробностей нашего прошлого опыта. Чаще всего эти воспоминания оттесняют наши реальные восприятия, и тогда мы удерживаем от них лишь некоторые указания, простые “знаки”, которые должны напомнить нам старые образы» [16, с. 433]. Тем самым, деталь становится этим самым «знаком» и в своём оптическом образе «вступает в отношения с пробуждаемым “образом-воспоминанием”» [15, с. 297]. К тому же важно здесь отметить и тезисы Ж.-П. Сартра,

который отмечал, что «каждая грёза, и даже каждая её фаза и образ составляют собственный мир» (цит. по: [15, с. 312]) и «тому или иному аспекту вещи соответствует своя зона воспоминаний, грёз или мыслей» [15, с. 297], и подобное подчёркивает важность детали в (не)художественном, культурном пространстве. Так утверждается своеобразная структура «деталь/черта – образ – пространство», которая позволяет выстраивать текстовую ткань, где мотив памяти и идея воспоминания утверждают потенциальную возможность абсолютной каталогизации прошлого, безграничного коллекционирования его фрагментов (цит. по: [14, с. 94-95]). Тем самым, утверждается определённый орнамент текста, схожий с фрактальной схемой, где всякий элемент прошлого, попадая под власть Слова, включается в своеобразное собрание, противостоящее мнимому хаосу мира и памяти.

Нарратор, выбирая определённые образы-воспоминания, рождающиеся из деталей, формирует особую траекторию движения по карте воспоминаний, по пространству собственного прошлого, разворачивающегося подобно незавершимому фрактальному узору. При этом сама эта траектория строится под воздействием *punctum*'ов [17, с. 45], деталей, своеобразных индексов прошлого, принадлежащих не только моменту прошлого, но и настоящего, опознающего этот *punctum*. Эти элементы текста не поддаются общей систематизации и формирующих вокруг себя особое – знакомое только нарратору – семантическое поле. Жвачка, музыкальная пластинка, фотография на стене, хлястик пальто из обычного предмета становятся метонимическими образами прошлого, позволяющими развернуть объёмное пространство, связанное с образом родных и матери рассказчика, а сам хлястик начинает совмещать в себе как визуальный, тактильный, телесный аспект, так и аспект символический. Нарратор в тексте словно отказывается от определённого репертуара как набора общих конвенциональных мест (рождение, учёба, работа, смерть) и делает выбор в пользу архива как места, содержащего разнородные элементы, объединённые единым образом (мать рассказчика) (цит. по: [6, с. 417]). Перебирая вещи, ситуации, связанные с ними, переключаясь от одного к другому, нарратор (а вслед

¹⁰ Шшикин М.П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 275.

¹¹ Там же. С. 279.

¹² Там же. С. 10.

за ним и читатель) словно совершает дрейф [18] по пространству прошлого, свободное нелинейное движение, охватывающее всё новое и новое, позволяющее в монтажном сопряжении совместить разнородные элементы. В этом дрейфе по постоянно меняющемуся информационному потоку нарратор словно изучает и наблюдает трансформации образа и трансформации памяти, собирает, коллекционирует вещи. Он словно освобождается от власти нарративных сюжетов [18] и уподобляется «взгляду» (в оппозиции к «глазу»), чему также способствует и внетекстовое, виртуальное присутствие нарратора: «В отличие от глаза, взгляд уже не принадлежит человеческому телу – он трансгрессирует тело, выходит за его пределы, – он сливается с самими вещами и лицами, с самими объектами видения... Взгляд принадлежит не глазу, а миру, на который глаз смотрит» [19, с. 63; 20, с. 52-53]. Подобная трансформация нарратора во «взгляд» превращает само наблюдение в преобразующее действие: Зритель тоже действует <...>. Он наблюдает, отбирает, сравнивает, интерпретирует. Он связывает то, что видит, с множеством других вещей, которые он видел на других сценах и в других местах. Он слагает свое собственное сочинение с помощью элементов сочинения, которое он видит на сцене. Он участвует в представлении, переделывает его на свой манер» [21, с. 161]. Обращение к телесному факту, к вещам, аккумулирующим в себе прошлое, способствует тому, что специфический сюжет генерируется из тел, из вещей, а не наоборот. И нарратор здесь – только как своеобразный скриптор, соединяющий разнородные монтажные элементы, скрепляющий фрагменты общей картины.

Таким образом, мы можем сказать, что пространство текста рассказов анализируемого сборника становится каталогом деталей, вещей (как «носителей подлинного смысла» [14, с. 135]), вызванных памятью и фиксирующих определённое место на временной шкале. Конечно, детали способствуют разворачиванию самого пространства, включению в него всё большего количества нюансов и деталей. Например: «Вот, собственно, и вся история [про хлястик], ничего особенного. Но для мамы этот случай был так важен, что она вспоминала его и незадол-

го перед смертью»¹³. При этом сам образ (матери, эпохи) здесь не может быть завершён, портрет сторонится своей целостности. Обращение к деталям, к телесному аспекту подразумевает ситуацию потенциально бесконечного движения, дрейфа по перечислению деталей, так или иначе вводящих дополнительные нарративы, создающие общий дискурс, свойственный для того или иного поколения.

Симптоматично, что в самом названии рассказа и самого сборника указана деталь, напрямую связанная не только с конкретным случаем, но и с образом родителя. И даже в ситуации наложения друг на друга разнородных деталей, принадлежащих различным временным пластам, они сохраняют за собой саму потенцию разворачивания мира вокруг себя, актуализируют через метонимию всё целое, к которому они принадлежат, и, сопротивляясь полноценному включению в новое целое, сохраняя за собой автономию образа, они влияют на это новое целое, формируя многоуровневую и многовекторную систему отношений. Например: «И мама умерла и живёт одновременно. Лежит в гробу с православным бумажным венчиком на лбу и сопит во сне в том доме отдыха. И всё сливается в единое целое: и пальто с хлястиком, и беззубая улыбка Бобби Кларка, и сугроб Роберта Вальзера, и тот раздолбанный 77-й, который когда-то не дотянул до Дорогомиловской, и пришлось топтать по лужам. И я, печатающий сейчас на моём ноутбуке эти слова. И тот или та я, кто читает сейчас эту строчку» [14, с. 30]. Сопоставляясь рядом, детали и создаваемые ими пространства, объединённые принципами фрактала и памяти, в монтажном сопряжении создают многоуровневую текстовую ткань, сводящуюся к нарратору и его актуальному моменту, формируют семантическую наполняемость текста, связанную с «поиском утраченного времени». Текст становится путешествием по деталям, их перебиранию, перетасовыванию каталога прошлого, формирующего географию и объёмное пространство этого прошлого, данного в динамике. Таким образом, нарратор в указанных рассказах словно предста-

¹³ Шишкин М.П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 24.

ёт в роли куратора в музее собственного и/или чужого прошлого, создающего ситуацию особой темпоральности, где цепочки flashback призваны не только восстановить некий образ прошлого, но и зафиксировать некое ощущение о нём, эмоциональный отпечаток самого нарратора. Факт воспоминания, некой трансляции прошлого через фигуру нарратора вводит определённый лирический аспект в текст и определяет сам принцип монтажного сопряжения, в котором конструируется определённая темпоральность, текст словно существует в рамках «особой разновидности “хронопатии” (термин М. Эпштейна), причём у него такая трактовка времени представляется не патологической, а напротив, убедительной и естественной» [12].

Само это движение по прошлому продиктовано попыткой возвращения воспоминаний, их сохранения. Здесь остановимся подробнее на рассказе «Пальто с хлястиком». Так, рассказ начинается с фотографии как факта прошлого, вторгающегося в настоящее. Сам визуальный образ, как мы отмечали выше, является своеобразным символом определённой области воспоминаний. И потеря этого образа – фотографии (как вещественному факта быта, которому человек передоверяет хранение своей памяти) – заявляет об образовавшемся зиянии. «Между операциями, когда проводила какое-то время не в больницах, а дома, мама разбирала накопившиеся за жизнь фотографии. Попросила купить альбомы и клеивала в них карточки, каждую подписывала, кто на ней изображён, и иногда записывала на широких полях связанные с этими людьми истории. Получился семейный архив – для внуков. После её смерти я перевёз альбомы к себе. А когда уезжал в Швейцарию, оставил всё это у брата. Альбомы хранились у него в подмосковном доме. Дом подожгли. Все наши фотографии сгорели. У меня осталось только несколько детских карточек»¹⁴. Потерянные фотографии становятся символом потерянной памяти о матери. Подобное же зияние отмечает нарратор и в жизни Изабеллы Юрьевны, которая – опять же через другую область воспоминания и деталь («Я тогда был уверен,

что все эти голоса со старых пластинок – давно умерших людей. <...> Потом выяснилось, что Изабелла Юрьевна жива»¹⁵) – репрезентуется в тексте, предстаёт лишённой прошлого и, тем самым, становится определённой рифмой к образу матери нарратора. Именно пустота её прошлого, зияние сподвигает писателя на создание её биографии, заполнения её прошлого деталями и образами, пусть и ложным, но каталогом вещей: «Мне хотелось вернуть ей уничтоженную жизнь»¹⁶. Тем самым, в контексте этого рассказа писательство становится актом восстановления. Рифмуя эти две пустоты, нарратор заявляет – через фиксацию деталей, образов, через их каталогизацию – о возможности через Слово восполнить зияние и дать бессмертие. «Творческим актом писатель воскрешает мёртвых и предвидит ещё не осуществившееся» [10].

И так в рассказе складывается определённое движение по кругу или же по спирали. От фотографии Роберта Вальзера к череде образов, от идеи смерти к воскрешению и спасению в Слове, от воспоминания о матери и дяде Вити – через череду прочих воспоминаний – к всё тому же воспоминаю. Подобное соположение разных времён, различных фрагментов прошлого заявляет о некоей идее вечности, где всё рифмуется друг с другом, становится отражением и моделью: «Вдруг ощутил себя не у куста посреди тумана, а посреди мироздания. Да я и был мирозданием. <...> Тогда впервые всё замкнулось, стало единым целым. Дымок от невидимого костра и мокрое шуршание в траве у меня под ногами. Не умерший папа и ничего не спросивший дядя Витя. Что было и что будет»¹⁷.

При этом нарратор здесь воспроизводит своеобразное движение от гипомнесиса (механической записи, а именно фотографии, их потеря, их возвращение, рассматривание) к движению по памяти (как способе актуализации прошлого в ситуации потери фотографий и записей с последующим их возвращением, рассматриванием) – и снова к гипомнесису (рассказу как материальному хранилищу фрагмента фрактального узора прошлого) [20, с. 233]. От перебирания архивов – через сво-

¹⁴ Шишкин М.П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 22-23.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 30.

бодное движение по ризоматическим пространствам памяти, становящееся актом собирания и архивации – к фиксированным (передовенным физическим носителям) воспоминаниям и образам, к архиву как таковому.

Примечательно, что в самой книге имеется небольшой корпус фотографий как пример технической фиксации памяти. И эти тексты иной кодировки, вписываемые в прошлое [1, с. 317], порой дублируя вербальное с визуальным [22, с. 220] и отбрасывая «тень» реальности на сам литературный текст, предстают одновременно и исходной точкой для процесса воспоминания, собирания прочих образов, новых фактов прошлого, и точкой завершающей, где изображение как таковое уже своим фактом и фактом своих деталей словно исчерпывает все возможности для дополнительной интерпретации. Фотография как плоскость, поверхность «становится экраном, на который <...> проециру[ются] образы памяти. Когда от мотива не остаётся ничего, кроме случайного фрагмента, мы уже имеем дело не с мотивом, но с мнемоническим сигналом, который призван замещать видимый мотив его призраком, извлекаемым из памяти» [23, с. 486]. Фотография предстаёт пространством вписывания, вчитывания прошлого, элементов воспоминаний, некой «точкой памяти» [6, с. 104]. Она как ёмкость словно впитывает в себя прошлое. Фотографии «Улыбка Бобби Кларка», «Школа в Староконюшенном и Посольство Канады напротив неё», «Полицейская фотография Роберта Вальзера» несут в себе лишь некий набор черт, элементов, формирующих некое условное представление о времени съёмки, содержат лишь *stadium* – и именно нарратор вписывает в них своё прошлое. Или же благодаря им он вытаскивает необходимые элементы и их окружение из своей памяти [1, с. 318]. Фотографии «В Удельной с дедушкой», «С отцом», «Мама из того времени, когда она вела дневник», «Пальто с хлястиком» и другие уже в своих подписях характеризуются, «насыщаются» воспоминаниями, актуализируют их – и так фотография обретает особую ауру. И так фотография в произведении на новом уровне включает читателя в рамки создаваемого – автором, нарратором, редактором, издателем – текста. Фотография, помещённая в рамки текста и

тем самым меняющая регистры своего восприятия читателем (смотрение и чтение) [23, с. 338], а также являясь одновременно предметом (относящимся к настоящему) и картинкой (принадлежащей прошлому), генерирует ситуацию, в которой совмещаются и актуализируются сразу несколько времён [6; 17; 24]: момент создания снимка, момент просматривания и осмысления его нарратором, момент «чтения» этого снимка читателем. Тем самым, происходит не только подтверждение описанного нарратором прошлого, документальное его свидетельствование и соотнесение этого прошлого (через считываемые детали, которые читателем могут быть опознаны как *stadium* и *punctum*), но и преодоление иронической природы фотографии [17] через своеобразный акт трансляции сохранённого, спасённого прошлого посредством Слова в будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что рассказы сборника М. Шишкина «Пальто с хлястиком» реализуют в себе акт работы с прошлым в ситуации его утраты, его зияния, направленный для сохранения памяти. Сам акт писательства в этом случае предстаёт связанным с идеей воскрешения в Слове и процессом архивации воспоминаний, перевода их из набора разнонаправленных образов в элементы единого пространства, формирующего специфический образ – человека и прошлого. Апеллируя к телесному факту, набору предметов и вещей, нарратор в тексте создаёт потенциально незавершимый каталог вещей и ситуаций, упорядочивающий и чётче обрисовывающий сам образ прошлого и его материальную сторону, а также формирующий специфическую (вне центра) систему движения, дрейф по прошлому и его познания. При этом создаётся определённая темпоральность текста, не только позволяющая совершать специфические монтажные сопряжения, но и утверждать важную для прозаика идею взаимосвязи человека и мира. Корпус фотографий же только подчёркивает особую идейную направленность текста и способствует включению читателя в сам факт работы текста с предметом прошлого. Тем самым, сборник короткой прозы «Паль-

то с хлястиком» становится частью большого авторского проекта по сохранению, воскрешению и трансляции прошлого и включается в общую тенденцию, направленную на рефлексии самого понятия памяти, личной, исторической, культурной.

Перспективой дальнейшего исследования, на наш взгляд, может стать, во-первых, углубленный анализ принципов работы с

прошлым в большой прозе М. Шишкина. Во-вторых, подробная классификация и характеристика элементов создаваемого прозаиком архива. В-третьих, использованная в статье методология может быть использована для анализа других произведений современной отечественной и зарубежной литературы, обращающихся к теме памяти.

Список источников

1. Ямпольский М.Б. Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. 416 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-258-264>
4. Нечаева А.А. Становление memory studies как отдельной области знаний: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 121-129.
5. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
6. Хириш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.
7. Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.
8. Эткин А. Кривое горе: Память о непогребённых. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 323 с.
9. Ямпольский М.Б. Без будущего. Культура и время. СПб.: Порядок слов, 2018. 122 с.
10. Филатов К. Михаил Шишкин. Пальто с хлястиком // Звезда. 2017. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/6/mihail-shishkin-palto-s-hlyastikom.html> (дата обращения: 05.06.2022).
11. Лаиова С.Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 20 с.
12. Гарбер М. Блок Марины Гарбер // Новый Журнал. 2017. № 288. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2017/288/blok-mariny-garber-2.html> (дата обращения: 05.06.2022).
13. Михаил Шишкин: знаковые имена современной русской литературы / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков: Scriptum, 2017. 507 с.
14. Оробий С.П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина. Опыт модернизации русской прозы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 161 с.
15. Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 559 с.
16. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1407 с.
17. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
18. Нохрина Я. Фильм как дрейф: опыты деконструкции нарратива от Исидора Изу до американского независимого кино // Сигма. 2021. 30 авг. URL: <https://syg.ma/@iana-nokhrina/film-kak-drieif-opyty-diekonstruktii-narrativa-ot-isidora-izu-do-amierikanskogho-niezavisimogho-kino> (дата обращения: 05.06.2022).
19. Батаева Е.В. Фланерство и видеомания: современные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 61-68.
20. Ямпольский М.Б. Изображение. Курс лекций. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 420 с.
21. Рансьер Ж. Эмансипированный зритель. Н. Новгород: Красная ласточка, 2018. 128 с.
22. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 223 с.
23. Ямпольский М.Б. Ловушка для льва. Модернистская форма как способ мышления без понятий и «больших идей». М.: Сеанс, 2020. 560 с.
24. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем, 2020. 272 с.

References

1. Yampolskiy M.B. *Vozvrashcheniye Adama. Mif, ili Sovremennost' arkhaiski* [Return of Adam. Myth, or Modernity of the Archaic]. Moscow, Ivan Limbakh Publishing House, 2022, 416 p. (In Russian).
2. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2014, 323 p. (In Russian).
3. Boym S. *Budushcheye nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2019, 680 p. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-258-264> (In Russian).
4. Nechaeva A.A. Stanovleniye memory studies kak otдел'noy oblasti znaniy: osnovnyye voprosy i ponyatiya [Formation of memory studies as a separate field of knowledge: key research topics and concepts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2020, no. 4 (60), pp. 121-129. (In Russian).
5. Safronova Y.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedeniye* [Historical Memory: an Introduction]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2019, 220 p. (In Russian).
6. Khirsh M. *Pokoleniye postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [Post-Memory Generation. Writing and Visual Culture After the Holocaust]. Moscow, New Publishing, 2021, 428 p. (In Russian).
7. Epple N. *Neudobnoye proshloye. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Uncomfortable Past. Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2022, 576 p. (In Russian).
8. Etkind A. *Krivoye gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2016, 323 p. (In Russian).
9. Yampolskiy M.B. *Bez budushchego. Kul'tura i vremya* [No Future. Culture and Time]. St. Petersburg, Word Order Publ., 2018, 122 p. (In Russian).
10. Filatov K. Mikhail Shishkin. Pal'to s khlyastikom [Mikhail Shishkin. The Half-Belt Overcoat]. *Zvezda – Star*, 2017, no. 6. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/6/mikhail-shishkin-palto-s-hlyastikom.html> (accessed 05.06.2022). (In Russian).
11. Lashova S.N. *Poetika Mikhaila Shishkina: sistema motivov i povestvovatel'nyye strategii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of Mikhail Shishkin: System of Motives and Narrative Strategies. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Perm, 2012, 20 p. (In Russian).
12. Garber M. Blok Mariny Garber [Marina Garber Block]. *Novyy Zhurnal – The New Review*, 2017, no. 288. Available at: <https://magazines.gorky.media/nj/2017/288/blok-mariny-garber-2.html> (accessed 05.06.2022). (In Russian).
13. Skotnitskoy A., Svezhego Y. (eds.). *Mikhail Shishkin: znakovyye imena sovremennoy russkoy literatury* [Mikhail Shishkin: Significant Names of Modern Russian Literature]. Krakov, Scriptum Publ., 2017, 507 p. (In Russian).
14. Orobij S.P. «Vavilonskaya bashnya» Mikhaila Shishkina. *Opyt modernizatsii rus-skoy prozy* [“Tower of Babel” by Mikhail Shishkin. The Experience of Modernizing Russian Prose]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2011, 161 p. (In Russian).
15. Delez G. *Kino* [Cinema]. Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 559 p. (In Russian).
16. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk, Harvest Publ., 1999, 1407 p. (In Russian).
17. Bart R. *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera Lucida. Photo Comment]. Moscow, Ad Marginem Press, 2011, 272 p. (In Russian).
18. Nokhrina Y. Fil'm kak dreyf: opyty dekonstruktsii narrativa ot Isidora Izu do amerikanskogo nezavisimogo kino [Film as a drift: narrative deconstruction experiences from Isidore Izu to American independent cinema]. *Sigma*, 2021, 30 Aug. Available at: <https://syg.ma/@iana-nokhrina/film-kak-drieif-opyty-diekonstruktzii-narrativa-ot-isidora-izu-do-amierikanskogho-niezavisimogho-kino> (accessed 05.06.2022). (In Russian).
19. Batayeva E.V. Flanerstvo i videomaniya: modernnyye i postmodernnyye vizual'nyye praktiki [Flaning and videomania: modern and post-modern visual practices]. *Voprosy Filosofii – Questions of Philosophy*, 2012, no. 11, pp. 61-68. (In Russian).
20. Yampolskiy M.B. *Izobrazheniye. Kurs lektsiy* [Image. Lecture Course]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2019, 420 p. (In Russian).
21. Ransyer J. *Emansipirovannyi zritel'* [Emancipated Spectator]. Nizhniy Novgorod, Red Swallow Publ., 2018. 128 s. (In Russian).
22. Bart R. *Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes About Roland Barthes]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014, 223 p. (In Russian).

23. Yampolskiy M.B. *Lovushka dlya l'va. Modernistskaya forma kak sposob myshleniya bez ponyatiy i «bol'shikh idey»* [Lion Trap. Modernist Form as a Way of Thinking without Concepts and “Big Ideas”]. St. Petersburg, Seans Publ., 2020, 560 p. (In Russian).
24. Sontag S. *O fotografii* [About Photography]. Moscow, Ad Marginem Press, 2020, 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

Куряев Ильгам Рясимович, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-8957-0274](https://orcid.org/0000-0002-8957-0274), kuryaev.ilgam@yandex.ru

Вклад в статью: идея, набор первичного материала, разработка дизайна исследования, общая концепция статьи, поиск и анализ научной литературы, анализ художественных текстов, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 05.07.2022
Одобрена после рецензирования 06.09.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Ilgam R. Kuryaev, Candidate of Philology, Lecturer of Russian and Foreign Literature Department, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8957-0274](https://orcid.org/0000-0002-8957-0274), kuryaev.ilgam@yandex.ru

Contribution: idea, source material acquisition, study design development, main study conception, scientific literature search and analysis, fiction text analysis, materials processing and editing, manuscript text drafting.

The article was submitted 05.07.2022
Approved after reviewing 06.09.2022
Accepted for publication 16.09.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070.4

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-593-603

Динамика тревел-контента журнала и интернет-портала «Вокруг света» в начале пандемии COVID-19

Галина Сергеевна ЗУЕВА

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ gz90@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с изучением российской тревел-журналистики в условиях пандемии COVID-19. Цели работы – выяснить, как менялся тревел-контент журнала «Вокруг света» и его официального сайта, а также выявить ключевые авторские задачи в тревел-текстах журнала за 2020 г. По результатам контент-анализа 41 материала крупных жанровых форм (тревел-очерка, дайджеста, нарративной истории) в рубрике «Путешествия» и в печатной версии, и на сайте, обосновано, что журнал стал больше внимания уделять России – материалов о внутреннем туризме в количественном отношении по сравнению со второй половиной 2019 г. стало в 2 раза больше, чем о мировом. Продемонстрировано, что в содержательном плане этот контент прошёл эволюцию от материалов ознакомительного характера в формате тематических подборок до полноценных тревел-гидов о российских городах и местностях. Сделан вывод о том, что редакция «Вокруг света» в начале пандемии COVID-19 помогала туристам в изменившемся мире найти новые способы путешествий и относиться с оптимизмом ко всему, что происходило в то время. Кроме того, выявлено, что издание стремилось найти способы предоставления аудитории быстрого и удобного формата получения информации о туристических местах, давало практические рекомендации путешественникам.

Ключевые слова: тревел-журналистика, журнал, «Вокруг света», контент

Для цитирования: Зуева Г.С. Динамика тревел-контента журнала и интернет-портала «Вокруг света» в начале пандемии COVID-19 // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 593-603. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-593-603>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Dynamics of magazine's travel-content and the Internet portal "Vokrug Sveta" at the beginning of COVID-19 pandemic

Galina S. ZUEVA

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation
✉ gz90@yandex.ru

Abstract. The relevance of research is related to the study of Russian travel journalism in the context of the COVID-19 pandemic. The purpose of work is to find out how the travel content of the "Vokrug Sveta" magazine and its official website has changed, as well as to identify key authorial tasks in the travel texts of the magazine for 2020. Based on the results of a content analysis of 41 materials of major genre forms (travel essays, digest, narrative history) in the "Travel" section both in the printed version and on the website, we justify that the magazine began to pay more attention to Russia – in quantitative terms, there are 2 times more materials on domestic tourism compared to the second half of 2019 than about the world. We demonstrate that in terms of content, this content has evolved from introductory materials in the format of thematic collections to full-fledged travel guides about Russian cities and areas. We conclude that the "Vokrug Sveta" editors at the beginning of the COVID-19 pandemic helped tourists in a changed world find new ways to travel and be optimistic about everything that happened at that time. In addition, we find that the publication sought to find ways to provide the audience with a quick and convenient format for obtaining information about tourist places, gave practical recommendations to travelers.

Keywords: travel journalism, magazine, "Vokrug Sveta", content

For citation: Zueva G.S. Dinamika trevel-kontenta zhurnala i internet-portala «Vokrug sveta» v nachale pandemii COVID-19 [Dynamics of magazine's travel-content and the Internet portal "Vokrug Sveta" at the beginning of COVID-19 pandemic]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 593-603. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-593-603> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

С 18 марта 2020 г. Россия ограничила въезд для иностранцев из-за пандемии коронавируса¹. Начиная с этого дня повестка тревел-медиа стала меняться, что можно проследить на примере материалов журнала «Вокруг света» и его интернет-портала за 2020 г. Предметом исследования он был выбран ввиду того, что является старейшим научно-популярным и страноведческим журналом России и в данном тематическом сегменте системы СМИ успешно конкурирует на

российском медиарынке с зарубежными журналами (GEO, National Geographic) [1, с. 360]. По информации газеты «Ведомости» со ссылкой на Mediascope, в марте–июле 2020 г. аудитория одного номера «Вокруг света» составила 2,4 млн человек (3,9 % населения России) [2], а по данным Google Analytics, средняя посещаемость сайта vokrugsveta.ru в I квартале 2021 г. превысила 1 млн уникальных пользователей ежемесячно.

Актуальность исследования связана с изменениями российской тревел-журналистики в условиях пандемии COVID-19. После 2020 г. уже появились научные статьи, касающиеся трансформации контента тревел-медиа. Например, А.С. Назаренко и О.В. Ти-

¹ Россия с 18 марта по 1 мая ограничит въезд иностранцев // ТАСС. 2020. 16 мар. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7996543> (дата обращения: 12.04.2022).

хонова изучили влияние пандемии на тревел-блогинг [3], а Г.В. Боруруев обратился к вопросу поликодовости современных тревел-текстов [4]. Однако журнал «Вокруг света» контент-анализу в данном контексте не подвергался – этим обусловлена новизна данного исследования.

Тревел-журналистику И.В. Показаньева обозначает как «особое направление софт-журналистики», которая выполняет и развлекательную, и культуро-формирующую функции СМИ [5]. Н.В. Кривцов разделяет тревел-тексты по авторским задачам:

- просветительные тексты уделяют внимание качественному страноведению: трансляции знаний о той или иной стране, народе, городе;
- развлекательные – материалы по модели «путешествия на диване»;
- побудительные пишутся, чтобы замотивировать отправиться в путешествие, в идеале – через определённую туристическую фирму;
- рекламные описывают определённый курорт, отель или ресторан только с положительной стороны;
- аналитические представляют анализ рынка, цен, чартерных программ, уровня популярности у туристов того или иного направления [6, с. 361-362].

Объектами нашего исследования являются публикации в журнале и на сайте «Вокруг света» о путешествиях в жанрах тревел-очерка (гида), подборки туристических мест (дайджеста), нарративной истории, интервью-комментария. Цели работы – выяснить, как менялся тревел-контент журнала и сайта «Вокруг света» в жанровом и тематическом плане; выявить ключевые авторские задачи в тревел-текстах 2020 г.

Для достижения целей работы потребовалось провести контент-анализ материалов в рубрике «Путешествия» и в печатной версии журнала, и на сайте не только потому, что там представлены разные типы контента и способы его подачи, но и ввиду того, что в декабре 2020 г. журнал приостановил выпуск печатной версии. Однако в начале 2021 г. «Вокруг света»² сменил владельца – перешёл

² Афанасьева А. Журнал «Вокруг света» остановил выход печатной версии // Коммерсантъ. 2020. 2 дек.

в собственность Hearst Shkulev Group, и выпуск номеров был восстановлен.

ЖАНРЫ ТРЕВЕЛ-ТЕКСТОВ В ЖУРНАЛЕ «ВОКРУГ СВЕТА»

Жанр тревел-текста, выбранного нами в качестве основного объекта исследования, представляет собой конвергентный синтез путевого очерка, специального репортажа и гида. В подобном материале автор представлен «и как нарратор, и как путешественник» [7, с. 248]: он был на месте, которое описывает – как репортёр, а также вкладывает в свой рассказ личные интенции: «знакомит читателя со своими чувствами» [8, с. 212], испытанными в путешествии, – как очеркист.

Ключевым в тексте, как правило, становится сломанный или подтверждённый стереотип о стране или её жителях. При этом автор делает читателя свидетелем происходящего, тем самым вовлекая его в ситуацию другой реальности. Для этого используются репортажные приёмы: сценки из жизни с портретными описаниями героев, их действий и диалогов. Особенно сильную драматургию рассказа обеспечивают моменты преодоления препятствий, встреченных автором или героем в пути [9, с. 111, 114].

В рубрике «Путешествия» на сайте «Вокруг света» ещё в январе–феврале 2020 г. были представлены подробные тревел-гиды такого рода, посвящённые Испании («Пламенное сердце Испании: гид по Андалусии») ³, Дании («Местные жители: диктатура счастья») ⁴, Оману («Большое путешествие: режим полёта») ⁵, США («Местные жители: неистребимая лёгкость бытия») ⁶.

URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4595456> (дата обращения: 12.04.2022).

³ Гашио К. Пламенное сердце Испании: гид по Андалусии. Часть 1 // Вокруг света. 2020. 21 янв. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/320770/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Карелина Д. Местные жители: диктатура счастья // Вокруг света. 2020. 17 янв. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/326271/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁵ Белицкая А. Большое путешествие: режим полёта // Вокруг света. 2020. 21 февр. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/327776/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁶ Матвиенко М. Местные жители: неистребимая лёгкость бытия // Вокруг света. 2020. 25 фев. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/327855/> (дата обращения: 12.04.2022).

Для сравнения: за вторую половину 2019 г. «Вокруг света» опубликовал в рубрике «Путешествие» в журнале и на сайте 25 подобных материалов. В них были отражены быт, нравы, традиции и туристические точки 19 стран (Китай, Марокко, Сингапур, США (3), Бразилия, Исландия (2), Швейцария, Финляндия, Доминикана, Великобритания, Сербия, Турция (2), Колумбия, Аргентина, Италия, Тунис, Испания, Дания, Вьетнам).

Помимо тревел-гидов, второй по популярности текстовый формат на портале vokrugsveta.ru в рубрике «Путешествие» – подборки-дайджесты мировых мест, которые авторы советуют посетить. Например, ещё в январе 2020 г. можно было прочитать подобный материал на тему «10 городов мира, куда стоит переехать»⁷. Как правило, подборки небольшие по объёму текста, и каждый пункт в «рейтинге» сопровождается фото с места, описываемого одним–двумя абзацами. Подобные материалы также часто являются мультимедийными текстами, где присутствуют видеофрагменты и гиперссылки.

Среди материалов «Вокруг света» за 2020 г. мы обнаружили также нарративные истории, или – «трендовые статьи» [10, с. 86], которые показывают изменения в жизни на примере нескольких историй реальных людей, с которыми беседовал журналист. Для иллюстрации тренда в такие материалы также добавляют статистику, репортажные описания, мнения экспертов. Нарративный характер в целом свойственен тревел-текстам и обусловлен тем, что они всегда рассказывают историю, в контексте которой изображаются события. Эти события происходят вне обыденной для автора среды, а значит, становятся нетривиальными, необычными и непредсказуемыми не только для него самого, но и для читателя.

КОНТЕНТ ЖУРНАЛА И САЙТА «ВОКРУГ СВЕТА» В 2020 Г.

Первым материалом на портале «Вокруг света», связанным с изменениями в мире из-за коронавируса, стал фоторепортаж «Апо-

⁷ Харчевников Н. Чемоданное настроение: 10 городов мира, куда стоит переехать в 2020 году // Вокруг света. 2020. 20 янв. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/327613/> (дата обращения: 12.04.2022).

калипсис сегодня: пустые улицы туристических центров по всему миру»⁸, который вышел 10 марта 2020 г. и показал читателям безлюдную площадь Святого Марка в Венеции, закрытый Лувр и другие известные места мира, обычно заполненные туристами.

В течение недели на сайте журнала не появилось ни одного нового гида, контент представлял собой в основном тематические подборки и фотоматериалы. 19 марта 2020 г. вышел текст в конвергентном жанре интервью-комментария [11, с. 375], озаглавленный «В конце концов, нас не на войну позвали, а всего лишь дома на диване для страны посидеть»: как живут наши читатели в карантине из-за коронавируса»⁹. Авторы (редакция) поговорили с теми россиянами, кого пандемия застала в Европе, США, Китае, Австралии, безоценочно передали их мнения, но выявили общий положительный настрой, который и отразили в заголовке.

Во время локдауна редакция «Вокруг света» предприняла попытку добавить на сайт больше мультимедийного контента. 1 апреля 2020 г., поддержав мировой медиатренд¹⁰ на необходимость оставаться дома, vokrugsveta.ru выпустил интерактивный материал «Виртуальное путешествие: посетите 7 мировых достопримечательностей, не выходя из дома»¹¹. Каждое место, обозначенное в подборке, сопровождалось кратким комментарием и ссылкой на видеоэкскурсию по нему. Через месяц виртуальная экскурсия на озеро Комо в Италии¹² стала первым мате-

⁸ Апокалипсис сегодня: пустые улицы туристических центров по всему миру // Вокруг света. 2020. 10 мар. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/330387/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁹ В конце концов, нас не на войну позвали, а всего лишь дома на диване для страны посидеть: как живут наши читатели в карантине из-за коронавируса // Вокруг света. 2020. 19 мар. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/330838/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁰ Тележурналисты записали обращение с призывом оставаться дома // РБК. 2020. 29 мар. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5e80bc9e9a7947472a4fd171> (дата обращения: 12.04.2022).

¹¹ Виртуальное путешествие: посетите 7 мировых достопримечательностей, не выходя из дома // Вокруг света. 2020. 1 апр. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/331742/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹² Новикова М. Виртуальная экскурсия на озеро Комо: виллами по воде // Вокруг света. 2020. 7 мая. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/332674/> (дата обращения: 12.04.2022).

риалом в новой рубрике «Удалённый доступ», что анонсировано в лиде текста. Таким образом авторы портала, вероятно, надеялись скрасить своим читателям ожидание новых путешествий и рассказывали, куда можно вернуться после победы над пандемией. Рубрика не стала постоянной, но продолжилась в декабре 2020 г. материалом «Удалённый доступ: банкноты-путеводители по курсу евро»¹³, в котором рассказывается о мостах из городов Европы, изображённых на денежных купюрах.

В апреле 2020 г. в «Вокруг света» стали публиковаться материалы о туристических местах России – появились сразу три текста: гид по местам Остапа Бендера на Кавказе¹⁴ и два материала, посвящённых Уралу («Подземное царство Уральских гор»¹⁵ и «Каменный пояс: сколько богатств прячут Уральские горы»¹⁶). Они носили ознакомительный характер: содержали минимум текста, задачей которого было описание основных достопримечательностей, чтобы сориентировать потенциального путешественника на месте. Также данные материалы сопровождалась инфографикой (картами и диаграммами) и фотографиями.

В мае 2020 г. «Вокруг света» возобновил публикации больших тревел-очерков о зарубежных странах и предлагал читателям журнала и сайта продолжение гида по Испании, начатого зимой¹⁷, а также гиды по столице Бразилии¹⁸, Боснии и Герцеговине¹⁹.

¹³ Фролл Я. Удалённый доступ: банкноты-путеводители по курсу евро // Вокруг света. 2020. 18 дек. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/344568/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁴ Сидоров К. Киса и Ося здесь были: персонажи современной бендериады // Вокруг света. 2020. 17 апр. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/330937/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁵ Стриглова Н. Подземное царство Уральских гор // Вокруг света. 2020. 21 апр. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/330681/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁶ Стриглова Н. Каменный пояс: сколько богатств прячут Уральские горы // Вокруг света. 2020. 15 апр. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/330673/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁷ Гашио К. Пламенное сердце Испании: гид по Андалусии. Часть 2 // Вокруг света. 2020. 4 мая. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/333392/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁸ Гурьянова А. Бразилия: самый сумасшедший градостроительный проект в истории // Вокруг света.

Обратившись к мечтам читателей, «когда границы между большинством государств оказываются закрыты», редакция vokrugsveta.ru выпустила также материал об Атлантиде, Эльдорадо и Шамбале²⁰ – мифических странах, о которых все слышали, но никто там никогда не был. Тема получила продолжение в материале «Лукоморье и ещё 6 сказочных стран, которые существовали на самом деле», вышедшем в сентябре 2020 г.²¹

В мае на сайте журнала был опубликован один большой гид по Алтаю²², взятый редакцией сайта из книги «1000 лучших мест России, которые нужно увидеть за свою жизнь». В лиде был сделан акцент на развитие внутреннего туризма: Алтай преподносился как «замечательное место для отдыха в любое время года». Далее эта тема получила развитие в октябрьском материале «Горы зовут: 10 мест, которые нужно увидеть на Алтае»²³, который представлял собой уже не заимствованный, а авторский текст: в нём были выделены основные природные достопримечательности Республики Алтай и кратко рассказано о каждой из них.

Похожий материал был опубликован на сайте журнала в июне – подборка из 15 причин съездить на Соловецкие острова²⁴, где акцент сделан на фотоиллюстрациях с краткими пояснениями. В целом «Вокруг света»

2020. 14 мая. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/333797/> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁹ Сидоров К. Война и мир, или Три встречи с Кустирицей // Вокруг света. 2020. 19 мая. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/332461/> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁰ Параллельная реальность: в поисках Атлантиды, Эльдорадо и Шамбалы // Вокруг света. 2020. 15 мая. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/333918/> (дата обращения: 12.04.2022).

²¹ Дубровский А. Лукоморье и ещё 6 сказочных стран, которые существовали на самом деле // Вокруг света. 2020. 27 сент. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/340446/> (дата обращения: 12.04.2022).

²² Мир Алтая: отрывок из книги «1000 лучших мест России, которые нужно увидеть за свою жизнь» // Вокруг света. 2020. 6 мая. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/333503/> (дата обращения: 12.04.2022).

²³ Краснякова С. Горы зовут: 10 мест, которые нужно увидеть на Алтае // Вокруг света. 2020. 5 окт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/341067/> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁴ Веселова М. Суровое очарование Соловков: 15 секретов заповедного архипелага // Вокруг света. 2020. Июнь. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/334810/> (дата обращения: 12.04.2022).

опубликовал на сайте в июне столько же крупных материалов о России, сколько вышло за все предыдущие месяцы 2020 г. – четыре.

Помимо гида по островам, авторы журнала и портала сделали ещё три материала о небанальных местах для туристов. «От гор Урала до морей Тмутаракани: 5 сказочных маршрутов по России»²⁵ – этим материалом редакция vokrugsveta.ru продолжала отвлекать читателя от реальности пандемии и в то же время знакомить с российскими достопримечательностями, показывая места хозяйки Медной горы на Урале, берега, где жила Царь-девица в Калининградской области, подмосковное Простоквашино, Тмутаракань и остров Буян в Тамани.

Вторая подборка была посвящена пяти местам экотуризма в России – Куршской косе, Кисловодскому и Валдайскому национальным паркам, «Самарской Луке» и заповеднику «Кедровая падь»²⁶. В трёх абзацах с фотографиями указано месторасположение каждого парка в регионе России и обозначены варианты досуга для туристов.

Самый подробный гид, опубликованный в июне 2020 г., был посвящён Мурманску²⁷. Тревел-текст написан на основе рассказов местных жителей и гостей города: повествует о менталитете мурманчан, которые «будто из железобетона сделаны», о пяти главных достопримечательностях города и северном сиянии, о продуктах-специалитетах – крабах, рыбе и ягодах. Данный материал продублирован на сайт из № 12 за декабрь 2019 г. Ещё один текст о регионе вышел в сентябре 2020 г. – это подборка «Мощь севера: 5 мест, которые нужно увидеть в Мурманской области»²⁸.

²⁵ От гор Урала до морей Тмутаракани: 5 сказочных маршрутов по России // Вокруг света. 2020. 6 июн. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/304989/> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁶ Труш Н. Национальный экотуризм: 5 удивительных парков России // Вокруг света. 2020. 14 июн. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/299349/> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁷ Короли Севера: неожиданный Мурманск глазами местных жителей // Вокруг света. 2020. 10 июн. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/324837/> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁸ Краснякова С. Мощь севера: 5 мест, которые нужно увидеть в Мурманской области // Вокруг света. 2020. 11 сен. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/339162/> (дата обращения: 12.04.2022).

В июле 2020 г. на сайте «Вокруг света» начинает выходить большой гид по Байкалу²⁹. В течение месяца были опубликованы четыре части виртуального тура – о самом озере, этнопарке «Золотая Орда», мысе Бурхан и мысе Хобой. Ещё три текста о Байкале вышли в журнале и на сайте «Вокруг света» в августе–сентябре. В них были описаны Ушканьи острова, Змеиная бухта и Иволгинский дацан. Каждый материал представляет собой фото места и небольшое текстовое сопровождение – буквально один абзац, где рассказаны легенды и события местной истории, связанные с ним.

В августе 2020 г. на портале vokrugsveta.ru появилась авторская подборка от блогера «Край тысячи озер: 10 мест, которые нужно обязательно посетить в Карелии»³⁰, а в № 6 за июнь–июль–август 2020 г. журнала опубликован тревел-очерк о круизе по курортам Хорватии «Большое путешествие: во все лёгкие»³¹, где автор показывает интересные места с точки зрения местных жителей и раскрывает менталитет хорватов, приводя диалоги с ними.

Во второй половине 2020 г. журнал «Вокруг света» стал снова публиковать тревел-тексты о зарубежных странах. В сентябре (№ 7, 2020) читателям предлагался очерк «Балеары и Мальорка: сказка об упрямом острове»³², который был написан корреспондентом журнала «на излёте карантина», чтобы показать, как устроена жизнь на испанских курортах без туристов. В октябре (№ 8, 2020) вышел очерк «Местные жители: занимательная критика»³³, автор которого съез-

²⁹ Экскурсия на озеро Байкал. Часть 1: Глубокое дыхание // Вокруг света. 2020. 6 июл. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/335823/> (дата обращения: 12.04.2022).

³⁰ Краснякова С. Край тысячи озёр: 10 мест, которые нужно обязательно посетить в Карелии // Вокруг света. 2020. 19 авг. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/338424/> (дата обращения: 12.04.2022).

³¹ Матвиенко М. Большое путешествие: во все лёгкие // Вокруг света. 2020. 6 авг. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/336128/> (дата обращения: 12.04.2022).

³² Папченко А. Балеары и Мальорка: сказка об упрямом острове // Вокруг света. 2020. 24 сент. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/338588/> (дата обращения: 12.04.2022).

³³ Миронова К. Местные жители: занимательная критика // Вокруг света. 2020. 13 окт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/340472/> (дата обращения: 12.04.2022).

дил на Крит и узнал, как живут современные минойцы. В том же номере опубликован материал «Национальное достояние: ладан для народа»³⁴. Чтобы создать тревел-текст, корреспондент побывал в Йемене, «одной из наиболее неблагополучных стран мира», и самостоятельно искал благовония на восточном базаре, узнавая их историю и назначение у торговцев. Также в октябрьском номере представлен очерк о жителях Пуэрто-Рико «Большое путешествие: американская мечта»³⁵. Все названные материалы основаны на личном опыте корреспондента-туриста, который выступает в роли проводника и раскрывает характеры людей, живущих в определённой точке планеты, культуру страны, плюсы и минусы той реальности, которая окружает героев тревел-очерка.

Тексты о зарубежных странах в № 8 «Вокруг света» за 2020 г. стилистически, жанрово и структурно выглядят так же, как выглядели подобные материалы журнала до пандемии. О COVID-19 в данных текстах не упоминается.

На портале vokrugsveta.ru в октябре 2020 г. были опубликованы две подборки интересных мест для путешествия по России: «За бортом современности: 10 поселений-призраков России»³⁶ и «Ласковый серфинг: где покататься в Питере и Калининграде»³⁷. Оба материала имеют практическую направленность: первый содержит справочную информацию для путешественников, а второй – указания на конкретные места и личный опыт автора.

В ноябре 2020 г. «Вокруг света» опубликовал два крупных тревел-материала. Обзор «Стоп, снято: лучшие виды на Лахта

Центр»³⁸ представлен на портале vokrugsveta.ru. В тексте рассказывается о сравнительно новой достопримечательности Санкт-Петербурга с позиции лучшего кадра, в том числе и в путешествии, а также даются рекомендации пяти местных фотографов и гида. Кроме того, редакция «Вокруг света» предлагает читателям поделиться своими фото в социальных сетях и авторам лучших снимков обещает билеты на футбольный матч.

В ноябрьском номере журнала (№ 9, 2020) опубликован тревел-очерк о Саудовской Аравии «Счастье есть: это твоя родина, Пророк»³⁹. В лиде оговаривается, что корреспондент «Вокруг света» провёл там уик-энд в начале 2020 г., незадолго до локдауна. Материал написан от первого лица, содержит ответы на вопросы о том, как добраться до древнего города Аль-Ула, где проходит культурный фестиваль «Зима на Танторе», сколько в стране стоит литр бензина, что находится в комплексе древних захоронений Мадаин-Салих и зачем нужно привлекать туристов, если есть нефть. К теме пандемии автор материала никак не обращается и не делает поправок в тексте на изменившуюся реальность.

Декабрь 2020 г., когда выпуск печатной версии не осуществлялся, был более насыщенным в плане публикаций крупных жанровых форм на портале, чем предыдущие месяцы года. Два из декабрьских текстов посвящены российским местам, два – зарубежным.

Тревел-очерк «Ущелья, пироги, фейерверки: в поисках древней Алании»⁴⁰ является партнёрским материалом (редакция выражает благодарности компании «Туту Приключения» и Avia Events). Автор путешествует по Северной Осетии, общается с местными жителями и рассказывает, как они связаны с грузинами и в чём их самобытность в этническом, культурном и религиозном плане.

³⁴ Миронова М. Национальное достояние: ладан для народа // Вокруг света. 2020. 14 окт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/340405/> (дата обращения: 12.04.2022).

³⁵ Желиховская М. Большое путешествие: американская мечта // Вокруг света. 2020. 21 окт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/340479/> (дата обращения: 12.04.2022).

³⁶ Веселова М. За бортом современности: 10 поселений-призраков России // Вокруг света. 2020. 8 окт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/341151/> (дата обращения: 12.04.2022).

³⁷ Васин Д. Ласковый серфинг: где покататься в Питере и Калининграде // Вокруг света. 2020. 10 окт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/341281/> (дата обращения: 12.04.2022).

³⁸ Стоп, снято: лучшие виды на Лахта Центр // Вокруг света. 2020. 6 нояб. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/342374/> (дата обращения: 12.04.2022).

³⁹ Сидоров К. Счастье есть: это твоя родина, Пророк // Вокруг света. 2020. 26 нояб. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/342123/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴⁰ Сидоров К. Ущелья, пироги, фейерверки: в поисках древней Алании // Вокруг света. 2020. 1 дек. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/344500/> (дата обращения: 12.04.2022).

Таблица 1

Распределение тематики материалов о России и мире на сайте журнала «Вокруг света» за 2019–2020 гг.

Table 1

Distribution of materials topics about Russia and world on the magazine's website "Vokrug Sveta" for 2019–2020

Тематика	Период		
	Вторая половина 2019 г.	Первая половина 2020 г.	Вторая половина 2020 г.
Тревел-тексты о мире	25	12	7
Тревел-тексты о России	7	5	17

Примечание. В расчёты включены только тексты крупных жанровых форм, являющиеся предметом настоящего исследования. Новостные и фотоматериалы при подсчётах не учитывались.

Большое внимание в очерке уделяется и национальной кухне, в частности – осетинским пирогам. Реальность пандемии отражена в этом материале: автор акцентирует внимание на том, что попасть из Владикавказа в Грузию, как раньше, уже нельзя, если вы не грузин, а национальные праздники осетин туристам можно будет посмотреть только в будущем.

В № 10 за декабрь 2020 г. журнал «Вокруг света» публикует нарративную историю о Хабаровске «Коллективный портрет: надыхаться ветром»⁴¹. В основе материала – «мозаичное панно из рассказов жителей Хабаровска о приметах разных времён». Об истории и значимых местах «города с пятидесятью купюры» рассказывают: профессор университета, адвокат, директор кинофестиваля, музыкант, кулинарный блогер, журналисты, фотограф, член Общественной палаты, художник и инженер. Таким образом, город предстаёт перед читателем глазами интеллигентных, образованных людей, что помогает путешественнику получить о нём разносторонние сведения. Текст сопровождается фотографиями видов Хабаровска и его достопримечательностей, а также содержит топ-5 мест для посещения, рекомендованных редакцией журнала.

В декабрьском номере 2020 г. «Вокруг света» публикует и сравнительно злободневный материал о том, как проживают панде-

мию в США. Текст «Местные жители: американская история ужаса»⁴², напоминающий выдержки из дневниковых записей, написан нью-йоркским корреспондентом журнала. Автор рассказывает, как люди сначала считали, что страх преувеличен, а потом начали паниковать, когда знакомых увозили на «скорой», как выросли цены в магазинах и многие боялись выходить из дома, как работали медики и что американцы думали о политике Трампа, как вводили и снимали карантин. Притом, что история рассказана довольно сумбурно и фрагментарно, охвачен почти весь период пандемии на тот момент, и читатель может сравнить свои воспоминания с авторскими.

Диаметрально противоположный по тональности обзорный текст опубликован на портале vokrugsveta.ru для путешественников, имеющих возможность отдохнуть за рубежом. «Несмотря на закрытые границы, планы строить можно и нужно: оглядываясь на 2020 год, это как раз то, что поднимет настроение, к тому же визуализация – неотъемлемая часть исполнения мечты!» – сказано в лиде материала «Швейцария и её необычные зимние развлечения, которые ждут вас прямо сейчас»⁴³. Он представляет собой краткий обзор курортов с разными видами отдыха.

⁴² Соколовская М. Местные жители: американская история ужаса // Вокруг света. 2020. 16 дек. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/344578/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴³ Швейцария и её необычные зимние развлечения, которые ждут вас прямо сейчас // Вокруг света. 2020. 7 дек. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/345025/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴¹ Мингазов С. Коллективный портрет: надыхаться ветром // Вокруг света. 2020. 12 дек. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/344589/> (дата обращения: 12.04.2022).

Буквально в одном абзаце рассказано о каждом из них с восклицательными интонациями рекламного характера: «От традиционных развлечений до настоящего экстрима: полюбуйтесь видами на Берн во время ночного полёта на параплане в полнолуние. Точно будет о чём рассказать друзьям!» В конце материала призыв звучит ещё более настойчиво: «Ну что, вы уже готовы паковать чемоданы и, несмотря на эпидемиологическую обстановку, покупать билеты?» При этом нет инструкции, как именно организовать отдых, дана только ссылка на сайт, рекламой которого, очевидно, и являлся обзор на портале журнала. Тексты такого рода редко встречаются в рубрике «Путешествия», в основном материалы «Вокруг света» носят просветительский или информирующий характер, что подтверждают примеры, изученные выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в начале пандемии COVID-19 интернет-портал журнала «Вокруг света» усилил виртуальный и интерактивный компонент, но сохранил жанровые предпочтения – в 2020 г. на сайте присутствовали преимущественно тревел-гиды и подборки мест для отдыха. Редакция сайта «Вокруг света» стала больше внимания уделять мультимедийности: публиковать видеозаписи по местам, которые нельзя было посетить. Просветительские задачи текстов, исторически закрепившиеся за данным журналом, чередовались с развлекательными и побудительными: на портале периодически появлялись и партнерские материалы, и тексты откровенно рекламного характера. Также иногда на сайте дублировались материалы из номеров прошлых лет и публиковался заимствованный контент – в частности, об Алтае. Журнал «Вокруг света» в начале пандемии COVID-19 стремился помочь туристам в изменившемся мире найти новые способы путешествий и относиться с оптимизмом ко всему, что происходило в то время. Упоминания самого факта пандемии и её реалий присутствуют в сравнительно малом количе-

стве тревел-текстов, которые мы обнаружили за исследуемый период (11 из 41).

Однозначно больше внимания в материалах журнала и сайта стали уделять внутреннему туризму (табл. 1): публиковать тревел-тексты о российских местах, подчёркивая красоту и загадочность Урала, Алтая, Дальнего Востока, Кавказа и русского Севера. Во второй половине 2020 г. таких текстов вышло 17, а в аналогичном периоде 2019 г. их было всего семь (описываемые места – Сибирь, Сатка (Челябинская область), Кострома, Самара, Санкт-Петербург, Сочи и подборка топ-5 необычных путешествий по России).

Данные тексты, как правило, имеют практическую направленность – рекомендуют, что посетить и как добраться. В содержательном плане контент проходит определённую эволюцию: присутствуют как материалы ознакомительного характера в формате тематических подборок, так и подробные тревел-гиды по российским местам.

Редакция и печатной, и онлайн-версии журнала сохранила свои концептуальные подходы к формату гида, основой которого является самостоятельное путешествие корреспондента. Однако динамика контента сайта «Вокруг света» позволяет согласиться с точкой зрения зарубежных медиаисследователей, обозначенной в журнале *Convergence*, о том, что в настоящее время средства массовой информации, особенно цифровые медиа, изменяют отношение ко времени и к расстоянию (*reconfigure the relations and distances among present, past, and future times*) [12, p. 707]. Применительно к тревел-журналистике это выражается в предоставлении аудитории быстрого и удобного формата получения информации о местах для путешествия. Реальность пандемии побудила авторов журнала и портала *vokrugsveta.ru* писать более лаконично (чередовать абзац текста с фото), чаще обращаться к конвергентным жанрам в тревел-текстах, особенно к интервью-комментарии от зарубежных информаторов и корреспондентов, к нарративной истории, а также давать больше практически значимых сведений для путешественников.

Список источников

1. Комарова Е.В. Журнал «Вокруг света» в 1885–1891 гг.: типологическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 360-363.
2. Бордюг Т. Глянec возвращается в печать // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/04/18/866514-glyanets-vozvraschaetsya> (дата обращения: 12.05.2022).
3. Назаренко А.С., Тихонова О.В. Тревел-блогинг в Instagram* и YouTube: влияние пандемии // Меди@льманах. 2022. № 1. С. 68-76.
4. Боруруев Г.В. Поликодовая природа текстов в тревел-журналистике // Консолидация интеллектуальных ресурсов как фундамент развития современной науки: сб. ст. 3 Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2021. С. 139-146.
5. Показаньева И.В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства // Mediascope. 2013. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 12.05.2022).
6. Кривцов Н.В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 347-365.
7. Редькина Т.Ю. Категория «образ автора» в трэвел-тексте социальных медиа // Медиалингвистика. Выпуск 5. Язык в координатах массмедиа: материалы 1 Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Пб. гос. ун-т, Ин-т «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2016. С. 248-250.
8. Редькина Т.Ю. Средства реализации развлекательной функции в трэвел-тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2011. № 4. С. 210-218.
9. Кубатьян Г.С. Travel-журналистика. Путешествуйте и зарабатывайте. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. 192 с.
10. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: 15 мастер-классов. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. 112 с.
11. Виноградский В.С., Куницына Н.В. Конвергентные жанры в современной периодике // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 3. С. 370-381.
12. Pentzold C., Kaun A., Lohmeier C. Imagining and instituting future media: Introduction to the special issue // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2020. Vol. 26 (4). P. 705-715.

References

1. Komarova E.V. Zhurnal «Vokrug sveta» v 1885–1891 gg.: tipologicheskaya kharakteristika [The “Vokrug Sveta” magazine in 1885-1891: a typological characteristic]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhniy Novgorod*, 2014, no. 2 (1), pp. 360-363. (In Russian).
2. Bordyug T. Glyanets vozvrashchayetsya v pechat' [Gloss is back in print]. *Vedomosti* [State Paper]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/04/18/866514-glyanets-vozvraschaetsya> (accessed 12.05.2022). (In Russian).
3. Nazarenko A.S., Tikhonova O.V. Trevel-blogging v Instagram* i YouTube: vliyanie pan-demii [Travel blogging on Instagram* and YouTube: the impact of the pandemic]. *Medi@l'manakh – Medi@lmanac*, 2022, no. 1, pp. 68-76. (In Russian).
4. Boruruyev G.V. Polikodovaya priroda tekstov v trevel-zhurnalistike [Polycode nature of texts in travel journalism]. *Sbornik statey 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Konsolidatsiya intellektual'nykh resursov kak fundament razvitiya sovremennoy nauki»* [Collection of Works of the 3rd International Scientific and Practice Conference “Consolidation of Intellectual Resources as a Foundation for the Development of Modern Science”]. Petrozavodsk, 2021, pp. 139-146. (In Russian).
5. Pokazanyeva I.V. Problemnoye pole trevel-zhurnalistiki kak yavleniya sovremennoogo mediaprostranstva [The problematic field of travel journalism as a phenomenon of the modern media space]. *Mediascope*, 2013, no. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (accessed 12.05.2022). (In Russian).
6. Krivtsov N.V. Trevel-zhurnalistika: spetsifika napravleniya i ego problemy [Travel journalism: characteristic aspects and challenges of the genre]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 347-365. (In Russian).
7. Redkina T.Y. Kategoriya «obraz avtora» v trevel-tekste sotsial'nykh media [The category “author’s image” in the travel text of social media]. *Materialy 1 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Medialingvistika. Vypusk 5. Yazyk v koordinatakh massmedia»* [Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference “Medialinguistics. Issue 5. Language in the Coordinates of Mass Media”].

- St. Petersburg, Saint-Petersburg State University, School of Journalism and Mass Communications Publ., 2016, pp. 248-250. (In Russian).
8. Redkina T.Y. Sredstva realizatsii razvlekatel'noy funktsii v trevel-tekste [Means of implementing the entertainment function in the travel text]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2011, no. 4, pp. 210-218. (In Russian).
 9. Kubatyan G.S. *Travel-zhurnalistika. Puteshestvuyte i zarabatyvayte* [Travel Journalism. Travel and Earn]. St. Petersburg, “Humanitarian Academy” Publishing Center, 2017, 192 p. (In Russian).
 10. Kolesnichenko A.V. *Prakticheskaya zhurnalistika: 15 master-klassov* [Practical Journalism: 15 Master Classes]. Moscow, “Aspect Press” Publ., 2017, 112 p. (In Russian).
 11. Vinogradskiy V.S., Kunitsyna N.V. Konvergentnyye zhanry v sovremennoy periodike [Convergent genres in modern periodicals]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 370-381. (In Russian).
 12. Pentzold C., Kaun A., Lohmeier C. Imagining and instituting future media: Introduction to the special issue. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2020, vol. 26 (4), pp. 705-715.

* Социальная сеть Instagram* (принадлежит Meta**) запрещена на территории Российской Федерации. 21 марта 2022 г. компания Meta** признана экстремистской организацией, деятельность холдинга в России запрещена.

Информация об авторе

Зуева Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика», Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6388-5078](https://orcid.org/0000-0001-6388-5078), ResearcherID: [AAA-4588-2019](https://orcid.org/AAA-4588-2019), gz90@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, поиск и анализ литературы и источников, обработка полученных результатов, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 14.06.2022
Одобрена после рецензирования 16.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Galina S. Zueva, Candidate of Philology, Associate Professor of “Journalism” Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6388-5078](https://orcid.org/0000-0001-6388-5078), ResearcherID: [AAA-4588-2019](https://orcid.org/AAA-4588-2019), gz90@yandex.ru

Contribution: study idea, literature and sources search and analysis, obtained results processing, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 14.06.2022
Approved after reviewing 16.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neofilologiya/>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-604-612

Персональные данные в медиасфере: специфика работы

Никита Дмитриевич МАЛЬЦЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ nw23nik@yandex.ru

Аннотация. Защита персональных данных в средствах массовой информации на современном этапе развития технологий является сложной задачей с большим количеством аспектов, которые необходимо соблюдать согласно законодательству Российской Федерации. Рассмотрены наиболее актуальные проблемы, связанные со сбором, хранением, использованием и защитой персональных данных в медиасфере. Произведена систематизация основных этапов истории развития законодательства в сфере защиты персональных данных в России и за рубежом, проведён анализ современных методов обработки, хранения и передачи персональных данных в различных странах мира. Отдельно рассмотрены законодательные акты Российской Федерации, которые применяются к определённым алгоритмам работы средств массовой информации с персональными данными. Предметно проанализирована отечественная судебная практика по случаям неправильной обработки персональных данных в средствах массовой информации. На основе результатов обобщения аналитических и статистических материалов предложены методы защиты данных при их сборе, обработке и хранении на различных этапах медиапроизводства. Полученные рекомендации могут быть использованы в практике работы редакций СМИ и в блогосфере.

Ключевые слова: персональные данные, медиасфера, технологии, защита, журналист, судебная практика

Для цитирования: Мальцев Н.Д. Персональные данные в медиасфере: специфика работы // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 604-612. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-604-612>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Personal data in the media sphere: the specifics of work

Nikita D. MALTSEV

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ nw23nik@yandex.ru

Abstract. The protection of personal data in the media at the modern stage of technological development is a challenging task with many aspects that must be observed according to the legislation of the Russian Federation. The most pressing problems related to the collection, storage, use and protection of personal data in the media are considered. We make the systematization of the main stages in the history of the development of legislation in the field of personal data protection in Russia and abroad, an analysis was made of modern methods of processing, storing and transferring personal data in various countries of the world. The legislative acts of the Russian Federation, which apply to certain algorithms for the work of mass media with personal data, are considered separately. We analyze in detail the domestic judicial practice on cases of incorrect processing of personal data in the media. Based on the results of the generalization of analytical and statistical materials, methods for protecting data during their collection, processing and storage at various stages of media production are proposed. The recommendations received can be used in the practice of media editorial work and in the blogosphere.

Keywords: personal data, media sphere, technology, protection, journalist, jurisprudence

For citation: Maltsev N.D. Personal'nyye dannyye v mediasfere: spetsifika raboty [Personal data in the media sphere: the specifics of work]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 604-612. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-604-612> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня цифровые технологии и технологии связи достигли такого уровня развития, что могут существенно облегчить идентификацию и поиск человека. Автоматизация технических процессов и система быстрого поиска информации существенно упрощает работу журналиста и позволяет за считанные часы собрать весь необходимый материал для статьи или видео.

Информационные технологии, которые позволяют обрабатывать большое количество информации, начали свой путь развития в начале второй половины XX века. В 1960-х гг. доступ к ним получают всё больший круг лиц, и это становится причиной опасений Совета Европы.

Первый в истории современный закон о конфиденциальности персональных данных

в ответ на опасения по поводу компьютерных достижений и конфиденциальности при обработке персональных данных был принят в 1970 г. в Гессене, Германия. Затем в 1973 г. Швеция приняла первый национальный закон о конфиденциальности под названием «Закон о данных», который криминализировал кражу данных и предоставил субъектам данных свободу доступа к своим записям.

31 декабря 1974 г. вступил в силу Закон о конфиденциальности – это федеральный закон США, устанавливающий Кодекс добросовестной информационной практики в отношении сбора, хранения, использования и распространения информации, позволяющей установить личность, федеральными агентствами¹.

¹ Защита персональных данных в США // SearchInform Information Security. URL: <https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/zaschita-personalnykh->

В 1978 г. Федеральный закон Германии о защите данных установил требование согласия на обработку персональных данных основным стандартом защиты данных. К 1979 г. многие государства-члены ЕС включили в своё законодательство законы о защите данных в качестве основных прав.

В 1983 г. в историческом деле об инвазивном характере общенациональной переписи населения Федеральный конституционный суд Германии постановил, что граждане должны иметь основное право на самоопределение в отношении своих личных данных. В постановлении установлено, что физические лица должны быть защищены от неограниченного сбора, хранения, использования и разглашения их персональных данных.

По мере развития компьютерных технологий и широкого распространения свободного обмена информацией Европейский союз (далее – ЕС) в 1995 г. принимает Директиву о защите данных, которая налагает минимальные стандарты защиты персональных данных на государства-члены и защищает права отдельных лиц в отношении перемещения персональных данных между государствами-членами ЕС².

В 2002 г. ЕС принимает Директиву о конфиденциальности и электронных коммуникациях.

В 2012 г. Европейская комиссия выпустила проект Европейского регламента по защите данных, который заменит собой Директиву ЕС о защите данных. Закон позволяет гражданам ЕС просить поисковые системы, такие как Google, удалять результаты запросов, содержащих их имя. Понятие становится известным как «право на забвение».

В странах СНГ неприкосновенность частной жизни как ценность впервые была обозначена в 1991 г. Советом РСФСР. Принятой декларацией было запрещено хранение, обработка, сбор и использование данных, если не было получено согласие субъекта данных. Именно в таком формате закон был перене-

сён в Конституцию Российской Федерации, принятую в 1993 г. В 1995 г. Нормативный правовой акт отнёс персональные данные к конфиденциальной информации [1].

Исследователь Л.В. Криволапова в своей работе отмечает, что в гражданском законодательстве неприкосновенность личной жизни гражданина обеспечиваются предоставлением ему личных неимущественных прав, которые позволяют охранять от постороннего вмешательства его поведение в индивидуальной жизнедеятельности [2]. Это означает, что не любая информация, найденная в сети Интернет, может быть законно использована в публикации. На территории Российской Федерации правоотношения в области персональных данных (далее – ПД) регулируются Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных». В судебной базе существует множество прецедентов случайного или умышленного распространения ПД журналистами и редакциями, а в сети Интернет всё чаще поднимаются вопросы конфиденциальности и безопасности данных.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В связи с изложенным необходимо произвести анализ судебных прецедентов по делам о разглашении персональных данных, рассмотреть, как производится защита данных на государственном уровне, произвести исследование зарубежной практики в области защиты ПД. Выявление тех или иных признаков нарушения обработки персональных данных журналистом и их последующая систематизация позволит существенно снизить возможность появления новых прецедентов, что обуславливает актуальность задачи исследования работы с персональными данными в медиасфере.

Основополагающим методом исследования является метод анализа, включающий в себя дедукцию и аналогию. Также в работе применены статистические и классифицирующие методы для более детального исследования проблемы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Отечественная практика работы с персональными данными в медиасфере.

dannykh/realizaciya-zashchity-personalnyh-dannyh/mezhdunarodnaya-sistema-zashchity-personalnyh-dannyh/v-ssha/ (дата обращения: 12.05.2022).

² ePrivacy Regulation and its shadow! What to expect // Digital Guide IONOS. 2020. 9 of February. URL: <https://www.ionos.com/digitalguide/websites/digital-law/eprivacy-regulation-about-the-eus-privacy-policy> (accessed: 10.05.2022).

Согласно Федеральному Закону № 152-ФЗ, персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (пункт 1 статьи 3 № 152-ФЗ «О персональных данных»).

В законе указывается, что к персональным данным относятся:

- фамилия, имя, отчество;
- пол;
- возраст;
- дата и место рождения;
- образование и квалификация;
- профессиональная подготовка и сведения о повышении квалификации;
- гражданство;
- место жительства;
- номер телефона;
- семейное положение, наличие детей, родственные связи;
- изображение человека (фотография и видеозапись), которое позволяет установить его личность.

Однако с фото- и видеоматериалами, на которых изображены люди, есть исключения. Объектом персональных данных изображение будет являться лишь в том случае, если есть указание на имя и фамилию и/или должность или другие особенности, которые позволят идентифицировать человека.

В федеральном законе выделено несколько категорий персональных данных:

- специальные категории персональных данных – касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни субъекта (пункт 1 статьи 10 № 152-ФЗ «О персональных данных»);

- биометрические персональные данные – физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (пункт 1 статьи 11 № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Стоит отметить, что в законе прямо не указан точный перечень биометрических персональных данных. В связи с чем Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций выпустила разъяснение, где

был дан примерный список физиологический данных, который можно отнести к биометрическим персональным данным, а именно: дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес и др. Также фото- или видеоматериалы относятся к биометрическим персональным данным, если они позволяют идентифицировать личность человека.

Тема персональных данных в современной России очень актуальна, так как многие системы обработки, хранения информации активно цифровизируются, повышается количество обрабатываемых данных. Для СМИ данная тематика также является актуальной, поскольку журналисты работают не только с людьми, но и большим потоком информации, в котором могут скрываться как свободные, так и закрытые данные, а значит, каждый работник СМИ должен уметь разделять на категории получаемую извне информацию и понимать, какие санкции могут быть наложены за нарушения при работе с данными.

В судебной практике есть множество прецедентов, когда журналисты, готовя сюжет, совершали ошибку и публиковали материал, в котором содержались персональные данные. За последние несколько лет можно выделить несколько показательных случаев.

В 2018 г. в Воронежской области рассматривалось дело, в котором фигурировал интернет-портал, опубликовавший новость о противоправных действиях в отношении несовершеннолетнего. В публикации использовалась фотография подростка без согласия родителей/ребёнка, что запрещено законодательством РФ. Интернет-портал имел свидетельство о регистрации как СМИ и потому был привлечён к административной ответственности³.

В 2014 г. в Республике Саха было рассмотрено дело о газетной публикации, в которой указывались персональные данные заявителя без его согласия. Мировой судья вынес постановление, согласно которому

³ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с административным правонарушением в отношении Лебедева П.А. // База данных Российской судебной практики по информационному праву. 2018. 18 янв. URL: <https://media-pravo.info/case/1763-2> (дата обращения: 10.05.2022).

автор статьи был признан виновным, и ему был назначен штраф⁴.

Конечно, подобные случаи возникают, но зачастую дела возбуждаются вследствие освещения журналистами общественно-значимых тем.

В 2013 г. в Свердловской области рассматривалось дело о публикации статьи в газете без получения согласия субъекта ПД. В материале содержались следующие сведения о гражданине: имя, фамилия, год рождения, образование, город проживания, рабочая должность, сведения об отсутствии судимости, обстоятельства преступления. Автор статьи пояснил, что никакого ущерба чести и достоинства гражданина указанием его ПД не причинено, размещение данной статьи было в целях предупреждения и профилактики подобных преступлений. Суд вынес постановление и подверг автора статьи наказанию в виде предупреждения⁵.

В 2008 г. в Курской области в районной газете была опубликована статья об изъятии детей из неблагополучной семьи и взятии их под контроль государства. В публикации были разглашены персональные данные детей, и суд пришёл к выводу о том, что журналист совершил административное правонарушение. Однако от наказания автор статьи был освобождён, так как публикация была посвящена общественно-важной теме.

Как можно заметить, иногда журналисты вынуждены публиковать материалы с персональными данными без получения согласия, если статья носит разоблачительный характер.

Законом предусмотрены отдельные случаи, когда можно публиковать персональные данные без согласия владельца. К таким случаям относятся:

- распространение общественно-важной информации;

⁴ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с заявлением Управления Роскомнадзора по Республике Саха (Якутия) // База данных Российской судебной практики по информационному праву. 2014. 18 июля. URL: <https://media-pravo.info/case/1083-2> (дата обращения: 10.05.2022).

⁵ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с административным правонарушением, предусмотренного ст. 13.11, в отношении ООО Медиа-Группа «Городские Вести» // База данных Российской судебной практики по информационному праву. 2013. 1 февр. URL: <https://media-pravo.info/case/902-2> (дата обращения: 10.05.2022).

- если журналист осуществляет свою профессиональную деятельность; если ПД общедоступны (государственные реестры и т. д.);

- если ПД содержатся в документах, которые подлежат официальному опубликованию.

Однако в законе также указано, что даже в этих случаях разглашение персональных данных не должно нарушать права субъекта ПД.

Все зарегистрированные СМИ страны обязаны соблюдать законы Российской Федерации. Вследствие чего усложняется фильтрация, проверка и обработка данных при подготовке материала [3].

Журналист обязан:

- соблюдать устав редакции, с которой он состоит в трудовых отношениях;

- получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей;

- ставить в известность главного редактора о возможных исках и предъявлении иных предусмотренных законом требований в связи с распространением подготовленного им сообщения или материала.

Любые действия, совершаемые с ПД, являются их обработкой, которая осуществляется только с разрешения субъекта персональных данных. Данное требование имеет и исключение, если информация заимствуется из открытых источников. Таковыми могут являться справочники или адресные книги (пункт 1 статьи 8 № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Таким образом, чтобы журналисту выпустить материал и не нарушить закон, необходимо получить согласие на обработку персональных данных или же соблюсти условия свободного использования персональных данных всех субъектов, чьи права затрагивает данный материал. Но существует вероятность столкнуться с кражей персональных данных или их искажением на момент написания или публикации материала, так как персональные данные становятся всё более востребованными у злоумышленников.

Сегодня существуют несколько способов защиты персональных данных:

– использование антивирусного программного обеспечения на персональном компьютере, где производится обработка, хранение и передача персональных данных;

– аккуратное обращение с метаданными (метаданные – это данные о документе, электронном файле или другом носителе информации, которые содержат их состав, содержание, информацию о геолокации их создания, качестве, формате, объёме и др.), фото-, видео- и текстовыми материалами при их загрузке в сеть Интернет, не хранить обрабатываемые данные в облачных сервисах.

Согласно отчету Info Watch за 2020 г., в России 53 % утечек персональных данных приходится на облачные сервисы и сеть Интернет. Второе и третье место занимают утечки по электронной почте и бумажной документации⁶. По данным опроса ВЦИОМ, в 2021 г. более трети россиян (37 %) не знали, для чего и как могут использоваться их персональные данные, и только 15 % опрошенных отметили, что точно знают, зачем производится сбор и обработка их персональных данных⁷. В 2021 г. Роскомнадзор обработал более 38 тысяч жалоб граждан на неправомерную обработку персональных данных. Наибольшее количество жалоб поступало на владельцев интернет-ресурсов, в том числе на владельцев интернет-сайтов⁸.

Зачастую злоумышленники используют полезные программы, как оболочку для своих вирусов. Так, скачав текстовый файл и открыв его, можно активировать вирусное ПО, которое попытается украсть персональные данные пользователя или данные, хранящиеся на жёстком диске компьютера. Та-

кие программы называют стиллерами [4]. Для предотвращения подобных атак необходимо использовать антивирусное ПО, которое будет сканировать скачиваемые файлы и помещать их в карантин, если это потребуется.

Не стоит забывать и про метаданные, которые собирают и хранят все устройства и используются журналистами, операторами и редакторами на производстве [5]. Например, если для редактирования текста используется MS Office, необходимо соблюдать осторожность с тем, какие данные попадут в метаданные файла. MS Office хранит в себе количество печатей файла, учётную запись пользователя, который создал файл, дату и время создания, а также изменения файла. Если же в редакции возникнет конфликтная ситуация, метаданные могут быть использованы для её разрешения.

Облачные сервисы – ненадёжное средство хранения или передачи информации. Частые взломы и хищения файлов с хранилищ могут нанести большой ущерб как редакции, так и физическим лицам, персональные данные которых были утрачены. Если и использовать общее хранилище для такого типа файлов, то только без подключения в сеть Интернет.

Блогеры также являются операторами персональных данных, если на сайте блога используется регистрация с указанием имени, фамилии и номера телефона или авторизация через социальные сети. Использование данных пользователей без их согласия неправомерно.

П.С. Швыряев в своей статье отмечает, что в 2020 г. наибольшее число утечек было со стороны внутренних нарушителей – сотрудников организаций [6].

По данным Global Cybersecurity Index, в 2020 г. Россия заняла 8 место по уровню кибербезопасности в мире. Уровень защищённости страны равен 98,6 % и оценивается по пяти параметрам: техническая, организационная подготовленность, юридическая, готовность к сотрудничеству, развитие образовательного и исследовательского потенциала страны. Первую строку таблицы занимает США с показателем в 100 %⁹. Таким обра-

⁶ Утечки информации ограниченного доступа: отчёт за 9 месяцев 2020 г. // Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2020. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/12/infowatch_2020_9_monts_data_1eak.pdf (дата обращения: 11.05.2022).

⁷ Сохранность персональных данных. Аналитический обзор // ВЦИОМ. Ассоциация больших данных. 2021. 07 сент. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhrannost-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 10.05.2022).

⁸ Подведены итоги работы Роскомнадзора в 2021 году по защите прав и интересов граждан в сфере персональных данных // Федеральная Служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). 2022. 2 февр. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74048.htm?print=1> (дата обращения: 10.05.2022).

⁹ Global Cybersecurity Index 2020. Measuring commitment to cybersecurity // Global Cybersecurity Index.

зом, из собранной статистики можно сделать вывод, что наиболее опасным местом хранения, обработки и передачи информации является сеть Интернет, а также стоит обращать внимание на сотрудников редакции, которые занимаются персональными данными.

В случае обработки персональных данных без согласия субъекта персональных данных либо с нарушением требований к составу сведений, включаемых в обработку, гражданам грозит штраф от 3 тысяч рублей до 5 тысяч рублей, должностным лицам от 10 тысяч рублей до 20 тысяч рублей, юридическим лицам от 15 тысяч рублей до 75 тысяч рублей.

За невыполнение оператором в установленные сроки требования субъекта персональных данных или его представителя либо Роскомнадзора об уточнении персональных данных, их блокировании или уничтожении (если данные являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки) налагается штраф на граждан от 700 рублей до 2 тысяч рублей, на должностных лиц от 4 тысяч рублей до 10 тысяч рублей, на юридических лиц от 25 тысяч рублей до 50 тысяч рублей.

За незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или СМИ налагается штраф до 200 тысяч рублей либо обязательные работы на срок до 360 часов¹⁰.

2. Зарубежная практика работы с персональными данными в медиасфере. В 2016 г. Европейский союз принял Общий регламент по защите данных (GDPR). Данный закон о конфиденциальности и безопасности является одним из строжайших в мире. Несмотря на то, что он был разработан и принят Европейским союзом, он налагает

обязательства на все организации, если они собирают данные, связанные с людьми из ЕС. Постановление вступило в силу 25 мая 2018 г. GDPR налагает суровые штрафы на тех, кто нарушает его стандарты конфиденциальности и безопасности. Штрафы достигают десятков миллионов евро.

Согласно этому документу, оператор персональных данных обязан производить обработку в соответствии с принципами защиты и подотчётности: законность, справедливость и прозрачность.

В законе перечислены ситуации, когда обработка персональных данных является законной:

- субъект данных дал конкретное, недвусмысленное согласие на обработку данных;
- обработка необходима для выполнения или подготовки к заключению договора, стороной которого является субъект данных;
- необходимо обработать ПД, чтобы выполнить юридические обязательства;
- необходимо обработать данные, чтобы спасти чью-то жизнь;
- обработка необходима для выполнения задачи в общественных интересах или для выполнения какой-либо официальной функции;
- присутствует законный интерес к обработке чьих-либо персональных данных.

В GDPR персональными данными является любая информация, которая относится к физическому лицу, и оно может быть прямо или косвенно идентифицировано. Имена и адреса электронной почты, очевидно, являются личными данными. Информация о местонахождении, этническая принадлежность, пол, биометрические данные, религиозные убеждения, веб-куки и политические взгляды также могут быть персональными данными. Псевдонимные данные также могут подпадать под это определение, если по ним относительно легко кого-то идентифицировать.

В 2017 г. Европейской комиссией опубликован первый проект реформы ePrivacy. Основной целью реформы является повышение уровня личной защищённости граждан Европейского союза при использовании цифровых каналов связи. Изменения директивы касаются политики обработки персональных данных крупными интернет-компаниями. Важным дополнением в дирек-

URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2021/09/GCI-2020.pdf> (accessed: 12.05.2022).

¹⁰ Commission proposes high level of privacy rules for all electronic communications and updates data protection rules for EU institutions // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_16 (accessed: 12.05.2022).

тиве является ограничение по сбору и обработке cookie-файлов. Администраторы сайтов смогут использовать данные пользователей только после явного согласия на их обработку. Также если пользователь не согласен на передачу своих данных администратору, он вправе получить предоставляемый контент в полном объеме. Для реализации подобной технологии может использоваться настройка браузера по умолчанию [7].

Возможным последствием принятия реформы может стать ситуация, когда владельцы медиа-порталов и СМИ лишатся доли заработка, так как файлы cookie используются для предоставления пользователю предпочтительной для него рекламы и контента. Предоставление таргетированной рекламы будет возможно только после явного согласия пользователя [7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, сегодня персональные данные являются важным инструментом не только для журналистов, компаний, но и для любого человека, и с каждым годом становятся всё более важным звеном правовых отношений между средствами массовой информации и гражданами Российской Федерации. Особое внимание как обычным гражданам, так и журналистам стоит уделять правильному сбору, обработке, хранению и за-

щите персональных данных, ведь данная сфера регулируется в Российской Федерации на законодательном уровне, и её нарушение влечёт за собой ответственность. Цифровизация и всё больший переход изданий в сеть Интернет влечёт за собой новые угрозы для владельцев интернет-порталов и интернет-СМИ, так как персональные данные приобретают всё большую ценность.

Научная новизна заключается в систематизации имеющихся знаний, а также в исследовании отечественной и зарубежной практики по защите персональных данных, что позволяет выявить правила безопасного обращения с персональными данными в медиасфере.

Значение проведённого исследования на практике состоит в конкретизации и систематизации неоднозначных моментов при работе с персональными данными в СМИ, а также в анализе методов защиты персональных данных при обработке при производстве контента.

Работа рассматривает только один из аспектов проблемы. В дальнейшем могло бы быть произведено более глубокое исследование процесса сбора и обработки биометрических персональных данных при помощи технических средств на основном этапе производства телесюжета. Данная проблема является наиболее актуальной, так как затрагивает большую часть современной медиасферы.

Список источников

1. *Волеводз А.Г.* Защита персональных данных в Европейском союзе: правовое регулирование и порядок взаимодействия с третьими странами // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 303-312.
2. *Кривопалова Л.В.* Защита персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 88-91.
3. *Донских А.Г.* Актуальные проблемы использования персональных данных в деятельности СМИ // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2021. Т. 20. № 6: Журналистика. С. 145-155. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-145-155>
4. *Останний Д.О.* Стиллер «(s)AINT» и защита от него // Юный учёный. 2019. № 1 (21). С. 7-13. URL: <https://moluch.ru/young/archive/21/1358/> (дата обращения: 25.04.2022).
5. *Kuksov I.* Как невидимые данные электронных документов приводят к реальным проблемам // Kaspersky.ru. 2017. 9 марта. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/office-documents-metadata/14277/> (дата обращения: 10.05.2022).
6. *Швыряев П.С.* Утечки конфиденциальных данных: главный враг внутри // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 91. С. 226-241.
7. *Гуде С.В., Арбузов П.В., Карника А.Г.* Защита персональных данных в Российской Федерации: исторический аспект и современное состояние // Юристъ-Правоведь. 2015. № 2 (69). С. 93-97.

References

1. Volevodz A.G. Zashchita personal'nykh dannykh v Evropeyskom soyuze: pravovoye regulirovaniye i poriyadok vzaimodeystviya s tret'imimi stranami [Protection of personal data in the European union: legal regulation and procedure for cooperation with third countries]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. – Criminalist's Library. Scientific Journal*, 2018, no. 3 (38), pp. 303-312. (In Russian).
2. Krivopalova L.V. Zashchita personal'nykh dannykh [Protection of personal data]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*, 2020, no. 6 (186), pp. 88-91. (In Russian).
3. Donskih A.G. Aktual'nyye problemy ispol'zovaniya personal'nykh dannykh v deyatel'nosti SMI [Current problems of using personal data in media activities]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya – Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, pp. 145-155. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-145-155> (In Russian).
4. Ostanniy D.O. Stiller «(s)AINT» i zashchita ot nego [Stiller “(s)AINT” and protection against it]. *Yunyy uchenyy – Young Scientist*, 2019, no. 1 (21), pp. 7-13. (In Russian). Available at: <https://moluch.ru/young/archive/21/1358/> (accessed 25.04.2022).
5. Kuksov I. Kak nevidimyye dannyye elektronnykh dokumentov privodyat k real'nym problemam [How invisible data of electronic documents lead to real problems]. *Kaspersky.ru*, 2017, 9 March. (In Russian). Available at: <https://www.kaspersky.ru/blog/office-documents-metadata/14277/> (accessed 10.05.2022).
6. Shvyryaev P.C. Utechki konfidentsial'nykh dannykh: glavnyy vrug vnutri [Data breaches: the main enemy within]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik – E-Journal Public Administration*, 2022, no. 91, pp. 226-241. (In Russian).
7. Gude S.V., Arbuzov P.V., Karpika A.G. Zashchita personal'nykh dannykh v Rossiyskoy Federatsii: istoricheskiy aspekt i sovremennoye sostoyaniye [Personal data protection in the Russian Federation: historical aspects and current condition]. *Yurist'-Pravoved'* [Lawyer-Legislator], 2015, no. 2(69), pp. 93-97. (In Russian).

Информация об авторе

Мальцев Никита Дмитриевич, аспирант, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-0628-2486](https://orcid.org/0000-0003-0628-2486), nw23nik@yandex.ru

Вклад в статью: идея, сбор данных, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 05.07.2022
Одобрена после рецензирования 08.09.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Nikita D. Maltsev, Post-Graduate Student, Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0628-2486](https://orcid.org/0000-0003-0628-2486), nw23nik@yandex.ru

Contribution: idea, data acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 05.07.2022
Approved after reviewing 08.09.2022
Accepted for publication 16.09.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 659.11+339.13

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-613-620

Современные тенденции событийного маркетинга в продвижении бренда университета

Виктор Алексеевич РОМАШКИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ viktormoney1@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные тенденции событийного маркетинга применительно к различным сферам. Событийный маркетинг ориентирован на построение устойчивой эмоциональной связи между брендом и аудиторией. Как показала практика отечественных и зарубежных университетов, событийный маркетинг востребован в продвижении брендов учебного заведения. Приведены наиболее яркие кейсы специальных событий отечественных и зарубежных вузов. Несмотря на спад на рынке специальных событий, вызванных пандемией, специальные события становятся более разнообразными по форме (получил развитие гибридный формат специального события) и более оригинальными по содержанию. В университетской среде наметился тренд на переход от узкокорпоративных событий к событиям, ориентированным на максимально широкую аудиторию, от традиционных событий («День первокурсника», «Студенческая весна») к брендовым событиям, характеризующим вуз как субъект общественной жизни региона. В качестве примеров специальных событий, направленных на различные аудитории, приведены мероприятия Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина («Карьерные форум», «Неделя первокурсника», «Державинская миля», «Державинская регата», «Державинская лыжня»).

Ключевые слова: университет, бренд, событийный маркетинг, мероприятие, коммуникация, аудитория, специальное событие

Для цитирования: Ромашкин В.А. Современные тенденции событийного маркетинга в продвижении бренда университета // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 613-620. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-613-620>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Modern trends in event marketing in promoting the university brand

Viktor A. ROMASHKIN

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ viktormoney1@yandex.ru

Abstract. We consider current trends in event marketing in relation to various areas. Event marketing is focused on building a strong emotional connection between brand and audience. As the practice of domestic and foreign universities shows, event marketing is in demand in promoting the brands of an educational institution. We present the most striking cases of special events of domestic and foreign universities. Despite the downturn in the special events market caused by the pandemic, special events are becoming more diverse in form (a hybrid special event format has been developed) and more original in content. In the university environment, there has been a trend towards a transition from narrowly corporate events to events focused on the widest possible audience, from traditional events (“First-Year Student Day”, “Student Spring Festival”) to branded events that characterize the university as a subject of the public life of the region. As examples of special events aimed at various audiences, the events of the Derzhavin Tambov State University (“Career Forum”, “First-Year Student Week”, “Derzhavin Mile”, “Derzhavin Regatta”, “Derzhavin Ski Track”).

Keywords: university, brand, event marketing, event, communication, audience, special event

For citation: Romashkin V.A. Sovremennyye tendentsii sobytiynogo marketinga v prodvizhenii brenda universiteta [Modern trends in event marketing in promoting the university brand]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 613-620. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-613-620> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В условиях конкурентной борьбы за целевую аудиторию одной из задач университета является выстраивание эффективной коммуникации с потенциальными абитуриентами и их родителями, представителями органов государственной власти, работодателями и партнёрами. В этой связи университеты всё чаще прибегают к инструментам маркетинга, ориентируясь на примеры успешных решений в коммерческом секторе. Одним из таких инструментов продвижения выступает событийный маркетинг.

Событийный маркетинг является одной из самых сложных по организации форм коммуникации с аудиторией, так как в нём задействованы различные каналы коммуни-

кации (от традиционных СМИ до социальных медиа). Успешно реализованное специальное событие способствует количественному расширению целевой аудитории и усилению её лояльности к бренду (организации), позволяет транслировать ценности бренда, увеличить сбыт продукции. Сложность организации специального события, как правило, пропорциональна тем целям, задачам, а также каналам, которые задействуют организаторы.

В контексте функционирования рынка специальных событий можно говорить об увеличении доли мероприятий событийного маркетинга. Согласно маркетинговому исследованию Росконгресс «COVID-19: угрозы и вызовы событийной индустрии в России», в 2019 г. объём рынка составлял более

160 млрд рублей. Последствия кризиса отрасли, вызванного пандемией, ударили по рынку в целом, однако исследователи оценивают возможности восстановления индустрии в течение двух лет.

В то же время пандемия дала толчок к развитию новых тенденций на рынке специальных событий. Распространение технологии трансляции специальных событий привело к становлению формата гибридных мероприятий. Ограничения и ужесточение требований к проведению специальных событий вынудили сместить акцент на более узкую аудиторию в очном формате, что связано с необходимостью обеспечения безопасности участников.

В настоящее время получение точных прогнозов по развитию рынка специальных событий не представляется возможным, так как на смену кризису, вызванному пандемией, пришли санкционные ограничения, которые также сильно влияют на экономическую ситуацию в целом и отрасль специальных событий в частности. Однако интерес к специальным событиям продолжает расти даже в условиях тяжёлых экономических потерь. Таким образом, мы можем говорить о значении специальных маркетинговых событий как одном из наиболее эффективных способов коммуникации с аудиторией [1].

Задача нашего исследования заключается в проведении анализа источников и выявлении основных тенденций развития событийного маркетинга в контексте продвижения бренда университета, а также в выработке рекомендаций по возможным вариантам событийного продвижения бренда университета с учетом актуальных тенденций.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СОБЫТИЙНОГО МАРКЕТИНГА

В контексте исследования мы обратимся к подходам в понимании событийного маркетинга и реализации инструментария событийного маркетинга в различных сферах. Отдельно мы рассмотрим специфику реализаций специальных событий в практике организаций высшего образования.

Событийный маркетинг понимается как комплекс мероприятий, направленный на продвижение и формирование устойчивого

спроса на бренд или продукт компании. Единичей событийного маркетинга являются специальные события (ивенты), которые бывают нескольких видов [2].

Корпоративные мероприятия (юбилеи, праздники компании, тимбилдинг) направлены в первую очередь на внутреннюю аудиторию, но всегда есть возможность масштабировать их эффект на партнёров.

Торговые события, которые включают в себя семинары, ярмарки, конференции, выставки продуктов компании, своей целью преследуют демонстрацию товара, его презентацию заинтересованным партнерам, представителям СМИ.

Специальные мероприятия – концерты, фестивали, спортивные мероприятия. Как правило, здесь идёт речь о спонсорстве и рекламе организации или бренда на мероприятии.

В рамках понимания событийного маркетинга исследователи часто прибегают к двум основным подходам. Системный подход основан на идее СМК (система маркетинговых коммуникаций) и подразумевает выделение каналов коммуникации, участников и приёмов. Выделяют 4 основных средства коммуникации (реклама, стимулирование сбыта, личные продажи, связи с общественностью), которые при определённой комбинации и реализации образуют синтетические (условно вспомогательные или дополнительные) способы коммуникации. Как раз одним из синтетических способов коммуникации в этом подходе и является событийный маркетинг, который объединяет в себе связи с общественностью и стимулирование сбыта.

Как нам кажется, основная проблема этого подхода заключается в том, что в настоящее время событийный маркетинг давно уже не является дополнительным средством, а выступает в качестве отдельного, самостоятельного инструмента коммуникации, который может формировать новые способы взаимодействия при комбинации с другими средствами.

В западной традиции событийный маркетинг нередко рассматривается в контексте обеспечения коммуникации с аудиторией в целях построения эмоциональной связи с

брендом (в русле эмоционального маркетинга или маркетинга впечатлений) [3–5].

Второй подход основывается на делении маркетинговых коммуникаций на две категории: ATL и BTL. ATL (“above-the-line advertising” – в пер. с англ. «над чертой») – прямая, обезличенная реклама, распространяемая посредством покупки каналов распространения. К ним можно отнести рекламу в эфире, наружную рекламу. BTL (“below the line” в пер. с англ. «под чертой») – все остальные формы рекламной коммуникации. Сюда можно отнести стимулирование продаж, стимулирование сбыта, производство и размещение рекламных материалов на местах продаж.

Под влиянием цифровизации данный подход претерпел изменения. К традиционному разделению на ATL и BTL-коммуникации добавились интегрированные способы коммуникации – TTL («through the line» в пер. с англ. «сквозь черту»). TTL представляет собой интеграцию ATL и BTL. В рамках этой категории располагается событийный маркетинг, который старается задействовать как можно больше каналов продвижения [6].

Специфика сферы деятельности компании накладывает свой отпечаток на подходы к организации специальных событий. Как правило, специальное событие организовано таким образом, чтобы можно было максимально подробно познакомиться с продуктом, брендом или компанией.

В качестве одного из примеров можно рассмотреть VKFest от социальной сети «ВКонтакте» и RadioRecord. Сам фестиваль позиционируется как музыкальный фестиваль поп-музыки, проводится один раз в году в г. Санкт-Петербург. Визуальная составляющая фестиваля выполнена в узнаваемом для многих стиле социальной сети «ВКонтакте». Помимо развлекательной функции носит и коммерческий характер, реализует на своей площадке множество продуктов самой социальной сети. Фестиваль привлекает и спонсоров, которые готовы вложиться в организацию (МегаФон, Сбербанк, AliExpress, ТНТ). При этом спонсоры фестиваля получают возможность представить свой бренд, продукт или услуги. Во время массовых ограничений формат фестиваля был полностью перенесён в онлайн. По большей части ивент

ориентируется на формирование лояльности аудитории, демонстрацию сервисов, привлечение новой аудитории.

Специальные события в сфере компьютерных игр требуют сложной и продуманной организации. Аудитория, перенасыщенная впечатлениями, очень требовательна, поэтому каждый отдельный игровой фестиваль или презентация новой игры организуются как большое шоу-событие, превосходящее в размахе все предыдущие. В качестве примера можно привести традиционный фестиваль “BlizzCon” от компании Blizzard-Activision, в рамках которого компания презентует ключевые проекты, а также не забывает поощрять участников и игроков подарками.

СОБЫТИЙНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК СПОСОБ ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА УНИВЕРСИТЕТА

Для университетов продвижение бренда стало актуальным с усилением конкуренции на рынке образовательных услуг. В сфере образовательных услуг специальные события являются способом привлечь новую аудиторию, партнёров, абитуриентов. Продвижение бренда университета заключается в позиционировании университета как площадки с большим потенциалом для развития. Если раньше можно было ограничиться лишь привлечением абитуриентов и их родителей, то сейчас, с расширением спектра решаемых вузом задач, в маркетинговые коммуникации вовлекаются работодатели, партнёры, представители органов государственной власти, выпускники, потенциальные инвесторы [7].

Событийный маркетинг как эффективный инструмент продвижения активно используется университетами. Причём учебные заведения имеют возможность как организовывать специальные события самостоятельно, так и встраиваться в другие события, где получают возможность позиционирования своего бренда. В обоих случаях, как показывают исследования, это позитивно влияет на узнаваемость и повышение лояльности аудитории к бренду [8; 9].

Политика открытости для университетов имеет ключевое значение, так как она позволяет ещё на этапе школы работать с абитуриентами. В случае организации специальных

событий выигрывают те университеты, которые реализуют свою программу не только на внутреннюю аудиторию (преподаватели, студенты, сотрудники университета), но и на внешнюю (школьники, родители, партнёры и представители органов власти). Чем активнее позиция университета во внешних коммуникациях, тем больше узнаваем его бренд. Причём события, которые имеют наибольшее эмоциональное вовлечение аудитории, эффективнее формируют связь с брендом. Таким образом, событийный маркетинг вуза следует рассматривать не как дань моде, а как один из самых эффективных способов коммуникации с целевыми аудиториями.

В каждом университете существуют традиции фирменных мероприятий, которые являются двигателями бренда в регионе. При этом традиционные мероприятия (например, «Студенческая весна», «День первокурсника») не могут рассматриваться в русле событийного маркетинга в полной мере. Подобные события не обладают новизной и не представляют интереса для более широкой аудитории. Ключевыми событиями университетов становятся мероприятия городского или регионального уровня, отличающиеся эксклюзивным характером, привязанные к бренду университета [5].

В рамках настоящего исследования для нас представляет интерес зарубежный опыт университетов по реализации студенческих фестивалей, рассчитанных на широкую аудиторию [6].

В качестве примера крупного фестиваля можно отметить Норвежский Международный студенческий фестиваль в Тронхейме (ISFIT). Он проходит раз в два года, и в рамках него участники три дня совместно обсуждают и работают над актуальными проблемами современности, которые задают организаторы. Организаторами выступают Норвежский университет Науки и Технологий (Norwegian University of Science and Technology). Часто фестиваль посещают ведущие политические и научные деятели, лауреаты Нобелевской премии.

В Южной Корее проходит Университетский фестиваль (Daedongjae) на базе Yonsei University. Фестиваль открыт для самой широкой аудитории, работают студенческие магазины, фудкорты. Длительность фестива-

ля составляет 3 дня, в течение которых студенты имеют возможность отпраздновать завершение экзаменов.

В Великобритании ежегодно проводится Cambridge Festival – двухнедельный фестиваль, направленный на популяризацию науки и культуры в обществе. Сотни бесплатных образовательных площадок, демонстрации научных открытий, а также спектаклей, выставок и творческих проектов. В 2022 г. его проведение планируется в гибридном формате (онлайн и офлайн).

В России крупные студенческие события по большей части организуются Федеральным агентством по делам молодёжи. Университеты чаще всего присоединяются к этим инициативам в качестве партнёров, предоставляя площадки для проведения. Несмотря на то, что университетские события в основном ограничены масштабами города или региона, сложились традиции специальных событий, которые встраиваются в федеральную повестку.

HSE Fest (организатор – ВШЭ) – ежегодный Всероссийский фестиваль университетских технологических и социальных проектов. В рамках мероприятия участники получают возможность получить поддержку со стороны опытных и успешных бизнесменов и корпораций, приобрести новые знания, привлечь внимание потенциальных инвесторов и выиграть денежный приз на развитие своего проекта.

Интересным представляется формат погружения для первокурсников “ITMO_ENTER”, который предлагает ИТМО. Событие реализуется в гибридном формате. Вместо стандартного рядового знакомства с кафедрами, направлениями и структурой участники проходят станции в удобной для них последовательности, где их в интерактивном формате знакомят с университетом. Событие, изначально ориентированное на внутреннюю аудиторию первокурсников, находит отклик за пределами вуза благодаря освещению в СМИ.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В ТГУ ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Рассмотрим опыт событийного продвижения бренда регионального университета на примере Тамбовского государственного уни-

верситета им. Г.Р. Державина. Университет реализует целый комплекс брендовых мероприятий («Державинская миля», «Державинская лыжня», «Державинская регата» и т. д.). Изначально названные события носили узкий (корпоративный) характер, но со временем стали реализовываться с привлечением как внутренней (студенты, сотрудники, преподаватели), так и внешней (партнёры, спонсоры, приглашённые гости, участники) аудитории. Дополнительным стимулом участия в «Державинской лыжне» для школьников выступают дополнительные баллы в копилку индивидуальных достижений к сумме ЕГЭ при поступлении в университет.

Державинский университет предлагает новые события для отдельных аудиторий. «Неделя первокурсника», например, призвана познакомить вчерашних абитуриентов с вузом через тренинги, мастер-классы, экскурсии («Генерация идей», «Как выиграть Президентскую стипендию», «Как найти работу, будучи студентом» и др.). Для первокурсников из других регионов проводятся экскурсии и квесты по городу.

В целях повышения эффективности взаимодействия с работодателями университет изменил формат проведения традиционной «Ярмарки вакансий». В 2021 г. состоялся «Карьерный форум», в рамках которого студенты могли познакомиться с работодателями, принять участие в образовательных площадках, конкурсах, в формате открытого диалога обсудить вопросы трудоустройства.

Информационное сопровождение в СМИ и эмоциональное вовлечение аудитории в событие способствуют повышению узнаваемости бренда, построению коммуникации «университет – аудитория».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последнее десятилетие коммуникации университетов с целевыми аудиториями расширились и стали более разнообразными по задействованным каналам и средствам. Вузы активно используют новые способы продвижения собственного бренда. В числе популярных средств выступает событийный маркетинг.

Среди основных тенденций можно отметить востребованность формата фестивалей в зарубежных университетах. Некоторые российские университеты, перенимая опыт зарубежных коллег, также делают ставку на фестивальную форму мероприятий.

В рамках организации традиционных для вуза мероприятий наметился тренд на трансформацию привычных форматов, а также апробирование новых концепций организации и привлечения коммерческих партнеров к событиям университета. Одновременно с этим пандемия дала толчок развитию онлайн-форматов, что в условиях снятия ограничений сделало популярными гибридные форматы событий.

В рамках событийного маркетинга очевидна необходимость привлечения широкой аудитории к событиям университета, вовлечения не только представителей студенчества, но и школьников, их родителей, потенциальных и реальных партнеров вуза. Перспективным представляется фестивальная форма событий, который позволяет познакомиться с различными аспектами деятельности университета.

Список источников

1. Жбанков Д.Е. Перспективы и тенденции развития событийного маркетинга для российского рынка event услуг // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-1 (53). С. 161-163.
2. Декун Н.И. Событийный маркетинг как способ формирования бренда компании // Практический маркетинг: материалы 4 Междунар. студенческой науч.-практ. конф. / отв. ред. И.Л. Сураг. М.: НОЧУ ВО «Московский экономический институт», 2019. С. 166-168.
3. Daniel M., Bogdanb G., Daniel Z. The use of event marketing management strategies // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 46. P. 5409-5413.
4. Nufér G. Event Marketing and Attitude Changes // Journal of International Business Research and Marketing. 2016. Vol. 1. Issue 3. P. 44-49.

5. Прохоров А.В. Маркетинг впечатлений в контексте продвижения образовательных услуг // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2016. № 1 (11). С. 8-14.
6. Тимофеева О.А., Покатилова Е.Н., Сокерин Д.В. Использование зарубежного опыта проведения университетских фестивалей при организации событийных мероприятий в российских вузах на примере студенческого фестиваля «Кампус Фест» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 250-262.
7. Прохоров А.В., Пядышева Т.Г. Современные направления маркетинга в сфере образовательных услуг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 195. С. 39-49. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-39-49>
8. Остапович О.В., Риос В.Н. Событийная коммуникация как инструмент продвижения вуза на примере Горно-Алтайского государственного университета // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Г.Ю. Лизуновой. Горно-Алтайск: Горно-Алтай. гос. ун-т, 2019. С. 503-508.
9. Пискунова О.А. Событийный маркетинг и продвижение бренда: опыт FMCG-компаний // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 4. С. 93-100.

References

1. Zhbakov D.E. Perspektivy i tendentsii razvitiya sobytiynogo marketinga dlya rossiyskogo rynka event uslug [Prospects and trends of event marketing for the Russian market of event services]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 2-1 (53), pp. 161-163. (In Russian).
2. Dekun N.I. Sobytiynyy marketing kak sposob formirovaniya brenda kompanii [Event marketing as a way to form a company brand]. *Materialy IV Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prakticheskyy marketing»* [Proceedings of the 4th International Student Scientific and Practice Conference “Practical Marketing”]. Moscow, Moscow Economic Institute Publ., 2019, pp. 166-168. (In Russian).
3. Daniel M., Bogdanb G., Daniel Z. The use of event marketing management strategies. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 46, pp. 5409-5413.
4. Nufer G. Event Marketing and Attitude Changes. *Journal of International Business Re-search and Marketing*, 2016, vol. 1, issue 3, pp. 44-49.
5. Prokhorov A.V. Marketing vpechatleniy v kontekste prodvizheniya obrazovatel'nykh uslug [Experience marketing in the context of promoting educational services]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* [Almanac of Theoretical and Applied Research in Advertising], 2016, no. 1 (11), pp. 8-14. (In Russian).
6. Timofeyeva O.A., Pokatilova E.N., Sokerin D.V. Ispol'zovaniye zarubezhnogo opyta provedeniya universitetskikh festivaley pri organizatsii sobytiynykh meropriyatiy v rossiyskikh vuzakh na primere studencheskogo festivalya «Kampus Fest» [Using foreign experience of university festivals organization in holding university events in Russia (the case study of “Campus Fest” student festival)]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2017, no. 2, pp. 250-262. (In Russian).
7. Prokhorov A.V., Pyadysheva T.G. Sovremennyye napravleniya marketinga v sfere obrazovatel'nykh uslug [Modern directions of marketing in the field of educational services]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 195, pp. 39-49. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-39-49>. (In Russian).
8. Ostapovich O.V., Riost V.N. Sobytiynaya kommunikatsiya kak instrument prodvizheniya vuza na primere Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Event communication as a tool for university promotion on the example of the Gorno-Altai State University]. *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem «Tsennostnyye oriyentatsii molodezhi v usloviyakh modernizatsii sovremennogo obshchestva»* [Collection of Scientific Works of All-Russian Scientific and Practice Conference with International Participation “Value Orientations of Youth in the Conditions of Modernization of Modern Society”]. Gorno-Altai, Gorno-Altai State University Publ., 2019, pp. 503-508. (In Russian).
9. Piskunova O.A. Sobytiynyy marketing i prodvizheniye brenda: opyt FMCG-kompaniy [Event marketing and brand promotion: experience of FMCG companies]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2018, no. 4, pp. 93-100. (In Russian).

Информация об авторе

Ромашкин Виктор Алексеевич, специалист Центра карьеры, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-7710-1211](https://orcid.org/0000-0001-7710-1211), viktormoney1@yandex.ru

Вклад в статью: идея и концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, обзор зарубежного и отечественного опыта, анализ актуальных тенденций, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 26.05.2022

Одобрена после рецензирования 04.07.2022

Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Viktor A. Romashkin, Career Center Specialist, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7710-1211](https://orcid.org/0000-0001-7710-1211), viktormoney1@yandex.ru

Contribution: study idea and conception, scientific search and analysis, foreign and domestic experience review, current trends analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 26.05.2022

Approved after reviewing 04.07.2022

Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-621-633

Средства выражения подтекста в юмористических программах на российском телевидении

Анна Сергеевна ЛИТОВСКАЯ, Алла Михайловна ШЕСТЕРИНА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

394000, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1

✉ shesterina8@gmail.com

Аннотация. Подтекст играет значимую роль в развитии культуры вообще и массовой коммуникации в частности. В связи с тенденцией визуализации информации в последнее время становится актуальным выявление средств создания имплицитных смыслов в аудиовизуальных медиа. Наряду с этим исследователи отмечают активное развитие подтекста в сатирическом секторе вещания. Цель нашего исследования заключается в выявлении вербальных и невербальных способов выражения подтекста в развлекательном секторе российского телевидения. На материале анализа выпусков телевизионной программы «Вечерний Ургант» с опорой на текстологический метод и метод анализа контента конкретизированы приёмы, позволяющие ведущему транслировать аудитории имплицитные смыслы, не только создающие комический эффект, но и транслирующие актуальное, социально значимое содержание. В ходе исследования установлено, что в числе наиболее частых вербальных способов выражения подтекста в анализируемой телепередаче используются полисемия слова, не прямое называние, ироническое словоупотребление, апелляция к прецедентным текстам. Среди невербальных способов выражения имплицитных смыслов чаще всего используется мимика и жесты, а также несовпадение вербального и визуального ряда. В целом же доказано, что вербальные и невербальные средства формирования подтекста, как правило, дополняют друг друга.

Ключевые слова: подтекст, телевидение, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация

Для цитирования: Литовская А.С., Шестерина А.М. Средства выражения подтекста в юмористических программах на российском телевидении // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 621-633. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-621-633>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Means of expressing subtext in humorous programs on Russian television

Anna S. LITOVSKAYA, Alla M. SHESTERINA

Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394000, Russian Federation
✉ shesterina8@gmail.com

Abstract. Subtext plays a significant role in the development of culture in general and mass communication in particular. In connection with the trend of information visualization, it has recently become relevant to identify the means of creating implicit meanings in audiovisual media. Along with this, we note the active development of subtext in the satirical sector of broadcasting. The purpose of our study is to identify verbal and non-verbal ways of expressing subtext in the entertainment sector of Russian television. On the material of the television episodes analysis “Evening Urgant”, based on the textological method and the method of content analysis, the techniques are specified that allow the presenter to broadcast to the audience implicit meanings that not only create a comic effect, but also broadcast relevant, socially significant content. The study found that among the most frequent verbal ways of expressing subtext in the analyzed TV show, polysemy of words, indirect naming, ironic word usage, appeal to precedent texts are used. Among the non-verbal ways of expressing implicit meanings, facial expressions and gestures are most often used, as well as a discrepancy between the verbal and visual range. On the whole, we prove that verbal and non-verbal means of subtext formation, as a rule, complement each other.

Keywords: subtext, television, verbal communication, non-verbal communication

For citation: Litovskaya A.S., Shesterina A.M. Sredstva vyrazheniya podteksta v yumoristicheskikh programmakh na rossiyskom televidenii [Means of expressing subtext in humorous programs on Russian television]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 621-633. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-621-633> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Подтекст как феномен культуры всегда находился в центре пристального интереса исследователей. Значимые результаты его анализа и интерпретации мы находим в трудах Е.А. Бекетовой [1], Л.А. Голяковой [2], А.М. Ерохиной [3], М.И. Кудрявцевой [4], Л.В. Мартыненко [5]; А.В. Суртаевой [6]. Его безусловную важность в системе массовой коммуникации отмечали такие авторы, как И.Р. Арнольд [7], А.Н. Баранов [8], И.Р. Гальперин [9], Л.Г. Кайда [10], Т.В. Коростелёва [11], Н.К. Кравченко [12], В.А. Кухаренко [13], М.В. Ладутько [14], Е.И. Лелис [15], И.А. Стернин [16], В.И. Чередниченко [17] и ряд других. И это не случайно: с помощью

имплицитных смыслов сообщения журналист имеет возможность расширить контекст повествования, передать своё отношение к ситуации, сделать необходимый акцент, сократить дистанцию между ним и аудиторией. Сегодня, на фоне отмечаемых многими исследователями процессов персонификации и визуализации медиапотребления, феномен подтекста активно развивается в сфере видеопроизводства и, в силу очевидного возмужающего потенциала, нуждается в комплексном изучении. Между тем нам не удалось обнаружить исследования, направленные на выявление форм работы автора с подтекстом применительно к журналистскому творчеству вообще и его аудиовизуальной форме в частности. Наша работа представля-

ет собой попытку в первом приближении восполнить этот пробел.

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что мы впервые применили метод анализа контента и текстологический метод анализа подтекста к журналистскому сообщению и произвели попытку конкретизации способов выражения имплицитных смыслов на примере телевизионной программы развлекательного формата. Материалом исследования стали выпуски передачи «Вечерний Ургант» (40 выпусков с февраля по апрель 2020 г.), где, несмотря на лёгкий формат, ведущий с помощью подтекста нередко поднимал достаточно серьёзные, злободневные темы.

Теоретическую базу исследования составили труды учёных в области анализа подтекста, прежде всего, в сфере визуального творчества А.В. Гик [18], А.Н. Зарецкой [19], А.В. Зябликова [20], К.А. Ключко [21], Д.С. Кулабуховой [22], М.П. Козьмы [23], Е.В. Мамонтовой [24], Р.А. Рожкова [25], Н.Д. Тхао [26]. Также при анализе невербальных способов выражения подтекста мы использовали уже существующие модели восприятия сообщений, изложенные в работах В.А. Барабанщикова [27], Р. Грегори [28], Т.А. Красновой [29], Г.Е. Крейдлина [30], В.П. Морозова [31], М.А. Поваляевой и О.А. Рутер [32], В.М. Розина [33], П. Экмана и У. Фризена [34] и других учёных. Методологическая база исследования формировалась с опорой на метод текстологического анализа, лингвистического анализа текста, установления деннотативно-конотативных связей как между отдельными словами, так и между целыми фразами и предложениями, а также на основе анализа приёмов невербальной коммуникации и метода анализа контента. Это, наряду с историко-функциональным методом исследования, позволило нам определить конкретные вербальные и невербальные способы выражения подтекста в передачах развлекательного типа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на размытость самого термина «подтекст» и различные подходы к его определению [35], мы в нашем исследовании под подтекстом будем понимать информацию,

насыщенную имплицитными смыслами, требующую от телезрителя обязательного декодирования и переданную с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации. Анализ случаев проявления подтекста в анализируемой нами программе позволил выявить те приёмы, которые чаще всего использует Иван Ургант для его создания. Остановимся на основных.

1. Выражение подтекста через использование прецедентных текстов. Это – первый по частотности приём выражения подтекста. Его применение встречается практически в каждом проанализированном нами выпуске (в целом установлено 22 случая его использования). Например, в выпуске с Гарриком Харламовым речь заходит о часах на руке известного репера Тимати. Иван говорит: *«На руке Тимати часы, которые стоят полтора миллиона евро. Плюс 500 рублей доставка в пределах МКАД. Часы Тимати – это наша общая победа, ведь мы покупали бургеры и толстовки, заправлялись на заправках...»*¹.

Народ (телезрители) готовы оплачивать любые прихоти музыканта? Подтекст выражен с помощью известного выражения из произведения Г.Ю. Орловского «Ричард Длинные Руки – эрцфюрер»: *«Это наша общая победа»*. В общеупотребительном контексте фраза используется в положительном значении, которое можно охарактеризовать как «достижение какой-то общей цели». Комизм ситуации заключается в том, что дорогие часы музыканта – это что-то, принадлежащее только ему одному. То есть фанаты, вместо того, чтобы сделать реально что-то полезное в жизни, помочь тому, кто действительно в этом нуждается, предпочитают оплатить вещь далеко не первой необходимости своему кумиру.

2. Выражение подтекста с помощью непрямого названия предмета/объекта/явления. Второй по частотности приём выражения подтекста. Он встретился нам 19 раз в различных выпусках телепередачи. Рассмотрим конкретные коммуникативные си-

¹ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/nashi-rubriki/pesni-smehom-vecherniy-urgant-fragment-vypuska-ot-28-02-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

туации, когда ведущий сознательно прибегает к нему.

В диалоге Ивана Урганта с Лолитой слышим: *«Поздравь, я недавно получила пенсию – 21 тысячу рублей. Поэтому это шоу явно будет не последним. – Ну да, надо чтобы пенсия постоянно росла»*². Интерпретация: размер пенсии такой, что надо подрабатывать. Скрытый смысл актуализируется фразой *«надо, чтобы пенсия постоянно росла»*, поскольку это будет вести к индексации пенсии, то есть к её увеличению.

*«– Ваня, я к тебе с подарком, видишь? – Да ты слова ещё не успела сказать, уже что-то рекламируешь»*³. Намек на то, что Лолита постоянно «подрабатывает» рекламой. В этом случае Ургант иронизирует и над многочисленными рекламными кампаниями, «лицом» которых в разное время становилась певица, и над её аккаунтом в социальной сети, в котором она регулярно публикует платную рекламу для своих подписчиков. Скрытый смысл актуализируется словом *«подарок»*, фразой *«уже что-то рекламируешь»*.

3. Ироническое словоупотребление. Третий по частотности приём, которым активно пользуется Ургант. В проанализированных выпусках он встречается 15 раз. Например, в программе от 9 апреля 2020 г. Ургант говорит: *« В Карелии детям из малоимущих семей на 2 недели выдали продуктовые наборы, которые состоят из куска маргарина, 500 грамм сахара, килограмма муки, пяти картошек и двух сосисок. И вот сейчас я хочу обратиться ко всем критикам власти. Вы не спешите осуждать! Это не всем детям Карелии, а каждому ребёнку такой набор на 2 недели! Это другой разговор! К тому же, друзья, это не только еда, но ещё и игрушки: это и бильярд, и городки, и куклы – 6 девочек и 2 мальчика»*⁴. Подтекст выражен через перечисление состава продуктового набора. Понятно, что «пять картошек и две сосиски» – это очень мало.

Иногда Ургант для создания комической ситуации использует риторические вопросы

в сочетании с контекстом. Подтекст в данном случае рождается после восприятия диалога в целом. Например, в выпуске программы от 17 февраля 2020 г., где гостем стала известная врач и телеведущая Елена Малышева, Иван начинает программу так:

– Сегодня у нас важный гость – Елена Малышева. Давайте без шуток. Вы понимаете, что нас волнует. Основная наша проблема и опасение, мы все не понимаем, что нам делать, и не знаем, как нам от этого спастись. Что делать, Лена?

– Первый совет: мойте руки. Как можно чаще. И второй: обязательно проветривайте помещение. Насколько я понимаю, вы меня спросили о коронавирусе?

*– Нет, я про приход Собчак на «Первый», но, в принципе, это то же самое. Работаем!»*⁵

Интерпретация: возвращение Ксении Собчак на федеральный канал – это беда. Подтекст актуализируется через риторический вопрос *«Что делать, Лена?»* и фразу *«что в принципе то же самое»*. Ирония ситуации заключается в том, что гостя программы как бы отвечает на один вопрос, а ведущий подразумевает совсем другой. То есть Малышева описывает меры профилактики коронавирусной инфекции, которая молниеносно распространяется по всему миру, а Ургант как будто ведёт речь о Ксении Собчак, которая также быстро меняет телепроекты на разных телеканалах.

4. Выражение подтекста с использованием полисемии. Это – четвёртый по частотности приём выражения подтекста. Он встретился нам 10 раз. Павел Воля рассказывает Ивану Урганту некоторые моменты своей биографии. Оказывается, когда Павел жил в Пензе, он работал моделью. В те времена было модно делать так называемый «московский разворот», то есть проход по подиуму с тремя разворотами. По этому поводу между Иваном и Павлом происходит такой диалог:

– Зато я знаю, что такое «московский разворот». Сейчас покажу.

² Вечерний Ургант. URL: <https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/shows/vecherniy-urgant/vypuski/lolita-vecherniy-urgant-1283-vypusk-ot-08-04-2020> (дата обращения: 20.04.2020).

³ Там же.

⁴ Вечерний Ургант. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rBSx9UK54PI> (дата обращения: 20.04.2020).

⁵ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/elena-malysheva-vecherniy-urgant-1248-vypusk-ot-17-02-2020> (дата обращения: 20.04.2020).

– Тебе нужна «двойная сплошная» для него?⁶

Предупреждение Павлу Воле, чтобы он вел себя прилично. Подтекст актуализируется полисемией в словосочетаниях «московский разворот» и «двойная сплошная». В случае с «двойной сплошной» Ургант, скорее всего, имел в виду не только дорожную разметку, которую нельзя пересекать. В данном контексте речь идёт о нашумевшей истории с публикациями в РБК, после которых журналистам намекнули на цензуру в издании, то есть переход через «двойную сплошную». Эта мысль подтверждается и полисемией словосочетания «московский разворот», потому что редакция, о которой идёт речь, находится в Москве, а напечатаны материалы были в газете. На профессиональном жаргоне две полосы издания, соединённых между собой, это и есть один разворот.

И ещё один пример. Ургант и Воля продолжают беседовать о карьере Павла. В какой-то момент Иван восклицает:

– В этом есть какой-то символизм!

– Да, с самого начала было понятно, что я как человек не очень. Я не тону⁷.

Павел Воля – человек, способный на всё для достижения цели. Подтекст выражен в данном случае словосочетанием «как человек не очень» и глаголом с отрицанием «не тону». Фразу «как человек не очень» обычно используют применительно к человеку с невысокими моральными качествами, «плохом» парне. Но в сочетании с глаголом «тонуть», который также употреблён не в прямом, а в переносном значении, первая часть фразы приобретает совершенно другой оттенок! В первом значении глагол «тонуть» – «непроизвольно погружаться в воду, опускаться на дно под действием силы тяжести»⁸. Во втором значении (разговорном) – «полностью погружаться во что-л. без всякой перспективы добиться чего-л., найти выход из затруднительного положения»⁹. В данном контексте Воля намекает на то, что быть хо-

рошим и правильным человеком невыгодно, иначе «утонешь», то есть лишишься жизненного успеха и перспектив. Быть человеком «не очень» и «не тонуть» – то есть при любых условиях добиваться своей цели, идти к успеху несмотря ни на что. Также этот пример содержит и опору на прецедентный текст – известное высказывание о том, что не тонет.

Следующий эпизод мы встречаем в программе с Гариком Харламовым. Ургант показывает ему несколько фотографий балерины Анастасии Волочковой в бане. Далее обмен репликами между ведущим и гостем в студии:

– Посмотри, на всех фотках она прикрывается веником.

– А почему она на шпагате?

– А что ей ещё остаётся делать? Ей 38 лет. Большой театр не платит пенсию, только развести ногами!¹⁰

Намёк понятен: Анастасия Волочкова больше известна своими романами, чем работой в театре. Подтекст актуализируется через словосочетание «не платит пенсию» и «развести ногами». Так как Анастасия в прошлом была одной из ведущих балерин Большого театра, то понятно, почему Иван иронизирует по поводу пенсии. Если нет этой социальной выплаты, то, получается, нет и средств к существованию. Чего не скажешь о Волочковой, которая по-прежнему живёт в комфортных условиях. Почему? Иван намекает на разгульный образ жизни балерины словосочетанием «развести ногами», которое может трактоваться двояко: с одной стороны, это сесть на шпагат, с другой – иметь богатых любовников, на чьи деньги можно безбедно жить и без работы в театре. Здесь же мы обнаруживаем игру с выражением «развести руками».

5. Выражение подтекста через противопоставление. Пятый по частотности приём – выражение подтекста через противопоставление. Его телеведущий использовал 5 раз. Например, Иван Ургант говорит: «Что сейчас может напугать нас, всю планету?»

⁶ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/pavel-volya-i-little-big-vecherniy-urgant-1264-vypusk-ot-13-03-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

⁷ Там же.

⁸ Большой толковый словарь. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 15.04.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/nashi-rubriki/pesni-smehom-vecherniy-urgant-fragment-vypuska-ot-28-02-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

Конечно, пятница, 13-е!»¹¹ Интонация ведущего не оставляет сомнений в том, что фраза по сути своей иронична: в жизни есть вещи, которые гораздо опаснее суеверий. Подтекст выражен противопоставлением словосочетаний «*напугать всю планету*» и «*пятница 13-е*». На тот момент, когда Ургант иронизировал над распространённым суеверием про то, что пятница 13-е – несчастливый день, во всём мире 11 марта уже была объявлена пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Многие страны оказались в изоляции, число заразившихся перевалило за сотни тысяч, умерших – десятки. На фоне глобальной эпидемии, перед которой в страхе оказался весь мир, пятница 13-е выглядит жалким суеверием, не представляющим существенную опасность.

В другой программе от 28 февраля в гости к Урганту приходит Гарик Харламов. Детство и юность комика прошли в США, где он впервые ступил на творческие подмостки, участвуя в самодеятельных спектаклях и мюзиклах. Гарик говорит: «*И вот мой брат, Ваня Овсянников, говорит: здесь (в России. – А. Л., А. Ш.) нет мюзиклов, только КВН*»¹². Подтекст выражен через противопоставление двух видов развлекательных программ – «мюзиклов» и «КВН». В Большом толковом словаре находим такое определение слова «мюзикл»: «Театрализованное представление, сочетающее в себе элементы эстрады, оперетты и балета»¹³. А «КВН» – «Буквенное сокращение: клуб весёлых и находчивых (телевизионная викторина, в которой студенческие команды должны проявить эрудицию, находчивость, остроумие)»¹⁴. Харламов в данном случае намекает на то, что в России, в отличие от Америки, плохо развита музыкальная индустрия. Поэтому в нашей стране проще достичь успеха не в музыке (здесь,

нам кажется, прямая отсылка к провалам на «Евровидении»), а шутя на публику.

6. Выражение подтекста с помощью инносказания. Этот приём встретился нам трижды в разных выпусках программы. «*Пример Лолиты показывает: не все Дуремары приносят пиявки, которые действительно помогают*»¹⁵, – прокомментировал Иван Ургант.

Дуремар – известный персонаж из сказки Алексея Толстого «Буратино». Это шарлатан, алчный человек, который утверждал, что пиявки могут вылечить от всех болезней, и старался на них обогатиться. В данном случае ведущий намекает на целую сеть некачественных врачей, разных шарлатанов, которые вместо адекватного лечения предложат «пиявки», то есть какую-то ерунду. Скрытый смысл актуализируется фразой *не все Дуремары приносят пиявки, которые действительно помогают*, в которой «Дуремары» выступает символическим обозначением врачей-шарлатанов.

7. Актуализация стереотипов. Ещё один приём выражения подтекста, который встретился нам 4 раза. Например, ведущий говорит: «*Фильм про Амстердам нельзя ставить между «Голосом» (музыкальное шоу «Голос. Дети». – А. Л., А. Ш.) и нами («Вечерним Ургантом». – А. Л., А. Ш.). Дети и квартал красных фонарей, представь. Должна быть какая-то «прослойка». – Вань, а почему мы? Почему не детский футбол, например. Там и дети, и трава. – Мы плавно подготовим «переход*»¹⁶.

Фильм о проституции и наркотиках нельзя ставить после передачи для детей, так как его могут увидеть дети. Имплиcitный смысл выражен с помощью расшифровки *Амстердама* как города с «кварталом красных фонарей» – улицы, знаменитой проституцией и употреблением запрещённых препаратов и наркотиков. Ургант иронизирует над фильмом своей коллеги об Амстердаме, который должен был выйти в эфир вместо его программы.

¹¹ Вечерний Ургант. URL: <https://www.itv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/pavel-volya-i-little-big-vecherniy-urgant-1264-vypusk-ot-13-03-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

¹² Вечерний Ургант. URL: <https://www.itv.ru/shows/vecherniy-urgant/nashi-rubriki/pesni-smehom-vecherniy-urgant-fragment-vypuska-ot-28-02-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

¹³ Большой толковый словарь. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вечерний Ургант. URL: <https://yandex.ru/turbo/itv.ru/s/shows/vecherniy-urgant/vypuski/lolita-vecherniy-urgant-1283-vypusk-ot-08-04-2020> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁶ Там же.

Или ещё один пример. Полина Гагарина – обладательница коротких светлых волос, то есть блондинка. Своей фразой «*И чтобы (американский актер. – А. Л., А. Ш.) понял, что это (сообщение) ему Полина Гагарина написала русскими буквами английский текст: «О, май гад» («О, мой бог!» – А. Л., А. Ш.)»*¹⁷.

Актуализируется стереотип о том, что блондинки глупые – настолько, что даже могут не догадаться переключить раскладку клавиатуры или написать сообщение для американского актёра на английском языке. ИмPLICITный смысл актуализируется фразой – «*чтоб Кит Харрингтон понял... написала русскими буквами английский текст.*»

Ещё один эпизод – с Павлом Волей. Иван обсуждает с гостем его модельную карьеру:

– *Представь, что за «крокодилы» ходили по городу, если я смог победить всех!*

– *А почему ты пошёл в модели?*

– *Потому что меня не взяли в бандиты!*¹⁸

Профессия модели не подходит мужчине. Подтекст «зашифрован» во фразе «*меня не взяли в бандиты.*» Иван интересуется у Павла, почему тот стал моделью, то есть выбрал для себя не совсем стандартный род деятельности – ходить по подиуму и демонстрировать одежду.

В этом же выпуске программы Иван произносит такую фразу: «*Что такое смех на английском, знает только Виталий Мутко*»¹⁹.

Госслужащий высокого ранга должен хорошо владеть английским языком. Подтекст актуализируется за счёт имени бывшего министра спорта России Виталий Мутко. На этом посту его неоднократно критиковали в СМИ за непрофессионализм и отсутствие значимых спортивных достижений. В декабре 2010 г. на заседании исполкома ФИФА, посвящённом выборам страны-организатора чемпионата мира 2018 г., он произнёс приветственную речь на английском языке с

¹⁷ Вечерний Ургант. URL: <https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/shows/vecherniy-urgant/vypuski/lolita-vecherniy-urgant-1283-vypusk-ot-08-04-2020> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁸ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/pavel-volya-i-little-big-vecherniy-urgant-1264-vypusk-ot-13-03-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁹ Там же.

сильным акцентом. После этого выступления Мутко долго критиковали за незнание языка и непрофессионализм.

8. Актуализация подтекста через повтор фразы и вопрос-эхо. В одном из выпусков программы в гости к Ивану приходит группа «Little big», которая должна была поехать на музыкальный конкурс «Евровидение» и представить там нашу страну. Между солисткой группы Софьей Таюрской и Ургантом происходит такой обмен репликами:

– *Я помню «Евровидение» во времена «Аббы».*

– *Вы помните «Евровидение» во времена «Аббы»?»*²⁰

Подтекст в данном случае выражен с помощью риторического вопроса. Дело в том, что на момент съёмок программы Таюрской 28 лет, а музыкальная группа «Абба», фанатом которой является девушка, поехала на «Евровидение» в 1974 г., то есть 46 лет назад. Естественно, Софья в принципе не может помнить, каким был конкурс в то время. Риторическим вопросом Ургант заставляет зрителя сомневаться в умственных способностях девушки.

Среди невербальных способов выражения подтекста у Ивана Урганта мы чаще всего встречаем особое интонирование, пластику, мимику, несовпадение видеоряда и кадрового текста. Рассмотрим конкретные примеры.

9. Актуализация подтекста через пластику и мимику. Этот приём Ургант использует в каждом выпуске программы. С помощью невербальных средств коммуникации передать имPLICITный смысл гораздо проще, чем только через вербальные. Для юмористической программы это особенно важно. Например, в выпуске с Павлом Волей:

«*Расскажи-ка Паша...*»²¹, – Ургант хихикает и «играет» бровями.

В данном контексте подтекст помогает ведущему создать необходимый «комический эффект» от своего сообщения именно за счёт сочетания вопроса «*расскажи-ка*» и мимики («подёргиванием бровей»). Ургант иронично намекает своему гостю, что дальше последует какой-то каверзный вопрос.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Ещё один пример выражения невербального подтекста через мимику и жесты мы находим чуть позже, когда гостем студии стал комик Гарик Харламов. Ургант говорит Харламову:

– *Великие артисты России называют тебя главным...*

– *Сергей Бурунов?*

Ургант хихикнул.

– *Называют тебя главным и смешным человеком страны*²².

Интерпретация: «роман» между Харламовым и Буруновым – фейк. В конце декабря 2019 г. в СМИ появилась информация о том, что между двумя юмористами – Гариком Харламовым и Сергеем Буруновым – отнюдь не дружеско-деловые отношения. Скандал разгорелся из-за одного фото в социальных сетях Гарика, на котором он целует в макушку Сергея, сжав его за плечо. В данном контексте Ургант отдаёт должное чувству юмора молодых людей, намекая на их творческую профессию. «Великий артист России» в данном контексте – это своеобразный ироничный «комплимент».

Ещё один пример. В выпуске от 13 марта Иван Ургант вместе с шоуменом и комиком Павлом Волей обсуждают подарки детям:

– *Вот твоих детей можно каким-то подарком удивить?*

– *Можно.*

– *Да? Каким?!²³*

В этот момент Ургант запрокидывает голову назад и закатывает глаза, будто вопрос ставит его в тупик. Лицо Ивана становится похожим на известный мем с Робертом Дауни, на котором актёр изображён со скрещенными на груди руками и закатанными глазами. Интерпретация: современные дети очень избалованы. Мимика Урганта с закатанными глазами практически повторяет выражение лица известного в Интернете мема «Роберт Дауни закатывает глаза» или «Твоё лицо, когда...». Этот мем используется как реакция на ситуации, вызывающие недовольство или

²² Вечерний Ургант. URL: <https://www.itv.ru/shows/vecherniy-urgant/nashi-rubriki/pesni-smehom-vecherniy-urgant-fragment-vypuska-ot-28-02-2020> (дата обращения: 05.05.2020).

²³ Вечерний Ургант. URL: <https://www.itv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/pavel-volya-i-little-big-vecherniy-urgant-1264-vypusk-ot-13-03-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

раздражение. В данном контексте Ургант намекает на то, что вопрос риторический. Современных детей мало чем реально можно удивить или порадовать, так как родители покупают им практически всё.

Другой пример. Павел Воля рассказывает Ивану Урганту о том, как и почему он решил переехать в Москву:

– *Я когда уезжал из Пензы, то носил великое звание «чмо». Ну, тогда все были «чмо». Кстати, ребята, перед вами «Лучшая модель» Пензы 1998 года, между прочим! Ребята, я был моделью, я ходил на поезде. Я победил всех в 1998 году!*²⁴

Воля вальяжно растягивается на диване так, как будто это действительно значимое достижение.

Интерпретация: Павел Воля так и остался бы неудачником, если бы не переехал в столицу. Слово «чмо» в «Большом толковом словаре» имеет значение «никчёмный, презренный, морально и физически опустившийся человек»²⁵. Слово «звание» имеет ряд значений, основное звучит так: «Звание – официально присвоенное наименование, определяющее профессиональную квалификацию, служебное положение»²⁶. Соответственно, фраза Воли о «великом звании «чмо» – это сарказм. То есть до переезда в Москву он фактически был никем. Он быстро понял, что никаких особых перспектив в провинции нет, и решил переехать в Москву. В столице ему удалось добиться настоящего успеха, стать узнаваемой персоной у многомиллионной аудитории. Здесь Воля намекает на то, что даже если у тебя нет определённой профессии, то всё равно тебе удастся «пробиться» в Москве.

Следующий пример находим во время разговора Ивана и Гарика Харламова. Последний начинает:

– *Я никогда не планировал становиться никаким комиком, просто я вернулся обратно в любимую Россиюшку.*

– *Это очень важное уточнение.*

– *Ну, у меня есть любимая Россиюшка. (Ургант и Харламов засмеялись.)*

– *А есть так себе?*

²⁴ Там же.

²⁵ Большой толковый словарь. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 15.04.2020).

²⁶ Там же.

– Я вернулся в любимую. Надеюсь, здесь нет Rogozina?

– Он здесь.

– В смысле?

– Он там. (Ургант поднимает указательный палец вверх.)

– На том этаже? (Харламов повторяет жест.)²⁷

Интерпретация: Дмитрий Rogozin – российский политик, сменивший за свою карьеру несколько важных государственных постов. Он был и заместителем председателя Государственной Думы, и заместителем председателя правительства Российской Федерации. Одно из последних мест его работы – пост генерального директора госкорпорации по космической деятельности «Роскосмос». Rogozin широко известен давлением на известных учёных и общественных деятелей. Поэтому Харламов противопоставляет «любимую Россиюшку», в которой нет Rogozina, ситуации контроля. Поднятый вверх указательный палец Урганта символизирует небо/космос. Разумеется, никакого Rogozina и его космических кораблей «там» нет. Юмориста и телеведущего никто не подслушивает, поэтому Харламов может и дальше «откровенно» говорить.

10. Актуализация подтекста через несовпадение текста и видеоряда. Одну из постоянных рубрик программы – «Страшилки» – Ургант начинает так: он светит себе на лицо карманным фонариком так, что видна только нижняя часть лица (по аналогии с улыбкой Джокера). С помощью «низкого» голоса и начала фразы из известных всем детских «страшилок» («в одной тёмной-тёмной комнате...» и т. д.) Ургант пересказывает обычные светские сплетни или комментирует новости. Например, в выпуске от 13 марта 2020 г. рубрика «Страшилки» трансформируется в «5 вспышек ужасного». Суть прежняя, только в центре внимания Ивана оказываются фото знаменитостей. Первый кадр – голый торс известного юмориста Евгения Петросяна на отдыхе в Дубае. Евгений Ваганович лежит в шезлонге на пляже, прикрыв лицо шляпой. Ургант ком-

ментирует: «Покажите нам фотографию, первую страшную фотографию. Евгений Петросян. Одна страшно молодая девушка вышла замуж за страшно богатого юмориста. Он увёз её в страшно жаркую страну, на страшно горячий пляж. Когда он снял с себя всю одежду и остался в одной шляпе, она поняла, что он её обманул: он оказался не только страшно богатым, но ещё и страшно сексуальный»²⁸.

Интерпретация: Татьяна Брухунова вышла замуж по расчёту. О свадьбе Петросяна и его личной помощницы Брухуновой много писали некоторое время назад, ведь ради Татьяны юморист развёлся со своей супругой Еленой Степаненко после 30-ти лет брака. Своей «страшной историей» Ургант намекает на то, что Петросян давно не блещет молодостью и красотой. То есть это не тот жених, за которого любая мечтает выйти замуж. Комический эффект сообщения достигается за счёт сочетания визуального ряда (изображение располневшего торса Петросяна), «зловещего» лица Урганта и повторяющегося слова «страшный».

Ещё один похожий пример: в гостях у Ивана оказалась музыкальная группа «Little big». До «Евровидения» имя этих музыкальных исполнителей было неизвестно массовой аудитории. Ургант в аккаунте одного из участников группы нашёл фотографию, где последний стоит рядом с популярным американским актёром Элайджой Вудом. Телеведущий говорит: «Посмотрите на эту фотографию. Сразу видно, кому Элайджа Вуд передал Кольцо всевластия»²⁹.

Интерпретация: у группы «Little big» большие амбиции. В данном случае подтекст актуализируется за счёт знаменитых книг английского писателя Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец». По легенде Кольцо всевластия является главным и может повелевать всеми остальными. Американский актёр Элайджа Вуд сыграл Фродо Бэггинса, то есть хранил у себя какое-то время это кольцо. Шутка Урганта о том, что Элайджа «передал» кольцо группе «Little big», намекает на

²⁷ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/nashi-rubriki/pesni-smehom-vecherniy-urgant-fragment-vypuska-ot-28-02-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

²⁸ Вечерний Ургант. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/pavel-volya-i-little-big-vecherniy-urgant-1264-vypusk-ot-13-03-2020> (дата обращения: 12.04.2020).

²⁹ Там же.

то, что у ребят большие планы на конкурс «Евровидение».

ВЫВОДЫ

Итак, мы рассмотрели основные вербальные и невербальные способы выражения подтекста в вечернем шоу Ивана Урганта «Вечерний Ургант». Результаты исследования показали, что попытки создать подтекст присутствуют в анализируемой телепередаче практически в каждом выпуске. Среди наиболее популярных вербальных способов мы выделили использование потенциала полисемии слова (10 раз), непрямого названия объекта/предмета (намёка) – 19 раз, ироническое словоупотребление (15 раз), прецедентные тексты (22 раза). Среди невербальных

способов выделим выражение имплицитных смыслов через мимику и жесты, а также через несовпадение вербального и визуального ряда. Ещё одним удачным приёмом выражения имплицитных смыслов можно считать сочетание этих двух способов. В целом же можно отметить, что вербальные и невербальные средства формирования подтекста почти всегда дополняют друг друга.

Мы убедились, что подтекст в юмористической программе Ивана Урганта «Вечерний Ургант» играет ключевую роль в создании необходимого «комического эффекта». Несмотря на кажущуюся «легковесность» программы, телеведущий активно обсуждает со своими гостями острые политические, социокультурные и экономические темы.

Список литературы

1. Бекетова Е.А. Подтекст и субъективная авторская модальность как способы выражения аргументации в художественном тексте // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 4 (31). С. 84-87.
2. Голякова Л.А. Подтекст: прагматические параметры художественной коммуникации // Филологические науки. 2006. № 4. С. 61-69.
3. Ерохина А.М. Подтекст как языковое явление художественного текста: уровни подтекста // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 4 (40). С. 129-139.
4. Кудрявцева М.И. Теоретические основания лингвистической типологии равноуровневых средств выражения подтекста в художественном дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 2. С. 162-170.
5. Мартыненко Л.В. Подтекст как часть прагматической структуры текста // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 32-2. С. 28-33.
6. Суртаева А.В. Проблема определения и типологии подтекста // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. Т. 190. С. 228-235.
7. Арнольд И.В. Стилистика декодирования: Курс лекций. Л.: ЛГПИ, 1974. 78 с.
8. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2009. 592 с.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 138 с.
10. Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции к декодированию. М.: Флинта: Наука, 2004. 332 с.
11. Коростелёва Т.В. Невербализованная информация: текст/подтекст // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. 2 Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 444-447.
12. Кравченко Н.К. Система речевых средств актуализации подтекста в русской публицистической речи (газетно-публицистический политический комментарий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1990. 178 с.
13. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1979. 326 с.
14. Ладутько М.В. Механизм создания подтекста в современном публицистическом тексте // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: сб. науч. ст. по материалам 3 Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 11-13.
15. Лелис Е.И. Теория подтекста. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 60 с.
16. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: Истоки, 2011. 66 с.
17. Чердниченко В.И. Духовный подтекст современной медиакартины мира // Гуманитарные проблемы в контексте современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 220-227.
18. Гик А.В. Подтексты в современной мультипликации // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного: материалы Междунар. науч. конф. М.: Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2010. С. 91-93.

19. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 16. С. 70-74.
20. Зябликов А.В. Религиозные подтексты советского кино 1930–1950-х гг. // Музейный хронограф: сб. ст. и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника. Кострома, 2019. С. 55-64.
21. Клочко К.А. Некоторые особенности подтекста и интертекста в структуре современного медиатекста // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 101-104.
22. Кулабухова Д.С. Прагматические средства создания подтекста в англоязычном телеинтервью // Проблемы языка и культуры в современном мире: материалы науч.-практ. конф. М., 2018. С. 58-65.
23. Козьма М.П. Социо-политический подтекст в современном дискурсе // Исследования в контексте профессиональной коммуникации. Тамбов, 2014. С. 277-281.
24. Мамонтова Е.В. Общие семиотические особенности реализации подтекста в творчестве Федерико Феллини // Язык и мир изучаемого языка. 2015. № 6. С. 261-266.
25. Рожков Р.А. Подтекст как проблема переводческой гармонии в кинодискурсе // Master's journal. 2015. № 2. С. 373-378.
26. Тхао Н.Д. О восстановлении подтекста при трансляции мультимедиа языков // Интеллектуальные системы. 2000. Т. 5. № 1-4. С. 187-196.
27. Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 341 с.
28. Грегори Р. Разумный глаз. Как мы узнаём то, что нам не дано в ощущениях. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 322 с.
29. Краснова Т.А. Роль лексики и интонации в выражении подтекста // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2007. № 1. С. 39-44.
30. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 592 с.
31. Морозов В.П. Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 314 с.
32. Поваляева М.А., Рутер О.А. Невербальные средства общения. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 352 с.
33. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М.: Едиториал УРСС, 2004. 304 с.
34. Эжман П., Фризен У. Узнай лжеца по выражению лица. Москва и др.: Питер, 2010. 268 с.
35. Чепиль А.Р. Основные подходы к определению понятия «подтекст» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (16). С. 195-197.

References

1. Beketova E.A. Podtekst i sub'yektivnaya avtorskaya modal'nost' kak sposoby vyrazheniya argumentatsii v khudozhestvennom tekste [Subtext and subjective authorial modality as ways of expressing argumentation in a literary text]. *Voprosy gumanitarnykh nauk – Questions of Humanitarian Sciences*, 2007, no. 4 (31), pp. 84-87. (In Russian).
2. Golyakova L.A. Podtekst: pragmaticheskiye parametry khudozhestvennoy kommunikatsii [Subtext: pragmatic parameters of artistic communication]. *Filologicheskkiye nauki – Philological Sciences*, 2006, no. 4, pp. 61-69. (In Russian).
3. Erokhina A.M. Podtekst kak yazykovoye yavleniye khudozhestvennogo teksta: urovni podteksta [Subtext as a language phenomenon of literary text: levels of subtext]. *Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya – Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 2018, no. 4 (40), pp. 129-139. (In Russian).
4. Kudryavtseva M.I. Teoreticheskiye osnovaniya lingvisticheskoy tipologii raznourovnevnykh sredstv vyrazheniya podteksta v khudozhestvennom diskurse [Theoretical foundations of the linguistic typology of multi-level means of expressing subtext in artistic discourse]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskkiye nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2011, no. 2, pp. 162-170. (In Russian).
5. Martynenko L.V. Podtekst kak chast' pragmaticheskoy struktury teksta [Subtext as part of the pragmatic structure of the text]. *Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike [Priority Research Areas: from Theory to Practice]*, 2016, no. 32-2, pp. 28-33. (In Russian).
6. Surtayeva A.V. Problema opredeleniya i tipologii podteksta [The problem of definition and typology of subtext]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Proceedings of Saint – Petersburg State University of Culture and Arts]*, 2010, vol. 190, pp. 228-235. (In Russian).

7. Arnold I.V. *Stilistika dekodirovaniya: Kurs lektsiy* [Decoding Style: Course of Lectures]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1974, 78 p. (In Russian).
8. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009, 592 p. (In Russian).
9. Galperin I.R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 138 p. (In Russian).
10. Kayda L.G. *Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii k dekodirovaniyu* [Text Style: from Composition Theory to Decoding]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004, 332 p. (In Russian).
11. Korosteleva T.V. Neverbalizovannaya informatsiya: tekst/podtekst [Non-verbalized information: text/subtext]. *Sbornik statey 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yazyk i rech' v Internet: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura»* [Collection of Works of the 2nd International Scientific and Practice Conference "Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture"]. Moscow, 2018, pp. 444-447. (In Russian).
12. Kravchenko N.K. *Sistema rechevykh sredstvo aktualizatsii podteksta v russkoy publitsi-sticheskoj rechi (gazetno-publitsisticheskij politicheskij kommentarij): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The System of Speech Means of Updating the Subtext in Russian Publicistic Speech (Newspaper-Publicistic Political Commentary). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kiev, 1990, 178 p. (In Russian).
13. Kukhareno V.A. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1979, 326 p. (In Russian).
14. Ladutko M.V. Mekhanizm sozdaniya podteksta v sovremennom publitsisticheskom tekste [Mechanism of creating subtext in modern journalistic text]. *Sbornik nauchnykh statey po materialam 3 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Vostochnoslavjanskiye yazyki i literatury v evropeyskom kontekste»* [Collection of Scientific Works Based on the Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "East Slavic Languages and Literatures in the European Context"]. Moscow, 2012, pp. 11-13. (In Russian).
15. Lelis E.I. *Teoriya podteksta* [Subtext Theory]. Izhevsk, "Udmurt University" Publ., 2011, 60 p. (In Russian).
16. Sternin I.A. *Analiz skrytykh smyslov v tekste* [Analysis of Hidden Meanings in the Text]. Voronezh, Istoki Publ., 2011, 66 p. (In Russian).
17. Cherednichenko V.I. Dukhovnyy podtekst sovremennoy mediakartiny mira [Spiritual implication of the modern media picture of the world]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Gumanitarnyye problemy v kontekste sovremennosti»* [Proceedings of the International Scientific and Practice Conference "Humanitarian Problems in the Context of Modernity"]. Moscow, 2018, pp. 220-227. (In Russian).
18. Gik A.V. Podteksty v sovremennoy mul'tiplikatsii [Subtexts in modern animation]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Tekst i podtekst: poetika eksplitsitnogo i implitsitnogo»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Text and Subtext: Poetics of the Explicit and Implicit"]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 91-93. (In Russian).
19. Zaretskaya A.N. Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse [Features of the implementation of subtext in film discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 16, pp. 70-74. (In Russian).
20. Zyablikov A.V. Religioznye podteksty sovetского кино 1930–1950-kh gg. [Religious overtones of Soviet cinema in the 1930s–1950s]. *Muzeynyy khronograf: sbornik statey i materialov sotrudnikov Kostromskogo muzeya-zapovednika* [Museum Chronograph: Collection of Works and Proceedings from the Employees of the Kostroma Museum-Reserve]. Kostroma, 2019, pp. 55-64. (In Russian).
21. Klochko K.A. Nekotoryye osobennosti podteksta i interteksta v strukture sovremennoy mediateksta [Some peculiarities of subtext and intertext in the structure of modern mediatext]. *Evrasiyskiy humanitarnyy zhurnal – Eurasian Humanitarian Journal*, 2018, no. 4, pp. 101-104. (In Russian).
22. Kulabukhova D.S. Pragmaticheskiye sredstva sozdaniya podteksta v angloyazychnom teleinterv'yu [Pragmatic means of creating subtext in an English-language TV interview]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy yazyka i kul'tury v sovremennom mire»* [Proceedings of the Scientific and Practice Conference "Problems of Language and Culture in the Modern World"]. Moscow, 2018, pp. 58-65. (In Russian).
23. Kozma M.P. Sotsio-politicheskij podtekst v sovremennom diskurse [Socio-political subtext in modern discourse]. *Issledovaniya v kontekste professional'noy kommunikatsii* [Research in the Context of Professional Communication]. Tambov, 2014, pp. 277-281. (In Russian).
24. Mamontova E.V. Obshchiye semioticheskiye osobennosti realizatsii podteksta v tvorchestve Federiko Fellini [General semiotic features of the implementation of subtext in the work of Federico Fellini]. *Yazyk i mir*

- izuchayemogo yazyka* [Language and the World of Language Being Studied], 2015, no. 6, pp. 261-266. (In Russian).
25. Rozhkov R.A. Podtekst kak problema perevodcheskoy garmonii v kinodiskurse [Implied sense as a problem of translation harmony in film discourse]. *Master's journal*, 2015, no. 2, pp. 373-378. (In Russian).
 26. Tkhaio N.D. O vosstanovlenii podteksta pri translyatsii mul'timedia yazykov [About restoring subtext when broadcasting multimedia languages]. *Intellektual'nyye sistemy – Intelligent Systems*, 2000, vol. 5, no. 1-4, pp. 187-196. (In Russian).
 27. Barabanshchikov V.A. *Ekspressii litsa i ikh vospriyatiye* [Facial Expressions and Their Perception]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2012, 341 p. (In Russian).
 28. Gregori R. *Razumnyy glaz. Kak my uznayem to, chto nam ne dano v oshchushcheniyakh* [Intelligent Eye. How do We Know what is not Given to Us in Sensations]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 322 p. (In Russian).
 29. Krasnova T.A. Rol' leksiki i intonatsii v vyrazhenii podteksta [The role of vocabulary and intonation in the expression of subtext]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2007, no. 1, pp. 39-44. (In Russian).
 30. Kreydlin G.E. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Non-verbal Semiotics: Natural Language]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2004, 592 p. (In Russian).
 31. Morozov V.P. *Neverbal'naya kommunikatsiya: eksperimental'no-psikhologicheskiye issledovaniya* [Non-verbal Communication: Experimental Psychological Research]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2011, 314 p. (In Russian).
 32. Povalyayeva M.A., Ruter O.A. *Neverbal'nyye sredstva obshcheniya* [Non-verbal Means of Communication]. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2004, 352 p. (In Russian).
 33. Rozin V.M. *Vizual'naya kul'tura i vospriyatiye. Kak chelovek vidit i ponimayet mir* [Visual Culture and Perception. How does One See and Understand the World]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 304 p. (In Russian).
 34. Ekman P., Friesen W.V. *Uznay lzhetso po vyrazheniyu litsa* [Recognize a Liar by Facial Expression]. Moscow et al., Piter Publ., 2010, 268 p. (In Russian).
 35. Chepil A.R. Osnovnyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya «podtekst» [Main approaches to definition of notion subtext]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2012, no. 5 (16), pp. 195-197. (In Russian).

Информация об авторах

Литовская Анна Сергеевна, аспирант, факультет журналистики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-0614-9140, ann.litovskaya93@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, набор первичного материала, работа с архивными документами и материалами, обобщение опыта исследователей, сбор данных, анализ данных, обработка материала, написание части текста.

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7270-2376, shesterina8@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, научное консультирование, общая концепция статьи, подбор первичного материала, анализ полученных результатов, обработка результатов исследования, написание и редактирование статьи, окончательное одобрение рукописи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022
Одобрена после рецензирования 23.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Anna S. Litovskaya, Post-Graduate Student, Journalism Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0614-9140, ann.litovskaya93@mail.ru

Contribution: literature analysis, source material acquisition, archive documents and materials work, synthesis of researches experience, data acquisition, data analysis, material processing, part manuscript text drafting.

Alla M. Shesterina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Electronic Media and Speech Communication Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7270-2376, shesterina8@gmail.com

Contribution: study conception, scientific consulting, main study conception, source material acquisition, obtained results analysis, research results processing, manuscript drafting and editing, final manuscript approval.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 21.06.2022
Approved after reviewing 23.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSSLANGUAGE AND CROSSCULTURAL COMMUNICATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 398

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-634-641

Эпический фольклор на Великом шёлковом пути

Чолпон Темирбековна СУБАКОЖОЕВА

Киргизский государственный университет им. И. Арабаева
720000, Киргизская Республика, г. Бишкек, ул. Раззакова, 51а

✉ chopa_70@bk.ru

Аннотация. В истории народов важнейшую роль сыграл Великий шёлковый путь, по которому шли караванные дороги с запада на восток и с востока на запад, с помощью которого осуществлялись взаимные контакты народов, проживающих по его территориям. Такие международные контакты осуществлялись не только в экономическом, торговом, политическом, но и в духовно-культурном плане. Подтверждением тому может служить тот факт, что некоторые памятники устного народного творчества были распространены среди многих народов, проживающих вдоль Великого шёлкового пути. Примером такого взаимопроникновения культурных артефактов могут служить эпические памятники «Кёр-оглы», «Книга моего деда Коркута», «Манас». Цель исследования – рассмотреть актуальную проблему взаимосвязей фольклорных традиций народов Центральной Азии и Кавказа, историю изучения и публикации на примере таких эпосов, как кыргызский героический эпос «Манас» и эпические памятники «Кёр-оглы», «Книга моего деда Коркута».

Ключевые слова: Великий шёлковый путь, международные контакты народов на Великом шёлковом пути, «Кёр-оглы», «Книга моего деда Коркута», «Манас», эпические памятники Центральной Азии и Кавказа

Для цитирования: Субакожоева Ч.Т. Эпический фольклор на Великом шёлковом пути // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 634-641. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-634-641>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The epics of the peoples on the Great Silk Road

Cholpon T. SUBAKOZHOEVA

Kyrgyz State University named after I. Arabaev
51a Razzakova St., Bishkek 720000, Kyrgyz Republic
✉ chopa_70@bk.ru

Abstract. The Great Silk Road played an important role in the history of the peoples, along which the caravan roads went from west to east and from east to west, through which mutual contacts of the peoples living on its territories were carried out. Such international contacts were carried out not only in economic, trade, political, but also in spiritual and cultural terms. This can be confirmed by the fact that some monuments of oral folk art were widespread among many peoples living along the Great Silk Road. The epic monuments “Ker-ogly”, “The Book of my grandfather Korkut”, “Manas” can serve as an example of such interpenetration of cultural artifacts. The purpose of the research is to consider the actual problem of interrelationships of folklore traditions of the peoples of Central Asia and the Caucasus, the history of study and publication on the example of such epics as the Kyrgyz heroic epic “Manas” and the epic monuments “Ker-ogly”, “The Book of my grandfather Korkut”.

Keywords: The Great Silk Road, international contacts of peoples on the Great Silk Road, “Ker-ogly”, “The Book of my grandfather Korkut”, “Manas”, epic monuments of Central Asia and Caucasus

For citation: Subakozhoyeva C.T. Epicheskiy fol'klor na Velikom shelkovom puti [The epics of the peoples on the Great Silk Road]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 634-641. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-634-641> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Обратившись к истории, становится очевидным, что народы мира с древних времён осуществляли взаимные контакты.

Так, народы Центральной Азии издавна поддерживали активные политические, экономические и торговые отношения с Китаем [1].

В огромной мере этому способствовал Великий шёлковый путь, по которому в течение почти пятнадцати веков шёл караванный торговый путь, открывшийся ещё во II веке до н. э. «...между странами Дальнего и Ближнего Востока» и имевший большое значение для успехов материальной и духовной культуры» [2, с. 182] народов, чья история была в той или иной мере с ним связана. Великий шёлковый путь соединял Китай (через Южную Сибирь и Среднюю Азию) с Передней Азией и с Европой.

Великий шёлковый путь, по словам А.М. Петрова, «...это совсем не дорога, пусть даже с несколькими крупными ответвлениями. Это огромное, подвижное во времени историко-культурное пространство, по которому в древности и в средние века шло сухопутное международное общение от крайних пределов Азии до стран Запада» [3, с. 46].

На территории Российской империи «Шёлковый путь» проходил по нескольким маршрутам: один из них – через Алтай, через нынешние суверенные государства Средней Азии – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмению, вдоль южного побережья Каспийского моря через нынешний Азербайджан; другой пролегал по территории Северного Кавказа. В этих направлениях на протяжении ряда столетий происходило постоянное движение народов с востока на запад и

с запада на восток, в процессе и в результате которого из разных этнических компонентов сформировались казахский, кыргызский, узбекский, туркменский, таджикский, азербайджанский и другие этносы, в культурной жизни которых сложились великие памятники устного народного творчества. Благодаря культурным связям, они широко распространились среди народов, проживающих вдоль Великого шёлкового пути. Неизгладимый след этнокультурные связи оставили в фольклорных образцах.

Цель данной статьи – рассмотреть взаимосвязи в фольклорных традициях народов Центральной Азии и Кавказа, историю изучения и публикации на примере таких эпосов, как кыргызский героический эпос «Манас» и эпические памятники «Кёр-оглы», «Книга моего деда Коркута».

Наиболее ярким примером фольклорных взаимосвязей на Великом шёлковом пути может служить выдающийся памятник эпическое сказание туркменского народа «Кёр-оглы», которое имело распространение не только среди народов, связанных общностью происхождения, исторической судьбы и языка, но и было широко распространено у народов, принадлежащих к разным языковым семьям, проживающим на Великом шёлковом пути.

Этот эпос представлен в фольклоре народов Передней и Средней Азии: в Закавказье (у азербайджанцев, грузин, армян, курдов; на Ближнем Востоке – в Турции и Северном Иране (у тюрков Южного Азербайджана и Северного Харасана); в Средней Азии – у туркмен, узбеков, казахов, таджиков, каракалпаков, арабов; в Южной Сибири – у тобольских (сибирских) татар, а также на Балканах – у гагаузов и болгарских турок [4].

«Эпос «Гороглы», получивший распространение от берегов Аракса до Амударьи, от Малой Азии до горной цепи Урала и Сибири, от Ближнего Востока до Средней Азии и Казахстана...» [5, с. 73], встречается в фольклоре свыше 20 тюркских и нетюркских народов.

Как отмечает видный фольклорист Тура Мирзаев, «отдельные отрывки цикла были записаны и от арабов Средней Азии (Бухара). Мировой фольклор не знает ни одного эпического произведения, получившего распро-

странение на такой огромной территории [6, с. 3].

В источниках отмечается, что формирование и развитие эпоса «Гороглы» происходило в азербайджано-туркменской среде.

Все национальные версии данного эпоса учёные подразделяют на две группы – кавказскую (азербайджанские, армянские, грузинские, курдские сказания) и на восточную (сказания туркменские, узбекские, казахские, каракалпакские, тобольских татар).

Такое широкое распространение эпоса «Кёр-оглы» объясняется многовековым общением народов Великого шёлкового пути, обменом сюжетами и творческой их переработкой в соответствии с особенностями восприятия и эпической традиции, что определило его этническую специфику у каждого этноса. У разных народов он бытует под названиями «Кёр-оглы» («Сын глухого»), «Гёр-оглы» («Сын могилы»), «Гуругли» («Сын слепого»).

Во всех версиях эпоса повествуется о могучем, мудром и справедливом богатыре. Но в кавказских версиях это удалой джигит, типа благородного разбойника, а в среднеазиатских версиях Кёр-оглы – государь, справедливый и храбрый правитель.

Туркменский эпос «Гёр-оглы» не имеет единого целого текста, состоит из ряда глав. Как правило, туркменские сказители не знают всех глав эпоса, наибольшее число глав принадлежит знаменитому Пельван-бахши, от которого было записано 12 частей эпоса.

Первые записи и публикация туркменского эпоса о Кёр-оглы начались в 40-х гг. XIX века российскими учёными Н.Н. Березиным, С.В. Фаворским, А.П. Поцелуевским. Затем записи эпоса продолжились с 1927 г. сотрудниками Туркменского научно-литературного общества, затем Туркменским государственным научно-исследовательским институтом, которые проводили многочисленные фольклорные экспедиции, с помощью знаков фонетической транскрипции не только на бумаге, но и на фонографе. К 1935 г. в фонотеке Туркменского государственного научно-исследовательского института насчитывалось уже 90 записей на фонографе. Следует отметить высокое качество этих записей текста эпоса, которые являются надёжным источником для лингвистов и фольклористов.

Огромная роль в записи и публикации туркменского эпоса «Кёр-оглы» принадлежит туркменскому фольклористу Б.А. Каррыеву, который посвятил ему фундаментальную монографию исследования основных версий у тюркоязычных народов [7].

Эпос «Гёр-оглы» публиковался на туркменском языке в 1941 г., подготовлен он был к печати Б.А. Каррыевым, туркменским писателем А. Ковшутковым и известным тюркологом Н.К. Дмитриевым. Для издания было отобрано 14 дастанов из версии туркменского сказителя Пельвана-бахши. В изданиях текст сказителя сохрaнен в неизменном виде.

Второе издание вышло в свет в 1958 г. За основу был принят текст публикации 1941 г., но в него были внесены редакционные правки редактором Н. Ашировым для придания тексту большей художественности, устранив из него религиозные элементы.

Среди изданий эпоса «Гёр-оглы» следует отметить как самое полное и высококачественное издание в двуязычной академической серии «Эпос народов СССР», включающее запись эпоса от Пельвана-бахши, записанную А. Чепиным в 1937 г. и наиболее полно представляющую туркменскую версию. При этом в текст сказителя не было внесено никаких правок. Издание сопровождалось обширной вступительной статьёй, научными комментариями. В данном издании опубликован эпос на туркменском и русском языках.

Как уже говорилось выше, эпос о Кёр-оглы бытует и среди таджикского населения. Он также имеет несколько вариантов. В фольклорном архиве Института языка и литературы им. Рудаки в Таджикистане хранятся записи от 14 сказителей, сделанные в 1933–1963 гг., от которых записано от 9 до 34 дастанов, составляющих содержание эпоса. Первые записи эпоса на таджикском языке впервые были начаты в 1930-е гг., затем были продолжены в 1950–1970-е гг. Научное изучение таджикской версии «Гуругли» было начато известным иранистом А.Н. Болдыревым. В сбор, издание, исследования таджикского эпоса внесли огромный вклад таджикские учёные Р. Амонов, С. Аминова, Р. Рахматова, С. Фатхуллаев, К. Хисомова и другие на таджикском языке.

Сравнительное исследование таджикского текста эпоса с другими национальными

версиями провели Б.А. Каррыев и Х.Г. Короглы [7; 8].

Таджикский вариант эпоса «Гуругли» был также издан в академической серии «Эпос народов СССР». Это первая публикация таджикского «Гуругли» на таджикском языке и в переводе на русский язык, в которой представлены все его основные сюжеты. Подготовил к изданию таджикский текст эпоса крупный иранист И.С. Брагинский. В него вошло 20 текстов, по которым читатель может полно представить содержание и художественные достоинства эпоса. Все тексты на таджикском языке печатаются без изменений, сохранены все диалектные особенности сказителей, их специфика и стиль.

Ценность изданию придают вводная статья И.С. Брагинского с характеристикой таджикского эпоса и его публикаций и определением места таджикского варианта среди эпосов о Кёр-оглы других народов Центральной Азии. Из издания читатель также получит сведения о таджикских сказителях-гуруклихонах, их исполнении и школах.

Другим примером взаимопроникновения фольклорных традиций народов Великого шёлкового пути является средневековый огузский героический эпос «Книга моего деда Коркута».

Со средневековыми огузами в этническом и языковом отношении связаны три современных тюркоязычных народа – туркмены, азербайджанцы и турки. Для всех этих народов эпические сказания, отложившиеся в «Книге Коркута», представляют художественное отражение их исторического прошлого. Полное название книги «Книга моего деда Коркута на языке племени огузов».

Героический эпос «Китаби деде Коркуд» («Книга моего деда Коркута») является итогом длительного развития устной народной поэзии. По своему идейно-тематическому и художественному богатству, по языковым особенностям этот эпос выходит далеко за рамки литературных произведений тюркского мира. «Книга моего деда Коркута» является записью и литературной обработкой эпических сказаний, складывающихся и передававшихся с помощью сказительского мастерства его народных творцов, сказителей и хранителей, начиная с IX по XV век.

Текст эпоса сохранился в двух записях, которые хранятся в Дрездене и Ватикане. Первая запись состоит из 12 сказаний, вторая – из 6 сказаний. Копия Дрезденской рукописи в 1972 г. была передана в Национальную Академию наук Азербайджана (г. Баку).

В «Книге» отражены хозяйственная и военная жизнь, нравы, обычаи и верования, быт и общественные отношения тюркских кочевых племен. Вместе с тем это поэтическое произведение является выдающимся художественным памятником, что вызвало к нему интерес зарубежных учёных ещё с начала XIX века. Большой вклад в изучение творения о Коркуте внесли зарубежные учёные: немецкие востоковеды Ф. Диц, Т. Нелькеде, турецкие учёные Али Риза Ялман, Фуад Кепрюлю, Абдулкадыр Инан и др., итальянский ориенталист Этторе Росси и др.

В русской науке начало изучению «Книги Коркута» положил известный русский историк В.В. Бартольд [10], который в 1922 г. закончил полный перевод «Книги» на русский язык и подготовил его к изданию [11].

По словам В.М. Жирмунского, «перевод В.В. Бартольда выполнен на высоком филологическом уровне, присущем всем его работам, и обладает большими литературными достоинствами. Филологическую точность перевода В.В. Бартольд соединяет с истинным мастерством в передаче особенностей подлинника» [11].

Но книга была издана на русском языке лишь после смерти В.В. Бартольда в 1962 г. [10]. Продолжили его исследования российские учёные А. Туманский, А. Якубовский, В. Жирмунский [11, с. 519], А. Самойлович [12, с. 4].

Можно сказать, что исследование эпоса «Книга моего деда Коркута» русскими учёными-востоковедами стало толчком для дальнейшего изучения этого памятника устного народного творчества. В дальнейшем свои научные работы ему посвятили узбекские, туркменские, казахские и каракалпакские учёные (М. Ауэзов, А. Маргулан, Р. Бердибаев, А. Конратбаев, М. Байдилдаев и др.). По различным проблемам эпоса опубликована многочисленная исследовательская литература.

«Книга моего деда Коркута» была издана в 1916 г. в Турции, в 1939 г. – в Азербайджане,

в 1986 г. в Алматы на казахском языке¹, в 1990 г. – в Ашхабаде на туркменском языке².

Нужно отметить, что учёные усматривают некоторую связь между эпосом «Гороглы» и «Книгой моего деда Коркута». Так, в статье «Турецкий эпос и Кавказ» В.В. Бартольд, сравнив их, утверждал, что между этими произведениями есть множество сходных моментов, которые обусловлены не только взаимовлиянием, но и являются результатом сходного уклада жизни народов. А.Н. Самойлович также в статье «Легенды о Коркуте и Гороглы» отмечает наличие сходных моментов, имеющих место в сказаниях о деде Коркуте и в эпосе о Гороглы, указывая при этом и на созвучность имён данных образцов.

В отличие от таких «интернациональных» памятников, как эпос о Кёр-оглы, Героглы-Гуругли, «Книга моего деда Коркута», известных целому ряду народов, по словам Б.М. Юнусалиева, эпос «...Манас бытует только у кыргызов. Так как наличие или отсутствие общих эпосов связано с общностью или отсутствием культурно-исторических и географических условий в период возникновения и существования эпосов, то можно прийти к выводу о том, что формирование эпопеи у кыргызов происходило в географических и исторических условиях иных, чем в Средней Азии» [13, с. 213].

Иначе говоря, эпос о Манасе сложился на иной территории, был принесён в пределы «Шёлкового пути» уже сформировавшейся эпопеей, сохранившей в дальнейшем свою уникальность.

Следует отметить, что кыргызы, в прошлом ведущие кочевой образ жизни, исторически расселились за пределами современного Кыргызстана в пределах Афганистана, Турции, Узбекистана, Таджикистана, Китая.

Этнические кыргызы в этих странах во многом сохранили язык, культуру, быт, народные обычаи и традиции, исконно присущие кыргызскому народу. В их среде существует богатое устное народное творчество, которое бережно сохраняется и развивается. К их числу относится и великий кыргызский героический эпос «Манас».

¹ Коркыт ата китабы. Алматы, 1986.

² Горгут ата. Ашхабад: Туркменистан, 1990.

Об огромном значении эпоса «Манас» для духовной жизни кыргызского народа говорит тот факт, что он бытовал не только среди жителей Кыргызстана, но и широко распространён среди кыргызов везде, где бы они ни проживали: в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Турции, то есть в странах на всем протяжении Великого шёлкового пути.

В собрание, публикацию и исследование эпоса «Манас» внесли вклад представители русской и зарубежной академической науки второй половины XIX – начала XX века (В. Радлов и Ч. Валиханов, В. Бартольд, П. Фалев, В. Жирмунский, П. Берков, Е. Поливанов, А. Мирбадалева, М. Ауэзов, А. Маргулан и др., а также киргизские фольклористы (К. Рахматуллин, К. Мифтахов, Б. Юнусалиев, С. Мусаев, Р. Кыдырбаева и др.), зарубежные учёные (С. Бауэр, А. Хатто, Н. Чэдвиг, Реми Дор, А. Инан и др.).

Первые письменные сведения об эпосе «Манас» встречаются в рукописи «Маджму ат-таварих», которая написана на таджикском языке в XVI веке в Фергане муллой Сайф-аддином Ахсикенди и его сыном Наурыз-Мухаммедом.

«Манас» был первым художественным произведением кыргызов, записанным на бумаге, изданным полиграфическим способом и переведённым на другие языки.

Заметная роль в собирании и изучении устного народного творчества кыргызов, в частности, эпоса «Манас», принадлежит выдающемуся учёному-тюркологу В.В. Радлову (1837–1918), который одним из первых записал отрывок из эпоса и опубликовал его, снабдив обширным предисловием [14].

Затем в 1911 г. известный венгерский учёный Г. Алмаши опубликовал отрывок из «Манаса» под названием «Прощание героя Манаса с сыном Семетеем» на кыргызском и немецком языках с комментариями.

Первым опубликованным на кыргызском языке в советское время материалом по «Манасу» является небольшой отрывок из «Семетей» – второй части трилогии «Манас», по варианту известного в своё время сказителя Тыныбека, увидевший свет в 1925 г. в г. Москва.

В начале 40-х гг. XX века началось издание на кыргызском языке лучших образцов

из записанных материалов под общим названием «Серия «Манас». В 1940 г. было опубликовано «Детство Манаса», подготовленное к изданию по варианту Сагымбая Орозбакова. После этого вышел в свет ряд брошюр, включивших популярные в народе эпизоды, отобранные из различных вариантов эпоса: в 1941 г. – 7 брошюр, в 1942 г. – 2, в 1944 г. – 1 брошюра. В 1952 г. во Фрунзе были изданы две книги по первой части «Манаса», а позже – «Семетей» и «Сейтек». В 1970–1980-е гг. вышли из печати 4 тома эпоса по варианту Сагымбая Орозбакова, а также текст эпоса по варианту С. Каралаева в 5 томах.

В 1984–1995 гг. было предпринято полное издание эпоса «Манас» в 4 томах. Публикация эпоса осуществлена Институтом мировой литературы АН СССР совместно с АН Киргизской ССР в серии «Эпос народов СССР». Текст эпоса был подготовлен к печати кыргызскими учёными Б.М. Юнусалиевым, С.М. Мусаевым, К.К. Кырбашевым, Ж. Мусаевой, Р. Сарыпбековым, О. Соороновым, А. Абдылдаевым, Р. Кыдырбаевой, А. Джайнаковой, С. Бегалиевым, М. Мамыровым, А. Усенбаевым. Издание содержит 50239 стихотворных строк из 190 тысяч строк в версии С. Орозбакова.

В Китае также ведётся большая работа по собиранию и изучению эпоса «Манас». Одним из первых начал сбор и запись эпоса в Китае известный манасовед и манасчи Балбай Мамай, который в начале XX века начал собирать и записывать различные фольклорные материалы, легенды, сказания, исторические материалы, уделяя особое внимание записи эпоса «Манас».

Следует отметить, что, хотя эпос «Манас» был хорошо известен лишь среди кыргызов, отголоски о нём встречаются сегодня в названиях местностей и исторических памятников по всему миру. Например, в Китае возле города Урумчи есть город Манас и река Манас, урочище под таким же названием встречается на верхнем Иртыше и в низовьях Аму-Дарьи. Однако больше всего мест, связанных с Манасом, встречается в Кыргызстане. Это гумбез Манаса в Таласе, комплекс гумбезов «Кырг-Чоро» в Кочкорской долине, крепость Кошой-Коргон, Мавзолей Зулпукар в Прииссыккулье, курган «Санташ», башня Бурана близ Токмака и др.

«Любой национальный эпос, являясь органической частью культуры данного народа, будучи естественным порождением этой культуры, выражением исторического опыта, взглядов, идеалов народа, отвечая сложившимся бытовым традициям и эстетике наро-

да, одновременно составляет часть единого мирового эпического фонда» [15, с. 4].

Эпос каждого народа, наряду с отражением в себе национальной специфики, своими обобщёнными, народными идеями обогащает эпический фонд народов мира.

Список источников

1. Сариев С.М. Эпические традиции и культурные контакты народов мира (на основе героических эпосов тюркоязычных народов) // Актуальные проблемы филологии: материалы 2 Междунар. науч. конф. Краснодар: Новация, 2016. С. 39-41.
2. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1965.
3. Петров А.М. Великий шёлковый путь. О самом простом, но малоизвестном. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 127 с.
4. Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983. 346 с.
5. Петросян А.А. История народа и его эпос. М.: Наука, 1982. 216 с.
6. Мирзаев Т. Достонлар зубдаси // Дастаны «Гороглы»: в 4 т. Т. 1. Рождение Гороглы. Ташкент: Ёзувчи, 1996.
7. Каррыев Б.А. Туркменский героический эпос «Гёр-оглы». Ашхабад, 1958. 808 с.
8. Короглы Х.Г. Текстологическая характеристика публикаций эпоса «Героглы» и «Гуругли» // Фольклор. Издание эпоса. М., 1977. 286 с.
9. Эгамбердиева Г.М. Исследование эпоса «Книга моего деда Коркута» русскими учёными-востоковедами // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 11-14.
10. Бартольд В.В. Турецкий эпос и Кавказ // Книга моего деда Коркута. Москва; Ленинград: Наука, 1962. С. 110.
11. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос: избранные труды. Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1974.
12. Самойлович А.Н. Записи восточного отделения русского археологического общества. Т. XIX. Спб., 1910.
13. Юнусалиев Б.М. Киргизский героический эпос «Манас» // «Манас» – героический эпос киргизского народа: сб. ст. Фрунзе: Илим, 1968. 232 с.
14. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 5. Наречие дикокаменных кыргызов. Спб., 1885. С. I-XXXV.
15. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.

References

1. Sariev S.M. Epicheskiye traditsii i kul'turnyye kontakty narodov mira (na osnove geroicheskikh eposov tyurkoyazychnykh narodov) [Epic traditions and cultural contacts of the peoples of the world (on the basis of heroic epics of the Turkic-speaking peoples)]. *Materialy 2 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Aktual'nyye problemy filologii»* [Materials of the 2nd International Scientific Conference “Actual Problems of Philology”]. Krasnodar, Novatsiya Publ., 2016, pp. 39-41. (In Russian).
2. Barthold V.V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana [History of the cultural life of Turkestan]. In: Barthold V.V. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1965, vol. 2, pt 1. (In Russian).
3. Petrov A.M. *Velikiy shelkovyy put'. O samom prostom, no maloizvestnom* [The Great Silk Road. About the Simplest, but Little-Known]. Moscow, Publishing firm “Oriental Literature” of the Russian Academy of Sciences, 1995, 127 p. (In Russian).
4. Korogly K.G. *Vzaimosvyazi eposa narodov Sredney Azii, Irana i Azerbaydzhana* [Interrelationships of the Epos of the Peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan]. Moscow, 1983, 346 p. (In Russian).
5. Petrosyan A.A. *Istoriya naroda i ego epos* [The History of the People and Its Epos]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 216 p. (In Russian).
6. Mirzaev T. Dostonlar zubdasi [Dostonlar zubdasi]. *Dastany «Gorogly»: v 4 t. T. 1. Rozhdeniye Gorogly* [Dastans “Gorogly”: in 4 vol. Vol. 1. The Birth of Gorogly]. Tashkent, Ezuvchi Publ., 1996. (In Uzbek).

7. Karryyev B.A. *Turkmenskiy geroicheskiy epos «Ger-ogly»* [Turkmen Heroic Epos “Ger-ogly”]. Ashgabat, 1958, 808 p. (In Russian).
8. Korogly K.G. *Tekstologicheskaya kharakteristika publikatsiy eposa «Gerogly» i «Gurugli»* [Textual characteristics of publications of the epos “Gerogly” and “Gurugli”]. *Fol'klor. Izdaniye eposa* [Folklore. Edition of the Epos]. Moscow, 1977, 286 p. (In Russian).
9. Egamberdiyeva G.M. *Issledovaniye eposa «Kniga moyego deda Korkuta» russkimi uchenymi-vostokovedami* [The research of the epos “The Book of my grandfather Korkut” by Russian scientists-Orientalists]. *Filologiya i lingvistika* [Philology and Linguistics], 2019, no. 1 (10), pp. 11-14. (In Russian).
10. Barthold V.V. *Turetskiy epos i Kavkaz* [The Turkish epos and the Caucasus]. *Kniga moyego deda Korkuta* [The Book of My Grandfather Korkut]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962, p. 110. (In Russian).
11. Zhirmunskiy V.M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos: izbrannyye trudy* [The Turkic Heroic Epos: Chosen Writings]. Leningrad, Nauka. Leningrad department Publ., 1974, p. 519. (In Russian).
12. Samoylovich A.N. *Zapisi vostochnogo otdeleniya russkogo arkhеologicheskogo obshchestva. T. 19* [Notes of the Oriental Department of the Russian Archaeological Association. Vol. 19]. St. Petersburg, 1910. (In Russian).
13. Yunusaliyev B.M. *Kirgizskiy geroicheskiy epos «Manas»* [Kirgiz heroic epos “Manas”]. *«Manas» – geroicheskiy epos kirgizskogo naroda* [Manas. The Heroic Epos of the Kyrgyz People]. Frunze, Ilim Publ., 1968, 232 p. (In Russian).
14. Radlov V.V. *Obraztsy narodnoy literatury severnykh tyurkskikh plemen. Ch. 5. Narechiye dikokamennykh kyrgyzov* [Samples of Folk Literature of the Northern Turkic Tribes. Pt 5. Dialect of the Wild-Stone Kirgiz]. St. Petersburg, 1885, pp. I-XXXV. (In Russian).
15. Putilov B.N. *Geroicheskiy epos i deystvitel'nost'* [Heroic Epos And Reality]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 223 p. (In Russian).

Информация об авторе

Субакожоева Чолпон Темирбековна, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика, ORCID: [0000-0001-8466-8240](https://orcid.org/0000-0001-8466-8240), chopa_70@bk.ru

Вклад в статью: подбор и анализ научных книг и научных статей, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 12.04.2022
Одобрена после рецензирования 07.07.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Cholpon T. Subakozhoeva, Candidate of History, Associate Professor, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyz Republic, ORCID: [0000-0001-8466-8240](https://orcid.org/0000-0001-8466-8240), chopa_70@bk.ru

Contribution: selection and analysis of scientific books and scientific manuscripts, manuscript text drafting.

The article was submitted 12.04.2022
Approved after reviewing 07.07.2022
Accepted for publication 16.09.2022

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ THEORY AND HISTORY OF CULTURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 75.03

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-642-651

Архитектоника как способ изучения живописи (на примере творчества М. Врубеля)

Татьяна Михайловна НИКОЛЬСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ timnik2004@mail.ru

Аннотация. Основной целью исследования является проблема изучения произведения живописи при помощи архитектоники. Определение данного термина даётся в широком смысле, что позволяет применить его не только для изучения архитектурных объектов, но и даёт нам возможность применить его к изобразительному искусству, а также позволяет рассмотреть произведение живописи на более качественном уровне, учитывающем множество факторов, способствующих его целостному восприятию, что на сегодняшний момент является актуальным. Использован семиотический метод, который позволяет обратиться к такому факту, как восприятие художественного произведения и создание собственного художественного образа. Анализ некоторых произведений М.А. Врубеля позволяет сделать вывод о его неординарности мышления и творческого метода, используемого художником, при помощи которого он пытался донести своё видение до широкого зрителя. Все эти моменты, которые были затронуты: цвет, композиция, пространство, всё это является отражением внутренней напряжённой работы художника, его попыткой переосмыслить действительность, себя, чтобы смочь объяснить это «читателям». Подобный подход позволяет не просто изучить творчество художника, но и рассмотреть особенности восприятия им пространства, что в свою очередь может быть использовано при преподавании предметов гуманитарного цикла, а также позволит привлечь более широкий круг научных деятелей, занимающихся такого же рода проблемой, и позволит продолжить дискуссию в этом направлении.

Ключевые слова: архитектоника, живопись, семиотический анализ, М.А. Врубель, принципы изучения художественного произведения

Для цитирования: *Никольская Т.М.* Архитектоника как способ изучения живописи (на примере творчества М. Врубеля) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 642-651. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-642-651>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Architectonics as a way of studying painting (on the example of M. Vrubel's work)

Tatiana M. NIKOLSKAIA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ timnik2004@mail.ru

Abstract. The main purpose of study is the issue of studying the work of painting with the help of architectonics. The definition of this term is given in a broad sense, which allows us to apply it not only to the study of architectural objects, but also gives us the opportunity to apply it to the fine arts, and also allows us to consider a painting at a higher quality level, taking into account many factors that contribute to its holistic perception, which is relevant today. We use semiotic method, which allows us to address such a fact as the perception of a work of art and the creation of one's own artistic image. Analysis of some works by M.A. Vrubel allows us to draw a conclusion about his originality of thinking and the creative method used by the artist, with the help of which he tried to convey his vision to a wide audience. All these points that are touched upon: colour, composition, space, all this is a reflection of the artist's inner intense work, his attempt to rethink reality, himself, in order to be able to explain this to "readers". Such an approach allows not only to study the artist's work, but also to consider the features of his perception of space, which in turn can be used in teaching humanitarian subjects, and will also attract a wider range of scientists dealing with the same kind of problem, and will continue the discussion. in this direction.

Keywords: architectonics, painting, semiotic analysis, M.A. Vrubel, principles of studying a work of art

For citation: Nikolskaia T.M. Arkhitektonika kak sposob izucheniya zhivopisi (na primere tvorchestva M. Vrubelya) [Architectonics as a way of studying painting (on the example of M. Vrubel's work)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 642-651. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-642-651> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Анализируя любое произведение живописи, как правило, говорят о композиции, цвете, свете. Но рассматривать полотно, не определяя соотношение всех этих компонентов, было бы не полным. Важным моментом является понимание общего смысла произведения, а не только композиционное построение само по себе. В связи с этим логично будет применить термин «архитектоника». По большей части данный термин употребляется в архитектуре, но мы попытаемся рассмотреть его с несколько иной стороны, в более широком смысле.

Если посмотреть даже на самое простое определение данного термина, то мы увидим, что «архитектоника – сочетание частей в одном стройном целом, композиция» [1, с. 27]. Уже здесь мы видим, что имеется в виду взаимоотношение частей внутри некоего целого, которое состоит из различных параметров, а не только композиции, то есть построения.

Другое определение, предложенное Большой советской энциклопедией, позволяет расширить угол обзора на данный термин: «архитектоника (от греч. ἀρχιτεκτονική – зодчество, архитектура), совокупность общих структурных принципов, обуславливающих композиционную целостность ху-

дожественного произведения. Проявляется во всесторонней согласованности его частей и элементов: напр., в изобразительных искусствах – в соотношении пропорций; в архитектуре – во взаимосвязи несомых и несущих частей, делающей наглядными статические усилия конструкции. Термин «Архитектоника», введённый И. Кантом для обозначения «искусства построения системы» («Критика чистого разума», Трансцендентальное учение о методе, гл. 3), со второй половины XIX века входит в обиход эстетики, искусствознания и литературоведения в связи с попытками выявить универсальные законы художественной формы¹. И вот здесь появляется в поле зрения изобразительное искусство, а именно указывается на важный элемент соотношения пропорций. Таким образом, мы видим, что термин архитектоника даже при ближайшем рассмотрении даёт нам возможность применить его к изобразительному искусству и позволяет рассмотреть произведение живописи на более высоком уровне, учитывая множество факторов, способствующих его целостному восприятию.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Итак, определяя архитектонику как один из важнейших принципов изучения живописного полотна, необходимо рассмотреть его на конкретном примере. В качестве объекта анализа мы выберем изобразительное творчество Михаила Врубеля, в котором самым оригинальным способом происходит переплетение всех элементов архитектуры, изучение которой будет сделано при использовании семиотического метода, широко применяемого в культурологии для составления целостного понимания произведения культуры и искусства. «Данный подход даёт возможность посмотреть на то или иное произведение искусства с наибольшего количества сторон и выявить все составляющие его художественного образа. Кроме того, данный подход позволяет обратиться к такому факту, как восприятие художественного произведения и создание собственного художественного образа» [2, с. 86].

¹ Большая советская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/1833436 (дата обращения: 06.03.2022)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Многое в нём, как в живописце, может не нравиться изысканному вкусу, в нём иногда сказывались уродливые черты и даже тривиальность. Но ведь он не был ангелом, а был демоном, – верховной, но сложной натурой, влюбившейся в людскую душу, в людскую жизнь и замаранный ею. Вот почему и на самые неудачные и неприятные свои создания Врубель наложил печать гения, и сквозь кривизну его мифистофельской улыбки, в широко ужасающихся его глазах, в приторной его неге светятся чьи-то великие черты. Великий не от мира сего, но мир сей полюбившей красоты», – так сказал о творчестве Врубеля А.Н. Бенуа, говоря о бесполезности обычных, традиционных подходов к пониманию творчества Врубеля². Тема особой избранности художника, его творческой миссии задаётся самой судьбой в самом начале его пути.

Детство Врубеля проходило беззаботно, хотя он рано лишился матери, мачеха оказалась любящей и доброй и заменила ему мать. Михаил был всеобщим любимцем, так как, несмотря на слабое здоровье, у него был весёлый нрав. Он был начитан и образован, что проявлялось даже в его письмах сестре, где он активно использует французские фразы и цитаты классиков. Обучаясь на юридическом факультете, он увлекается музыкой, театром, рисованием. Постепенно увлечение становится необходимостью, призванием. Находясь среди прославленных художников – И.Е. Репина, В.Д. Поленова, он проходил свой собственный путь, отличавший его творчество от других. Он был вне времени, пространства, пытаясь воплотить своё романтическое видение в произведениях. Очень ярко проявились искания Врубеля при реставрации Кирилловского монастыря под Киевом, где для восстановления фрески ему понадобилось изучить византийское искусство. Относясь к древним фрескам очень бережно, живописец смог проникнуть в их дух, в самую суть, и он создаёт две самостоятельные композиции – «Сошествие Святого духа» (рис. 1), «Оплакивание». Несмотря на то, что художник следовал иконографической

² Михаил Врубель / Гос. Третьяковская галерея. Латвия: SIA PNB Print, 2021. С. 30.

схеме достаточно близко, его трактовка оказалась современной, вызывающей неоднозначное впечатление. Композиционно апостолы расположены полукругом так, чтобы вписаться в свод храма. Центром является фигура Богоматери. Фон синий, золотые лучи исходят из круга с фигуркой голубя в центре. Одежды апостолов светлые, с перламутровыми переливами, создающими эффект свечения изнутри. Художник уже здесь проявляет себя как психолог, прослеживая сложную гамму переживаний, испытываемых апостолами. Здесь же появляются и так хорошо узнаваемые «византийские глаза» Богоматери, написанные с Э.Л. Праховой.

Посетив Венецию, Врубель проникся большой любовью к России. Он очень хотел вернуться, одухотворённый возвышенными чувствами. По возвращении он много работает, переживает, и не только за себя. Именно тогда появляется замысел «Демона», бунтующего вместе со своим веком и автором против религиозности. «В течение многих лет Врубеля влекло к образу Демона: он был для него не однозначной аллегорией, а це-

лым миром сложных переживаний. На холсте, в глине, на обрывках бумаги художник ловил лихорадочное мелькание обликов, чередование гордости, ненависти, мятежности, грусти, отчаяния... Всё снова и снова появляется незабываемое лицо: косматая львиная грива, узкий овал, излом бровей... но каждый раз с иным оттенком выражения» [3, с. 31].

Итак, картина «Демон сидящий» представляет собой интересную интерпретацию данного персонажа (рис. 2). Демон, глядящий вдаль, не кажется страшным, представляющим чёрные силы. А лиловый цвет фона, который станет знаковым для Врубеля, смягчает образ. Манера написания картины напоминает мозаику – она непривычная и своеобразная, похожая как на эмаль, так и на витраж. Композиционно фигура самого демона в центре, но он среди цветов, светлых и раскрытых. Он задумчив, почти смиренен, красив. Его мускулы выписаны грубыми, почти скульптурными мазками. Грусть и невысказанность прослеживается во взгляде уже появившихся в творчестве Врубеля чёрных глаз.

Рис. 1. «Сшествие Святого духа на апостолов». 1885 г. Коробковый свод Кирилловской церкви в Киеве

Fig. 1. “Descent of Holy Spirit on the Apostles”. 1885. Basket-Handle Arc of St. Cyril’s Church in Kiev

Рис. 2. Демон сидящий. 1890 г.
Fig. 2. The Demon Seated. 1890

Следующим обращением к данному образу станет иллюстрация к «Демону» М.Ю. Лермонтова, передавшая столь чётко данный образ, что именно это воплощение и стало наилучшим. Этих двух великих людей – М. Врубеля и М. Лермонтова, объединял поиск идеала непокорённого человека. И их Демон – это не носитель зла, а символ мятежного начала, восставший против Творца, не желающий подчиняться. Как считал сам Врубель: «Демон» значит «душа» и олицетворяет собой вечную борьбу мятущегося человеческого духа, ищущего примирения обуревающих его страстей, познания жизни и не находящего ответа на свои сомнения ни на земле, ни на небе» [4, с. 279].

И в своих иллюстрациях художник именно это и передавал при помощи выражения глаз, композиционного начала, светового решения. Врубель как бы материализует демона через мимику, позы, характер движений, создавая непреложную «формулу» героя поэмы Лермонтова.

Продолжая тему демонизации, необходимо отметить произведение «Демон поверженный» (рис. 3). Врубель считал, что он обязан сделать подобную работу. Работа над картиной, сопровождавшаяся мучительной

неудовлетворенностью его в процессе создания, да и после, стала легендой среди художников. Есть версия, что это явилось первым признаком болезни художника, и что именно это недовольство собой спровоцировало её обострение. Дело в том, что Врубель никак не мог определиться – демон находится в состоянии полёта или падения. Он никак не мог принять, что демон повержен. Этого просто не могло быть по мнению художника, потому что значит повержена его душа. Придавая философское звучание всем своим картинам, Врубель пытается объяснить содержание их прежде всего себе, объяснить *себя*, чтобы найти отклик, быть понятым.

Задуманное как один из главных образов, произведение в то же время показало и завершенность замысла. Центральная фигура падающего демона, закрывающего руками-крыльями лицо, уже не вглядывается вдаль. Он не пытается сопротивляться. Исчез и взгляд пронзительных глаз, так часто появляющийся в картинах Врубеля, это скорее отрешённый взгляд, взгляд в себя. Сведён к минимуму и любимый лиловый цвет, так как здесь практически отсутствует надежда. Скорее это воспоминание, и именно поэтому этот цвет на заднем плане.

Рис. 3. Демон поверженный. 1902 г. Государственная Третьяковская галерея
Fig. 3. The Demon Downcast. 1902. State Tretyakov Gallery

Рис. 4. Раковина-пепельница М. Врубеля «Морское ушко» (Фото автора, сделанное на персональной выставке М. Врубеля в Третьяковской галерее. 2022 г.)

Fig. 4. M. Vrubel's shell-ashtray "Abalone" (Author's photo taken at the personal exhibition of M. Vrubel in the Tretyakov Gallery. 2022)

Демон здесь уже не личность, а скорее побеждённый герой. Его существование невозможно, потому что, являясь исключительной фигурой, он не созидает, а это взаимоисключающие понятия. Герой Врубеля и поражён, но в то же время и не смирился с этим поражением. Отправляя своего персо-

нажа в бездну, художник всецело растворяет его в ней, создавая определённый вихрь, символизирующий поток мыслей и чувств автора.

Ещё одним интереснейшим произведением Врубеля является композиция под названием «Жемчужина». Данный мотив –

один из устойчивых в символической живописи. Художнику подарили раковину-пепельницу, которая стала для него совершенным творением природной формы (рис. 4). И чтобы повторить её, он создаёт свою, как бы вступая в соревнование с природой.

Данная форма настолько поразила художника, что он ставит перед собой почти невыполнимую задачу не просто воспроизвести форму, а передать и цветовое решение раковины, то есть её перламутр при помощи рисунка. «...поиски мои исключительно в области техники. В этой области специалисту нужно потрудиться, остальное всё сделано уже за меня, только выбирай» [5, с. 55].

Здесь Врубель пытается создать эффект естественности, почти 3D, выкладывая поверхностный слой маленькими кусочками бумаги, а потом прорабатывая углём и цветной пастелью разнообразными штрихами. Получается техника коллажа, где стенки его, Врубеля, раковины создаются, имитируя природное наслоение толщины стенок раковины. Цветные наклейки наползают друг на

друга, создают движение по типу воронки. И здесь раковина начинает жить своей жизнью, где, всматриваясь, возможно увидеть бездну, самый центр этой воронки, создаваемый при помощи уплотнения наклеек. Интересен и приём наложения против часовой стрелки, что очень непривычно для человеческого восприятия, но тем самым создаёт дополнительный эффект погружения. Женские фигуры на переднем плане кажутся не втянутыми в этот круговорот, находясь немного в стороне и этим подчеркивая дуалистичность мира – его подвижность и статичность одновременно.

«Жемчужина» Врубеля – это эмоциональный портрет его души, выраженный визуально (рис. 5). Здесь символически отражена мощная сконцентрированность природы в хрупкой оболочке, также как и в хрупкой оболочке человеческой души художника сосредотачивается вихрь чувств и настроений.

Последней картиной М. Врубеля стал «Шестикрылый Серафим», написанный в 1904 г. (рис. 6).

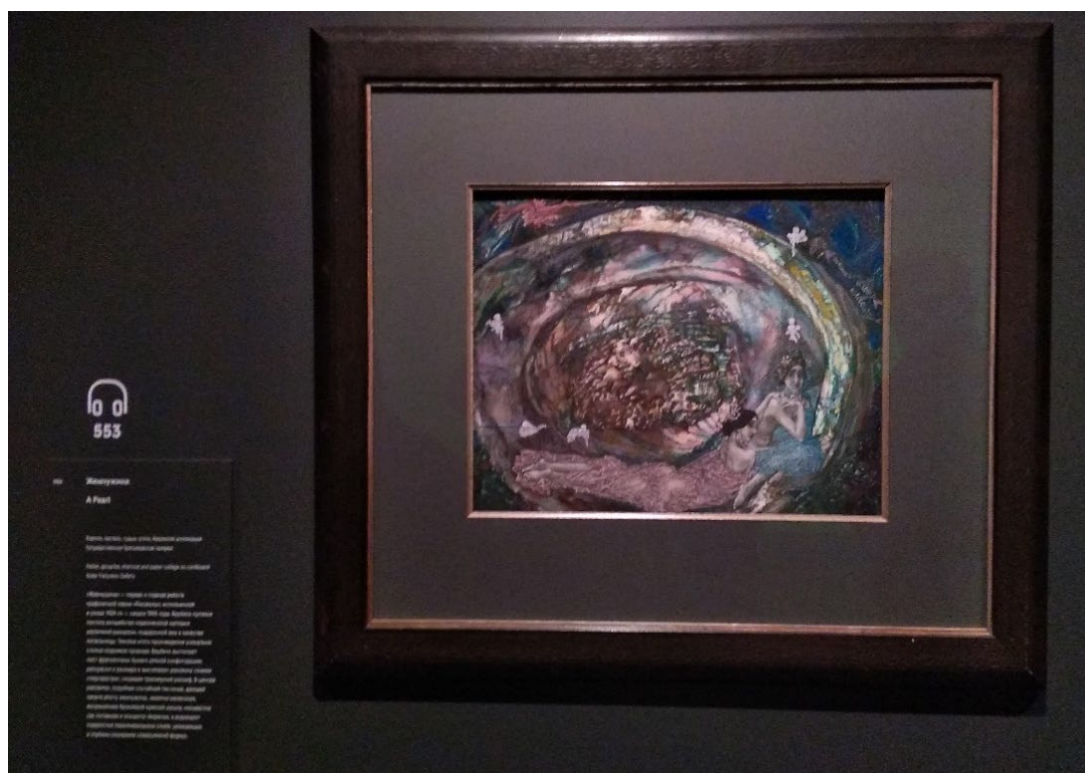

Рис. 5. «Жемчужина» Врубеля 1904 г. (Фото автора, сделанное на персональной выставке М. Врубеля в Третьяковской галерее. 2022 г.)

Fig. 5. Vrubel's "Pearl" 1904 (Author's photo taken at the personal exhibition of M. Vrubel in the Tretyakov Gallery. 2022)

Рис. 6. «Шестикрылый Серафим», 1904 г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
Fig. 6. “Six-Winged Seraph”, 1904. State Russian Museum, St. Petersburg

Художникам всегда было трудно вывести образ Серафимов, ведь они ангелы, которые стоят вокруг Бога и прикрывают одной из пар крыльев лицо, чтобы не видеть лица Бога. «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице своё, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!»³. Серафимы являются воинством Божиим, которое неустанно прославляет Бога и наказывает непослушных. Изображения Серафимов традиционно делают яркими красными красками, словно летающий огонь. В обязанность Серафимов входит оберегать Бога и разжигать любовь к нему в сердцах людей, они очищают душу Божественным огнём, вдохновляя на проповедь. Серафимы – ангелы высшего чина. Они плотно окружают Бога, полностью закрывая его своими телами, непрерывно воспевают и славят Всевышнего. Согласно иконографической традиции, Се-

рафимы изображаются так: два крыла подняты вверх, два поддерживают их в воздухе, а два закрывают их тела от взоров людей. В православной традиции они изображены с открытыми лицами.

Что же показывает нам Врубель? Его Серафим с очень строгим, практически демоническим взглядом, устремлённым вглубь души человека, он пронзает его насквозь. Чётко очерченные глаза подчёркивают яркость и пронизательность взгляда. Серафим должен изображаться как огненный, но здесь, у художника, свой огонь. Опять проявляется его лиловый оттенок, который заменяет ему пламень и огонь иконографии. В сочетании с твердыми, почти скульптурными мазками жёлтого, голубого и других тонов, получается эффект горения. Золотой венец Серафима подчёркивает его значимость и царственность над душами человеческими. В руке у него меч. Опять отступление, но в рамках трактовки самого образа – он может покарать. Он правая рука Бога, воплощение воли его. Центральное место занимает непо-

³ Библия. М.: ЭКСМО, 2017. С. 684. Ис. 6: 2-3.

средственно лик Серафима, он притягивает внимание своей чистотой и своим пристальным взглядом, находясь в потоке света, окружающего его. И здесь опять сталкиваются два метафорических образа – статичность и движение. Серафим вечен, но находится в потоке огня, окружающего его.

В этой работе соединилось многое из того, что Врубель пытался воплотить в своём творчестве. Мятущуюся душу и постоянство образа, яркость цвета и монохромность, свечение и темноту, и всё это постоянного переосмысления себя, в попытке понять себя, чтобы донести при помощи своих работ до каждого то, что понял он.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы можем сказать о том, что творчество М.А. Врубеля очень сложно и многогранно. Используя современный подход с точки зрения архитектоники к изучению его творчества, можно понять особенности произведений художника. Отметим, что под архитектурой, применительно к живописи, мы будем понимать возможности сочетания частей внутри одного целого, а также их соотношение, определяющее общую канву не только произведения, но и творчества художника в целом. «Высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное архитектурно-значимое противопоставление Я и другого. Два принципиально различных, но соотносимых между собою ценностных центра знают жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [6, с. 10].

Начав рассмотрение творчества Врубеля с его работ, посвящённых церковному искусству, а именно фреске, мы увидели, что именно там появляются первые детали его техники,

которые будут использованы в дальнейшем. В своём творчестве художник очень зависел от природы, природы, черпая из неё образы, соотнося их со своим видением. Так как живописец углублялся в мельчайшие детали, рассматривая тонкости планов, его природа была необычной, где-то фантастичной, показанной в незнакомом зрителю аспекте.

Такое соотношение фантастического и реального явно проглядывается в «Сидящем демоне», «Жемчужине». Не только сюжет как в «Демоне», но и природное начало как в «Жемчужине» фантастичны. Необычна техника, похожая на скульптурные изображения. Цвет, так явно проглядывающий в первом «демоне», почти исчезает в последнем подобном образе, он трансформируется – и это тоже имеет своё объяснение у Врубеля. Композиционно картины тоже очень интересны. Образы выходят за пределы пространства картины, им мало того, которое предлагается, они его раздвигают. Картины как бы передают трёхмерное пространство, которое как бы сжато, но туда помещаются достаточно объёмные образы, которые сразу обволакиваются этим пространством.

Все эти моменты, которые были затронуты: цвет, композиция, пространство, всё это является отражением внутренней напряжённой работы художника, его попыткой переосмыслить действительность, себя, чтобы смочь объяснить это «читателям».

«Подлинная стихия Врубеля – молчание, тишина, которую, кажется, можно слышать. В молчание погружён его мир. Он изображает моменты неизречённые, чувства, которые не уместаются в слова» [3, с. 104].

Михаил Врубель является уникальным художником эпохи модерна, в творчестве которого «время выразилось в самое красивое и самое печальное, на что оно только было способно» [7, с. 410].

Список источников

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2014. 1376 с.
2. Никольская Т.М. Использование принципов семиотического анализа для изучения произведений живописи в вузе (на примере творчества Э. Мунка) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 85-93. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6\(170\)-85-93](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-85-93)
3. Дмитриева Н.А. Михаил Врубель: Жизнь и творчество. М.: Дет. лит., 1988. 140 с.
4. Попова Л.В. Демоническое в творчестве М.А. Врубеля // Знание. Понимание. Умение. М., 2013. № 4. С. 278-282.

5. Коган Д.З. М.А. Врубель. М.: Искусство, 1980. 350 с.
6. Норенков С.В., Крашенинникова Е.С. Архитектоническое искусство: культура проектного творчества. Н. Новгород: Полиграфический центр ННГАСУ, 2019. 294 с.
7. Бenuа А. Врубель (Речь. № 91. 3 апреля 1910 г.) // Бenuа А.Н. Художественные письма. 1908–1917. Газета «Речь». Т. 1. 1908–1910. СПб., 2006.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2014, 1376 p. (In Russian).
2. Nikolskaya T.M. Ispol'zovaniye printsipov semioticheskogo analiza dlya izucheniya proizvedeniy zhivopisi v vuze (na primere tvorchestva E. Muncha) [The use of principles of semiotics analysis to study the paintings in the university (basing on the example of E. Munch's work)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 85-93. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6\(170\)-85-93](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-85-93). (In Russian).
3. Dmitriyeva N.A. *Mikhail Vrubel': Zhizn' i tvorchestvo* [Mikhail Vrubel: Life and Work]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1988, 140 p. (In Russian).
4. Popova L.V. Demonicheskoye v tvorchestve M.A. Vrubelya [The “Demonic” IN M.A. Vrubel's oeuvre]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 4, pp. 278-282. (In Russian).
5. Kogan D.Z. *M.A. Vrubel'* [M.A. Vrubel]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980, 350 p. (In Russian).
6. Norenkov S.V., Krashennnikova E.S. *Arkhitektonicheskoye iskustvo: kul'tura proyektnogo tvorchestva* [Architectonic Art: the Culture of Design Creativity]. Nizhny Novgorod, Printing Center of NNGASU, 2019, 294 p. (In Russian).
7. Benua A. Vrubel' (Rech'. № 91. 3 aprelya 1910 g.) [Vrubel (Speech. No. 91. April 3, 1910)]. In: Benua A.N. *Khudozhestvennyye pis'ma. 1908–1917. Gazeta «Rech'». T. 1. 1908–1910* [Artistic Letters. 1908–1917. Newspaper “Speech”. Vol. 1. 1908–1910]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Информация об авторе

Никольская Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социокультурных проектов, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-1525-3161](https://orcid.org/0000-0002-1525-3161), timnik2004@mail.ru

Вклад в статью: разработана общая концепция статьи, проведён поиск и анализ литературы по теме статьи, обобщён теоретический и практический опыт исследователей в данной области, проведены изучение источника материала и анализ полученных результатов, осуществлено написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 20.03.2022
Одобрена после рецензирования 27.05.2022
Принята к публикации 24.06.2022

Information about the author

Tatyana M. Nikolskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Social Cultural Projects Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-1525-3161](https://orcid.org/0000-0002-1525-3161), timnik2004@mail.ru

Contribution: study main concept is developed, literature search and analysis on the topic of work is carried out, theoretical and practical experience of researchers in this field is summarized, the source of the material is studied and the results are analyzed, manuscript drafting and design is carried out.

The article was submitted 20.03.2022
Approved after reviewing 27.05.2022
Accepted for publication 24.06.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81:811.111:008

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-652-662

«Говорящая» одежда как новый способ коммуникации: манифестация английского языка в российской действительности в условиях постмодернизма

Алла Эдуардовна ЕФРЕМОВА

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Российская Федерация, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

✉ allapersona@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен феномен ведения коммуникации через нанесение надписей на одежду. Спецификой данного феномена является растущая популярность английского языка в России, глобализация его использования в разных целях и видах, в том числе способом нанесения надписей на одежду на английском языке для российского потребителя. Данный феномен впервые изучается в ракурсе взаимодействия языка и культуры в условиях постмодернизма как один из новых способов коммуникации глобального масштаба, способа распространения и популяризации английского языка в России, способа визуального языка – передачи сообщений, смыслов, разных видов вербального и невербального при использовании технологий цифровой печати на ткани. Предпринята попытка осмысления данного способа передачи текста через теорию координированного управления смыслами Барнетта Пирса и Вернона Кронена, теорию коммуникации Н. Лумана, пятиступенчатую модель коммуникации Г. Лассуэлла; описаны особенности развития коммуникативной среды современного общества и выявлены сходные черты данного способа общения и коммуникации в интернет-среде.

Ключевые слова: новый способ коммуникации, постмодернизм, английский язык, цифровая печать, одежда, визуальный язык, текст

Для цитирования: Ефремова А.Э. «Говорящая» одежда как новый способ коммуникации: манифестация английского языка в российской действительности в условиях постмодернизма // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 652-662. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-652-662>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

“Talking” clothing as a new way of communication: the manifestation of English language in Russian postmodernism reality

Alla E. EFREMOVA

Transbaikal State University

30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Transbaikal Region, Russian Federation

✉ allapersona@mail.ru

Abstract. We consider the phenomenon of conducting communication process through the inscriptions on clothing. The specific feature of this phenomenon is the growing popularity of the English language in Russia, the globalization of its use for various purposes, including the way of writing texts on clothing in English for the Russian consumer. For the first time this phenomenon is studied in the perspective of the interaction of language and culture in the conditions of postmodernism as one of the new ways of communication on a global scale, a way of spreading and popularizing the English language in Russia by the method of visual language – transmitting messages, meanings, different types of verbal and non-verbal when using digital printing technologies on fabric. We make an attempt to understand this method of text transmission through the coordinated management of meaning theory by Barnett Pearce and Vernon Cronen, the theory of communication by N. Luhmann, the five-stage model of communication by H. Lasswell. Common features of the communication development both via the Internet and using this method of text transmission are revealed.

Keywords: new way of communication, postmodernism, English language, digital printing, clothing, visual language, text

For citation: Efremova A.E. «Govoryashchaya» odezhda kak novyy sposob kommunikatsii: manifestatsiya angliyskogo yazyka v rossiyskoy deystvitel'nosti v usloviyakh postmodernizma [“Talking” clothing as a new way of communication: the manifestation of English language in Russian postmodernism reality]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 652-662. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-652-662> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ (НОВИЗНА И АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ)

Коммуникация – неотъемлемая составляющая жизни человека. При современном развитии способов коммуницирования в обществе происходит возникновение новых видов и рост способов ведения коммуникации. Новые технологии печати, производства и даже потребления информации позволяют не только увеличивать масштабы привычных способов передачи информации и общения, но и, применяя новые технологии, создавать новое поле, площадку для размещения вербальной или визуальной информации для её

передачи коммуниканту. В последнее время в этой связи по большей части проводятся исследования использования сети Интернет как новой среды для распространения информации. Однако в нашем исследовании впервые будет затронута пока не исследованная тема – «говорящая одежда» как площадка вербального и невербального общения и размещения информации – феномен передачи некоего посыла, фразы, речевых мотиваторов, демонстрации обществу культурных реалий через нанесение надписей на видные места носимой одежды и обуви. Одежда и обувь в таком случае становятся «говорящим объектом», визуальным языком, а носимый –

площадкой, через которую носящий и демонстрирующий надписи или картинки передаёт некие смыслы, речевые интенции обществу, способствует их распространению, делится изображёнными реалиями, которым он симпатизирует, со сверстниками или любыми другими потребителями визуального контента, обществом в целом. Данный феномен впервые изучается как феномен «говорящей по-английски одежды» в ракурсе взаимодействия языка и культуры в эпоху глобализации как новый способ коммуникации, возникший в эпоху расцвета цифровой печати.

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является рассмотрение надписей на одежде на английском языке как нового способа коммуникации глобального масштаба, как феномена передачи разных видов вербального и невербального с точки зрения взаимодействия языка и культуры постмодерна, исследование процесса коммуникации и выявление его особенностей в условиях современной цифровой цивилизации (а именно при использовании метода цифровой печати на ткани).

При изучении проблемы применялись следующие методы исследования: вторичный анализ, синтез и классификация данных, которые были получены отечественными и зарубежными исследователями при анализе коммуникативной и информационной среды, эмпирический (в качестве эмпирического материала использовался контент, собранный автором способом фотографирования в магазинах, на улицах и при личном общении). Применялась теория координированного управления смыслами Барнетта Пирса и Вернона Кронена, теория коммуникации Н. Лумана, а также рассматривалась парадигма теоретического осмысления коммуникации Г. Лассуэлла в приложении данных теорий к новому способу коммуникации через демонстрацию надписей на одежде.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен «говорящей одежды» – размещение надписей на одежде для публичного обозрения – можно рассматривать сродни

публикации текста в сети Интернет по сходству глобальности масштабов и нахождения реципиентов, отсутствию границ и, как следствие, возможности демонстрации и быстрого распространения информации. Одежду в ракурсе особой коммуникативной среды, площадки для размещения текстов, вслед за интернет-средой, по нашему мнению, можно также считать особым информационным, социальным, лингвистическим пространством. Также за отправную точку в данном исследовании было взято положение Н. Лумана о том, что «культура развивается благодаря изменениям в технике коммуникации в новых условиях» [1, с. 46; 2].

В подавляющем большинстве случаев производители выбирают в качестве языка размещения надписей на одежде для российского рынка (для опосредованного общения через одежду) английский язык. Выбор английского языка, предлагаемого для потребителей в России, по всей видимости, обусловлен его глобальным распространением и, как следствие, признанием российского потребителя априори способным понять смысл, оценить игру слов, лаконичность выражения мысли, юмор на английском языке, что часто встречается в публичных текстах – надписях на одежде. Или, напротив, может предьявляться на обозрение надпись, которая понятна узкому кругу людей в силу своей специфики, фоновых знаний или контекста, то есть нацеленна на выборочных реципиентов/коммуникантов, создавая эффект закрытого круга/клуба общения. Это доказывает, что за английским языком в российской действительности признаётся определённая рекламная сила, признаётся его роль как языка глобального общения или дифференцирующего круг общения на понимающих и непонимающих (парадигма «свой/чужой»), что может быть значимым для подростков и молодёжи. Кроме того, в последнее время английский язык в России часто является языком городских вывесок, указателей, интерьерных и сувенирных надписей, декора, чем подтверждаются глобализационные процессы инкорпорации английского языка и культуры англоязычного мира в российскую действительность, которыми являются: а) языковая гибридизация; б) социокультурная гибридизация; в) глобанглизация [3; 4].

Относительно особенностей развития коммуникативной среды современного общества В.А. и С.В. Михайловы пишут, что «...Технологии вообще, и коммуникационные технологии в том числе, являются «продолжением» и «расширением» человеческих органов и психики» [5, с. 34]. В этом смысле одежду (как своеобразное продолжение человеческих органов и психики) можно рассматривать как особую форму массовой коммуникации в эпоху постмодерна, которая в связи с развитием технологии цифровой печати стала новым способом коммуникации, передачи информации и приобрела некоторые черты интернет-среды: интерактивность, глобальность, креативность, мозаичность, гипертекстуальность. Вышеперечисленные черты, но в отношении интернет-среды были описаны В.А. и С.В. Михайловыми. Считаем возможным выделить схожие черты при осмыслении способа коммуникации через чтение надписей на одежде и обуви:

- интерактивность (специфика и особый характер социального общения – у того, кто читает надпись на одежде, есть возможность непосредственно среагировать, вступить в общение, прокомментировать или самостоятельно размышлять над смыслом написанного либо выразить эмоцию улыбкой, удивлением, жестом);

- глобальность (новое, расширяющееся количество реципиентов информации, потенциально необъятное их умножение: если условно взятый коммуникант, в условно взятый день, добираясь на работу/учёбу, ехал на общественном транспорте, шёл по центральной улице, находился в условном учебном/рабочем коллективе, заходил в магазин и прочее, то за день он мог набрать просматриваемость надписей на своей одежде в пределах 500–1000 и более человек, в зависимости от населённого пункта);

- креативность («инсценировка собственной индивидуальности через различные самопрезентации» в виде надписей, принтов [6, с. 62]);

- мозаичность (при чтении надписей на одежде можно отметить отсутствие упорядочивающего центра, фрагментарный дискурс);

- гипертекстуальность (распылённость текста по коммуникативному пространству; применение при осмыслении надписей

сложных нелинейных (ассоциативных, интуитивных) структур).

В рамках коммуникативистики Барнеттом Пирсом (Barnett W. Pearce) и Верноном Кроненом (Vernon E. Cronen) была разработана теория координированного управления смыслами (ТКУС) [7; 8]. Их теория – это результат переосмысления и синтеза многих современных концепций коммуникации, а самой коммуникации исследователи отводят роль института создания и формулирования социальных смыслов, то есть предлагается интерпретировать коммуникацию как процесс формирования социальных смыслов за счёт координации между участниками взаимодействия. К этому подводит постмодернистское представление о смысле коммуникации как о результате взаимодействия между авторами, читателями, слушателями текстов [9]. В настоящее время ТКУС активно используется для изучения межкультурной коммуникации, публичного дискурса и межличностного взаимодействия, а также при анализе маркетинговой коммуникации, где одежда с надписями может считаться инструментом, маркетинговым ходом, нацеленным на потребителя.

Б. Пирс и В. Кронен выделили несколько разновидностей так называемых узлов историй при коммуникации, которые характеризуют взаимосвязь между текстом и контекстом, что в случае осмысления надписей на носимой одежде весьма актуально: в зависимости от места и времени демонстрации надписей прослеживаются узлы, когда 1) текст и контекст взаимно обусловлены, 2) текст и контекст обесмысливают друг друга, 3) текст и контекст трансформируются друг в друга. Например, на наш взгляд, к узлам первого и второго типа можно отнести надпись от производителя на мужской рубашке, пристроенную внизу на незаметном месте “Thank you / for buying me” (рис. 1а, 1б) – «Спасибо за то, что купили меня», в которой вторая часть («за то, что купили меня») скрыта и находится с изнаночной стороны. В таком случае создаётся эффект «тайного разговора одежды с покупателем» в определённом контексте: если надпись случайно обнаруживается дома, когда одежда уже куплена, то это можно классифицировать как первый тип узла истории: текст и контекст взаимно обу-

словлены. Если продолжение надписи («за то, что купили меня») обнаруживается с изнанки рубашки при осмотре вещи в магазине, то можно идентифицировать второй тип узла коммуникации: текст и контекст обесмысливают друг друга, так как рубашка ещё не куплена, но использован маркетинговый ход «секретного послания, разговора одежды с потребителем».

Ключевой инструмент в теории координированного управления смыслами представляет собой модель LUUUTT [10, с. 21], используемая для толкования рассказанных историй. Б. Пирс и В. Кронен выделили шесть типов историй и связанных с нарративом процессов (Lived Stories – прожитые истории, Unknown – неизвестные, Untold – нерассказанные, Unheard – неслышанные, Told – рассказанные, Telling (Storytelling) – рассказывание, разыгрывание повествования). Два последних типа можно соотносить к типам текстов на предметах одежды как варианты мини-историй, которые либо рассказаны, преподносятся как факт и имеют объяснительные паттерны, используемые людьми для того, чтобы осознать смысл прожитых историй (Told), либо демонстрирующие дискурс в реальном времени с разыгрыванием повествования, то есть рассказывание (Storytelling). Примерами текстов данных моделей могут служить следующие:

1. Told – осмысление прожитых историй.

1.1. Since June 1973. Limited edition. 48 years of being awesome. Кто родился в июне 1973, тот «выпущен» на этот свет ограниченной серией и уже 48 лет прибывает в этом мире чудесным классным созданием (рис. 2).

1.2. Sorry, I missed your call... I was on my other line. Decline. Accept. Remind me. Прости, что пропустил твой звонок (вызов). Я был на другой линии. Отклонить звонок. Принять. Напомнить мне (рис. 3).

1.3. I remember you used to love me. Я помню, как ты раньше любил меня (надпись на видимом месте на рукаве, возникает эффект разговора куртки с человеком) (рис. 4).

2. Storytelling – рассказывание; разыгрывание повествования.

2.1. She loves you / With a love like that / You know you should be glad / Because she loves you. Она любит тебя. С такой любовью как эта, знаешь ли, ты должен быть счастливым,

потому что она действительно любит тебя (рис. 5).

Рис. 1а. “Thank you”. Фото автора
Fig. 1a. “Thank you”. Author’s photo

Рис. 1б. “for buying me”. Фото автора
Fig. 1b. “for buying me”. Author’s photo

Рис. 2 / Fig. 2. Since June 1973. Источник фото / Source photo: <https://i.pinimg.com/736x/7a/b0/2e/7ab02e20eadce872b3d706764f6a5f61.jpg>

Рис. 3 / Fig. 3. Sorry, I missed your call. Источник фото / Source photo: <https://besteestores.com/wp-content/uploads/2020/06/ Sorry-I-Missed-Your-Call-I-Was-On-My-Other-Line-Unisex.png>

Рис. 4 / Fig. 4. I remember you used to love me. Фото автора / Author's photo

2.2. Необычная коммуникативная ситуация – инструкция по стирке и уходу за пуховиком из гусиного пуха, написанная в виде комикса от имени гуся, то есть одежда «разговаривает» с потребителем посредством картинки-комикса: “Easy to wash! I wash in a mild soap. I rinse well... and dry in an aerated

spot. Easy to dry clean! Oh, I'm very dirty. What can I do? I'd like to have a bath with @. And I'm fine again!” «Я легко стираюсь. Я моюсь с использованием мягких моющих средств. Я легко ополаскиваюсь и сохну в проветриваемом месте. Я легко переношу сухую чистку. Ой, я очень грязный. Что же мне делать?! (обращается к девочке) Я бы хотел принять ванну с пеной. Ну вот, я опять в порядке!» (рис. 6а, 6б, 6в).

2.3. I just want to work in my garden and hang out with my chickens. Я просто хочу поработать в саду (заниматься своим огородом) и тусоваться с моими курочками (рис. 7).

2.4. I am not a morning person. Heartbreaker. Risk taker. Dream maker. Утром я ни на что не годен. Однако ж Сердцеед. Сорвиголова. Выдумщик (рис. 8).

2.5. Необычная коммуникативная ситуация: экологический текст на спортивной кофте и брюках от производителя, информирующий о стадиях производства: “These track pants are colored with an environmentally friendly dye, created using a recycled water system. The fabric is made from recycled and organic cotton mix”. Эти спортивные штаны покрашены краской, не наносящей вред окружающей среде, созданной с использованием системы переработки воды. Материал сделан из смеси переработанного и органического хлопка» (рис. 9).

Рис. 5 / Fig. 5. She loves you. Фото автора/ Author's photo

а)

б)

в)

Рис. 6. Инструкция по уходу за одеждой в виде картинки-комикса. Фото автора
Fig. 6. Instructions for the care of clothes in comic picture form. Author's photo

Для анализа данного паттерна коммуникации (нанесение, демонстрация текста для публики на одежде) может быть применима пятиступенчатая модель теории коммуникации Гарольда Лассуэлла [11]. Г. Лассуэлл выдвинул основные положения своей теории в 1948 г., когда условия и технические средства, как посредники коммуникации, были иными и касались более традиционных на тот момент средств массовой информации, однако для анализа процесса распростране-

ния информации её можно применить и к меняющимся реалиям, к появляющимся новым способам коммуникации. Согласно Г. Лассуэлли, любой акт коммуникации можно поделить на пять элементов: коммуникатор, информация, средство массовой информации, аудитория и влияние информации на данную аудиторию. Другими словами, к любому коммуникативному акту применима пятивопросная модель: 1) кто говорит? 2) что говорит? 3) по какому каналу?

Рис. 7 / Fig. 7. I just want to work in my garden. Источник фото / Source photo: http://canary.contesting.wish.com/api/webimage/5944de5eee27b356ea09a11b-0feed?cache_buster=1c9718d9493ced627afcc81551f49643&cozy=1

Рис. 8 / Fig. 8. I am not a morning person. Фото автора / Author's photo

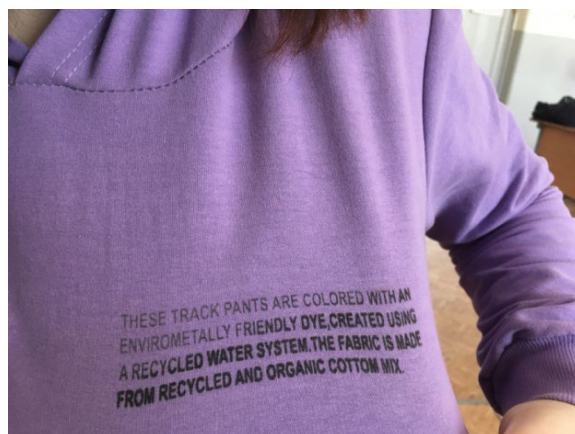

Рис. 9. Экологический текст на спортивной одежде. Фото автора

Fig. 9. Ecological text on sportswear. Author's photo

4) кому? 5) с каким эффектом? Изменение способов и средств общения и передачи информации отражается на характеристиках этих пяти элементов. В случае с «говорящей одеждой» несколько меняется роль коммуникатора (кто говорит), она становится трансформированной за счёт специфики контекста, так как в случае с «говорящей одеждой» коммуникатор придаёт огласке текст без применения речевого акта как такового. Во-вторых, роль становится разнообразной, так как отправителем текста в массы может быть организация (надпись от третьего лица, производитель общается с потребителем через одежду) или отдельный человек (надпись от первого лица, потребитель общается с обществом). Второй элемент модели – «что говорит» – меняется за счёт появления новых реалий, тем, рем. Считаем возможным добавить в эту модель шестой элемент – «как говорит?», то есть а) с использованием какого языка, который может меняться от поколения к поколению в зависимости от трендов языковой и культурной глобализации (в настоящее время таковым выступает английский язык); б) каким типом текста (ребусное написание, сленговое, креолизированным текстом и пр.). Элемент «по какому каналу происходит общение» в данном случае также является новым со времени формулирования теории Г. Лассуэлла в связи с развитием промышленности и технологии цифровой печати на разных поверхностях, в том числе

за это время широкое распространение получили надписи на одежде. Следующий элемент модели – «кому говорит» – получает новое развитие в связи с развитием транспорта, мобильности, возможностей перемещения так, что носитель текста может за короткий временной промежуток передать информацию, продемонстрировать текст множеству реципиентов. Отсюда вытекает трансформация элемента «с каким эффектом говорит» – из-за изменения, кратного увеличения реципиентов происходит умножение эффекта и его диверсификация за счёт разнообразия контекста, в котором демонстрируется текст.

Все эти элементы могут существовать в пределах коммуникации разных социальных групп, причудливым образом смешанных контекстов, что характерно для постмодернистской эпохи. «Представление о том, что в основе всех социальных миров лежит процесс рассказывания историй, перекликается с постмодернистским видением реальности» [10, с. 21].

При исследовании вопросов информатизации, современного общества и культуры отмечается, что в отличие от народной и элитарной, массовая культура расширяет сферу влияния и становится доминирующим типом культуры. Говоря об информационном обществе, исследователи указывают на радикальные трансформации в жизни общества, обращая внимание на то, что глобальным изменениям подвергаются как модели потребления информации, так и способы её распространения [12]. С этими факторами можно

связать популярность данного феномена – моду на одежду и обувь с надписями и принтами – как одно из проявлений трендов современности в силу доминирования массовой культуры в сочетании с неординарностью, а порой и причудливостью способов распространения текста и потребления информации.

ВЫВОДЫ

В нашем исследовании был подвергнут анализу такой процесс коммуникации, как демонстрация надписей на одежде в попытке считать его одним из новых способов общения, который стал возможен в современном цифровом обществе за счёт глобального распространения информации (наряду со средой Интернет), за счёт развития технологий цифровой печати и промышленности, выявлены его сходные черты с передачей информации через Интернет. Обосновано применение в подавляющем большинстве случаев английского языка для данных целей на территории России, что доказывается эмпирическим путём, исходя из процессов глобализации и коммерческих запросов общества. Предпринята попытка применить к данному процессу коммуникации (демонстрация надписей на одежде) коммуникативные теории и положения Г. Лассуэлла, Н. Лумана, Б. Пирса и В. Кронена. Перспективным представляется классифицировать тип и функцию текста при демонстрации на одежде, а также определить роль данного коммуникативного паттерна в обществе.

Список источников

1. Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с нем. А.М. Ложеницина; под ред. Н.А. Головина // Проблемы теоретической социологии / отв. ред. А.О. Бороноев. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 292 с.
2. Головин Н.А., Петренко П.А. Теория социальной коммуникации Н. Лумана в эволюционно-коммуникативной перспективе // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2012. Вып. 1. С. 159-167.
3. Михина А.Э. Английский язык и тренды англоязычных стран в глобальных процессах межкультурного и межъязыкового взаимодействия в России // Нефилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 393-403. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-393-403>
4. Кабакчи В.В. Глобализация, «глобанглизация» и вторая волна билингвизма в России // Университетское переводоведение: материалы 11 Междунар. науч. конф. по переводоведению «Фёдоровские чтения». СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. С. 177-186.
5. Михайлов В.А., Михайлов С.В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 34-52.

6. *Иевс О.Н.* Слоган на одежде: история, сущность и функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. С. 59-64.
7. *Pearce W.B.* Making social worlds: a communication perspective. Malden, MA, Oxford: Blackwell, 2007. 272 p.
8. *Cronen V.E.* Coordinated Management of Meaning: Practical Theory for the Complexities and Contradictions of Everyday Life // The Status of common sense in psychology / ed. J. Siegfried. Norwood, NJ: Ablex Press, 1994. P. 183-207.
9. *Ионова О.Е.* Конструирование социальной реальности в теории координированного управления смыслообразованием // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4 (13). С. 130-135.
10. *Ионова О.Е.* Социальное конструирование смыслов в теории координированного управления смыслообразованием: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 25 с.
11. *Тихомирова Е.И.* Теория коммуникации и новые медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25). С. 218-221.
12. *Пильгун М.А., Дзялошинский И.М.* Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты // Вопросы психолингвистики. 2017. № 32. С. 134-143.

References

1. Luman N. Neveroyatnost' kommunikatsii [The incredibility of communication]. *Problemy teoreticheskoy sotsiologii. Vyp. 3* [Problems of Theoretical Sociology. Issue 3]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2000, 292 p. (In Russian).
2. Golovin N.A., Petrenko P.A. Teoriya sotsial'noy kommunikatsii N. Lumana v evolyutsionno-kommunikativnoy perspektive [Theory of social communication of N. Luhmann from the evolutionary-communicative perspective]. *Vestnik SPbGU. Ser. 12 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12*, 2012, no. 1, pp. 159-167. (In Russian).
3. Mikhina A.E. Angliyskiy yazyk i trendy angloyazychnykh stran v global'nykh protsessakh mezhdul'turnogo i mezh'yazykovogo vzaimodeystviya v Rossii [The English language and trends of English-speaking countries in the global processes of crosscultural and interlinguistic interaction in Russia]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 393-403. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-393-403>. (In Russian).
4. Kabakchi V.V. Globalizatsiya, «globanglizatsiya» i vtoraya volna bilingvizma v Rossii [Globalization, “Globanglization” and the second wave of bilingualism in Russia] *Materialy 11 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po perevodovedeniyu «Fedorovskiye chteniya» «Universitetskoye perevodovedeniye»* [Proceedings of the 11th International Scientific Conference on Translation Studies “Fedorov Readings” “University Translation Studies”]. St. Petersburg, Philology Faculty of Saint Petersburg State University Publ., 2011, pp. 177-186. (In Russian).
5. Mikhaylov V.A., Mikhaylov S.V. Osobennosti razvitiya informatsionno-kommunikativnoy sredy sovremennogo obshchestva [Features of the development of the information and communication environment of modern society]. *Aktual'nyye problemy teorii kommunikatsii* [Current Issues of Communication Theory]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2004, pp. 34-52. (In Russian).
6. Ivus O.N. Slogan na odezhde: istoriya, sushchnost' i funktsionirovaniye [Slogan on clothes: history, essence and functioning]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, Tambov, Gramota Publ., 2012, no. 6, pp. 59-64. (In Russian).
7. Pearce W.B. *Making social worlds: a communication perspective*. Malden, Massachusetts, Oxford, Blackwell Publ., 2007, 272 p.
8. Cronen V.E. Coordinated Management of Meaning: Practical Theory for the Complexities and Contradictions of Everyday Life. *The Status of Common Sense in Psychology*. Norwood, New Jersey, Ablex Press, 1994, pp. 183-207.
9. Ionova O.E. Konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti v teorii koordinirovannogo upravleniya smysloobrazovaniyem [Construction of social reality in the theory of coordinated control of sense formation]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 4 (13), pp. 130-135. (In Russian).
10. Ionova O.E. *Sotsial'noye konstruirovaniye smyslov v teorii koordinirovannogo upravleniya smysloobrazovaniyem: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Social Construction of Meanings in the Theory of Coordinated Management of Meaning Formation. Cand. sociol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2010, 25 p. (In Russian).

11. Tikhomirova E.I. Teoriya kommunikatsii i novyye media [Communication theory and new media]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya – Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2017, no. 3 (25), pp. 218-221. (In Russian).
12. Pilgun M.A., Dzyaloshinskiy I.M. Kul'tura kommunikatsiy v usloviyakh tsifrovoy i sotsiokul'turnoy globalizatsii: global'nyy i regional'nyy aspekty [Culture of communications in the conditions of digital and socio-cultural globalization: global and regional aspects]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2017, no. 32, pp. 134-143. (In Russian).

Информация об авторе

Ефремова Алла Эдуардовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Забайкальский край, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-8064-441X](https://orcid.org/0000-0001-8064-441X), allapersona@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературы, наблюдение и анализ полученного фактического материала, фото, сбор и подготовка иллюстраций, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 22.07.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
25.04.2022
Принята к публикации 20.05.2022

Information about the author

Alla E. Efremova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department, Transbaikal State University, Chita, Transbaikal Region, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-8064-441X](https://orcid.org/0000-0001-8064-441X), allapersona@mail.ru

Contribution: idea, literature analysis, received factual material observation and analysis, photo, illustrations collection and preparation, manuscript drafting and design.

The article was submitted 22.07.2021
Approved after reviewing and revision 25.04.2022
Accepted for publication 20.05.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

РЕЦЕНЗИЯ REVIEW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-95

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-663-672

Итоговая реплика о Замятине: точка или бесконечный диалог? О монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника»

Елена Викторовна БОРОДА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ lenavladim@rambler.ru

Аннотация. Статья представляет собой обзорный анализ итогового труда известного замятиноведа. Цель исследования – представить роль данной монографии в современном литературоведении. В соответствии с целью выявлено значение историософского подхода для исследования произведений русской литературы, в частности творчества Евгения Замятина, обоснована целесообразность и универсальность именно такого подхода. Итогом приведённого исследования может служить вывод о значении в истории русской литературы не только названной монографии, но и личности самого исследователя.

Ключевые слова: Евгений Замятин, Л.В. Полякова, историософия, история литературы, литературный процесс

Для цитирования: *Борода Е.В.* Итоговая реплика о Замятине: точка или бесконечный диалог? О монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 663-672. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-663-672>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The final remark about Zamyatin: point or endless dialogue? About L.V. Polyakova's monograph "Y.I. Zamyatin's Prose: historiosophical searches of the artist"

Elena V. BORODA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ lenavladim@rambler.ru

Abstract. The work is a review analysis of the final work of the famous Zamyatinologist. The purpose of the study is to present the role of this monograph in modern literary criticism. In accordance with the goal, the significance of the historiosophical approach for the study of works of Russian literature, in particular the work of Yevgeny Zamyatin, is revealed, the expediency and universality of just such an approach is substantiated. The result of the above study can be a conclusion about the significance in the history of Russian literature not only of the named monograph, but also of the personality of the researcher himself.

Keywords: Yevgeny Zamyatin, L.V. Polyakova, historiosophy, literary history, literary process

For citation: Boroda E.V. Itogovaya replika o Zamyatine: tochka ili beskonechnyy dialog? O monografii L.V. Polyakovoy «Proza E.I. Zamyatina: istoriosofskiye iskaniya khudozhnika» [The final remark about Zamyatin: point or endless dialogue? About L.V. Polyakova's monograph "Y.I. Zamyatin's Prose: historiosophical searches of the artist"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 663-672. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-663-672> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Появление в научном мире объёмного обобщающего исследования – это всегда событие. Тем более когда обобщение вырисовывается не конечной точкой, а многоточием, а ещё лучше – знаком вопроса, призывом к обсуждению. Именно такова вышедшая весной 2022 года в Тамбове монография известного учёного, замятиноведа, доктора филологических наук, профессора Ларисы Васильевны Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника». Издание такого характера и подобного масштаба делает честь и Издательскому дому «Державинский», выпустившему монографию в свет, и Тамбовскому государственному университету им. Г.Р. Державина, тамбовской литературоведческой школе и замятиноведению в целом.

Известно, что уже в конце мая, при поступлении монографии в Научную библи-

отеку Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, она была зарегистрирована в фондах Фундаментальной библиотеки (интеллектуального центра этого вуза и России), внесена в бумажный и электронный каталоги. И сразу посыпались живые отклики. «Труд мощный, монументальный», «многотомная эпопея, собранная в одну книгу», «путеводитель по замятиноведению», «летопись литературоведческого бытования Евгения Ивановича» (проф. А.И. Ванюков, проф. М.А. Хатямова, проф. Н.Н. Комлик) – во всех этих восторженных эпитетах отражено общее впечатление об исследовании, ставящее его в разряд фундаментальных.

В монографии Л.В. Поляковой удивительным образом сочетаются точность оценки творческого наследия Евгения Замятина, его художественной системы, достижений и

поисков писателя, – с необыкновенно глубоким, внутренним, личным отношением не только к образу художника, но и к литературным процессам, в которые он был вовлечён. Но назвать это субъективной оценкой нельзя: очень мощная доказательная база. Л.В. Полякова вообще отличается пунктуальностью и скрупулёзностью в цитировании источников, исследовательских, публицистических или художественных. Так, безусловно, проявляется чувство ответственности учёного перед читателями и перед теми, кто процитирован.

Призыв к полемике – ещё одна черта творческого почерка профессора Поляковой. Её труды, в том числе и названный, – всегда приглашение к обсуждению проблем, отвечающее глубинному стремлению учёного к поиску истины в открывающихся тайнах творчества такого сложного и многогранного писателя, как Замятин. Каждая глава монографии, каждый параграф – не просто концентрат на проблеме, не просто констатация фактов или обозначения «болевых точек» – но демонстрация живой мысли. Не иллюстрация процесса рассуждения, а сам процесс!

Поэтому данная статья – принятое приглашение к разговору, попытка порассуждать в русле предложенной автором концепции историософии. К тому же размышления Л.В. Поляковой оказываются необыкновенно своевременными именно сегодня, в 2022 году, когда наша культура находится в ситуации очередного переосмысления. Но об этом чуть ниже.

В оценке труда, посвящённого историософским исканиям Замятина, пожалуй, стоит отталкиваться от понимания сущности историософии самого автора монографии. Историософия, или философия истории, связана с понятием смысла. Смысла истории, смысла существования человека и человечества. Поэтому взаимосвязи, закономерности, духовно-нравственная сущность происходящего, пути реализации человеческих стремлений веками воплощаются в мыслях философов и в художественных образах творчески одарённых людей.

Соответственно, историософский подход интересен как раз расширением контекста. Художественное произведение рассматривается не в замкнутой системе эстетических

критериев, которые, кстати говоря, во многом условны, а в живой связи с историческими процессами. Это и повод обнаружить взаимовлияние литературы и истории, и возможность проверить жизнеспособность произведения и самого автора.

Личность Замятина рассматривается Л.В. Поляковой в горизонтальной проекции (во взаимодействии с современниками, по отношению к историческим событиям своей эпохи, к насыщенному литературному процессу), в вертикальной проекции (которую иллюстрирует творческая и духовная эволюция писателя), а также во временной протяжённости (а это уже проекция замятинских идей и поисков на литературу и культуру последующих годов). Такой «трёхмерный» подход можно считать определяющим и по отношению к творческой личности самого автора монографии.

Потому что здесь не один уровень полемики. Автор приглашает к обсуждению современных учёных, исследователей – и в то же время населяет проблемное поле замятинских дискуссий современниками писателя и его предшественниками. Замятин и Блок, Замятин и Бердяев, Замятин и Достоевский, Замятин и Розанов, Замятин и Салтыков-Щедрин, Замятин и Гоголь, Замятин и Шпенглер, Ясперс, Франс, Уэллс и т. д. В результате мы получаем многоуровневый полилог, который тоже становится иллюстрацией историософского подхода к изучению литературы.

Впрочем, диалог с современниками у Замятина часто преодолевает «горизонтальность» и приобретает характер надмирный, эпохальный. Таков диалог с Блоком, освещённый автором во всех его нюансах, на протяжении светлых и мучительных периодов, со всеми точками расхождения и соприкосновения.

В трёхмерной системе координат, заданной автором монографии, фигура Замятина выглядит поистине объёмной и монументальной. «И сегодня писатель воспринимается как во многом фигура знаковая, объединяющая, даже, казалось бы, непримиримых реалистов и модернистов, славянофилов и западников. В разные годы он отмечен во всех потоках отечественной литературы: творил в руслах сложнейших поисков лите-

ратуры «серебряного века» и литературы «советской», принадлежал к культуре «русского зарубежья». В его творчестве продиагностированы катастрофические перипетии бытия человечества и русской жизни, сфокусированы многие особенности искусства не только первой трети, но и в перспективе – всего «страшного» XX столетия, по Блоку, всех «разрушенных рубежей», «неслыханных перемен», «невиданных мятежей», – «века возмездия» [1, с. 9], – отмечает Л.В. Полякова в первой части монографии, посвящённой проблемно-теоретическому аспекту исследования.

Здесь обобщение всего накопленного за долгие годы материала по изучению творческого наследия Замятина, и это не мёртвый, покрытый благородной пылью багаж, а нейронная сеть, пульсирующая живой мыслью, взрывающаяся новыми идеями и способная к саморазвитию.

Вернёмся к историософии. Познание – взаимосвязь – прогнозирование. Вот, кажется, три точки опоры, на которых базируется авторское понимание историософии, которая есть «онтологическая модель познания, восприятие, осмысление, толкование исторических явлений с определённых мировоззренческих, миромоделирующих позиций. Целеполагающий характер историософской парадигмы предполагает обращение ко многим сторонам жизни человека и их результатам, ориентирует на познание и прогнозирование перспектив развития» [1, с. 157]. В свою очередь это понимание тесно связано с предшествующим опытом историков, философов, культурологов, искусствоведов.

Проблема русской историософии к тому же связана с судьбой России. Не отдельной личности, а страны в целом. Россия у многих связана не с понятием государства, а с культурным наследием. Или с народом. Или с историческим прошлым. Или с мессианским будущим. То есть, с одной стороны, мы видим неразрывную связь личности и народа. С другой – народа (вместе с личностью) и исторической судьбы (вместе с прошлым, настоящим и будущим). Такое усиление взаимосвязи делает совершенно невозможным замкнуто-персонифицированный подход к творчеству художника.

Но ведь и Замятин, по глубокому убеждению автора монографии, несмотря на свой «английский» облик и европейскую образованность, связан именно с русской культурой, русской почвой, самой глубинной и потаённой. Да, можно воспринимать условно обозначенный «верхний слой» его произведений. Но, читая Замятина таким образом, мы многое потеряем. Точнее, многого, очень многого не приобретём. Вот почему художественная система писателя рассматривается Поляковой в тесном взаимодействии с концептосферой. Понимание эволюции, энтропии, революции, рождения, смерти, да и менее масштабных понятий у Замятина неизбежно переплетены с ощущением русской души, архетипическим сознанием национального характера. Движение как бесконечная скачка по степи, рождение как безусловное стремление к продолжению жизни, любовь как самоотречение – эти и другие понятия раскрываются в его текстах именно так, как это свойственно русскому человеку, поэтому «скифов».

В соответствии с этой концепцией в монографии рассмотрены почти все знаковые замятинские произведения: повести «Уездное» и «На куличках», «Рассказ о самом главном», петербургский цикл «Пещера», «Мамай», «Дракон», повесть «Наводнение» и рассказ «Чрево», «английские» повести «Островитяне» и «Ловец человеков» и, разумеется, роман «Мы».

Многоуровневость, культурную универсальность индивидуального стиля Замятина важно осознавать именно сегодня, когда снова, в очередной раз, обостряется вопрос национального самосознания и общественное мнение колеблется между противоположными полюсами. На одном из них преклонение перед чужой культурой доходит до фактического отречения от своей, на другом – ложное понимание патриотизма перерастает в отрицание любой культуры, кроме своей.

Историософский подход к изучению творчества Замятина закономерен именно по той причине, что ни одно произведение писателя нельзя рассматривать вне его связи – с историей, с проблемами человечества и отдельной личности, духовным наследием и судьбами цивилизации.

Произведения Замятина прежде всего – о человеке, и в этом смысле писатель цементирует связь временную, традиционную, потому что русская литература антропоцентрична. Об этом писал ещё Достоевский: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь разгадывать её всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [2, с. 63]. Об этом рассуждал Бердяев, настаивая на том, что «наступает пора писать оправдание человека – антроподицею. Быть может, антроподицея есть единственный путь к теодицее, единственный не изжитый и не исчерпанный путь» [3, с. 5].

По Замятину, если история будет развиваться в направлении всё большей потери индивидуальности, человечество зайдёт в тупик. То же самое относится к социуму: если ему угоднее «нумера», а не личности, то его удел – энтропия. Потому что только в бесконечном столкновении противоположностей, в борьбе, отрицании, революции духа – и заключается жизнь. Именно поэтому, утверждает Л.В. Полякова, «литературные герои Замятина формируют себя через утверждение своей индивидуальности, пусть чаще всего и не осознанное, но непременно влияющее на всю окружающую реальность, в том числе не только на отвлечённо событийную, но и на конкретно историческую» [1, с. 53].

Крупная личность всегда рассматривается во взаимосвязи с эпохой, не только с настоящим временем, но и с предшествующим. Она аккумулирует достижения предыдущего периода, в какой-то мере оформляет его итог. По-настоящему значимая фигура – обычно та, которую мы потом называем классиком, – ещё и обладает чутьём по отношению к будущему, улавливая и отражая тенденции, которые разовьются годами позже.

Но отдельная личность, каким бы творческим потенциалом она ни обладала, не способна выстроить эти дороги в одиночку. Её сила – в открытости и восприимчивости, в способности осмысливать пережитый опыт и трансформировать его в художественных образах.

Такое понимание перекликается с воззрением А. Веселовского: «Великий человек остаётся в центре всего, видимою для глаза

связью, хотя бы на это место поставило его не содержание его деятельности, собравшей в себе все лучи современного развития, а часто риторический расчёт современного исследователя на то внешнее впечатление единства, какое производит на нас известное имя... к великому человеку сходятся, в нём резюмируются все пути развития, от него расходятся все влияния, подобно тому, как в саду, распланированном во вкусе XVIII столетия, все аллеи сведены веером или радиусами к дворцу или какому-нибудь псевдоклассическому памятнику, причём всегда оказывается, что памятник всё же не отовсюду виден, либо неудачно освещён, или не таков, чтобы стоять ему на центральной площадке хорошо распланированного сада, в перспективами во все стороны» [4, с. 34-35].

К этой мысли Л.В. Полякова возвращается не один раз, подчёркивая целесообразность историко-генетического подхода, в особенности при обращении к художнику, чьё творчество вырастает на почве национальной, народной.

Это очень симптоматично – но историко-генетически принцип в какой-то мере перекликается с идеей самого Замятина о непрерывной цепи революций: прошлое умирает, напитав жизненными соками своего преемника, тот, в свою очередь, даёт жизнь новому и уступает ему место – и всё повторяется. Таково же развитие культуры.

Замятин, правда, считал уход окончательным, а он, скорее, происходит по принципу «нет, весь я не умру»: творчество по-настоящему крупного художника становится не просто питательной почвой, но уходит в сферу ресурса, невыработанного материала, не прожитой до конца традицией, которой ещё предстоит возродиться, но уже в новом историко-литературном контексте.

Смысл изучения литературы определённого периода – не в фиксации явления и документальном свидетельстве, а в осмыслении того, что предшествовало данному периоду и явлению, в проработке механизмов, которые привели к искомому. Исследовать не явление, а его истоки – в том числе в этом состоит сущность историсофского подхода, намеренного учёным. Таким образом оказываются связанными не только потоки одного ряда, но и волны соседствующих сфер перемеще-

ваются и обмениваются энергией. История и литература, например. Литература и живопись. Литература и социальные процессы.

Раздел монографии, посвящённый взаимоотношенности исторического и культурного процессов, так и называется: «Историческая философия в лабиринте литературоведения. Полемика». И в нём литературоведение и философия истории вынесены в контекст поиска свободы и осмысления судьбы России. Вопросы самые что ни на есть полемические. И, пожалуй, неразрешимые. Каков исторический путь России? Её грядущий путь? Что вообще есть Россия: государство, власть, культура, народ? В преддверии социальных катаклизмов XX века творчество Замятина становится одним из путей постижения этих вопросов.

Ещё более болезненна проблема свободы. Когда речь идёт об ограничении свободы, в нашем представлении оживают образы исторических тиранов, воплощающих тип Благодетеля. Замятин один из первых говорит о том, что ущербность общества в отношении свободы – явление обоюдоострое. Тиранин ограничивает свободу – а народ, в большинстве своём, готов от неё отказаться. Профессор Полякова опирается на наблюдение Г. Федотова: «Мы привыкли ждать угроз для свободы от королей, стремящихся к самодержавию, от генералов, идущих на захват власти... Опасность пришла не с той стороны, откуда её ждали. Свободу разрушает восставший в разных революциях, под разными знамёнами народ, отдающий свою волю, свою совесть и душу в руки врагов свободы» [5, с. 300].

Но данная цитата – это иллюстрация мощной и детально проработанной концепции Замятина относительно «благодетельного ига». Концепции неутешительной для нашего самолюбия, конечно.

Человека нельзя рассматривать в отрыве от свободы. Свобода существование и свобода выбора составляют ядро зрелой личности. И оно непостижимо и иррационально. Оно не может измеряться никакой системой, иначе от свободы здесь ничего не останется. Мысль, которую Замятин противопоставляет рационализму грядущей эпохи (а заодно всем существующим на тот момент рациональным теориям) – мысль о том, что чело-

век постигает мир во многом интуитивно, опытным путём, посредством озарения, через бытие и природное начало.

Исследователь связывает открытия Замятина в том числе с философией Ясперса. То, что мыслитель излагает в своих трудах, у Замятина выражено в художественных образах.

У Ясперса есть понятие «осевого времени». Это экзистенциальное понятие, раскрывающее суть критической, пограничной ситуации, только не для отдельного человека, а для человечества в целом. Именно в период «осевого времени» рождаются новые учения, новые религии. А ещё понятие «осевого времени» соотносится с замятинской теорией скифства. Очень возможно, что мы сейчас переживаем период радикальных перемен.

Размышления о связи личности и эпохи именно сейчас – это ещё и осмысление связей – истинных и мнимых. И в этом свете нельзя не упомянуть цифровое информационное поле, которое тоже демонстрирует определённого рода связи. Но насколько они прочны? Способны ли они стать удобренной почвой? Или это иллюзорные нити виртуальной паутины? А личность? Подлинная она в этом поле или мнимая, «фейковая»?

Примечательно то, что мы, читатели XXI века, имеем возможность проверить, чем обернулись глобальные проекты Благодетелей прошлого столетия. Они же имели практическое воплощение. И, к слову, понимание личности, проблемы унификации общества (не менее болезненный вопрос, сопряжённый с проблемой свободы) получило практическое подтверждение. Его можно выразить словами Б.Н. Стругацкого, косвенным образом впитавшего замятинские идеи: человек не потерял индивидуальность, он стал лживым человеком, дурным человеком.

Проблема коммуникации личности и государства выступает у Замятина отнюдь не в рамках истории. Эта проблема скорее над-исторична, даже, если угодно, религиозна. И суть её в том, что личность может комфортно существовать в системе государства только при условии, что её воля не вступает в противоречие с механизмом общественным. Государство – необходимый, но вынужденный компромисс между личностью и государством, компромисс между людьми. Предосте-

регая от излишней политизированности восприятия замятинского творчества, прежде всего, конечно, романа «Мы», Л.В. Полякова опирается на мысли самого писателя, который утверждал: «Этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – всё равно какого» [6, с. 540], а также на биографию Замятина, подчёркивая, что художник подвергался порицанию не только в советские годы, но и в дореволюционный период. За публикацию, например, повести «На куличках», в которой увидели клевету на царскую армию. А значит, Замятин выступает у Поляковой фигурой не оппозиционной, а революционной, вечно бунтующей, сомневающейся, неудовлетворённой. Скифствующей.

Духовная «вертикаль», таким образом, выхватывает писателя из упорядоченного исторического потока, но не выносит за скобки, а, напротив, интегрирует ключевые, смыслообразующие идеи его творчества в процесс последующих временных отрезков. Вот почему в авторской концепции историософии так важна оппозиция временного и вечного.

Временное – отражено в сиюминутной оценке, которая всегда поверхностна. Это та «рябь», которая в образной системе автора монографии соотносится с литературным процессом. Ну, и не только с литературным. Однако эта самая «рябь» вполне способна сформировать обывателя, повлиять на общественное мнение, оказать воздействие на формирование поколения. И совсем не случайно Л.В. Полякова вспоминает цветаевский образ «Читателя газет»:

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат,
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Сегодня, когда очевидно, что информационная война – не менее яростное поле битвы, чем реальная схватка, можно убедиться, что действительно –

Гуттенбергов пресс
Страшней, чем Шварцев прах.

«Гуттенбергов» – или «Цуккербергов», если говорить о нашем времени – пресс по-прежнему силён в формировании «мы». Однако в категории ценностей есть ещё и «вечное». «На литературный процесс можно влиять, ускорять его, замедлять, менять направление. Останавливать. Здесь особенно преуспели политики. История же литературы как история художественных открытий, их взаимосвязи и взаимообусловленности во времени не подвержена никаким влияниям, кроме одного – феномена творца» [1, с. 192]. Это очень актуальная реплика именно для сегодняшнего дня. И не только по причине неистовых информационных войн.

В литературных и околотитульных кругах стало возможным говорить о так называемой «отмене русской культуры» (другое слово – кэнселинг, звучащее саркастично и акцентирующее внимание на чужеродности подобного процесса). Суть её (если совсем без тонкостей) сводится к тому, что литературное наследие прошлого оказывается бессильным при решении острых и трагических проблем современности, следовательно, оно требует переоценки и разрешения сомнения в его безусловной ценности¹.

Эта дискуссия, несмотря на острейшую злободневность, безусловно, тянется корнями в бесконечные споры западников и славянофилов, пространные рассуждения евразийцев и богатую художественную традицию. Здесь нарабатан колоссальный опыт. И нынешняя полемика вокруг «русской идеи» и «имперских притязаний», думается, представляет собой очередную попытку манипуляции именами писателей, составляющих гордость нашей культуры. С другой стороны, сопротивление «кэнселингу» пере-

¹ См. об этом: Жучкова А. О том, как кэнселировать русскую литературу // Вопросы литературы. 2022. 19 июня. URL: <https://voplit.ru/column-post/o-tom-kak-kenselit-russkuyu-literaturu-by-galina-yuzefovich/>; Татаринов А. О борьбе с русским Вергилием // Вопросы литературы. 2022. 25 июля. URL: <https://voplit.ru/2022/07/25/o-borbe-s-russkim-vergiliem/?ysclid=I6knaoq3r2256634226>; Хлебников М. О кукольных персонажах на пальце Стивена Кинга // Вопросы литературы. 2022. 07 авг. URL: <https://voplit.ru/-2022/08/07/o-kukolnyh-personazhah-napaltse-stivena-kin-ga/> (дата обращения: 11.08.2022).

растает в отрицание эволюционного выхода из парадигмы предыдущей литературоведческой традиции, который, по сути, закономерен. Так нельзя. Но попытки изменить русло естественного развития литературы всегда были и будут. Это то, от чего предостерегает автор монографии: «Насильственное вторжение в историю литературы и надругательство над её не просто составляющими, а аккумулятивными органами жизнедеятельности ведёт к национальной катастрофе, к деградации искусства, по природе своей способного не только выразить состояние нации, народа, общества, личности, но и повлиять на него» [1, с. 193].

И речь уже не только о Замятине, но и о судьбе русской литературы в целом. История литературы – процесс подвижный, хотя и зафиксированный – документально, фактически, текстуально и т. д. Это порождает новые проблемы. В частности, проблему разграничения литературного процесса и истории литературы. Нагляднее всего различие этих двух понятий представлено у Поляковой весьма образно: «История литературы со сменой её эпох – это глубинное подчас спрятанное от простого взгляда течение, где формируется фундамент национального искусства, где выкристаллизовывается проповедческая и пророческая его миссия, определяются нравственные заповеди, передающиеся от поколения к поколению как традиции или корректирующиеся поколениями. Ценности этого литературного пласта непреходящи. В нём нет зеркального, напрямую, отображения современности. Литературный же процесс – это поверхностный слой, который реагирует на малейшее дуновение ветра. Его движение, как правило, стремительно, а на поверхность выносятся пена, оставляющая свою мету лишь на короткий период времени» [1, с. 191].

Хотя, признаем, знаменитый замятинский образ «матроса на мачте» – тоже прекрасная иллюстрация, демонстрирующая дифференциацию писателя – и Писателя, литературного процесса и истории литературы.

Замятинская горизонталь, вписывающая его в контекст сначала национальной, а затем и европейской культуры, дотягивается до наших дней, побуждая в очередной раз осмыслить другую дифференциацию того же

уровня, а именно понятия культуры и цивилизации. Начиная с творческого диалога между Замятиным и Шпенглером, Ницше, Ясперсом, русскими философами Бердяевым, Леонтьевым, Данилевским – постижение культуры и цивилизации сопоставимо с замятинской теорией энтропии. В самом деле, окостенение, мумификация, превращение подвижной мысли в догму, дыхания жизни – в букву закона – это и есть признаки старения, овеществления культурного поиска, превращение его в «достижение цивилизации». То, что Замятин обозначал ёмким понятием «энтропия».

В монографии Л.В. Поляковой присутствует образное сравнение культуры – с живым организмом, произрастающим из благодатной почвы, а цивилизации – с механизмом, который трансформировался из этого организма. Почему эти размышления своевременны именно сегодня? Да потому что мы наблюдаем эту трансформацию, по крайней мере, во многих сферах жизни. Эпоха глобальных открытий вырождается в эпоху развития технологий. Вдохновение заменяется алгоритмом. Вместо катарсиса – культура потребления. Даже в области литературы – «писательское мастерство» и «техника создания бестселлера». Разумеется, вдохновение и творчество ничем не заменишь, но книг, созданных при помощи рабочих схем и алгоритмов, становится всё больше.

Но это не всё. Размыты границы между «организмом» и «механизмом». Работ превращается в андроида, которого с первого раза не отличить от человека. Мы не всегда видим разницу между перформансом и подлинным творческим актом. Да, это наше время. Кто-то усматривает в нём «последние времена» и антихристову подмену понятий. А кому-то видится грядущий новый виток – тоже, кстати, схема, предложенная Замятиным.

Итак, определение роли Замятина в оценке Л.В. Поляковой сводится к тому, что художник является центральной фигурой полемики – и эпохальной, и исследовательской. По сути, такая оценка становится прямым доказательством принадлежности Замятина к разряду классиков. Хотя сейчас, кажется, это уже не нужно доказывать. Тем не менее: классик, с одной стороны, со временем не только не устаревает, но раскрывается

полнее и глубже в новом контексте; с другой – непременно является детищем своей эпохи.

Историософский подход на данном этапе развития литературоведения и, что важнее, по отношению к современному литературному процессу, позволяет напомнить о том, что художественное произведение – разумеется, выстроенное, выношенное, содержательное и зрелое – это не просто «текст», не совокупность «знаков», не «продукт», а сложнейшее образование, целостное, но не замкнутое, позволяющее судить о личности творца, признаках эпохи и многочисленных культурных связях. «Историософская проблематика в литературоведческом труде предполагает обращение не только к широкому собственно историософскому, но и общепhilosophическому, историческому, социальному, историко-литературному, литературно-теоретическому, культурологическому контекстам в их общесмысловой сложности и многоуровневом взаимодействии, во взаимообусловленности авторской аксиологии и авторского онтологизма и антропоцентризма» [1, с. 60], – так пишет об этом сама Л.В. Полякова.

Вообще история литературы в освещении автора монографии выглядит как территория полемики, где не может быть единой истины и раз навсегда установившегося суждения. Это так по-замятински! Вспомним, как страстно протестовал писатель против

окаменелости мысли, против догматизации. Поэтому в разговоре о творчестве Замятина Л.В. Полякова настойчиво предостерегает от излишне политизированной оценки его наследия. И вообще от оценки! Потому что Замятин больше спрашивает, чем утверждает, скорее задаёт вектор, прокладывает путь, указывает направление, нежели огораживает территорию, намертво вбивая колья незыблемых сентенций.

«Отзвуки бурных серьёзных обсуждений тех лет слышны в научной среде российских гуманитариев и сегодня, особенно когда речь заходит об истории национальной и мировой культуры, её периодизации, исторических концепциях, конкретных характеристиках и творческих персоналиях. Очень часто, к сожалению, не учитывается именно дискуссионный характер проблематики, и гипотеза столетней давности в наши дни иногда превращается в догму [в обоих случаях выделено нами. – Е. Б.]» [1, с. 132], – замечает исследователь. А ведь это очень серьёзное наблюдение! Прошлое для нас стабильно, потому что оно свершилось. Оттого любое явление прошлого кажется нам незыблемым, неподвижным – как насекомое, застывшее в янтаре. А ведь оно столь же подвижно и противоречиво, сколь и современный литературный процесс. Просто, находясь в потоке, нельзя увидеть, куда нас вынесет течение реки.

Список источников

1. Полякова Л.В. Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. 748 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: в 30 т. Л.: Изд-во «Наука», 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма. 308 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2004. 678 с.
4. Веселовский А.Н. О методах и задачах истории литературы как науки (Вступительная лекция в курс истории всеобщей литературы, читанная в С.-Петербургском университете 5 октября 1870 г.) // Веселовский А.Н. Историческая поэтика / вступ. ст. И.К. Горский; сост., коммент. В.В. Мочалова. М.: Высшая школа, 1989. 383 с.
5. Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918–1930 гг. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988. 330 с.
6. Замятин Е.И. Сочинения / сост. Т.В. Громова, М.О. Чудакова; авт. послесл. М. Чудакова. М.: Книга, 1988. 574 с.

References

1. Polyakova L.V. *Proza E.I. Zamyatina: istoriosofskiye iskaniya khudozhnika* [Y.I. Zamyatin's Prose: Historiosophical Searches of the Artist]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2022, 748 p. (In Russian).
2. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, "Nauka" Publ., 1985, vol. 28, bk 1. Letters, 308 p. (In Russian).

3. Berdyayev N.A. *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of Creativity. The Experience of Human Justification]. Moscow, AST Publ., 2004, 678 p. (In Russian).
4. Veselovskiy A.N. O metodakh i zadachakh istorii literatury kak nauki (Vstupitel'naya leksiya v kurs istorii vseobshchey literatury, chitannaya v S.-Peterburgskom universitete 5 oktyabrya 1870 g.) [On the methods and tasks of the history of literature as a science (introductory lecture to the course on the history of general literature delivered at Saint Petersburg University on October 5, 1870)]. In: Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 383 p. (In Russian).
5. Fedotov G.P. *Litso Rossii. Stat'i 1918–1930 gg.* [The Face of Russia. Articles 1918–1930]. Paris, YMCA-Press, 1988, 330 p. (In Russian).
6. Zamyatin E.I. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Kniga Publ., 1988, 574 p. (In Russian).

Информация об авторе

Борода Елена Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки отделения допрофессионального образования педагогического института, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-7790-699X](https://orcid.org/0000-0002-7790-699X), lenavladim@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.08.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the author

Elena V. Boroda, Doctor of Philology, Associate Professor of Profile Pre-University Training Department of Pre-Professional Education Division of Pedagogical Institute, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-7790-699X](https://orcid.org/0000-0002-7790-699X), lenavladim@rambler.ru

The article was submitted 12.08.2022
Accepted for publication 16.09.2022

